ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
13	8 сверху	ворчалъ „Василій	ворчалъ Василій)
94	3 снизу	Кохавскаго	Каховскаго
111	11 и 12 сверху	Родерихъ	Платонъ
138	21 „	высказываетъ признаніе	выказываетъ признаніе
140	въ примѣчан.	называлась въ два дюйма	называлась рана въ два дюйма
144	4 снизу	пиршуекъ	пирушекъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

ЮРІЯ АРНОЛЬДА.

„Wenn Einer eine Reise thut,
So kann er was erzählen“.

Matthias Claudius
(„Wandsbecker Bote“).

(„Кто путешествіе свершилъ,
тому есть что̀ повѣдать“).

ВЫПУСКЪ II.

МОСКВА.
Продается въ книжномъ магазинѣ **Ѳед. Адр. Богданова.**
Петровскія линіи, № 5.
1892.

Высочайше утвержденное Т-во Скоропечатни **А. А. Левенсонъ.** Москва.

Est. A
Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
9194

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОЕМУ ДРУГУ

И

БЫВШЕМУ УЧЕНИКУ

Петру Ивановичу

СЕРЕБРЯКОВУ.

Содержаніе втораго выпуска.

XXI.

Стр.

1831.—Польское возстаніе.—Обнародованіе Лифляндскаго генералъ-губернатора насчетъ желающихъ встать въ ряды защитниковъ правъ законнаго царя.—Изъ Дерптскихъ студентовъ отправляются болѣе двухсотъ волонтеровъ, въ томъ числѣ и я.—Вильна.—Гродно.—Впервые вижу я тамошнихъ евреевъ.—Бѣлостокъ.—Сборная команда.—Капитанъ Константиновъ.—Болѣзнь Великаго Князя-Цесаревича 1

XXII.

Первый мой солдатскій походъ.—Органъ въ костелѣ и Pater organista.—Музыка послѣ переходовъ.—Причины нашихъ плутаній въ переходахъ.—Послѣдняя остановка сборной команды.—Новый командиръ.—Первая невзгода.—Сѣдльце.—Гоненіе судьбы.—Deus ex machina въ образѣ жандармскаго юнкера.—Безъ вещей и безъ пріюта.—О томъ, какимъ образомъ, опредѣлившись въ 1-й морской Невскій полкъ, я попалъ въ Стародубскій кирасирскій 14

XXIII.

Наша кирасирская дивизія.—Духъ нашего полка.—Маіоръ Дицъ.—Ротмистры: Авг. Ром. Фонъ-Дрейлингъ; Вяч. и Авкс. Петр. Манассеины.—Адъютантъ Рагозинъ и казначей Болотовъ.—Корнетъ Саша Готовцевъ.—Кругъ остзейскихъ уроженцевъ.—Полковникъ Густ. Өед. Пиларъ-фонъ-Пильхау.—Счастливое мое положеніе среди офицеровъ.—Мои благопріятели изъ нижнихъ чиновъ.—Служба.—Первое сраженіе.—Настоящія причины являющагося въ молодыхъ воинахъ духа безстрашія.—Офицерская военно-походная жизнь.—Наше съ Готовцевымъ, препровожденіе времени.—Фуражировки съ концертами.—Военно-походное богослуженіе.—О. Александръ, типъ истаго полковаго священника.—Докторъ Вас. Ив. Серебрянскій.—По усамъ текло, въ ротъ не попало.—Ночныя поѣздки въ корпусный штабъ за приказаніемъ.—Частный эпизодъ: „бассовая барышня“ 20

XXIV.

Стр.

Аттака подъ Нурами.—Остроленко.—Мы проходимъ мимо гвардейскаго корпуса.—Смерть фельдмаршала графа Дибича.—Графъ Толль.—Стоянка близь Пултука.—Библіотека въ разграбленномъ замкѣ графа Острожскаго. — Фельдмаршалъ графъ Паскевичъ. — Переправа чрезъ Вислу 52

XXV.

Прибытіе въ окрестности Варшавы.—Отпразднованіе нашей арміею вѣсти о рожденіи Великаго Князя Николая Николаевича.—Штурмованіе укрѣпленій предмѣстья Воли и самого города Варшавы.—Какъ гренадеры запѣли: „Ахъ, на что было городъ городить“.—Страшная минута.—Глупый случай.—Изгнаніе послѣдняго отряда мятежниковъ въ Пруссію.—Конецъ войны.—Кантониръ-квартиры близъ Силезской границы.—Наше полковое общество даетъ балъ окрестнымъ помѣщикамъ.—Возвращеніе въ Россію. 69

XXVI.

Военныя поселенія.—Служба и служебныя отношенія въ мирное время.—Скучная монотонность. Душа рвется на просторъ въ міръ жизни, мысли и поэзіи.—Новый полковой командиръ, полковникъ Рейснеръ и супруга его.—Должность частнаго адъютанта.—Педагогія штабсъ-ротмистра Мишина.—Поселенный ротмистръ Фонъ-Штернъ.—Я попадаю въ лазаретъ.—Итогъ результатовъ моей двухлѣтней военной службы.—Я подаю въ отставку.—Херсонъ: пробужденіе къ литературной и музыкальной дѣятельности.—Возвращеніе на родину.—Александрія: послѣднее свиданіе съ Стародубскими офицерами.—Харьковъ: маститый фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ.—Петербургъ: пріемъ блуднаго сына 82

XXVII.

Оперы: „Фенелла“ на нѣмецкой и „Робертъ“ на русской сценѣ.—Заслуги капельмейстера К. А. Кавоса.—Уроки музыкальной теоріи у Леопольда Фукса.—Минеральныя воды въ Новой деревнѣ.—Оригиналъ Сав. Сав. Яковлевъ.—Знакомство и дружба съ П. П. Ершовымъ и О. К. Гунке.—О. И. Сенковскій. Библіотека для чтенія.—Первый мой романсъ въ печати.—И. И. Фуксъ представляетъ меня графу Мих. Юр. Віельгорскому.—Энциклопедическій словарь А. Плюшара и князь Вл. Ѳ. Одоевскій.—Какъ мнѣ посчастливилось хоть разокъ да увидѣть Пушкина 104

XXVIII.

Стр.

1836. Новый стиль фортепіанной игры: Леоп. Фонъ-Майеръ.—Пріѣздъ старыхъ товарищей. — Артиллеріи поручикъ Вл. Гр. Бенедиктовъ.—Молодой художникъ П. П. Сѣмячкинъ.—Братья Ал. П. и Н. П. Мундтъ.—Директоръ оркестровъ Императорскихъ театровъ К. А. Кавосъ.—Артисты русской оперы 119

XXIX.

Семейство Кавосовъ.—Рѣдкое благородство капельмейстера-композитора.—Кавосъ знакомитъ меня съ Глинкою.—Репетиціи оперы „Жизнь за царя“.—Первое представленіе. Общее впечатлѣніе, журнальныя критики, и частный отзывъ „аматера“ изъ нѣмцевъ.—Опоздалый антагонистъ.—Визиты у Глинки.—Куріозный случай.—1837. Вѣсть о смерти Пушкина.—Имя Лермонтова является.—Пріѣздъ Ад. Гензельта.—Картина К. Брюллова „Послѣдній день Помпеи“ и впечатлѣніе, произведенное ею на меня 128

XXX.

1837—39. Я отправляюсь въ Тамбовскую губернію.—Представляюсь преосвященнѣйшему Арсенію (впослѣдствіи бывшему Кіевскимъ митрополитомъ).—Переписка съ нимъ.—Въ деревнѣ я вновь интересуюсь народными пѣснями.—Старый садовникъ пѣвецъ.—Настоящіе деревенскіе хороводы и настоящая великорусская пляска.—Музыкальное семейство сосѣда-помѣщика С. А. Баратынскаго. — Конкурсъ С.-Петербургскаго Филармоническаго общества 141

XXXI.

1837—39. Русскія степи и русскія церкви.—Основы русскаго народнаго характера.—Физіономія степныхъ нашихъ помѣщиковъ 30-хъ годовъ.—Широкое, веселое помѣщичье житье-бытье.—Религіозность тогдашняго времени.—Поѣздка всѣмъ семействомъ на богомолье.—Какъ въ старину снаряжались въ дорогу на долгихъ.—Составъ каравана и путь по переселочнымъ дорогамъ.—Воронежскій соборъ и соборная площадь.—Задонскій монастырь.—Бесѣда съ о. архимандритомъ и услужливость усердныхъ монаховъ 155

XXXII.

Возвращеніе въ Петербургъ.—Визитъ М. И. Глинкѣ.—Рѣшеніе по конкурсу.—Гг. нѣмцы присвоиваютъ себѣ право судить о значеніи слова „природный русскій“.—Русскіе литераторы заступаются за меня.—Государь Императоръ рѣшаетъ этотъ вопросъ.—Я отказываюсь отъ мате-

Стр.

ріальной награды и гг. нѣмцы довольны.—Ѳ. А. Кони и основаніе журнала „Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ“.—Издатель В. Поляковъ.—1840. Появленіе 1-й книжки Пантеона и торжественный обѣдъ у Кони. — Вис. Гр. Бѣлинскій и Вас. Андр. Каратыгинъ. — Г. Песоцкій 166

XXXIII.

Бываю часто у Ѳ. А. Кони.—Кого встрѣчалъ я у него и съ кѣмъ дружился.—„Дѣвица-кавалеристъ“ 1812 года.—Поэтъ-композиторъ Дм. А. Струйскій и драматургъ баронъ Е. Розенъ.—Знакомство съ А. С. Даргомыжскимъ.—Молодые писатели: Н. А. Некрасовъ, Дм. В. Григоровичъ и Н. П. Сушковъ.—Эпизодъ съ Некрасовымъ 179

XXXIV.

1840. Смерть вторично ретируется.—Закулисныя интриги иноземныхъ музыкантовъ по дѣлу конкурса.—Князь Вл. Ѳ. Одоевскій и литературные вечера у него (1840—1856).—Капитанъ Скалонъ.—Князь П. А. Вяземскій.—П. Ал. Плетневъ.—И. П. Мятлевъ.—А. Ал. Краевскій.—В. А. Жуковскій.—Графъ Вл. Ал. Соллогубъ.—Ѳ. М. Толстой.—Знакомство съ Вис. Гр. Бѣлинскимъ и съ Ал. В. Кольцовымъ.—Бѣлинскій какъ критикъ 196

XXXV.

Вечера у кн. Одоевскаго.—Слухи о Лермонтовѣ.—„Путевыя впечатлѣнія мадамъ де-Курдюковой“.—Импровизаторъ Giustiniani и дѣйствіе его искусства.—Духъ вечеровъ измѣняется.—Княгиня О. Ст. Одоевская.—Эпизодъ съ Даргомыжскимъ. 215

XXXVI.

Михаилъ Ивановичъ Глинка 225

XXI.

1831. — Польское возстаніе. — Обнародованіе Лифляндскаго генералъ-губернатора насчетъ желающихъ встать въ ряды защитниковъ правъ законнаго царя.—Изъ Дерптскихъ студентовъ отправляются болѣе двухсотъ волонтеровъ, въ томъ числѣ и я.—Вильна. — Гродно. — Впервые я вижу тамошнихъ евреевъ. — Бѣлостокъ. — Сборная команда. — Капитанъ Константиновъ. — Болѣзнь Великаго Князя-Цесаревича.

По окончаніи вакацій я, какъ всегда и на сей разъ, возвратился въ свой Дерптъ. Въ самый полдень 8-го Января 1831 года въѣхалъ я на перекладной тройкѣ черезъ Петербургскую заставу и докатилъ уже до того мѣста, гдѣ отъ главнаго почтоваго тракта отдѣляется улица, ведущая къ деревянному мосту, какъ вдругъ слышу знакомый голосъ, который кричитъ моему чухонцу-ямщику, чтобы онъ остановился. Гляжу: подбѣгаетъ одинъ изъ моихъ товарищей-сосѣдовъ по нѣкоторымъ лекціямъ, Фрицъ Залеманъ, изъ корпораціи „Общихъ буршей“ (Allgemeine Burschenschaft), а за нимъ переваливается, равно мнѣ знакомый сожитель его и землякъ, толстый медикъ Никкельсонъ. Далѣе же, по ту сторону главной улицы, продолжаютъ свой путь 3—4 другихъ еще, незнакомыхъ мнѣ, бурменшафтера.

„Ну право, Арнольдъ,—сказалъ Залеманъ,—ты не повѣришь, какъ я радъ, что такъ случайно тебя встрѣтилъ. А то и впрямь проститься даже съ тобою не пришлось бы!“

— Какъ же это: проститься? — изумился я.—Вѣдь я только что пріѣзжаю; да и ты, чай, не такъ-то давно вернулся изъ твоего Вендена?

„Я дѣйствительно вчера только сюда прикатилъ; но сегодня вечеромъ опять возвращаюсь къ дядѣ, проститься съ нимъ и съ семействомъ его, да ужъ на долго. А завтра вечеромъ катну изъ Вендена прямо въ Ригу къ нашему куратору“.

— „Вотъ, видишь ли,—перебилъ его толстый медикъ,—собирается-то онъ въ дѣйствующую армію ad bellum contra Polonos

gerendum [1]), для чего поступаетъ какъ miles voluntarius [2]) въ Невскій морской полкъ".

— Залеманъ! Никкельсонъ! не задерживайтесь!—кричали другіе бурменшафтеры, порядочно уже удалившіеся.

„Сейчасъ догонимъ!"—откликнулись окликанные.

„Итакъ,—простимся, amice! (повторилъ Залеманъ), да пожелай мнѣ счастія!"

Мы дружески обнялись на прощаніе, и я искренне пожелалъ ему полнаго успѣха на новомъ поприщѣ. Но все-таки не понявъ самой сути дѣла, я спросилъ: — Да скажи ты мнѣ, ради Бога, какъ же это вдругъ такъ случилось?

— „Ступай-ка, amice, въ университетъ, да прочти feurige (огненную) прокламацію куратора, тогда все тебѣ будетъ ясно wie ein Talglicht [3])! Да чего добраго, и ты, братецъ, самъ пожалуй, полетишь еще вслѣдъ за этимъ парнемъ!"—засмѣялся Никкельсонъ, взявъ Залемана подъ-руку и увлекая его быстро за собою, чтобы догнать товарищей.

„Vale Arnòlde, vale [4])! (весело махая шапкою, кричалъ Залеманъ уже издали); долби на здоровье свой corpus juris съ пандектами [5]), да всѣ восемь томовъ графа Содена [6])! А меня-то, братецъ,—меня ты иначе уже не увидишь какъ

Sei's *mit* dem Schild', sei's *auf* dem Schild'!" [7])

запѣлъ онъ восторженно.

---

[1]) Чтобы воевать противъ Поляковъ.

[2]) Вольноопредѣляющійся воинъ.

[3]) Какъ сальная свѣча. (Обычная студентская метафора).

[4]) Прощай, Арнольдъ, прощай!

[5]) Византійскій императоръ Юстиніанъ (527—565 г.) приказалъ славному законовѣду Трибоніану, дабы онъ, собравъ и сличивъ между собою всѣ древнеримскіе законы и всѣ изданные позже разные императорскіе указы (edicta, повелительныя изрѣченія), составилъ изъ нихъ „цѣльную, всеобъемлющую книгу" или „сводъ" Римскаго права, по лат. *corpus juris Romani*. — Пандекты же (*Pandectae*) или „приведенныя въ порядокъ доказательства" (*Digesta* т.-е. argumenta) заключаютъ въ себѣ собраніе случаевъ особенно трудныхъ юридическихъ рѣшеній тѣхъ эпохъ.

[6]) Графъ Юлій Ф. Соденъ, одинъ изъ ученѣйшихъ писателей по части наукъ о государственномъ благоустройствѣ, жилъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка.

[7]) „Иль *со* щитомъ, иль *на* щитѣ!" Это окончательный стихъ одного моднаго въ то время, многострофнаго нѣмецкаго романса. Бѣдный Залеманъ былъ

Я сѣлъ опять въ сани и сталъ торопить своего возницу-чухонца. Пріѣхавъ въ мое гнѣздо, куда вскорѣ появился и старый мой „леффель“ Андреушъ, я поспѣшно переодѣлся, поспѣшно перекусилъ чѣмъ Богъ послалъ, да и побѣжалъ въ университетъ. Внезапное рѣшеніе Залемана какъ-то магически подѣйствовало на меня, и я горѣлъ нетерпѣніемъ прочесть „огненную прокламацію“, какъ ее назвалъ вѣчный насмѣшникъ, толстый медикъ-матеріалистъ Никкельсонъ.

Посрединѣ просторныхъ университетскихъ сѣней около одной изъ двухъ главныхъ пилястръ, на которыхъ всегда вывѣшивались объявленія академическаго начальства, толпились около сотни студентовъ и одинъ изъ близко къ доскѣ стоявшихъ громкимъ голосомъ патетически читалъ публикацію куратора. Крайне сожалѣю я нынѣ о томъ, что тогда мнѣ въ голову не приходило списать съ нея копію. Эта „Proclamatio“, мастерски написанная простодушными, но глубоко-поэтическимъ духомъ проникнутыми словами, на самомъ дѣлѣ была въ состояніи воспламенить сердца и головы тогдашняго Дерптскаго университетскаго юношества, самого по себѣ уже болѣе или менѣе настроеннаго въ идеяхъ древняго рыцарства. Постараюсь приблизительно передать содержаніе этой публикаціи, насколько я ее помню, но—конечно, кратчайшими по возможности, а потому и весьма сухими словами.

самъ себѣ зловѣщимъ пророкомъ! Въ Маѣ мѣсяцѣ того же года дѣйствительно увидѣлъ я его два раза. Первый разъ это случилось, когда послѣ пораженія мятежниковъ 1-го Мая подъ Ендржіевомъ пѣхотные полки перваго корпуса съ торжественной музыкой проходили мимо позиціи нашей кираспрской бригады. Твердо неся знамя впереди своего батальона Залеманъ держалъ себя гордо, какъ подобаетъ бравому молодцу знаменосцу. Это было *со* щитомъ! Узнавъ меня между офицерами и солдатами, собравшимися вдоль рва у шоссе поглядѣть на нихъ, онъ весело кивнулъ мнѣ головою, а я ему отвѣтилъ маханіемъ шапки. Въ другой же разъ—въ послѣдній—увидѣлъ я его въ день послѣ славнаго, но жестокаго Остроленковскаго боя. Проходя мимо самого перевязочнаго пункта у начала шоссе близъ моста чрезъ рѣку Наревъ, мы увидѣли тамъ лежащихъ на носилкахъ нѣсколькихъ тяжело раненыхъ, которыхъ, видимо, не хотѣли потревожить, дабы дать имъ спокойнѣе умереть. Между ними-то по неволѣ взоръ мой остановился на носившемъ унтеръ-офицерскій мундиръ Невскаго полка. Это былъ Залеманъ,—какъ при прощаніи онъ самъ себѣ пророчилъ,—*на* щитѣ! Позже я узналъ, что при первомъ штурмованіи шоссе, пуля ему паровила прямо въ грудь!! Миръ праху твоему,—добрый мнѣ товарищъ и по университету и по борьбѣ за священныя права нашего Царя!

Сначала былъ изложенъ бѣглый историческій обзоръ: существовавшее въ 1812 г. Варшавское герцогство, надѣявшись при помощи Наполеона I возстановить прежнее великое польское королевство, присоединило свои военныя силы къ легіонамъ названнаго усурпатора, для враждебнаго нападенія на Россію. Вслѣдствіе того, по изгнаніи всѣхъ галльскихъ полчищъ изъ границъ своего государства, и занявъ оное герцогство на основаніи военнаго возмездія, Императоръ Александръ Павловичъ имѣлъ бы полное, между-народно-законное право просто включить завоеванную Польшу въ составъ своей Имперіи. Но вмѣсто того, незабвенный избавитель Европы, желавъ упрочить братскій союзъ двухъ родственныхъ племенъ на основаніи мира и любви, дарилъ—самъ отъ себя,—*завоеванному* краю форму и значеніе отдѣльнаго и самостоятельнаго государства подъ титуломъ *Царства Польскаго*, и поставилъ въ немъ своимъ намѣстникомъ любимаго своего брата и друга. Сверхъ же того великодушнѣйшій монархъ осчастливилъ это новое королевство, преимущественно даже предъ коренною своей Россіею, всѣми политическими льготами и правами конституціоннаго самоуправленія. Государь Императоръ Николай Павловичъ всемилостивѣйше подтвердилъ всѣ эти столь великія и необыкновенныя привилегіи Царства Польскаго, и, подобно же Августѣйшему своему предшественнику, не жалѣлъ никакихъ, иногда довольно значительныхъ, финансовыхъ со стороны кореннаго его государства пожертвованій для поддержки благопроцвѣтанія братскаго намъ и съ нами въ единодержавіи состоящаго государства. Но неблагодарная Польша отплатила измѣною. Задорная въ щепетильномъ своемъ честолюбіи шляхта и развращенное въ своихъ воззрѣніяхъ злонамѣренными наставниками, Варшавское юношество воспроизвели вооруженное возстаніе и изгнали царскаго брата-намѣстника. Таковыя нагломятежныя дѣйствія вынудили Государя Императора, послать часть русскаго воинства, подъ командою фельдмаршала графа Дибича, для усмиренія взбунтовавшагося края.—Зная лойяльныя чувства, какія всегда господствовали среди юношества Дерптской „almae matris“ [1]), Рижскій генералъ-губернаторъ, имѣя также честь быть

---

[1]) Честной матери-воспитательницы. Это обычный латинскій эпитетъ, какимъ искони чествуется университетское учрежденіе.

куратором онаго университета, предполагаетъ, что между гг. студентами легко могутъ обрѣтаться юноши, которые, — одушевленные горячею привязанностію къ Августѣйшему своему Монарху, столь недавно еще оказавшему высокомилостивое, единственное въ своемъ родѣ довѣріе Дерптскому студенчеству,— возъимѣли бы желаніе, также поступать въ ряды бравыхъ защитниковъ неоспоримыхъ правъ законнаго Царя. А потому онъ, Рижскій генералъ-губернаторъ, таковымъ желающимъ предлагаетъ свое посредничество для удобнѣйшаго и скорѣйшаго ихъ опредѣленія и отправленія въ выбираемые ими полки дѣйствующей арміи.

Когда читавшій замолкъ, то со всѣхъ сторонъ раздались восторженные клики: „Vivat Imperator! Vivat Caesar noster Augustus! Hurrah!“ [1]).

И эта, всякаго присутствовавшаго невольно потрясавшая сцена повторялась по нѣскольку разовъ въ день въ теченіе почти цѣлой недѣли; ибо наибольшая часть изъ насъ притекали все снова да снова къ этой прокламаціи, пока не удалось протѣсниться къ доскѣ объявленій и самимъ прочесть этотъ достопамятный документъ. Не удивительно же послѣ того, что изъ числа Дерптскихъ студентовъ, насколько я помню, болѣе 200 юношей полетѣли въ Ригу, дабы воспользоваться предложеніемъ генералъ-губернатора. Толстый Никкельсонъ былъ правъ: и я также не устоялъ противъ волшебнаго дѣйствія кураторской прокламаціи, и тѣмъ болѣе, что съ самого уже неизгладимо достопамятнаго для меня дня, описаніемъ котораго я заключилъ предъидущую главу, почти ежечасно мнѣ представлялся величественный образъ обожаемаго Царя съ тою очаровательно-ласковой улыбкою на губахъ и въ глазахъ, на которую намекнулъ я уже раньше въ своихъ разсказахъ [2]), да все слышались мнѣ чудно-мягкіе, словно бархатные звуки мужественно-баритоннаго Его голоса!

Теперь же понялъ я также (на что тогда я не обращалъ вниманія), почему послѣ моего представленія Государю-Императору, не только у насъ дома совсѣмъ перестали говорить о

---

[1]) Caesar цесарь, царь; augustus, величественный, священный.

[2]) См. главу XIII.

польскомъ возстаніи, но и родители мои, и другіе родные, и даже интимные друзья нашей семьи вездѣ, гдѣ только возможно было — (а возможно оно было почти всегда) — старались перемѣнить предметъ разговора, коль скоро кто нибудь посторонній при мнѣ хоть единымъ словомъ касался вѣстей изъ Польши, или приготовленій гвардіи къ предстоявшему въ Январѣ же походу. Родители мои угадали тогдашнее восторженное состояніе моей отъ природы къ пылкимъ фантазіямъ наклонной натуры, и если они все таки меня отпустили обратно въ Дерптъ, такъ это,—какъ я нынѣ разсуждаю, — вѣроятно только потому, что они разсчитывали на то, во 1-хъ, что въ этомъ маленькомъ провинціальномъ,—и къ тому же нѣмецкомъ, — городкѣ прежде вообще очень мало интересовались дѣлами русской политики; а во 2-хъ, потому, что предстоявшія мнѣ занятія по приготовленію къ окончательнымъ, наиважнѣйшимъ экзаменамъ должны были отвлечь мое вниманіе отъ польскаго вопроса. Но точно также какъ никакой невѣстѣ суженаго жениха, такъ и никакому смертному своей судьбины и на конѣ не объѣхать! О возможности исходящаго отъ куратора непосредственно къ намъ студентамъ адресованнаго приглашенія въ военную службу, — конечно, моимъ родителямъ и во снѣ не приснилось.

Пріѣхалъ я въ Дерптъ (какъ уже сказано было) 8-го Января, а утромъ 10-го уже числа твердо рѣшившись, идти сражаться, да буде такъ Богу угодно, то и „буйную свою голову сложить“ за моего Царя,—я сообщилъ о томъ родителямъ, убѣдительнѣйше прося ихъ, не гнѣваться за мой самовольный поступокъ, но благословить меня на честное исполненіе моего *дома*. Вечеромъ того же дня я уже снова скакалъ на перекладныхъ по направленію въ Ригу, куда прибылъ 12-го числа къ ночи.

На другое утро явился я къ Барону Фонъ-деръ Паленъ, представилъ свою студентскую матрикулу, да профессорскія свидѣтельства, выданныя мнѣ за всѣ прошлые семестры, и просилъ записать меня въ „волонтеры“. Съ одной стороны (какъ я нынѣ разсуждаю) или по врожденной, или (вслѣдствіе преимущественно женскаго вліянія на мое воспитаніе) невольно развившейся во мнѣ душевной наивности, а съ другой стороны по вѣчному, вслѣдствіе поэтической моей наклонности, паренію моихъ мыслей въ абстрактномъ мірѣ, мнѣ дѣла и установленія общегражданъ-

ской жизни были совершенная terra incognita[1]). Не имѣвъ, слѣдовательно, также ни малѣйшаго понятія о порядкахъ поступленія въ военную службу, я думалъ, что достаточно будетъ представленныхъ мною выше означенныхъ бумагъ и *изустно*-объявленнаго моего желанія, и что генералъ-губернаторъ тутъ-же прикажетъ „имматрикулировать“ [2]) меня въ какой нибудь полкъ дѣйствующей арміи. Но вышло не такъ!

Нашъ кураторъ-генералъ началъ меня распрашивать, и у насъ завязался слѣдующій весьма мнѣ памятный разговоръ.

„Какого вы сословія?“

— Дворянинъ.

„Отецъ вашъ служилъ? или еще служитъ? и какого онъ чина?“

— Служитъ.—Статскій Совѣтникъ.

А! слѣдовательно вы юнкеромъ поступите“.

— Не знаю, ваше превосходительство! только „юнкеромъ“ [3]) я никогда не бывалъ. Нашъ родъ зачисленъ къ *русскому* дворянству, а не къ *остзейскому*.

(Генералъ-губернаторъ и адъютантъ его весело засмѣялись).

— „Но, что жъ дѣлать? — сказалъ первый, вы все таки должны быть опредѣлены юнкеромъ! Отъ этого васъ избавить я не въ правѣ“.

— Слушаюсъ, ваше превосходительство!

— „Въ какой же полкъ желаете вы поступить?“.

— Въ такой, ваше превосходительство, который по больше будетъ участвовать въ битвахъ.

(Тутъ веселый смѣхъ повторился).

„Въ битвахъ,—сказалъ генералъ,—болѣе или менѣе, безсомнѣнно, всѣ полки станутъ участвовать. Вы должны указать, какой именно полкъ вы избираете“.

Тутъ вспомнилъ я о названіи того полка, въ который Залеманъ намѣренъ былъ записаться, и спросилъ:

---

[1]) Незнакомая страна.

[2]) Внести въ реестры.

[3]) У нѣмцевъ въ обыденномъ разговорѣ слово „Junker“ большею частію принимается въ смыслѣ нашего русскаго выраженія „Недоросль изъ дворянъ“, и съ тѣмъ же оттѣнкомъ ироніи; я же это слово только и слышалъ въ Дерптѣ, и зналъ, слѣдовательно, только упомянутое значеніе его.

— Можно будетъ, ваше превосходительство, въ Невскій морской полкъ?

„Можно!“ отвѣтилъ генералъ; и не посмотрѣвши даже на врученныя ему бумаги, передалъ онъ ихъ адъютанту, да просилъ его, провести меня къ директору канцеляріи. Я и былъ увѣренъ, что дѣло въ шляпѣ. Но директоръ вовсе и не думалъ приступить, какъ я ожидалъ, къ „внесенію моего имени въ реестры“ указаннаго полка, а сталъ разсматривать врученныя мною генералъ-губернатору бумаги.

„Да тутъ и нѣтъ никакихъ *настоящихъ* документовъ, какихъ требуется,—сказалъ онъ. — Положимъ, что метрическое и дворянское ваши свидѣтельства должны находиться въ университетскомъ правленіи, и что можно будетъ и позже вытребовать ихъ оттуда на основаніи вашей матрикулы. Но *главныхъ*-то документовъ нѣтъ: во 1-хъ, *прошеніе* о вашемъ опредѣленіи, подписанное вашимъ *отцомъ*, или же по крайней мѣрѣ удостовѣреніе *его* же въ данномъ имъ вамъ согласіи на ваше поступленіе въ военную службу, а затѣмъ 2-е, реверсъ опять таки *отца* же вашего въ томъ, что онъ обязывается выдавать вамъ ежегодно положенную по уставу субсидію на приличное содержаніе васъ. А безъ этихъ документовъ не только наша, но и никакая въ мірѣ канцелярія ни въ какой полкъ васъ опредѣлить не можетъ, да и не посмѣетъ“.

Послѣ этихъ объясненій возвратилъ онъ мнѣ мою матрикулу и профессорскія свидѣтельства, поклонился мнѣ съ весьма учтивой улыбкой, да и повернулся ко мнѣ спиной. Смекнувъ вполнѣ, что директоръ канцеляріи правъ, я ушелъ, съ чѣмъ пришелъ. Но духомъ оттого я не упалъ, и отъ разъ принятаго рѣшенія отступиться даже и не думалъ. Такъ какъ въ своемъ письмѣ отъ 10-го числа я просилъ родителей прислать мнѣ отвѣтъ въ Митаву по адресу моей сестры Юнгъ-Штиллингъ, мужъ которой третій уже годъ состоялъ тамъ на службѣ, то я не мѣшкая тотчасъ же отправился въ бывшую нѣкогда резиденцію Курляндскихъ герцоговъ. Сестра и зять, хотя и были удивлены моимъ пріѣздомъ въ невакаціонное время, но приняли меня весьма радостно, а когда узнали про мое намѣреніе, то горячо ему сочувствовали и обѣщали выхлопотать мнѣ у отца не только согласіе его, но даже и требуемую матеріальную поддержку. И

впрямъ, менѣе чѣмъ чрезъ три недѣли все дѣло было улажено. Я вторично явился въ Ригу къ генералъ-губернатору, но на сей разъ въ сопровожденіи лично послѣднему хорошо знакомаго зятя моего, который отъ имени моего отца и представилъ всѣ требуемые для моего опредѣленія въ военную службу документы. Кромѣ же того, крайне заботливая, какъ и всегда, матушка, вмѣстѣ съ своимъ благословеніемъ, прислала мнѣ еще, „на случай чернаго дня“, изъ *собственныхъ* своихъ денегъ 20 червонцевъ. Сестра зашила эти монеты въ четыреугольный щитокъ, составленный изъ папки и ваты и покрытый плотной шелковой матеріей, и повѣсила мнѣ его, въ смыслѣ талисмана, на шею подъ крестъ. Вскорѣ благосклонный читатель увидитъ, что этотъ, нѣжной, своего сорванца не по заслугамъ столь горячо любящей матерью предчуствуемый „черный день“ не очень то долго заставилъ себя ждать.

Около половины Февраля наконецъ получилъ я изъ генералъ-губернаторской канцеляріи пропускной видъ, въ которомъ я значился какъ „юнкеръ 1-го Морскаго Невскаго пѣхотнаго полка“, а совокупно съ подобно мнѣ вновь поступающимъ юнкеромъ какого-то егерскаго полка, митавскимъ уроженцемъ фонъ-Рейхгардтъ, была намъ выдана подорожная „по казенной надобности“ до Бѣлостока. Въ этомъ же городѣ намъ повелѣно было явиться къ коменданту, а сіе начальствующее лице, съ своей же стороны имѣло пристроить насъ, вновь выступающихъ героевъ, къ одной изъ тѣхъ командъ, которыя тогда еженедѣльно отправлялись въ главный штабъ дѣйствующей арміи для доставки туда выпущенныхъ изъ госпиталей нижнихъ чиновъ и вновь прибывавшихъ на службу другихъ лицъ.

Распростившись, какъ слѣдуетъ, съ милой сестрой и съ добрымъ зятемъ, и напутствованный усерднѣйшими, теплѣйшими ихъ пожеланіями наилучшаго успѣха и счастія, покатилъ я, съ своимъ попутчикомъ (истымъ нѣмчурой) въ невѣдомую мнѣ еще древне-бѣлорусскую страну, обитаемую добровольно ополячившимися панами, и, болѣе или менѣе насильственно ополяченными горожанами да крестьянами. Къ Бѣлостоку тогдашній почтовый трактъ пролегалъ чрезъ Поневѣжъ, Вильно и Гродно. Проѣзжая чрезъ эти города и находящіяся между ними мѣстечки, сталкивался я съ двумя видами другой еще язвы несчастнаго этого

края, т. е. съ піявками-корчмарями (они обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ были и управляющіе имѣніями или арендаторы) и съ плутами гешефтмахерами. Всѣ они были созданы и держали себя по одному и тому же типу: я только и встрѣчалъ что грязные разорванные пальто-образные халаты чернаго цвѣта изъ какой-то глянцовитой бумажной матеріи на вѣчно сгорбленныхъ туловищахъ, да столь же вѣчно искривленныя ноги, одѣтыя въ коротенькія узкія безъименныя изъ кожи неопредѣлимаго—отъ безконечнаго ношенія—цвѣта, и обутыя въ темно-сѣрыя, либо темно-коричневыя шерстяные чулки да въ тяжелыя, высокія башмаки съ огромными потускнѣлыми пряжками изъ бѣлаго или красно-желтаго металла. На совсѣмъ коротко-подстриженную же заднюю часть головы была плотно нахлобучена полуистертая неимовѣрно-засаленная бархатная ермолка, изъ-подъ которой болтались вонючимъ жиромъ напомаженные, длинные, змеиновидные пейсики, а между ними непріятно пытливо выглядывала физіономія хищнаго ястреба.

Едва только въ какомъ нибудь городѣ, городкѣ или мѣстечкѣ намъ приходилось останавливаться, не только для ночлега, обѣда или чаепитія, но даже хотя бы просто для перемѣны лошадей, какъ тотчасъ начали обступать и тѣснить насъ со всѣхъ сторонъ цѣлыя шайки такъ называемыхъ „факторовъ“ и ну, давай съ нигдѣ индѣ не встрѣчаемой назойливостью нявязывать свои услуги. Да, Боже мой! Есть ли на свѣтѣ какой-либо товаръ, котораго они намъ не предлагали то рѣзко-крикливымъ, то тупо-хриплымъ голосомъ, и даже таинственнымъ шопотомъ? Предлагались за—одно драгоцѣнности и никуда не годное хламовье; лучшія англійскія сукна и старое, совсѣмъ изношенное платье; съѣстная провизія и духи да помада; дѣтскія игрушки и взрослыя живыя куклы, и т. д. и т. д.

Сначала это меня забавляло, потомъ надоѣло, далѣе разсердило, а наконецъ совсѣмъ уже стало омерзѣлымъ. Къ счастію нашему одинъ казацкій офицеръ, съ которымъ мы въ Вильнѣ случайно разговорились въ какой-то гостинницѣ, куда мы съ Рейхгардтомъ зашли пообѣдать, научилъ насъ единственному только способу, какимъ возможно было отдѣлаться отъ этихъ нахаловъ. Немедленно же воспользовался я его совѣтомъ и первому затѣмъ приставшему ко мнѣ фактору приказалъ достать мнѣ лучшаго

сорта казацкую трехвостовую нагайку. Проворный гешефтмахеръ не далѣе какъ черезъ четверть часа принесъ мнѣ на выборъ цѣлую дюжину дѣйствительно отличныхъ нагаекъ, но вознаградилъ себя таки за трудъ тѣмъ, что слупилъ съ меня за выбранный мною экземпляръ „*два корбованца*“, что въ то время равнялось 8-ми рублямъ ассигнаціями. Обрадованный удачнымъ своимъ гешефтомъ, хитрый Шмулька, а съ нимъ и достойные его конкурренты, или вѣрнѣе: компаніоны-плуты, думали что этимъ имъ былъ открытъ путь и къ дальнѣйшимъ со мною гешефтамъ, и ну! давай приставать ко мнѣ со всѣми возможными нахальными предложеніями, на сколько у каждаго жидка хватило силы въ легкихъ, да ходкости въ языкѣ. Вотъ тутъ-то я и учинилъ полное испытаніе годности купленнаго у Шмульки товара, попотчивавъ прежде всѣхъ его самого, а затѣмъ и всю прочую надоѣдавшую мнѣ факторскую сволочь усерднѣйшими ударами моей трехвостки.—Probatum erat [1]).

Городъ Гродно, болѣе новый чѣмъ Вильно, показался мнѣ на видъ также и чище, а потому и понравился мнѣ несравненно больше чѣмъ сурово мрачное родовое гнѣздо древнихъ Литовскихъ князей. Даже и жиды въ Гроднѣ имѣли болѣе опрятный внѣшній видъ, и самые-то факторы выказывались будто не столь нахальными ястребами какъ въ Поневѣжѣ и въ Вильнѣ.

По пріѣздѣ въ Бѣлостокъ мы съ Рейхгардтомъ, какъ намъ приказано было, въ своихъ юнкерскихъ мундирахъ (шитыхъ, конечно, еще въ Митавѣ) явились къ коменданту, какому-то или Полковнику или Генералъ-маіору „по арміи“, въ точности нынѣ уже не помню. Это былъ очень добрый старикъ съ наружностью сущей инвалидной развалины. Онъ намъ объявилъ, что, быть можетъ, придется намъ недѣли съ три обождать отправки въ дѣйствующую армію, такъ какъ наканунѣ пришли тревожные слухи, будто за рѣкою Наревомъ показались шайки мятежниковъ. На прощаніе онъ назидательно внушилъ намъ, вести себя прилично, соблюдать строгую форму, да генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ отдавать должную честь, каждому по рангу, что намъ, совершеннымъ новичкамъ, показалось конечно сущей тарабарской грамотою. Затѣмъ позвалъ онъ столь же дряхлаго вѣстоваго,

---

[1]) Оказалось дѣльнымъ, практичнымъ.

либо деньщика, и велѣлъ насъ отвести къ какому-то капитану Константинову, чтобы онъ принялъ насъ въ свою команду. Дорогою деньщикъ объяснилъ намъ, т. е. преимущественно мнѣ (потому что мой попутчикъ „Herr von Reichhardt“, какъ истый Курляндецъ, болѣе чѣмъ плохо понималъ по русски), что г. капитанъ какого-то гренадерскаго полка, Иванъ Григорычъ Константиновъ есть начальникъ той самой сборной команды, которой по очереди предстоитъ быть отправленною въ дѣйствующую армію, и что въ этой командѣ пока еще вновь пріѣзжихъ юнкеровъ „ни ма“.

Капитанъ Константиновъ, первый—какъ выходило—военный начальникъ, подъ непосредственную дисциплину котораго я попалъ, къ счастію оказался очень любезнымъ человѣкомъ, хотя по происхожденію принадлежалъ онъ къ однодворческой семьѣ. Лѣтъ было ему около сорока пяти. По окончаніи всей процедуры относительно внесенія данныхъ намъ отъ Рижскаго генералъ-губернатора видовъ въ реестры команды, капитанъ приказалъ своему фельдфебелю отвести насъ на одинъ изъ имѣющихся у него „постоевъ“, а насъ просилъ пожаловать къ нему часу во 2-мъ „отвѣдать солдатскихъ щецъ да каши, и о служебныхъ-то дѣлишкахъ покалякать“.

Иванъ Григорычъ мнѣ съ перваго раза понравился. Это былъ типъ русскихъ военныхъ людей добраго стараго закала. Весь на распашку, какъ говорится, сердечный, веселый, заботливый о своихъ подчиненныхъ, онъ любилъ соблюдать дружбу—дружбой, но и службу—службой. Изъ имѣвшихся съ нимъ позже разговоровъ узналъ я, что онъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828-го и 1829-го годовъ; что за участіе во взятіи Варны онъ получилъ Владимірскій крестъ съ бантомъ, а за переходъ чрезъ Балканы капитанскій чинъ. Въ тотъ же вечеръ онъ началъ учить насъ наинужнѣйшимъ пріемамъ солдатской дисциплины (что онъ и называлъ „каляканіемъ о служебныхъ дѣлишкахъ“), да прежде всего „для избѣжанія всякихъ намъ съ вами, непріятныхъ головомойекъ“ (объяснилъ онъ), мы должны были научиться выдѣлывать строгія формы различнаго отдаванія чести по рангамъ на случаи встрѣчъ на улицѣ съ генералами и офицерами.

Постой достался намъ у стараго еврея-лавочника, которому мы съ Рейхгардтомъ предложили, принять на себя, за уговорную

плату, всѣ хлопоты о нашемъ ежедневномъ продовольствіи по нашему вкусу и желанію, а равно и о чисткѣ платья и сапоговъ, да объ уборкѣ комнаты. Онъ, конечно, съ радостью согласился и поручилъ всѣ сказанныя заботы о насъ молодой своей женѣ, Сарѣ (онъ находился съ нею въ 3-мъ бракѣ, похоронивъ уже двухъ женъ). Такъ какъ мы, на случай внезапнаго похода, аккуратно расплачивались за каждый истекшій день, то наши хозяева выказывали себя весьма внимательными къ намъ и даже предупредительными. А хозяюшка наша, къ счастію, оказалась довольно привыкшею къ *порядку* и къ *чистотѣ*, да и не была незнайкою въ кулинарномъ искусствѣ по понятіямъ христіанскихъ желудковъ. Разгадка этой диковины состояла въ томъ, что хорошенькая „пани“ Сара (какъ всѣ ее звали) была родомъ изъ Прусскаго города Мемеля. Итакъ я убѣдился, что не всѣ личности еврейскаго происхожденія бываютъ одного и того же поля ягодками съ Поневѣжскими и Виленскими піявками, и что даже съ евреями можно ладить и ужиться. Активной силою, впрочемъ, тутъ оказалась молодая хозяйка; съ хозяиномъ мы встрѣчались только подъ вечеръ для регулированія нашихъ счетовъ.

Обычай молодца солдата:
Чтобъ,—на покой ставъ у жида,—
Забрать хозяина права,—
И все его: жена да хата.
Жидка—за пейзики диралъ,
Жидовочку жъ—онъ цаловалъ;
А жидъ—на счетахъ клалъ „карбовцы!“ [1])
И волкъ былъ сытъ,—и цѣлы овцы.

Слухъ о польскихъ шайкахъ за Наревомъ будто подтверждался. По крайней мѣрѣ насъ недѣль около двухъ продержали въ Бѣлостокѣ и команда капитана Константинова возросла чуть-ли не до двойнаго комплекта.

Слѣдуетъ тутъ упомянуть еще о томъ, что въ первый же день Иванъ Григорычъ насъ предупредилъ, чтобы мы, во время прогулокъ по городу, держали себя какъ можно подальше отъ дворца, въ которомъ поселился Великій Князь-Цесаревичъ послѣ

---

[1]) „Карбовцы“, испорченное слово жидовскаго жаргона, вмѣсто „карбованцы“.

того, какъ онъ оставилъ Варшаву и вообще территорію Польскаго царства. Поговаривали, будто здоровье Его Императорскаго Высочества весьма сильно пострадало, и будто супруга его, Княгиня Ловичь просила коменданта, позаботиться, дабы около дворца царила наивозможнѣйшая тишина.

XXII.

Первый мой солдатскій походъ. — Органъ въ костелѣ и Pater organista. — Музыка послѣ переходовъ. — Причины нашихъ плутаній въ переходахъ. — Послѣдняя остановка сборной команды. — Новый командиръ. — Первая невзгода. — Сѣдльце. — Гоненіе судьбы. — Deus ex machina въ образѣ жандармскаго юнкера. — Безъ вещей и безъ пріюта. — О томъ, какимъ образомъ, опредѣлившись въ 1-й морской Невскій пѣхотный полкъ, я попалъ въ Стародубскій кирасирскій.

Наконецъ-то около половины Марта команда наша получила приказаніе выступить, да направить путь свой къ городу Сѣдльцу, находящемуся отъ Бѣлостока на разстояніе верстъ около 150, а отъ Варшавы верстъ 90. Дальнѣйшія же распредѣленія похода, относительно какъ выбора удобнѣйшихъ путей, такъ и назначаемыхъ протяженій ежедневныхъ маршрутовъ должны были, конечно, соображаться съ собираемыми во время самихъ переходовъ свѣдѣніями, а потому представлялись вполнѣ благоусмотрѣнію начальника сборной команды. По этой причинѣ начальство надъ подобными экспедиціями всегда довѣрялось только офицерамъ, уже доказавшимъ какъ опытную свою осмотрительность и дисциплинарную распорядительность, такъ и неустрашимость и находчивость.

Нашъ молодецъ капитанъ, сдѣлавъ какъ слѣдуетъ всѣ приготовительныя свои распоряженія, раздѣлилъ свою команду, состоявшую изъ 600-тъ безъ малаго человѣкъ на три части (на авангардъ, главный корпусъ и арріергардъ), отдѣленныя другъ отъ друга, во время передвиженія, на разстояніе полверсты. При срединномъ отрядѣ находился самъ капитанъ съ своимъ фельдфебелемъ, а начальство надъ двумя другими отдѣлами поручилъ онъ какимъ-то вышедшимъ изъ лазаретовъ офицерамъ, или точнѣе сказать: приданнымъ онымъ „въ помогу“ старымъ, въ бою испытаннымъ унтеръ-офицерамъ. Мы же съ Рейхгардтомъ, какъ совершенные новички-незнайки, т.-е. какъ вовсе излишній,

а все-таки на основаніи регламента въ цѣлости сохраняемый и по принадлежности сдаваемый товаръ, были причислены къ главному корпусу, и Иванъ Григорычъ, по своей добротѣ, разрѣшилъ своимъ „барчукамъ“, нанимать, чрезъ посредство фактотума [1]) -фельдфебеля, особую подводу для нашихъ чемодановъ и разнаго другаго скарба. Надъ многочисленностію сего послѣдняго капитанъ часто подсмѣивался: „эхъ вы воины, воины поклажные! ну, куда вамъ воевать идти, да съ этой обузою? Все равно же потомъ растеряете, да непремѣнно и должны растерять! Только— чуръ! не подъ *моею* отвѣтственностію!“

Переходы дѣлались съ большою предосторожностію и не большіе: никакъ не болѣе какъ около 20-ти верстъ въ день съ двучасовымъ приваломъ въ полѣ на полпути. Такимъ образомъ дошли мы, на 4-й день, до какого-то довольно большаго села, гдѣ имѣлся „костелъ“ [2]). При нашемъ вступленіи въ село „Missa“ [3]) только что окончилась, и народъ (большею частію старцы, женщины и дѣти) выходилъ подъ звуки „исходной музыки“ [4]) на органѣ. Меня точно что-то защемило въ сердцѣ. Болѣе мѣсяца дремалъ музыкальный мой инстинктъ; но одни уже звуки органа вдругъ разбудили его и душа моя страстно порывалась къ этому инструменту: пальцы сами по себѣ такъ и заходили! Пришедъ на постой и пообѣдавъ, я отправился къ капитану и сообщивъ ему мое желаніе, просилъ его разрѣшенія мнѣ, отыскать сакристана [5]), чтобы онъ допустилъ меня къ органу.

„Ба, ба, ба! (удивился Иванъ Григорычъ), а вы играть развѣ умѣете?“

— На фортепіано обучался я съ малолѣтства, а въ прошломъ году и на органѣ пробовалъ играть.

„Ну вотъ такъ пріятнѣйшій сюрпризъ! Пойдемте же вмѣстѣ. Я, знаете, и самъ музыку-то люблю, — съ удовольствіемъ васъ послушаемъ, а вы скуку намъ, да заботы разгоните!—Гей! (закричалъ онъ), фельдфебеля сюда!“

---

[1]) Factotum, все исправляющій.

[2]) Польская церковь.

[3]) Обѣдня по римско-католическому обряду.

[4]) Ausgangsmusik, Ludus ad exitum parochianorum. Органная игра для сопровожденія выхода прихожанъ изъ церкви.

[5]) Ключарь костела.

Явился фактотумъ.

„Послушай, почтеннѣйшій, (обратился къ нему капитанъ), сходи—братецъ ты мой,—къ тому,—къ тому—ну, какъ его тамъ? —т.-е. ключарю отъ здѣшняго костела, да чтобы сейчасъ онъ пришелъ отпереть намъ костелъ, а мы такъ прямо туда отправимся. А за тѣмъ уже ты самъ, голубчикъ, вмѣсто меня тутъ побудь, братецъ ты мой, и чуть только чего—того,—понимаешь, голубчикъ?—такъ вели бить тревогу, и пошли за мною! Ну, и все тутъ, почтеннѣйшій! На лѣво кругомъ, маршъ!“

Обождавъ немного, мы пошли къ костелу. Двери были отперты, и у входа стоялъ сакристанъ, которому капитанъ безъ дальныхъ околичностей велѣлъ вести насъ къ органу. Органъ былъ довольно большой и очень старинный. Я сѣлъ, осмотрѣлъ регистры, и попросивъ сакристана привести мѣхи въ движеніе, сталъ пробовать мануали [1]) и педаль [2]). Удостовѣрившись въ ихъ годности, принялся я изображать любимую мною херувимскую Бортнянскаго (№ 3-й Fdur), чѣмъ, видимо, очень угодилъ капитану, который началъ подтягивать фистульнымъ теноркомъ, послѣ чего и я принялся вторить ему своимъ баритономъ. Такимъ образомъ въ этомъ древнемъ *польскомъ храмѣ фанатическаго римскаго католичества* раздавалось въ этотъ мартовскій день, и вѣроятно *впервыя, русское, православное церковное пѣніе.*

Между тѣмъ появилась тутъ же на хорахъ какая-то новая личность, среднихъ лѣтъ, въ кзензовской одеждѣ, но далеко не постнаго вида, съ полными, красными щеками, съ масленными, нѣсколько нахально веселыми глазами и съ кругленькимъ брюшкомъ. „Pater organista“, [3]) отрекомендовался онъ самъ капитану.

„Ну что, почтеннѣйшій отецъ, спросилъ его Иванъ Григорычъ, какъ вамъ понравилось наше-то пѣніе?“

— „У пана капитана бардзе пенкній глосъ, и панъ подхорунжій добже поé,—ма—композицья?—ни-ни! Triste!“ [4]) отвѣтилъ органистъ.

---

[1]) Клавіатуры для рукъ; на органѣ менѣе двухъ не бываетъ.

[2]) Клавіатура для ногъ.

[3]) Отецъ-органистъ.

[4]) У господина капитана весьма прекрасный голосъ, и господинъ подпрапорщикъ хорошо поетъ, по сочиненіе—никуда (т.-е. негодно)! (Слово: triste—французское).

„Какія тамъ это еще триста?“ удивился капитанъ.

„Тжеба гилярне! Нѣхъ панъ капитанъ бендзе ласковъ послухаць мое гранье!“ [1]) И, не дождавшись отвѣта, онъ подошелъ къ органу. Я, конечно, сошелъ со скамейки и уступилъ ему мѣсто. Патеръ-органистъ выдвинулъ регистры самыхъ рѣзкихъ красокъ: микстуру, клеронъ и однофутовыя флейты, и началъ отмахивать, въ темпѣ allegro furioso,, какую-то тривіальнѣйшую бальную мазурку, а вслѣдъ затѣмъ таковаго же достоинства краковьякъ.

Мы съ капитаномъ остолбенѣло глядѣли другъ на друга. Но Ивана Григорыча вскорѣ охватило словно бѣшенство: весь поблѣднѣвъ, набросился онъ на самодовольно улыбавшагося патера-мазуриста и безцеремонно столкнулъ его со скамьи.

„Богохульникъ!—кричалъ онъ. Мы вотъ люди военные, да къ тому же и русскіе, и хотя знаемъ, что мы тутъ не въ православномъ соборѣ, а въ польскомъ еретическомъ костелѣ, но все-таки понимаемъ и то, что этотъ костелъ посвященъ Господу Богу, и что въ немъ—какіе тамъ ни на есть люди, а все-таки христіане, молятся Міроспасителю и Святой Богородицѣ, да потому-то и благоговѣемъ мы предъ этими стѣнами! А этотъ мерзавецъ, носящій одежду католическаго священнослужителя, забавляется въ собственномъ его же вѣры храмѣ наигрываніемъ пошлой плясовой музыки! Вонъ отсюда, каналья!“

Патеръ-органистъ испуганно съежился и быстро исчезъ. Сакристанъ же стоялъ какимъ-то глупымъ истуканомъ; онъ, кажется, даже и вовсе не понималъ, въ чемъ тутъ было дѣло. Чтобы успокоить Ивана Григорыча, я снова сѣлъ за органъ и проигралъ ему „Lacrymosa dies illa“ изъ реквіема Моцарта. А потомъ мы молча вышли изъ костела и отправились на постой къ капитану. А у него на глазахъ виднѣлись слезы, и на лицѣ лежало выраженіе глубокой, сердечной думы.

Иванъ Григорычъ меня очень полюбилъ за музыку, и когда въ тѣхъ селахъ, въ которыхъ мы останавливались, оказалось,

---

[1]) Надо веселое. Пусть господинъ капитанъ будетъ столь любезнымъ послушать мою игру. (Я передаю слова патера-органиста, какъ я ихъ помню; можетъ быть и неправильно по польски; да, впрочемъ, вѣдь суть дѣла не въ правильности языка, а въ смыслѣ словъ).

что въ панскомъ домѣ имѣлось какое ни на есть фортепіано, или даже хотя бы клавикорды стараго устройства, то ужъ непремѣнно велѣлъ онъ именно тамъ же отвести себѣ постой, а вмѣстѣ съ нимъ и мнѣ. Въ такихъ случаяхъ мы вечера свои всегда коротали музыкійскими занятіями: я долженъ былъ ему играть, что у меня хранилось въ памяти изъ прежняго моего репертуара [1]), или пѣть что-нибудь изъ модныхъ оперъ того времени; а иной разъ мы пѣвали также съ нимъ и въ два голоса—то церковныя пѣснопѣнія, то романсы [2]), то народныя пѣсни [3]).

Такъ какъ сборная наша команда, изъ опасенія наткнуться на мятежныя шайки, о которыхъ уже въ Бѣлостокѣ ходили разные слухи, вынуждена была постоянно лавировать, то, какъ легко понимается, это заставило насъ дѣлать часто порядочныя уклоненія отъ прямаго пути къ мѣсту нашего назначенія. Вслѣдствіе того мы, вмѣсто предполагаемой единой недѣли, употребили на эти 150 верстъ дѣйствительнаго разстоянія цѣлыя три недѣли съ излишкомъ. Наконецъ-то достигли мы до края района, занимаемаго дѣйствующей нашей арміей, откуда до г. Сѣдльца осталось всего только еще около 25-ти верстъ. Это было какое-то весьма большое село, и капитанъ, по своему обыкновенію, занялъ постой у управляющаго, да и меня туда же помѣстилъ. Оказалось, что у пана „арендатора“ не только имѣлся великолѣпный вѣнскій флигель, да цѣлый шкафъ съ нотами, но были и двѣ миленькія, весьма образованныя дочки, очень порядочно играющія на ономъ инструментѣ, и съ недурными голосиками. Само собою разумѣется, что музыка, дочь гармоніи [4]), насъ сблизила съ нашими хозяевами, и что мы, а въ особенности я, весьма пріятно провели весь остатокъ того дня. На другой день Иванъ Григорычъ, узнавъ еще наканунѣ, что фельдмаршалъ съ своимъ штабомъ дѣйствительно находится въ Сѣдльцѣ,

---

[1]) Преимущественно состоявшаго изъ сочиненій Гуммеля, Фильда, Мошелеса и Герца.

[2]) Напр., „Стонетъ сизый голубочикъ“, „Черная шаль“, „Поздно вечеръ изъ лѣсочка“, „Кольцо“ и т. п.

[3]) Въ особенности капитанъ любилъ: „Охъ, не одна дороженька“, „Не бѣлы-то снѣги“ и „Лучинушку“.

[4]) Слово „гармонія“ на греческомъ языкѣ значитъ: согласіе.

отправился туда за окончательнымъ приказаніемъ насчетъ распоряженія о сдачѣ сборной команды. Къ вечеру онъ воротился, но не одинъ, а съ какимъ-то егерскимъ маіоромъ, которому капитанъ долженъ былъ сдать команду, такъ какъ Иванъ Григорычъ выпросилъ себѣ разрѣшеніе воротиться въ свой полкъ, находившійся гдѣ-то къ югу отъ Сѣдльца. На слѣдующее утро мой милый капитанъ насъ покинулъ; я чуть не расплакался, прощаясь съ нимъ. При этомъ онъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что весьма вѣроятно команда долго еще не разойдется, а станутъ отпускать солдатъ, да конечно и насъ юнкеровъ, въ наши полки, по мѣрѣ прохожденія послѣднихъ чрезъ Сѣдльце. По этой причинѣ онъ совѣтовалъ мнѣ отпроситься у маіора на поѣздку въ главный штабъ (въ чемъ, по ходатайству капитана, отказа не послѣдовало), да справиться, гдѣ находится дивизія морскихъ полковъ, а затѣмъ выписаться изъ команды, да на нанятыхъ частнымъ образомъ обывательскихъ лошадяхъ прямо уже отправиться въ свой полкъ.

По отъѣздѣ добрѣйшаго, всегда съ сердечной признательностію вспоминаемаго капитана, первой невзгодою для меня было приказаніе мнѣ отъ новаго начальника—*чрезъ фельдфебеля*,—перебраться на другой постой, да и то уже не съ Рейхгардтомъ, а вмѣстѣ съ случайно обрѣтавшимися въ командѣ однимъ унтеръ-офицеромъ и двумя рядовыми того же Невскаго морскаго полка. Получивъ, какъ выше сказано, разрѣшеніе маіора, я просилъ фельдфебеля (дружбу котораго я давно уже пріобрѣлъ посредствомъ оказанныхъ ему, во время нашихъ одиссейскихъ скитаній, разныхъ любезностей) достать мнѣ подводу въ городъ. Затѣмъ, уставивъ крѣпко устроенный мой чемоданъ и прочій скарбъ въ указанный мнѣ уголъ, вручилъ я своимъ новымъ знакомымъ, т.-е. случайнымъ однополчанамъ, ленту на приношеніе жертвъ богу Вакху, и просилъ ихъ поберечь мое добро до слѣдующаго дня; а самъ, одѣтый въ предписанную простую походную форму, т.-е. въ шинель, сѣлъ да поѣхалъ. Оставшіяся отъ дороги деньги, конечно, были при мнѣ, равно какъ и часы. Но все прочее осталось въ чемоданѣ и въ картонахъ.

Въ канцеляріяхъ главнаго штаба, въ то время когда наконецъ дотянулся до города, я уже никого не засталъ, и нигдѣ никакого толку не добился. Пришлось искать себѣ ночлега: бѣ-

галъ я по всему городу, просился во всѣ дома, на которыхъ имѣлась вывѣска „Hôtel“. Нѣтъ мѣста свободнаго, ни единаго уголочка. Наконецъ уже, чай, за полночь, зашелъ я въ освѣщенную еще кондитерскую и потребовалъ шеколаду, съ твердымъ намѣреніемъ проваландать за нимъ до утра, и хотя сидя, да все-таки маленько вздремнуть. Не тутъ-то было! Когда чрезъ полчаса ушли послѣдніе два другихъ посѣтителя, какіе-то провіантскіе, должно быть, чиновники, хозяйка, съ виду довольно добродушная старушка, потушивъ люстру и кенкеты, подошла ко мнѣ съ извѣщеніемъ, что давно уже пора мнѣ уйти, а ей лавку запереть. Хотя я и самъ крайне плохія имѣлъ понятія о польскомъ языкѣ, но по выговору тотчасъ догадался, что предо мною стоитъ нѣмка. Я и началъ по нѣмецки объяснять „meinem guten, lieben Madamchen“ [1]) всю скверность моего положенія и успѣлъ вызвать ея сожалѣніе: „ach Gott, so'n blutjunges Herrchen“ [2]), такъ что она дозволила мнѣ переночевать въ сосѣдней комнатѣ на диванѣ.

На другой день я пораньше отправился въ штабную канцелярію; было слишкомъ еще рано. Возвратился я черезъ часъ и заставъ кое-кого изъ „господъ“ писарей, спросилъ у одного, гдѣ бы мнѣ справку получить о морскомъ Невскомъ полку? —„Это не у насъ!“ гласилъ сухой отвѣтъ: „спросите вотъ у того стола!“—Иду къ указанному столу. „У насъ 3-й корпусъ“, объясняютъ, „а Невскій полкъ, кажись, 1-го корпуса; должно быть въ другой комнатѣ“. Шествуя такимъ образомъ отъ стола до стола, набрелъ я, наконецъ, на подлежащій. „Точныхъ свѣдѣній въ сію минуту не имѣется; обождите, вотъ когда придетъ г. старшій адъютантъ“. Я сталъ у окна, да прислонился къ подоконнику, потому что ничего не было, на чемъ бы присѣсть. Ждалъ я полчаса, ждалъ я часъ, а г. старшаго адъютанта все нѣтъ, да нѣтъ. Подошелъ я снова къ столу, и спрашиваю: „а позвольте узнать, г. адъютантъ скоро пожалуетъ?“—„Не могимъ знать“.— А гдѣ бы мнѣ можно ихъ найдти?—„Охъ, Боже мой! Да они къ генералу пошли, а туда васъ не пустятъ. Вамъ развѣ такъ ужъ къ спѣху?“—Да какъ же не къ спѣху? Я вновь поступившій, и долженъ явиться въ свой полкъ.—„Ну тогда ждите; а скоро ли

[1]) Доброй, милой сударынкѣ.

[2]) Ахъ, Боже, такой совсѣмъ молоденькій господинчикъ.

придутъ г. адъютантъ, не знаю. Можетъ и часа два или три еще не придутъ. Лучше-жъ зайдите послѣ обѣда", прибавилъ писарь, видно жалѣючи уже меня, „безсомнѣнно что-нибудь да будетъ извѣстно; тогда хоть и я вамъ сказать могу про позицію вашего полка". Я поблагодарилъ „господина" писаря пожатіемъ ему руки, да не пустою моей десницею, и сказалъ, что приду часу во 2-мъ. И дѣйствительно, мой „вновь пріобрѣтенный пріятель" далъ мнѣ желаемыя свѣдѣнія, но не больно-то для меня утѣшительныя: „морская дивизія тронулась съ позиціи и потянулась къ юго-востоку, а куда затѣмъ пойдетъ, будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ".

Вотъ-те, бабушка, и Юрьевъ день! Мнѣ, видимо, ничего не оставалось болѣе, какъ вернуться въ команду, да выжидать „форменную, по регламенту, передачу моей персоны отъ кого куда слѣдуетъ по принадлежности". Пошелъ я къ своей кондиторшѣ и попросилъ любезнѣйшую „Madamchen" промышлять для меня подводу въ то село [1]), откуда я пріѣхалъ. „Madamchen" обѣщалась попытаться, а пока дозволила мнѣ „встать на постой" у нея, въ самой-то кондитерской. И дѣйствительно, разсылала она свою служанку на поиски для меня охотника-возщика; но, увы! прошелъ этотъ день, прошелъ и послѣдующій, а подводы нигдѣ не достать! У инаго если и была весьма вѣроятно, но тотъ побоялся, значитъ, выказать, дабы потомъ, какъ-нибудь не попасть подъ „реквизицію" со стороны военнаго интендантства. На сколько бы ни была беззаботна моя головушка, но это положеніе и мнѣ показалось ужъ что-то очень гадкимъ, и на четвертый день (13-го или 14-го Апрѣля), послѣ проведенной отъ душевныхъ тревогъ безсонной ночи, усѣлся я, грустный и низко понуривъ голову, въ самый отдаленный уголокъ кондитерской.— „Если и сегодня я подводы не добуду", разсуждалъ я про себя: „то какъ ни на есть, а придется отправитьтя на удачу, на собственной своей прирожденной парѣ".

---

[1]) Какъ называлось село, я нынѣ не помню. Но по нѣкоторому соображенію полагаю, что это было то самое Жуково, которое въ служебномъ моемъ аттестатѣ значится какъ исходный пунктъ перваго военнаго движенія, въ которомъ я участвовалъ. А тамъ именно-то и показано: „съ 30-го Апрѣля по 3-е Мая фланговое движеніе *отъ Жукова* чрезъ Калушинъ къ Ендржіеву и обратно въ свой лагерь".

Вдругъ кто-то окликнулъ меня по имени. Гляжу: предо мною стоитъ унтеръ-офицеръ полеваго жандармскаго эскадрона, и спрашиваетъ по нѣмецки: „Ужели не узнаешь?“

Это былъ тоже нашъ Дерптскій студентъ изъ „фуксовъ прошлаго семестра“, Родерихъ Аккерманъ, братъ упомянутаго уже моего товарища по гимназіи (Ливонца) Платона Аккермана.

Пошли, само собою разумѣется, разспросы о томъ, о другомъ и о третьемъ, да наконецъ и о моемъ тутъ сиживаніи съ физіономіею рыцаря печальнаго образа. Я и разсказалъ о своемъ горѣ, да о томъ, что не могу достать подводы.

„Ну, дружище, если ничто иное, а этому-то горю помочь могу. Пойдемъ-ка со мною къ нашему поручику,—онъ же мнѣ кузенъ, — онъ разомъ устроитъ дѣло, да еще и на казенный счетъ!“

А кузенъ-то Аккермана исправлялъ при эскадронѣ и адъютантскую и казначейскую должность.

И оправдалась народная пословица: „бѣдненькій—охъ! а за бѣдненькаго Богъ!“ Чрезъ часъ времени вытребованный для меня, чрезъ командира жандармскаго эскадрона, лихой возница, мчалъ меня по дорогѣ къ селу, гдѣ я оставилъ сборную нашу команду.

Примчался я часовъ около 3-хъ пополудни въ село (такъ и положимъ, что) Жуково. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, было то, что всѣ дворы заняты конями и солдатами. То были, однако же, солдаты не нашего разношерстнаго отряда, а уланы и кирасиры, а на площадяхъ, предъ панскимъ домомъ да близъ пруда,—оказались баттареи конной артиллеріи. Близъ плотины, у пруда, находилась та хата, въ которую, по распоряженію маіора (какъ сказано выше) четыре дня тому назадъ, я былъ переведенъ на постой къ однополчанамъ моимъ. Тутъ я и слѣзъ да отпустилъ моего возницу. Когда я вступилъ въ сѣнный проходъ, то наткнулся на старуху-хозяйку, которая выходила изъ отдѣленія, отведеннаго постояльцамъ. Увидѣвъ меня, она словно испуганнымъ голосомъ вскрикнула: „Ой, ой, паничъ!“ Да и проворно шмыгнула въ противоположный выходъ на задній дворъ. Что она меня узнала, это было безсомнѣнно; но чего же испугалась дурища? Я отворилъ дверь и вошелъ въ горницу, полагая тамъ найдти извѣстныхъ мнѣ солдатъ Невскаго полка;

но вмѣсто нихъ увидѣлъ пять вовсе чужихъ молодцовъ, въ бѣлыхъ колетахъ съ черными воротниками, усердно занятыхъ опоражниваніемъ огромнѣйшей миски съ чѣмъ-то удобохлѣбаемымъ. Они съ любопытствомъ и какъ бы вопросительно на меня посмотрѣли, но молча продолжали трудиться своими ложками; я же еще болѣе удивленно глазѣлъ на нихъ и тоже молчалъ. Но мое удивленіе перешло уже въ нѣчто похожее на испугъ, когда подошедъ къ тому углу, въ которомъ, предъ моимъ отъѣздомъ, установилъ я свое имущество, на томъ же мѣстѣ, въ замѣнъ онаго, увидѣлъ кирасы, палашъ, патронташъ да солдатскую шинель. Въ эту минуту вошли старики хозяева.

— Куда вы дѣли мои вещи, мошенники? — вскрикнулъ я на нихъ.

Старикъ и старуха бросились мнѣ въ ноги, и начали оба разомъ жалобно что-то объяснять на своемъ нарѣчіи, изъ чего, конечно, я ничего не разобралъ, кромѣ по нѣскольку разъ повторенныхъ словъ: „паничъ, жолнеры, косаржи“.

Кирасиры, между тѣмъ, встали и насъ окружили. Одинъ старый унтеръ-офицеръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

„У васъ вещи что ли пропали, ваше бла-родіе?“

— Да, г. унтеръ-офицеръ, и къ тому же не мало. — Я разсказалъ ему вкратцѣ суть дѣла.

„Когда мы заняли этотъ постой“, сказалъ старый кирасиръ, „мы тутъ никакихъ вещей не видѣли“.

Хозяева опять жалобно заохали: „жолнеры! косаржи!“

— А давно ли вы пришли въ это село?—спросилъ я унтеръ-офицера.

„Вчера вступила сюда наша кирасирская бригада, а уланы третьяго еще дня, къ обѣду, это село заняли. Вотъ мужики тутошніе баятъ, будто въ ночь съ 11-го числа на 12-е ворвалась въ село какая-то шайка польскихъ косарей, человѣкъ до 2000, да разогнала какую-то квартировавшую тутъ небольшую пѣшую команду; ма-будь та и была ваша. Видно, эта сволочь польская и заграбила всѣ ваши вещи, а мы-то никакихъ вещей тутъ, ваше бла-родіе, и видомъ не видали. Мы, ваше бла-родіе, орденскаго кирасирскаго полка честь соблюдаемъ“.

— Да я, г. унтеръ-офицеръ, — отвѣтилъ я, — самъ русскій солдатъ, хотя и новичекъ еще, а потому и бравыхъ братьевъ

своихъ я никогда подлымъ подозрѣніемъ обижать не стану. Горька, конечно, мнѣ потеря, но „что съ воза упало, считай пропало“. Здорово оставаться, гг. кирасиры! Прощенья просимъ-съ! Да—вотъ! Выпейте-ка на здоровье бѣлаго нашего Царя, да не вспоминайте лихомъ бездомнаго!

Благосклонному читателю, вѣроятно, не трудно будетъ представить себѣ, въ какомъ душевномъ настроеніи я вышелъ изъ хаты. Дѣло было не въ потерѣ болѣе или менѣе цѣннаго имущества; вѣдь правду же предрекалъ мнѣ опытный Иванъ Григорычъ, что „излишняя поклажа барчука должна растеряться“; а горе въ томъ, что я, среди постоянно мѣняющихся позицій, какъ всей дѣйствующей арміи, такъ и каждой отдѣльной ея части и частицы, не имѣлъ никакого права примкнуть къ какой либо изъ нихъ; что я очутился не только одинокимъ, безъ средствъ къ самозащитѣ, въ чужой, всякому русскому враждебной сторонѣ, но также въ опасности со стороны самихъ же своихъ земляковъ быть принятымъ за шпіона и, безъ дальныхъ околичностей, быть либо разстрѣленнымъ, либо повѣшаннымъ. Да вотъ, хоть бы въ этотъ же самый часъ, куда мнѣ дѣваться? Деньги были у меня; за нихъ, пожалуй, каждый хозяинъ любой хаты далъ бы мнѣ уголъ, куда пріютиться; никакая хозяйка не отказалась бы накормить и напоить меня. Но это самое-то обстоятельство развѣ не вызвало бы подозрѣнія противъ моей личности?

Погруженный въ такія тяжкія думы, понуривъ голову и двигаясь лишь машинально, шагалъ я вдоль пруда и вышелъ на площадь. День былъ теплый, ясный, кругомъ все пахло весной, и начинающее уже опускаться въ объятія дальняго горизонта красное солнышко широкими лучами освѣщало хаты и огороды и деревья. А по улицамъ села кипѣла жизнь: солдаты водили коней на водопой. Я же ничего этого не замѣчалъ. Вдругъ слышу со стороны строгій, повелительный голосъ: „Юнкеръ! вы глухой, что ли? Остановитесь!“ Я поднялъ голову и взглянулъ въ ту сторону, откуда неслись грозныя слова. Предъ одной хатою, которая была больше и какъ бы чище другихъ, сидѣла компанія офицеровъ въ форменныхъ сюртукахъ и бѣлыхъ фуражкахъ. Я быстро снялъ шапку и вытянулся въ струнку, держа руки по швамъ.

„Подойдите!“ скомандовалъ тотъ же строгій голосъ; а голосъ этотъ излеталъ изъ устъ одного довольно тучнаго штабъ-офицера. Я подошелъ мѣрнымъ шагомъ, и остановился по формѣ въ подобающемъ, по наставленіямъ Ивана Григорыча, разстояніи.

„Вы почему чести не отдаете, когда мимо офицеровъ-то проходите? Дисциплины что ли не знаете? Да и съ перваго разу не слышите, когда васъ окликаютъ? Что-о-съ?“

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе! Но это безъ всякаго дурнаго намѣренія. А перваго оклика я, дѣйствительно, не слышалъ. Будьте снисходительны, ваше высокоблагородіе!

Моя грустная ли физіономія, или форма и смыслъ моего отвѣта обезоружили строгаго маіора и онъ, махнувъ рукой, произнесъ болѣе мягкимъ голосомъ: „можете идти! Будьте осмотрительны! не попадайтесь другимъ!„—Я, было, повернулся уже „направо кругомъ“, но тутъ раздался голосъ другаго офицера, и въ немъ звучала какая-то сердечная ласковость:

„Подходите поближе, юнкеръ!“

Я повернулся опять и подошелъ къ говорящему. Это былъ высокаго роста, довольно красивый ротмистръ.

„Какого вы полка? и какимъ образомъ очутились вы въ этомъ селѣ? Вѣдь, сколько я знаю, вблизи нигдѣ пѣхотныхъ полковъ нѣтъ?“

Я съ почтительностью, но безъ всякаго подобострастія, разсказалъ о приключившемся мнѣ несчастіи и отвѣчалъ съ полной откровенностью на всѣ вопросы, предложенные мнѣ съ разныхъ сторонъ,—потому что и другіе офицеры теперь вмѣшались въ нашъ разговоръ: какъ зовутъ? кто я родомъ? гдѣ воспитывался? и пр., а въ подкрѣпленіе моихъ словъ я представилъ тотъ видъ, что получилъ отъ Лифляндскаго генералъ-губернатора. Къ этому я прибавилъ, что и здѣшній арендаторъ и вся его семья могутъ засвидѣтельствовать, что я, шесть дней тому назадъ, прибылъ сюда съ командою изъ Бѣлостока, и что я вмѣстѣ съ капитаномъ былъ въ началѣ у нихъ на постоѣ.

Общество офицеровъ заинтересовалось моей судьбою. Меня пригласили присѣсть къ нимъ, предложили чаю съ ромомъ, и тотчасъ начали разсуждать, какъ бы лучше помочь мнѣ выйти изъ незавиднаго моего положенія.

Тутъ удалось мнѣ узнать имена собравшихся около маіора офицеровъ. Фамилія самого маіора была Диць; тотъ ротмистръ, который, послѣ маіора, первый со мной заговорилъ, назывался Манассеинымъ и тутъ же былъ старшій братъ его, также ротмистръ; третьяго затѣмъ ротмистра звали фонъ-Дрейлингъ, а изъ двухъ оберъ-офицеровъ старшій лѣтами былъ поручикъ Пономаревъ, а другой корнетъ Готовцевъ.

Послѣ высказанныхъ различныхъ мнѣній о лучшемъ способѣ, какъ попасть мнѣ поскорѣе въ свой полкъ, тотъ же все ротмистръ Манассеинъ спросилъ меня: имѣлъ-ли я особыя личныя побужденія къ тому, что просился въ морской полкъ? Я объяснилъ, что это случилось только оттого, что я названій никакихъ другихъ полковъ и не зналъ.

— „Стало-быть вамъ все равно, въ какомъ бы полку ни служить?“

— Точно такъ, г. ротмистръ! Вѣдь, я г. генералъ-губернатора такъ и просилъ—назначить меня въ какой-угодно полкъ, лишь бы въ такой, которому придется драться съ поляками.

Офицеры весело разсмѣялись.

„Kreutzschockdonnerwetter!“ пуще всѣхъ хохоча, воскликнулъ ротмистръ фонъ-Дрейлингъ „Sie, Junker, scheinen ein famoser Schwerenöther zu sein [1])! Господа, какъ вы думаете? Не взять-ли мнѣ вотъ его въ свой эскадронъ? Я похлопочу у полковника о переводѣ мо̀лодца въ нашъ полкъ. Вы согласны, что-ли, господа?“ „Согласны! согласны!“! отозвались сначала старшіе, а за ними и младшіе офицеры, и самъ маіоръ добродушно проворчалъ: „А почему же нѣтъ, коли ты самъ, Августъ Романычъ, хочешь браться за дѣло“.

Я всталъ и съ глубокимъ чувствомъ благодарности поклонился сначала всему обществу, а потомъ, подошедъ къ ротмистру фонъ-Дрейлингъ и, отдавъ ему спеціально еще поклонъ сказалъ дрожащимъ отъ сердечнаго волненія голосомъ по нѣмецки:—Wie soll ich Ihnen nur danken, Herr Rittmeister [2]).

— „Ach was! machen Sie doch kein unnütz Geschwätz“! перебилъ

---

[1]) „Чортъ возьми, юнкеръ, вы, кажется, молодцоватый забіяка!

[2]) Какъ мнѣ только благодарить васъ, г. ротмистръ?

меня Августъ Романычъ, стараясь притворнымъ ворчаньемъ скрывать собственное душевное состояніе, „einem braven Burschen aus der Klemme helfen ist ehrliche Soldatenpflicht“ [1]! И, схвативъ мою руку, онъ отъ всей души такъ усердно ее потрясъ, что у меня кости затрещали.

— „Что же, Августъ Романычъ? Дѣло дѣлать, такъ и не откладывать!“ сказали братья Манассеины. „Отправляйся же съ нимъ вотъ тотчасъ къ полковнику“.

— „Donnerwetter! И то правда! Пойдемте же, юнкеръ!“

Всѣ, не исключая и маіора Дица, пожавъ мнѣ руку, пожелали счастливаго исхода дѣла. Готовцевъ даже горячо меня обнялъ. „Мы съ вами будемъ въ одномъ и томъ же эскадронѣ“, прибавилъ онъ.

Полковникъ Густавъ Ѳедоровичъ Пиларъ-фонъ-Пильхау благосклонно насъ принялъ и выслушалъ разсказъ и предложеніе на нѣмецкомъ языкѣ фонъ-Дрейлинга. Потомъ на томъ же діалектѣ самъ еще разспрашивалъ меня, а затѣмъ, подошедъ къ дверямъ, закричалъ вѣстовому: „ау-того [2]! Адъютанта Рагозина!“

Адъютантъ Рагозинъ вскорѣ явился.

— „Ау-того! Любезный Рагозинъ! Вотъ такъ и такъ! (Полковникъ изложилъ дѣло). Какъ вы думаете? Можно, ау-того?“

— „Можно, полковникъ! Да вотъ, пошлю я только за арендаторомъ, такъ какъ юнкеръ на него ссылается!“

— „Да, да! пошлите!“ — Послали за арендаторомъ. А межъ тѣмъ полковникъ снова вступилъ со мною въ разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ; спросилъ, съ кѣмъ я былъ знакомъ въ Дерптѣ, да и показался мнѣ весьма довольнымъ, когда я назвалъ имена фонъ-Липгардтъ, фонъ-Мензенкампфъ, фонъ-Адеркасъ, фонъ-Штаденъ, фонъ-Брашъ, фонъ-Эксъ, и еще съ полдюжины другихъ фоновъ. Онъ даже два-три вопроса подвернулъ и по французски, на которые, конечно, я никакъ не затруднился отвѣтить столь же гладко, какъ и по нѣмецки. Я смекнулъ, однако же, что это нѣчто въ родѣ „пріемнаго экзамена“, и думалъ про себя: „а не провалюсь-ли я?“

---

[1]) Да что! Оставьте ненужную болтовню! Помочь бравому парню выйдти изъ тисковъ—это долгъ честнаго солдата.

[2]) Ау-того (славянскимъ выговоромъ) была привычная поговорка Г. Ѳ. Пилара фонъ-Пильхау, но только тогда, когда ему приходилось говорить по-русски.

Между тѣмъ, пришелъ и арендаторъ.

— „Знакомъ-ли вамъ вотъ этотъ молодой человѣкъ? “спросилъ его полковникъ, показывая на меня.

— „Какже“, отвѣтилъ арендаторъ, „очень ихъ знаю; вѣдь нѣсколько дней только тому назадъ, какъ онъ отъ насъ уѣхалъ. Добродзень, якъ сень машь, кохани пане артиста [1])!“ обратился онъ ко мнѣ, протягивая руку.

— „Что-о? Онъ артистъ?“ — нахмурясь, протянули вопросительно и полковникъ, и ротмистеръ, и адъютантъ.

Я отгадалъ ихъ подозрѣнія, и хотѣлъ что-то сказать; но полковникъ сердито на меня прикрикнулъ: „Молчать“! Потомъ съ той же почти строгой интонаціей обратился онъ снова къ арендатору:

— „Прошу васъ, сударь! Говорите всю правду, и не вздумайте насъ обманывать!“

Арендаторъ съ видомъ явнаго недоумѣнія удивленно посмотрѣлъ поочереди на каждаго изъ трехъ офицеровъ. „Падамъ до-ногъ, пане полковникъ! я правду говорю. Панъ подхорунжій шесть дней тому назадъ пришелъ сюда вмѣстѣ съ командою, и съ паномъ капитаномъ жилъ на постоѣ у насъ; а на третій день новый командиръ, панъ маіоръ, перевелъ пана подхорунжего на другой постой“.

— „Такъ зачѣмъ же вы его-то назвали артистомъ?“ спросилъ полковникъ смягченнымъ уже тономъ.

— „Цалую пански ножки! То пана подхорунжего мои цурки [2]) такъ прозвали. Панъ тѣ два дня все съ ними игралъ на флюгелѣ, да дуэты и тріо изъ оперъ распѣвалъ! Эффективни артиста, бардзе контенти вшисци були [3])“.

Тутъ полковникъ и ротмистръ и адъютантъ многозначительно другъ на друга посмотрѣли, и не выдержали: таки невольно фыркнули.

Арендатора отпустили; дѣло мое было ясно, какъ весеннее утро; а допросъ пана арендатора не только не повредилъ задуманному фонъ-Дрейлингомъ переводу моему въ Стародубскій ки-

---

[1]) Здравствуйте, какъ ваше здоровье, любезный г. артистъ.

[2]) Дочки.

[3]) Настоящій артистъ, очень довольны всѣ были.

расирскій полкъ, но ускорилъ его. На другой день полковникъ Пиларъ самъ пошелъ къ корпусному командиру графу де-Виттъ, имѣвшему квартиру свою въ панскомъ домѣ, видѣлся тамъ съ своимъ братомъ, командующимъ 1-й бригадою 2-й поселенной кирасирской дивизіи, а также и съ начальникомъ этой дивизіи, генераломъ Каблуковымъ, и, разсказавъ имъ мои приключенія, получилъ безъ малѣйшихъ отговорокъ разрѣшеніе принять меня тотчасъ юнкеромъ въ свой полкъ, а о формальномъ моемъ переводѣ представить по установленному порядку.

И вотъ такимъ-то довольно куріознымъ образомъ я, опредѣлившись въ 1-й Морской Невскій пѣхотный, попалъ въ Стародубскій кирасирскій полкъ. Стало-быть, не напрасно сложилась въ *былое* время наша русская пословица: „свѣтъ не безъ добрыхъ людей!“

XXIII.

Наша кирасирская дивизія.—Духъ нашего полка.—Маіоръ Дицъ.—Ротмистры: Авг. Ром. фонъ-Дрейлингъ; Вяч. и Авкс. Петр. Манассеины. — Адъютантъ Рагозинъ и казначей Болотовъ. — Корнетъ Саша Готовцевъ. — Кругъ остзейскихъ уроженцевъ.—Полковникъ Густ. Ѳед. Пиларъ-фонъ-Пильхау.—Счастливое мое положеніе среди офицеровъ. — Мои благопріятели изъ нижнихъ чиновъ. — Служба. — Первое сраженіе. — Настоящія причины являющагося въ молодыхъ воинахъ духа безстрашія.—Офицерская военно-походная жизнь. — Наше, съ Готовцевымъ, препровожденіе времени.—Фуражировки съ концертами.—Военно-походное богослуженіе.—О. Александръ, типъ истаго полковаго священника. — Докторъ Вас. Ив. Серебрянскій.—„По усамъ текло, въ ротъ не попало“. — Ночныя поѣздки въ корпусный штабъ за приказаніемъ. — Частный эпизодъ: „бассовая барышня“.

Въ то время существовали три кирасирскія дивизіи: одна гвардейская, и двѣ армейскія, обѣ „поселенныя“. О предполагаемой цѣли и о характерѣ поселеній пока нѣтъ еще повода говорить; упоминаю только о томъ, что центральнымъ пунктомъ, т. е. мѣстомъ пребыванія штаба первой дивизіи былъ Харьковской губ. г. Чугуевъ, а второй дивизіи—Херсонской губ. г. Елисаветградъ. Эта послѣдняя дивизія состояла изъ полковъ: Ордена св. Георгія (обыкновенно называемаго: Орденскимъ), Стародубскаго (впослѣдствіи: Е. И. В. принца Петра Ольденбургскаго), Е. К. В. принца Альбрехта Прусскаго, и Новгородскаго (впослѣдствіи Е. И. В. великой княгини Елены Павловны). Безъ всякаго хвас-

товства съ моей стороны, какъ бы бывшаго нѣкогда члена Стародубскаго полка, я могу сказать, что этотъ полкъ тогда въ особенности славился необыкновеннымъ своимъ духомъ какъ сердечнаго и крѣпко-солидарнаго товарищества, такъ и рыцарской отваги и молодечества, но съ другой стороны также и примѣрной военно-дисциплинарною выдержкою, ибо общимъ девизомъ всѣхъ, начиная съ полковника и до послѣдняго унтеръ-офицера, было старинное руское правило: „дружба-дружбой, а служба-службой!“

Центромъ и душою офицерскаго общества Стародубскаго полка того времени оказался именно тотъ кружокъ, на который (какъ въ предыдущей главѣ описано) имѣлъ я счастье наткнуться. А потому считаю я не излишнимъ начертить слегка характеристику этихъ типовъ русскаго офицерства тогдашняго времени.

Дивизіонеръ маіоръ Дицъ (имя и отчество его я забылъ), не смотря на его фамильное имя какъ бы нѣмецкаго корня, былъ русакъ до послѣдняго суставчика дородной, коренастый его персоны. Въ 1812 г. онъ уже былъ поручикомъ все того же Стародубскаго (кажется, тогда еще не кирасирскаго, а драгунскаго) полка, и участвовалъ съ нимъ во всѣхъ кампаніяхъ до 1814 г. включительно. Особеннаго образованія, конечно, онъ въ юности не получалъ, но былъ отъ природы смѣтливъ и воспріимчивъ. Характеромъ природа надѣлила его спокойнымъ и добродушнымъ, а службу онъ превосходно зналъ и исполнялъ. По этой причинѣ въ мирное время на немъ лежала обязанность „информатора“ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, т. е. онъ обучалъ ихъ строевымъ эволюціямъ и командованію взводомъ (что называлось: „пѣшее ученіе по конному“). Для отдыха отъ службы любилъ онъ вино да карты; но пьянымъ я его никогда не видалъ, да и въ игрѣ онъ никогда не горячился, а, видимо, игралъ единственно только ради удовольствія.

Августъ Романовичъ фонъ-Дрейлингъ, родомъ изъ Риги, напротивъ, былъ чистокровный нѣмецъ, но изъ тѣхъ, которые, полюбивъ русскую широкую жизнь, привыкли и пристрастились къ ней до того, что иногда и не въ мѣру ее пересаливали. Онъ былъ добрѣйшій, честнѣйшій и офицеръ и человѣкъ, но страстнаго, холерическаго характера, и ему стоило всегда много усилій и труда удерживаться отъ мгновенныхъ порывовъ; а оттого за ви-

номъ и за картами терялъ онъ иногда равновѣсіе. Одаренный отъ природы инстинктомъ приличія и такта, онъ, однако же, до того предался и привыкъ къ широкой вольности южно-русскихъ „степняковъ“ и солдатской жизни, что въ своихъ разговорахъ не могъ уже обходиться безъ невольной вклейки какого-нибудь,— либо нѣмецкаго, либо русскаго—крѣпкаго словца. Его всѣ любили: офицеры—какъ вѣрнаго и на выручку изъ бѣдъ всегда готоваго товарища; а солдаты—какъ, хотя и строгаго, взыскательнаго, но также и по отцовски о нихъ заботившагося командира. Во время сраженія истинный храбрецъ, онъ, однако же, въ случаяхъ болѣзней былъ крайне малодушенъ [1]). При всемъ томъ на фондѣ его характера оказывалась сантиментально-поэтическая мечтательность; сердце у него легко заговорило, иной разъ даже такъ сильно, что на глазахъ показывались невольныя слезы, что обыкновенно онъ тогда старался скрывать ворчаніемъ или выпусканіемъ на славу самой эффектной какой-нибудь „риторской штучки“. Лѣтъ ему было, думаю, подъ сорокъ.

---

[1]) Это выказалось, между прочимъ, когда въ началѣ Іюня мѣсяца того же года, какъ-то послѣ одного продолжительнаго перехода въ самый денный жаръ, тотчасъ по водвореніи насъ на постой, у Дрейлинга показались симптомы будто холернаго припадка; нашъ храбрецъ заохалъ, застоналъ, да только и дѣло что отчаяннымъ голосомъ кричалъ: „умру! непремѣнно умру!“ Нашъ полковой врачъ, милѣйшій д-ръ Серебрянскій, сколько ни представлялъ ему, что симптомы самые легкіе, и что нечего опасаться смерти, а Августъ Романычъ все свое твердитъ, да кричитъ: „умру!“ Тогда Серебрянскій, подъ предлогомъ приготовленія лекарства вышелъ, а мнѣ сдѣлалъ знакъ послѣдовать за нимъ въ сѣни. „Холера есть (говорилъ онъ), но не она опасна, а то, что ротмистръ струсилъ. Надо возстановить бодрость духа его. Хотите помочь мнѣ въ этомъ?“— И нечего даже спрашивать, — отвѣтилъ я.—„А вы сами трусите, или нѣтъ?“ продолжалъ Серебрянскій. — Двухъ смертей не умирать, одной не миновать. На все Божія воля“ сказалъ я.—„Ну, хорошо! Если вы сможете взять на себя провести ночь съ нимъ на одной и той же кровати, то онъ ободрится, и завтра встанетъ, а иначе эта ребяческая боязнь усилитъ припадки, и Дрейлингъ пропалъ. Болѣзнь не прилипчива; не раздѣвайтесь, пожалуй, и ложитесь такъ, чтобы онъ на васъ не дышалъ. Согласны, что ли? — Согласенъ г. докторъ. — Мы опять вошли. Серебрянскій, приложивъ Дрейлингу припарку, опять убѣждалъ его. „Тутъ и холеры даже нѣтъ, и вотъ въ доказательство юнкеръ будетъ спать возлѣ васъ“. — „Конечно“, прибавилъ я, „да вы, Августъ Романычъ, неосторожно только воды напились.—„А что вы думаете“,—сказалъ обрадованный больной,—„можетъ быть и такъ?—Я легъ возлѣ него. На другое утро мы оба встали здоровехоньки.

Братья Манассеины были стариннаго русскаго дворянскаго рода и помѣщики Казанской губерніи. Старшему, Вячеславу Петровичу, было около 35—36 лѣтъ; Авксентій же Петровичъ былъ года на 2 или на 3 моложе. Оба были довольно высокаго роста и молодецкаго сложенія, но младшій братъ былъ красивѣе, потому что Вячеславъ держалъ себя нѣсколько сутуловато, да и на лицѣ у него виднѣлись легкіе слѣды оспы; а кромѣ того онъ носилъ огромнѣйшіе бакенбарды (какъ тогда называли: „а ля брусбартъ“), которыя придавали ему болѣе старый видъ и менѣе мягкое выраженіе. Воспитаніе свое получили они, кажется, какъ въ то время почти всѣ сыновья русскихъ помѣщиковъ внутреннихъ губерній, въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Оба брата отличались хорошими, солидными манерами, безъ малѣйшей аффектаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ они были превосходными, надежными товарищами, и какъ таковые, дабы не обижать сослуживцевъ, не отказывались также ни отъ картежной игры, ни отъ участія въ веселой попойкѣ; но и тутъ всегда выказывали себя весьма „gentlemanly“. Ихъ всѣ не только любили, но столь же искренно и уважали.

Адъютантъ Рагозинъ и казначей Болотовъ, молодые люди 26—28 лѣтъ, сыновья богатыхъ помѣщиковъ великорусскихъ губерній, подходили и духомъ и манерами къ тому же кругу. Изъ числа же молоденькихъ корнетовъ, группировавшихся вокругъ вышеназванныхъ, и которыхъ вообще можно характеризировать какъ милыхъ и добрыхъ товарищей, болѣе или менѣе съ обычными кадетскими еще замашками, нельзя мнѣ умолчать про (упомянутаго уже выше) Сашу Готовцева. Годомъ только старше меня, онъ въ своей натурѣ много выказывалъ сходнаго съ собственной моей натурою. Такое же душевное влеченіе ко всему идеальному, а потому-то и къ поэзіи и къ музыкѣ; но оттого также, при сильно кнаружи просящейся внутренней страстной жизни, всегда готовый на юношескія эксцентричности; беззаботный относительно будущности, самоувѣренный въ своей тѣлесной мощи и твердой волѣ, онъ страха не зналъ, и даже въ труднѣйшіе и опаснѣйшіе моменты не могъ удержаться отъ порыва сострить на счетъ угрожающаго предмета или положенія. Игралъ онъ порядочно на гитарѣ и пѣлъ пріятнымъ, задушевнымъ теноркомъ.

Хотя, какъ я выше выразился, нашъ полкъ и отличался духомъ „сердечнаго и крѣпко-солидарнаго товарищества“, тѣмъ не менѣе офицерское наше общество все-таки раздѣлялось — и по весьма естественнымъ причинамъ не могло не раздѣляться— на двѣ группы, рознившіяся между собою какъ самою натурою и привычками ихъ членовъ, такъ и взглядами ихъ на службу. Выше представилъ я одну изъ этихъ группъ,—группу офицеровъ „русаковъ“. Другая же группа состояла изъ офицеровъ „остзейцевъ“, и центромъ ея былъ самъ нашъ полковникъ.

Что между русакомъ и остзейцемъ существуетъ различіе въ отношеніи расоваго характера и національныхъ привычекъ, большей частію вслѣдствіе первобытнаго семейнаго воспитанія, о томъ такъ много уже было писано, что всякое дальнѣйшее еще о томъ распространеніе окажется совершенно излишнимъ. Но касательно разности въ воззрѣніяхъ на службу, такъ, пожалуй, могутъ возбудиться недоумѣнія, и найдутся, вѣроятно, читатели, которые станутъ поддерживать, что, при одинаковыхъ индивидуальныхъ способностяхъ или неспособностяхъ къ служебной профессіи и при одинаковыхъ личныхъ отношеніяхъ къ ней, таковая разность едва ли найдется между членами русскаго и остзейскаго дворянства. Чтобы на старости лѣтъ не показаться пустымъ болтуномъ, я, слѣдовательно, вынужденъ представить итогъ долголѣтнихъ своихъ наблюденій. У русскаго дворянства давно уже вкоренилось правило, по возмужалости, прежде всего отдавать долгъ своему Царю и своему Отечеству. Идея о царѣ въ русскомъ дворянинѣ сливается всегда съ идеею объ отечествѣ, равно какъ идея о послѣднемъ нераздѣльно соединена съ идеею объ отцѣ отечества, о главѣ русскаго дворянства, и одна идея безъ другой не мыслима. Остзейское же дворянство,—за крайне немногими развѣ исключеніями, — даже и понынѣ не почитаетъ, а въ старину и подавно не почитало русскаго дворянства въ уровень своимъ баронскимъ родамъ; а изъ сего вытекаетъ, что остзейскій дворянинъ,—сколько бы даже онъ ни увѣрялъ словами,— въ глубинѣ своей души все-таки никакъ не признаетъ себя *сыномъ Россіи*, а гордится тѣмъ, что онъ потомокъ рыцарей *германскаго* происхожденія. Нашъ русскій „Бѣлый Царь“ „отецъ батюшка“ русскаго народа, „глава русскаго дворянства“, логически не можетъ для нихъ быть идеею, нераздѣльность которой

съ идеею объ отчизнѣ всасывалась бы ими съ самаго начатія жизни, вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ, да вкоренялась бы съ лѣтами подъ вліяніемъ отцовъ и дѣдовъ. Это слишкомъ естественно, и обвинять ихъ въ этомъ мы не вправѣ; но самого факта отрицать столько же невозможно. Итакъ выходило, что остзейскій дворянинъ, вступивъ въ *Русскую* службу, строго и добросовѣстно исполнялъ служебныя обязанности преимущественно по развитому въ немъ (разумнымъ отцомъ) честному понятію о *долгѣ присяги законному Монарху*. Не принадлежавъ къ общей коренной *русской семьѣ*, остзейскій офицеръ чувствовалъ въ себѣ съ русскими своими товарищами одну только лишь связь въ сказанномъ чувствѣ священнаго долга, въ ревностной службѣ и въ традиціонной привязанности къ своему полку. Если послѣднее чувство и приводило его къ поддерживанію вообще корпораціонной солидарности, то излишняя ревность къ службѣ, легко превращаясь въ нѣкоторый родъ педантизма и не давая ему забывать создавшіяся этою службою отношенія его какъ къ старшимъ, такъ и къ младшимъ по чину товарищамъ, болѣе или менѣе породила какую-то церемонность въ сношеніяхъ внѣ службы.

Русскій офицеръ, напротивъ, какъ бы строгъ онъ ни былъ во время исполненія служебныхъ обязанностей, по окончаніи послѣднихъ совершенно забываетъ про разность ступеней чиноначальной лѣстницы и искренно становится истымъ товарищемъ, простымъ сыномъ общей русской семьи.

Надо отдать справедливость тѣмъ немногимъ остзейцамъ, которыхъ я тогда засталъ въ Стародубскомъ кирасирскомъ полку, что всѣ они были честнѣйшіе, милѣйшіе люди, и любви до высшаго уваженія достойные офицеры, хотя также не совсѣмъ свободные отъ типичнаго нѣмецкаго педантизма. Въ особенности нельзя достаточно выхваливать нашего молодца полковника. Густаву Ѳедоровичу Пилару фонъ-Пильхау было тогда, я думаю, лѣтъ за пятьдесятъ. Высокаго роста, длинноногій, очень сухощавый и всегда держащій себя вытянутымъ въ струнку, онъ, даже окруженный своими офицерами, невольно первый обращалъ на себя вниманіе случайно подходящаго зрителя, и въ особенности весьма оргинальными чертами лица, въ которыхъ выражалась начальническая строгость въ соединеніи съ сердечной добротою. Когда-жъ онъ представалъ съ непокрытой главою, тогда это ха-

рактеристическое выраженіе получило еще болѣе внушительности, вслѣдствіе далеко назадъ простиравшейся лысины, обрамленной коротко подстриженными рыжими съ просѣдью волосами. Въ обхожденіи съ подчиненными онъ выказался добродушнымъ и ласковымъ, и офицеры его любили.

Что я-то болѣе примыкалъ къ русскому кружку, тому, кромѣ съизмала вкоренившихся во мнѣ привычекъ и наклонностей, были причиною еще и самыя—тѣ, выше изъясненныя, внѣшнія обстоятельства и тѣмъ болѣе, что именно названные главные виновники счастливаго моего поступленія въ Стародубскій кирасирскій полкъ во все время постоянно обнаруживали какое-то словно родственное ко мнѣ расположеніе. Меня шутя, въ память нашей первой встрѣчи, называли „даннымъ отъ Бога сынкомъ“, а ротмистра Дрейлинга моимъ „военно-крестнымъ отцомъ“. Но и въ нѣмецкомъ кругу ко мнѣ очень благоволили, преимущественно, какъ полагаю я, потому, что какъ мой „крестный“ эскадронный командиръ, такъ и самъ я все-таки назывались нѣмецкими фамиліями и умѣли, когда того требовалось, держать себя на нѣмецкій ладъ. Что-же касалось Августа Романовича, то память о немъ для меня навсегда осталась священною, такъ какъ во все продолженіе кампаніи онъ мнѣ поистинѣ былъ вторымъ отцомъ. Вообще годовой эпизодъ этой войны составляетъ одну изъ самыхъ пріятнѣйшихъ эпохъ моей жизни. Наслаждаясь великимъ счастіемъ быть любимцемъ и баловнемъ не только офицерскаго общества, но даже и нашихъ солдатъ-простолюдиновъ, я и самъ научился горячо любить все человѣчество и всемъ сердцемъ вѣрить въ него, а это столь естественное чувство, въ позднѣйшія эпохи житейской и артистической моей борьбы, не разъ предохраняло меня отъ отчаянія и впаденія въ пессимизмъ. Съ воззрѣніями Артюра Шопенгауера, съ которыми я познакомился на шестомъ уже десяткѣ лѣтъ моей жизни, я никогда не могъ, и по сію пору еще не могу сдружиться. *L'homme-bête* se rencontre parfois, c'est vrai; mais *l'humanité dans sa totalité* reste toujours audessus de toute individualité déchue!

*) *Человѣкъ-звѣрь* иногда встрѣчается, это правда; но *человѣчество въ своей цѣлости* всегда остается свыше всякой падшей личности (*Золя*, въ серіи своихъ романовъ подъ заглавіемъ „Человѣкъ-звѣрь“, старается искоренять всякую вѣру въ человѣчество. Это недостойно писателя).

Повѣдавъ о своихъ благоволителяхъ-начальникахъ, я считаю своимъ долгомъ промолвить также нѣсколько словъ и про трехъ „благопріятелей“ своихъ изъ нижнихъ чиновъ. Первое мѣсто, конечно, слѣдуетъ отдать старшему вахмистру нашему, Али Сулейманли, изъ татаръ, котораго подчиненные звали Алимомъ Самойлычемъ. Это былъ высокаго роста мущина, лѣтъ 50-ти съ хвостикомъ (какъ говорится), у котораго не въ мѣру длинныя ноги покорялись закону эллиптическихъ линій, какъ оно зачастую встрѣчается у берейтеровъ по профессіи. И дѣйствительно, любимѣйшимъ въ мирное время занятіемъ Алима Самойлыча, ради „отдыха“ отъ немалосложныхъ и довольно отвѣтственныхъ его обязанностей, было объѣзживать верховыхъ коней офицеровъ и юнкеровъ съ спеціальной ихъ дрессировкою къ фронтовой службѣ. По этой части онъ былъ, просто сказать, волшебникъ. Въ 5—6 мѣсяцевъ изъ-подъ его дрессировки выходили лошади не только самихъ мягкихъ аллюровъ, но и выдѣлывавшія также сами отъ себя всѣ аллюрные шанжименты и всѣ фронтовыя движенія по словесной командѣ; сѣдоку приходилось только крѣпко сидѣть, да заботиться о красивой посадкѣ. Бывали изъ числа выѣзженныхъ Самойлычемъ коней также и такіе, которые по командѣ: „на право (или на лѣво) кругомъ“, когда при этомъ самъ сѣдокъ еще подалъ извѣстный легкій знакъ мундштукомъ, исполняли граціозно слѣдуемый вольтъ на дыбахъ. Молодецъ былъ нашъ Самойлычъ, да къ тому же добрякъ, а ко мнѣ сердечно расположенъ; это же въ тѣ времена имѣло не малое значеніе для юнкера, въ особенности для новичка. Какъ честный послѣдователь предписаній Ислама онъ вина никакого не пивалъ.

Другой мой пріятель, изъ малорусскихъ казаковъ, Прохоръ „Фарлампычъ“ (т. е. Харлампычъ) Ѳедоренко состоялъ эскадроннымъ квартирмистромъ и во время переходовъ (совершаемыхъ по обыкновенію строевымъ порядкомъ по четыре въ рядъ) находился всегда, когда мнѣ приходилось носить штандартъ [1]), по лѣвую мою сторону. Онъ достопамятенъ мнѣ тѣмъ, что очень любилъ вспоминать про войну 1812-го года и про походъ чрезъ

---

[1]) Когда жъ я не находился подъ штандартомъ, то ѣзжалъ я возлѣ своего ротмистра.

Германію во Францію. Своими наивными разсказами и разсужденіями о томъ, что онъ тогда видѣлъ, онъ часто весьма пріятно короталъ иногда скучно длившіеся часы совершаемыхъ шагомъ переходовъ. Иногда случалось, что, заведя рѣчь о пребываніи полка въ окрестностяхъ Ліона, онъ вдругъ отпускалъ французскія фразы вродѣ такихъ, напр. „крекокѐнъ, этиль бонъ ся венъ“, или „мадамъ, вантрясынъ гри, же фузадоръ“ [1]), а не то и запѣвалъ кое-что изъ самыхъ распространеннѣйшихъ тогда французскихъ народныхъ пѣсенъ, напр. „Фифъ Андрѣй ка́дря, фифся руа̀ валяй“, или „Малъбрюхъ санва̀тъ анке́ря, несся канъ ре́вьяндра“ [2]).

Такъ какъ на немъ, во время какой-либо болѣе продолжительной лагерной стоянки, лежала обязанность, вмѣстѣ съ другими квартирмистрами, разузнавать, куда можно отправлять команды для фуражировокъ [3]), то доброе его ко мнѣ расположеніе не рѣдко доставляло намъ съ Готовцевымъ случай повеселиться нашимъ любимымъ занятіемъ, т. е. музыкою, о чемъ разскажу ниже.

Третьимъ, наконецъ, моимъ пріятелемъ былъ хохликъ 20-ти лѣтъ изъ поселенцевъ нашего полка, Прошка, толстенькій, коренастый кирасирчикъ, лѣтъ 20-ти, прикомандированный ротмистромъ Дрейлингомъ ко мнѣ для ухода за моею лошадью (казенною) и для чистки моей аммуниціи. Таковыя прикомандировки къ юнкерамъ бывали весьма цѣнимы нашими кирасирами, потому что „юнкерскій конюхъ“ получалъ и жалованье своего юнкера и причитавшіяся на него порціи мяса, каши и водки. Прошка былъ вострый, проворный и веселый паренекъ, очень довольный, когда приходила мнѣ фантазія съ нимъ побалагурить и всегда отъ всей души готовъ сопутствовать своему „паничу“ во всѣхъ донкихотствахъ послѣдняго съ „другимъ паничемъ“, т. е. съ корнетомъ Готовцевымъ.

Само собою разумѣется, что въ теченіе первыхъ 2—3-хъ недѣль, я тщательно старался хоть сколько-нибудь ознакомиться

---

[1]) Crécoquin, est-il bon ce vin! — Madame, ventre—saint—gris, je vous adore!

[2]) Vive Henri quatre, vive ce roi vaillant! — Malbrough s'en va-t-en guerre, ne sait quand reviendra!—

[3]) Добыванія сѣна и овса для лошадей.

съ требованіями службы. Августъ Романовичъ далъ мнѣ какую-то книжонку, въ которой изложены были всѣ командные термины съ толкованіемъ ихъ значенія и манеры исполненія, и я въ досужные часы прилежно зубрилъ этотъ кавалерійскій уставъ. Кромѣ того, я всматривался въ обычаи нашихъ офицеровъ и изучалъ ихъ характеры.

Съ тѣмъ же, что собственно составляетъ войну, познакомился я не раньше, какъ съ наступленіемъ Мая мѣсяца. Въ послѣдніе уже дни Апрѣля начали въ нашихъ офицерскихъ обществахъ поговаривать, что мы вскорѣ „тронемся съ мѣста“. Наконецъ, 30 Апрѣля, насъ подняли и повели къ м. Калушину, а на другое утро мы услышали вдали пушечную пальбу, и насъ послали на подкрѣпленіе пѣхотныхъ полковъ, вступившихъ подъ Ендржіевомъ въ бой съ мятежниками. Мы отправились сначала ускореннымъ шагомъ, а потомъ на рысяхъ. Впереди насъ шла сильная ружейная перестрѣлка, и наши, должно быть, одерживали верхъ, потому что двигались все впередъ. Наконецъ и мы настолько приблизились, что чрезъ наши головы то и дѣло просвистывало что-то такое. Эти свисты тогда мнѣ были совершенно еще невѣдомою штукою, такъ что я невольно иногда нагибался, иногда же то въ бокъ, а то и кверху удивленно поглядывалъ. Наконецъ полкъ нашъ развернулся въ боевую линію и мы пустились въ галопъ, но кажется не долго. Прискакалъ какой-то адъютантъ къ полковнику, и раздалась команда: „стой! поэскадронно стройся!“ Такъ мы и простояли нѣкоторое время. Пушечная пальба прекратилась, а затѣмъ вскорѣ и ружейная перестрѣлка; а вмѣстѣ съ тѣмъ замолкли и прежде слышанные мною частые свисты. Раздались барабанный бой и сигналы горнистовъ. Затрубилъ и нашъ штабсъ-трубачъ, и послышалась команда: „глаза налѣво, по четыре направо заѣзжай!“ да и потянулись мы опять обратно. Я тихо спросилъ ротмистра, почему же насъ не ведутъ „сражаться“ съ поляками, и услышалъ, къ моему удивленію, что мы участвовали уже въ сраженіи, и что такъ какъ непріятель потерпѣлъ пораженіе, то мы возвращаемся опять въ свой лагерь. На мой вопросъ, когда-жъ это именно мы находились въ сраженіи? Дрейлингъ мнѣ объяснилъ, что участіе наше началось, когда послышались разнозвучные свисты, которые были послѣдствіемъ пролетѣвшихъ чрезъ наши головы ядръ и пуль; изъ

чего я вывелъ, что предъ услышеннымъ свистомъ „кланяться“ не слѣдъ, такъ какъ свистъ лишь доказательство тому, что ядро или пуля насъ уже миновали. Итакъ, я убѣдился, что сраженія могутъ бывать и не очень-то продолжительными, и что на самомъ-то дѣлѣ, — какъ гласитъ пословица: — „чортъ не такъ черенъ, какъ его малюютъ“.

Но что, дѣйствительно, совсѣмъ ужъ скверно, такъ это впечатлѣніе, которое, при возвратномъ прохожденіи по мѣстамъ только что оконченнаго сраженія, получалось отъ вида лежащихъ еще тамъ и сямъ убитыхъ и раненыхъ. И теперь еще, чрезъ 60 слишкомъ лѣтъ, сердце содрогается при воспоминаніи о видѣнномъ и перо отказывается описывать возмутительныя подробности подобнаго зрѣлища. Вотъ, гдѣ научаешься высоко чтить истинное мужество и христіанское самоотверженіе военныхъ нашихъ медиковъ!

Если спросятъ: какое чувство испытываетъ новичекъ при первомъ своемъ участіи въ сраженіи? то, по моему мнѣнію, это совершенно зависитъ отъ духа и настроенія окружающей его среды. Видя, что и мой ротмистръ, и офицеры, и унтеръ-офицеры, да и сами солдаты спокойны и веселы, что во время слышимыхъ свистовъ то тамъ, то сямъ поднималось тихое, насильно удержимое хихиканіе, что въ самый тотъ моментъ, когда мы пустились въ галопъ, старый Самойлычъ не вытерпѣлъ, чтобы вполголоса не выругнуть одного молодого кирасира изъ шеренги карабинеровъ [1]) за то, что лошадь его подалась впередъ и тѣмъ нѣсколько нарушался строй линіи,—могъ ли я испытывать какое-либо чувство страха? Я, вѣдь, даже не подозрѣвалъ, что я нахожусь уже среди сраженія. То, что я дѣйствительно чувствовалъ, было скорѣе какое-то сильно возбужденное любопытство съ постоянно возрастающимъ, такъ сказать, вопросительнымъ ожиданіемъ: „а, ну, что же дальше будетъ?“ Все было такъ ново для меня, все меня такъ удивляло и занимало. А когда мы пустились въ галопъ, то это оживленное движеніе произвело также полное оживленіе и во всемъ моемъ существѣ, и я весьма досадовалъ, когда насъ остановили; да, впрочемъ, кажется и всѣ наши досадовали. Эхъ, право! Среди истыхъ храбрецовъ и вся-

---

1) У кирасировъ 2-я шеренга.

кій отъ природы трусишка по неволи забудетъ про страхъ. Бравый полкъ хоть кого охрабритъ!

Переходы съ одной позиціи на другую,—откровенно сказать,—составляли самый скучнѣйшій, хотя и неизбѣжный аксессуаръ кампаніи 1831 года. Послѣ столь славнаго, но, къ несчастію, особенной стратегической пользою не увѣнчавшагося Гроховскаго боя, возгорѣвшееся въ тылу нашей арміи возстаніе вынудило ее къ обратному движенію (на сколько соображаю) для очищенія лежавшихъ между Бугомъ и Наревомъ равнинъ отъ сформировавшихся тамъ мятежныхъ шаекъ. Приходилось вертѣться почти въ одномъ и томъ же кругѣ, сегодня направляясь къ западу, а завтра опять къ востоку, либо къ югу. Переходы небольшіе, но медленные, мѣстности однообразныя, скучныя. И были только намъ развлеченія, какія мы сами себѣ устраивали въ нашихъ лагерныхъ стоянкахъ. А чѣмъ же то особенно можно было развлекаться въ лагерѣ? Сходилось офицерское общество въ палаткѣ, а чаще предъ палаткою то одного, то другого, либо дивизіоннаго, либо эскадроннаго командира; начнутъ калякать. Сначала идутъ разные толки и предположенія о диспозиціи арміи, о томъ, гдѣ позиціи Поляковъ, куда на другой день придется направиться? Да все это невѣрно еще; скучно. Между тѣмъ самовары кипятъ,—чай готовъ,—подливается рóмецъ, либо коньячекъ.

„Да что-жъ, господа, такъ сидѣть, даромъ время тратить? Не угодно ли я, пожалуй, готовъ штосикъ прометать! Али не то, такъ банчикъ? Пять тысячъ положу!—Кому угодно?—Гей! Ѳедька! подавай карты! Да послать къ маркитанту за виномъ, да за закуской!“

И пошло веселіе до поздней ночи. Можетъ завтра, невзначай, и бой будетъ; ну такъ что-жъ? Это развѣ должно, или можетъ помѣшать настоящему воину повеселиться наканунѣ. Развѣ русская душа такъ и можетъ сидѣть безъ дѣла, да много думать и горевать о завтрашнемъ днѣ? Завтра само по себѣ; завтра какъ Господу Богу угодно! А сегодня также само по себѣ; сегодня Господь жизни еще даетъ, а жизнь эта ключемъ-струей струится во всѣхъ жилахъ, да на вольную на волюшку просится! „Давай сюда шампанскаго! За здравіе Батюшки-Царя!—Ура! Идетъ семерка на пароли отъ угла!“

Стаканчика два, три добраго винца и я, бывало, выпивалъ, но

въ картежной игрѣ я не участвовалъ, во 1-хъ, потому, что малыя мои средства того не допускали, и, во 2-хъ, потому, что я къ нимъ рѣшительно никакого не чувствовалъ влеченія. Готовцевъ равномѣрно въ карты играть не любилъ; это насъ болѣе еще сблизило. И такъ само собою устроилось, что въ то время, когда офицерскій кругъ началъ заниматься метаніемъ картъ налѣво и направо, мы съ Готовцевымъ удалялись либо въ его палатку, либо въ палатку Дрейлинга, у котораго я имѣлъ свой пріютъ, и проводили время въ дружескомъ обмѣниваніи юношескихъ своихъ мечтаній и стремленій, или распѣваніемъ модныхъ въ ту эпоху романсовъ и народныхъ пѣсенъ въ два голоса. Случалось также, что мы съ Готовцевымъ предпринимали „артистическія экскурсіи“ за нѣсколько верстъ отъ лагеря, а именно, когда мой „пріятель“, квартирмистръ Ѳедоренко, по возвращеніи съ своей рекогносцировки, мнѣ по секрету сообщалъ, что въ панскомъ домѣ той деревни, куда на другое утро должна отправиться команда для реквизиціи фуража, обрѣтаются „фонтопряны“. Тогда мы „два артиста“ обыкновенно просили своего ротмистра Дрейлинга о назначеніи насъ, хотя и не въ очередь, на фуражировку. Прибывъ на мѣсто назначенія, мы передавали своихъ лошадей всегда сопутствовавшему намъ Прошкѣ, а самое распоряженіе-то о реквизиціи предоставляли пріятелю Ѳедоренку и младшему унтеръ-офицеру. Сами же мы съ Готовцевымъ отправлялись въ панскій домъ, и, отрекомендовавшись весьма учтиво обывателямъ его, которыми почти безъисключительно оказывался „панъ инспекторъ“ или „панъ арендаторъ“ изъ нѣмцевъ съ своимъ семействомъ, просили о дозволеніи воспользоваться ихъ музыкальнымъ инструментомъ. Такъ какъ на собираніе и на навьючаніе фуража потребовалось не менѣе двухъ часовъ времени, то мы и безпрепятственно могли вдоволь удовлетворять порывамъ артистической своей жажды. Полились неистощимой струей дуэты и аріи, между которыми, для разнообразія давалъ я также полный просторъ давно уже алчущимъ движенія пальцамъ своимъ. При этихъ-то случайныхъ концертахъ, какъ говорится hors de ligne [1]), вслѣдствіе невольно возникаемаго въ моей душѣ какого-то тоскливаго настроенія, открылъ я въ себѣ нѣкоторую

[1]) Не въ линію, внѣ порядка.

способность къ импровизаціи на фортепіано. Кстати упомяну и о томъ, что наши, съ Готовцевымъ, артистическія экскурсіи, кромѣ собственнаго душевнаго удовольствія, весьма часто приносили намъ также еще и пріятное матеріальное вознагражденіе. Пѣніе наше и фортепіанная игра обыкновенно привлекали весь семейный персоналъ панскаго дома, и приводили не взыскательныхъ этихъ слушателей въ непритворный восторгъ, который старались тѣмъ выразить, что они, насколько то дозволяла лишь кратковременность пребыванія „артистовъ“, угощали насъ, какъ говорится, на славу, да и не забывали при этомъ также нашего квартирмистра, являвшагося подъ конецъ всегда къ Готовцеву съ рапортомъ: „Готово, ваше бла-родіе!“

При нашемъ полку, какъ и при каждомъ другомъ, находился священникъ; но Беллона есть языческая богиня и на христіанскіе праздники ни малѣйшаго вниманія не обращаетъ; а потому во время войны всѣ и вся вполнѣ подвластны лишь ея прихотливой волѣ, и православному нашему воинству приходилось только тогда наслаждаться душевнымъ утѣшеніемъ соборнаго богослуженія, когда дозволяли это капризы броненосной, суровой властительницы нашихъ судебъ. Весьма понятно, что обѣдня лишь въ самыхъ рѣдчайшихъ только случаяхъ состояться могла, ибо мы ежедневно съ самаго ранняго утра до 3-хъ—4-хъ часовъ пополудни сидѣли на коняхъ. Но за то случалось иногда, что наканунѣ какого-нибудь изъ великихъ праздниковъ полковникъ Пиларъ, по предложенію о. Александра, находилъ „по обстоятельствамъ возможнымъ“ (т. е. безопаснымъ для полка), разрѣшить отслуженіе вечерни или всенощной, самою собою разумѣется въ чистомъ полѣ, среди самого лагеря; да и къ соборному участію допускался не весь полкъ, а по очереди изъ каждаго эскадрона одна лишь половина [1]); другая же половина должна была въ это время находиться при лошадяхъ. Кромѣ того, всѣ мы, безъ исключенія, должны были облачаться (на всякій случай) въ полную военно-походную форму, а кони имѣли быть осѣданы и навьючены. Вмѣсто алтаря служилъ складной налой; должности дьячка и псаломщика исполняли два писаря полкового штаба, а клиръ

---

[1]) Очередь водилась по четнымъ и нечетнымъ числамъ занимаемыхъ въ шеренгахъ мѣстъ.

пѣвчихъ образовался изъ офицеровъ. Апостольскія посланія читывали обыкновенно либо маіоръ Дицъ, либо одинъ изъ братьевъ Манассеиновъ. О. Александръ былъ истымъ „военнымъ батюшкою“: высокаго роста, плотный, мощный, крѣпкій въ сѣдлѣ на своемъ конѣ, онъ всегда и вездѣ на походѣ виденъ былъ при полку, а когда мы, бывало, готовились къ строю въ аттаку, онъ, тутъ же какъ тутъ, оказывался всегда возлѣ полковника, и напутствовалъ наши ряды, по мѣрѣ ихъ мимо него прохожденія, осѣненіемъ высоко поднятаго креста. Глубоко проникнутый священной своею пастырскою обязанностію, о. Александръ, съ другой стороны, не разыгрывалъ роли аскетическаго педанта, и, явившись внѣ священнослужительскихъ своихъ занятій, въ офицерскомъ обществѣ, выказывался пріятнымъ, веселымъ собесѣдникомъ и добрымъ товарищемъ.

Нельзя мнѣ также умолчать о нашемъ полковомъ докторѣ, о милѣйшемъ Василіи Ивановичѣ Серебрянскомъ, который отличался не только какъ великолѣпно знающій свое дѣло врачъ, но и рѣдкостнымъ самоотверженіемъ и душевной теплотою, съ какими онъ всегда ухаживалъ за своими больными. При этомъ онъ равномѣрно былъ добрый и надежный товарищъ общаго офицерскаго круга, и въ особенности дружески расположенъ ко мнѣ, хотя и лѣтами превосходилъ меня по крайней мѣрѣ лѣтъ на восемнадцать. Но это оттого, что я, понимая его сердечную грусть, сочувствовалъ ему, и что его утѣшало разсказывать про нее молодой, само по себѣ романтически настроенной душѣ бывшаго „студента“. Дѣло въ томъ, что онъ всего годъ до отправленія въ походъ женился на долго безнадежно любимой имъ красивой и образованной дѣвушкѣ, и что какъ разъ предъ самымъ открытіемъ кампаніи у нихъ родилась дочка, а тутъ-то и пришлось ему разстаться съ существами, которыя составляли высшее, если не единственное, его счастіе. Вотъ это обстоятельство-то, что я всегда готовъ былъ слушать изліянія его думъ, и что я старался утѣшать его и поддерживать его упованіе, и сблизило насъ. А съ моей стороны и большой-то заслуги тутъ даже не было; *романтизмъ* и тутъ былъ для меня чарующей силою. Человѣкъ всегда эгоистъ!

Спору нѣтъ, что вышеописанная военная наша жизнь совершенно соотвѣтствовала моей романтической натурѣ, и что от-

того она мнѣ показалась чрезвычайно привлекательною. Даже случавшіяся иногда неудобства, трудности и опасности, и тѣ даже, какъ выходящія изъ круга рутинной, филистерской жизни факты, являлись предо мною въ розовомъ цвѣтѣ волшебной фаты-морганы. А неудобствъ и трудностей было-таки не мало изнѣженному барчуку. Приходилось, напр., что и въ матеріальномъ даже отношеніи дѣйствительно, а не только въ иносказательномъ смыслѣ „по усамъ текло, какъ говорится, но въ ротъ не попало“. Помню я, между прочимъ, что именно-то одинъ разъ (это было однакожъ уже гораздо позже, во время преслѣдованія Гіельгутовскихъ шаекъ), мы, послѣ шести или семи-часоваго форсированнаго марша, дошли до мѣста назначеннаго для привала. Деньщики со всѣхъ ногъ бросились ставить самовары да готовить обѣдъ, а эскадронные кашевары разводили огни да принялись за стряпню. Офицеры между тѣмъ занялись легонькой закуской. Я же въ тотъ день возилъ штандартъ и потому отправился съ помощникомъ моимъ, (младшимъ унтеръ-офицеромъ), отнести его по регламенту къ стойкѣ полковника. Когда я воротился къ моему ротмистру, Дрейлингъ встрѣтилъ меня съ рюмкой водки въ одной, и съ кускомъ холоднаго жаренаго мяса въ другой рукѣ. „Поспѣшите,—сказалъ онъ,—сейчасъ я узналъ, что мы не долго простоимъ“. Проглотилъ я наскоро, что онъ мнѣ подалъ; но главное было, что меня мучила страшная жажда. Наконецъ, поспѣлъ самоваръ; но едва только ротмистрскій старый деньщикъ успѣлъ заварить чай, какъ штабсъ-трубачъ затрубилъ 1-й походный сигналъ: это значило „являйся за штандартами“. Я, схвативъ снятую, было, ради отдыха переднюю кирасу, приложилъ ее кое-какъ, нахлобучилъ каску и побѣжалъ за штандартомъ, застегнувъ и ту и другую уже на ходу. Принявъ штандартъ и воротившись, я долженъ былъ встать возлѣ своей лошади и ждать 2-го сигнала. Предупредительный Августъ Романовичъ прислалъ мнѣ первый, только что налитый стаканъ чаю; я уже протянулъ руку, какъ раздался 2-й сигналъ; это значило для штандартоносцевъ: „садись!“ а для прочихъ: „къ конямъ!“ Опять подали мнѣ стаканъ съ чаемъ; я понесъ ко рту,—кипящее питье обожгло мнѣ губы. Я попросилъ деньщика налить немножечко на блюдечко и прохладить дуновеньемъ. Деньщикъ такъ и сдѣлалъ; но въ тотъ же самый

моментъ, какъ онъ началъ дуть, раздался 3-й сигналъ: „садись“ для другихъ, а для штандартовъ: „на свое мѣсто.“ Болѣе или менѣе всѣ другіе успѣли хоть насколько нибудь утолить свою жажду, но у меня дѣйствительно хотя и не текло „по усамъ“ (потому что ихъ тогда еще не было у меня), но въ ротъ все-таки не попало. Жажду свою утолить успѣлъ я въ тотъ день не раньше, какъ чрезъ другіе еще 4—5 часовъ форсированнаго перехода.

Къ экстреннымъ, кромѣ общей полковой службы, трудамъ принадлежали и ночныя поѣздки въ корпусный штабъ за приказаніями. Почему полковому командиру иногда приходилось не получать таковыя чрезъ обычныхъ разсылочныхъ, т. е. чрезъ ординарцевъ, а вслѣдствіе того экстренно посылать своихъ унтеръ-офицеровъ, я тогда не изслѣдовалъ и даже, правду сказать, не полюбопытствовалъ. Да и вообще развѣ водится это въ военной службѣ? Стало быть надо было посылать, ну и посылали. Выбирались для сего, конечно, грамотные унтеръ-офицеры, да преимущественно кто считался поболѣе смышленнымъ. А въ то время много-ли было грамотныхъ между сѣдыми усачами унтеръ-офицерами? Храбрецовъ, способныхъ въ случаѣ нужды замѣнять во фронтѣ всякаго офицера, нашлось бы, пожалуй, десятка два, но грамотѣевъ и десятка не набралось бы, да и тѣ всѣ имѣли уже всегда опредѣленную свою должность, а именно: квартирмистрскую. Вотъ и принялись въ случаяхъ экстренныхъ надобностей за юнкеровъ и за вольноопредѣляющихся. Считалось въ то время въ нашемъ полку пять юнкеровъ и четыре вольноопредѣляющагося унтеръ-офицера. Изъ юнкеровъ одинъ, какъ тогда мнѣ сказали, какой-то молодой графъ Ржвускій, родственникъ нашего корпуснаго командира графа де-Виттъ, находился при немъ безсмѣннымъ ординарцемъ. Двое другихъ, братья фонъ-Лидерсъ, племянники нашего полковника, жили при другомъ дядѣ, бригадномъ нашемъ командирѣ Карлѣ Ѳедоровичѣ Пиларъ фонъ-Пильхау. Но еслибы они даже и находились въ полку на лицо, то и тогда они, равно какъ и (поступившій еще позже меня въ полкъ) юнкеръ 4-го эскадрона, баронъ Гюне, должны бы были, въ отношеніи *русскаго* языка, считаться „безграмотными“. Касательно же четырехъ вольноопредѣляющихся, то командиръ 3-го дивизіона баронъ Энгельгардтъ

умѣлъ всегда освобождать отъ подобныхъ экстренныхъ командировокъ двухъ своихъ шуриновъ, по фамиліи Шпейеръ, сыновей одного изъ главноуправляющихъ южно-русскими имѣніями барона Штиглица. Итакъ, для упомянутыхъ ночныхъ экспедицій въ корпусный штабъ, изъ этихъ 9-ти человѣкъ, остались въ распоряженіи полковаго адъютанта только я и два вольноопредѣляющихся, какіе-то: бѣлоруссъ Буховецкій и хохолъ Тимощенко или Тимофеенко (не помню навѣрное). Могъ бы, вѣроятно, и я отдѣлаться отъ подобныхъ командъ, но я этого и не пробовалъ, во 1-хъ, изъ гордаго самолюбія; во 2-хъ, потому, что мой ротмистръ Дрейлингъ самъ придерживался принципа, что на службу не слѣдуетъ никогда напрашиваться, а еще менѣе отнѣкиваться отъ нея; и, въ 3-хъ, что меня ужасно привлекалъ романтизмъ таковыхъ ночныхъ экспедицій, самъ другъ съ однимъ еще только кирасиромъ по неизвѣстнымъ дорогамъ въ отдаленіи отъ нашего войска, среди враждебнаго населенія.

Мнѣ приходилось три раза быть откомандированнымъ за приказаніемъ. Два раза дѣло обошлось очень просто и обыкновенно, и только третья командировка получила окраску нѣкотораго рода романтизма. Это было уже въ Іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ переправы нашей арміи на лѣвый берегъ Вислы, когда мы подвигались къ Ловичу [1]. Отъ мѣста, занимаемаго подъ нашъ лагерь, до корпуснаго штаба надлежало проѣхать верстъ около 10, да отчасти черезъ лѣсъ, который отъ нашихъ аванпостовъ отстоялъ верстъ на 5 или на 6, и о которомъ предупредили меня, что въ верстахъ въ трехъ или четырехъ за нимъ находился будто бы отрядъ мятежниковъ. Адъютантъ Рагозинъ по имѣвшейся у него подробной картѣ весьма старательно истолковалъ мнѣ направленіе и въ особенности дорогу черезъ лѣсъ, а мой ротмистръ далъ мнѣ въ спутники одного стараго, храбраго и опытнаго кирасира-карабинера. Въ 10-мъ часу мы выступили. Для того, чтобы не было шума отъ лошадинаго топота, было приказано тщательно обвязать сукномъ копыта нашихъ коней. Указанія Рагозина оказались весьма вѣрными, и мы часа черезъ два благополучно прибыли въ корпусный штабъ. Еще до полночи собраннымъ

[1] Кстати стоитъ упомянуть, что во время этого движенія намъ, кирасирамъ, приходилось раза два исполнять службу *легкой* кавалеріи, т. е. стоять *на аванпостѣ*.

всѣмъ, отъ разныхъ отрядовъ корпуса, посланцамъ были продиктованы распоряженія графа де-Виттъ, а затѣмъ мы пустились въ обратный путь. Листъ съ этимъ распоряженіемъ спряталъ я, какъ и прежде бывало, на груди подъ коллетъ, покрытый кирасою. Вѣсть о томъ, что въ немногихъ верстахъ за упомянутомъ лѣсомъ расположенъ небольшой аванпостный польскій отрядъ, который прогнать съ этой позиціи и предполагалось на слѣдующій день, эта вѣсть была подтверждена штабнымъ адъютантомъ, почему онъ и присовѣтовалъ быть какъ можно осмотрительнѣе и осторожнѣе во время проѣзда черезъ лѣсъ. Вслѣдствіе того мы (т. е. я и мой спутникъ-карабинеръ), доѣхавъ до лѣса нѣсколько ускоренной походкою, продолжали затѣмъ путь нашъ самымъ медленнымъ, осторожнымъ шагомъ. Дорога черезъ лѣсъ во всемъ протяженіи не должна была имѣть болѣе 3 — $3^1/_2$ версты, и на возвратномъ пути намъ слѣдовало выѣхать изъ лѣса направо. Но вотъ мы ѣхали уже цѣлый часъ, а лѣсъ не рѣдѣлъ по правую сторону. Вдругъ мы слышимъ слѣва издали слабый лай собакъ, а затѣмъ глухой гулъ словно отъ человѣческихъ голосовъ,—еще нѣсколько шаговъ и будто поперегъ нашей дороги тянется тропинка съ лѣвой стороны направо. Мы остановились; карабинеръ взвелъ курокъ своего карабина, а я выхватилъ пистолетъ изъ сѣдельнаго футляра. Гулъ продолжалъ отдаваться, но безсомнѣнно несся изъ значительной отдаленности. И поняли мы, что мы гдѣ нибудь да прозѣвали поворотъ направо, и такимъ образомъ попали на дорогу, ведущую къ непріятельскому аванпосту. Нѣсколько минутъ мы простояли, напряженно прислушиваясь: убѣдившись наконецъ, что въ лѣсу все тихо, мы осторожно повернули по тропинкѣ направо. Дорожка эта черезъ полчаса привела насъ на полянку, среди которой въ полумракѣ виднѣлось какое-то весьма небольшое бѣлое зданіе либо круглой, либо многоугольной формы со множествомъ высокихъ оконъ и двери котораго были раскрыты. Тихо объѣхавъ домикъ, мы нашли, что и съ другой также стороны двери настежъ. Мы слѣзли съ коней и осторожно приблизились къ дверямъ: все зданіе состояло изъ одной только залы, которая оказалась совершенно пустою, а потому мы вошли, потянувъ за собою и нашихъ лошадей. Обходивъ залу вокругъ стѣнъ, мы натолкнулись на двѣ табуретки,

на которыя и присѣли, не выпуская поводьевъ изъ рукъ, и начали шепотомъ совѣтоваться о томъ, должны ли мы продолжать искать исхода изъ лѣса въ ту сторону, гдѣ можно было предполагать нашъ лагерь, или выжидать утренней зари? Обсудивъ дѣло, мы рѣшились на послѣднее, такъ какъ заря, по нашему разсчету, имѣла взойти никакъ не далѣе, какъ черезъ часъ; и тѣмъ болѣе мы такъ рѣшили, что оба мы, а въ особенности я, чувствовали не малую усталость.

Вслѣдствіе того, мы поставили нашихъ коней рядомъ на средину залы, а табуретки передъ ними, а сами, усѣвшись на послѣднія и перекинувъ поводья чрезъ лѣвую руку, держали въ ней, я пистолетъ, а мой спутникъ карабинъ, да въ правой рукѣ обнаженный палашъ, и въ такомъ положеніи старались немножко вздремнуть, что намъ и удалось, да кажется, также и лошадочкамъ нашимъ. Карабинеръ встрепенулся первый и разбудилъ меня. Мы вывели лошадей изъ домика на поляну; небо надъ нами начало уже свѣтлѣть, а потому было пора продолжать нашъ путь. Осмотрѣвъ сѣдла и подтянувъ ослабѣвшія подпруги, мы сѣли на коней и отправились далѣе по той тропинкѣ, по которой мы прибыли къ этому охотничьему (какъ я догадался) павильону. Чрезъ четверть часа группы деревьевъ становились рѣже, и наконецъ мы достигли чистаго поля; мы пустились рысью и вскорѣ увидѣли одинъ изъ аванпостовъ нашего отряда. Еще полчасикъ, и мы прибыли въ лагерь нашего полка. Я отправился къ палаткѣ адъютанта, велѣлъ деньщику разбудить его и, передавъ ему листъ съ приказаніемъ, доложилъ ему вкратцѣ, что мы часа на полтора опоздали оттого, что заплутались. Рагозинъ прочелъ приказаніе. Предписывалось полку двинуться ровно въ 6 часовъ. Часы адъютанта показывали уже половину 4-го часа, и потому онъ поспѣшилъ къ полковнику, а я къ своему ротмистру. Дрейлингъ меня часа два уже поджидалъ за самоваромъ. Не успѣлъ я и перваго стакана чаю выпить, какъ затрубили уже къ водопою. Знать, я, къ счастію, какъ разъ въ пору воротился, а то, пожалуй, подвергся бы строгому взысканію: „будь посмѣтливѣе, солдатикъ, не заплутайся хотя бы и въ невѣдомой сторонѣ; не опаздывай съ приказомъ по корпусу!“

Не сожалѣйте однако же о барчукѣ, благосклонный читатель,— потому что все таки меня очень веселила эта интермедія съ не

безопаснымъ плутаніемъ ночью по лѣсу, такъ что теперь еще, лѣтъ 60 спустя, я съ величайшимъ даже удовольствіемъ о ней вспоминаю. Для юноши, ей же, ей! самая лучшая школа жизни, это *настоящая* военная выправка!

А кстати, чтобъ подъ конецъ этой главы и васъ развеселить, читатель, хотя бы и насчетъ тогдашняго моего самомнѣнія о „важности и достоинствѣ“ 19-ти лѣтняго „кирасирскаго юнкера-штандартоносца“, разскажу я вамъ слѣдующій частный эпизодъ, индивидуально уже только касающійся моей персоны.

Въ предъидущей главѣ я уже упомянулъ, что во время моей метаморфозы изъ пѣхотнаго въ кирасирскаго юнкера, корпусный командиръ графъ Де-Виттъ занималъ панскій домъ, въ которомъ за нѣсколько только дней тому назадъ я, какъ со-постоялецъ капитана Константинова, проводилъ время столь пріятно въ музыкальныхъ занятіяхъ вмѣстѣ съ дочками хозяина. Было также разсказано, что панъ-арендаторъ проговорился предъ полковникомъ Пиларомъ о моемъ талантѣ, когда послѣдній его призвалъ къ себѣ для допроса о моей личности. Графъ былъ вельможа стараго покроя, и не терпѣлъ послѣ обычныхъ ежедневныхъ дѣловыхъ занятій, ни за обѣдомъ, ни по вечерамъ скучать въ одиночествѣ. Поэтому у него была привычка, всегда приглашать къ себѣ, даже во время похода, когда не предвидѣлось возможности какой-либо военной нечаянности,—кромѣ своихъ штабныхъ офицеровъ, еще и всѣхъ другихъ, кому было удобно, какъ откушать у него „хлѣба-соли“, такъ и проводить вечеръ за бесѣдой или за картами. Вслѣдствіе того и полковникъ Пиларъ, находясь съ полкомъ въ одномъ же съ графомъ селѣ на стоянкѣ, бывалъ у него каждый почти вечеръ. Кромѣ того, будучи смолоду, какъ говорится, „un vert-galant“ [1]) и любитель музыки, графъ, когда увидѣлъ флигель въ залѣ занимаемаго имъ панскаго дома, да узналъ, что у арендатора хорошенькія дочки, которыя занимаются музыкою и пѣніемъ, не замедлилъ сдѣлать визитъ старой пани арендаторшѣ и просить „ces dames, de vouloir bien venir les soirs tenir compagnie à un vieux soldat inoffensif, adorateur de l'art musical“ [2]).

---

[1]) Ловкій волокита.

[2]) Соизволить проводить вечера вмѣстѣ съ безобиднымъ старымъ солдатомъ, обожателемъ музыкальнаго искусства.

На второй день импровизированнаго моего поступленія въ Стародубскій полкъ, часовъ такъ около 7-ми вечеромъ, мы съ ротмистромъ Дрейлингомъ опять сидѣли у маіора Дица за чайнымъ столомъ, вмѣстѣ съ братьями Манассеиными и другими офицерами, и компанія, по своему обычаю, готовилась къ карточной игрѣ. Вдругъ является деньщикъ Августа Романовича, а съ нимъ вмѣстѣ вѣстовой, изъ уланъ, съ запиской къ ротмистру отъ корпуснаго старшаго адъютанта (помнится) Данилевскаго, который извѣщаетъ Дрейлинга, что графъ проситъ его „пожаловать“, да привести съ собою „новаго юнкера-артиста“. „Приглашенія“ корпуснаго командира всегда бывали, и впредь всегда будутъ равносильны приказаніямъ.

„Kreutzschockdonnerwetter!“ — воскликнулъ Августъ Романовичъ, вскочивъ со стула и ударивъ кулакомъ по стулу. — „Да готовъ-ли только вашъ форменный костюмъ, юнкеръ?“

Послали къ полковому портному (изъ солдатъ) и велѣли сію минуту же принести, что готово. Оказалось, что только рейтузы окончены, но колетъ еще безъ рукавовъ и безъ воротника, да шпоры къ сапогамъ не пригнаны. Послѣднее было въ мигъ исправлено, а на счетъ колета—такъ всѣ находившіеся тутъ молодые офицеры изъявили готовность уступить свой колетъ, который, вѣдь, пока имъ не нуженъ. Меня тотчасъ заставили примѣрять сюртуки всѣхъ офицеровъ, сколько нибудь хоть одной со мною статуры: оказалось, что лучше прочихъ сидѣлъ на мнѣ сюртукъ поручика Болотова (казначея) и онъ тотчасъ приказалъ своему деньщику притащить всѣ три его колета. „Пригнали“ (какъ говорится) на меня одинъ изъ нихъ, заставили портнаго нашить унтеръ-офицерскіе галуны и погоны съ неготовой моей одежды, и въ менѣе чѣмъ черезъ часъ я былъ поставленъ въ возможность отправиться съ моимъ ротмистромъ „въ гости“ къ его сіятельству.

Маіоръ Дицъ, ротмистры братья Манассеины и адъютантъ Разгозинъ, всѣ уже прежде не разъ бывавшіе у графа, объявили, что имъ также нужно быть на „дебютѣ своего артиста“, а потому и они отправятся въ панскій домъ.

Графъ, которому я былъ представленъ моимъ полковникомъ, удостоилъ меня нѣсколькихъ снисходительныхъ фразъ, сначала на русскомъ, а потомъ на французскомъ языкѣ, а затѣмъ довольно небрежной, болѣе повелительной, чѣмъ просящей, интонаціею, при-

бавилъ: „Eh bien, notre chèr monsieur, j'espère que vous ne refuserez pas de nous regaler de votre talent, dont ces dames m'ont raconté“ [1]).

„Отъ начальника всякаго рода комплименты принимай за милость!“ пролетѣло у меня въ головѣ, и вслѣдствіе того я сотворилъ по военному „на лѣво кругомъ“ и направился мѣрными шагами къ открытому уже флигелю, положилъ чинно шапку и перчатки на стоявшій возлѣ пюпитръ, усѣлся и началъ играть, конечно, „шикарныя“ пьесы, какія въ то время составляли „les délices des mélomanes titrés“ [2]), напр., варіяціи Ганри Герца, Мошелеса и т. п. Его сіятельство изволили аплодировать, а затѣмъ пожелали послышать и пѣніе мое; но должно отдать долгъ правдѣ: въ тонѣ его звучала уже другая, болѣе подходящая нотка. Чтобы удовлетворить послѣднее желаніе графа, я обратился къ дочерямъ арендатора, и спросилъ, не будетъ ли одна изъ нихъ столь любезной, аккомпанировать арію изъ „Фрейшюцъ“ Вебера, такъ какъ съ недѣлю тому назадъ я эту же арію у нихъ раза два уже пѣлъ. Графъ поддержалъ мою просьбу,— барышня сѣла за инструментъ, и я интонировалъ сцену Каспара: „Schweig! Schweig! damit dich niemand warnt!“ [3]) Какъ только въ 4-мъ уже тактѣ, на словѣ „warnt“ полнымъ голосомъ я взялъ нижнее бассовое La, вдругъ раздался общій веселый хохотъ, смѣшанный съ восклицаніями „bravo“! — Испуганный и сконфуженный я остановился, а вмѣстѣ со мною и аккомпанирующая барышня. Затѣмъ я схватилъ шапку и сталъ во фронтъ, выказавъ этимъ, что я чувствовалъ свое присутствіе тутъ уже ненужнымъ и неумѣстнымъ. Графъ всталъ, и, подошедъ ко мнѣ, протянулъ мнѣ руку.

„Pardon, mon chèr monsieur“,—сказалъ онъ.—„Ce n'est point votre manière de chanter, — laquelle est très bonne, — dont nous tous avons ri involontairement; mais vous même devez nous accorder, que votre voix si virile se trouve tant en contradiction avec votre visage blanc et rose de petite démoiselle, qu'il fut absolument impossible de résister à l'accés de rire, quand vous prîtes cette note

---

[1]) Ну, что же, нашъ милый господинъ, я надѣюсь, что вы не откажетесь угостить насъ вашимъ талантомъ, о которомъ эти дамы мнѣ разсказали.

[2]) Отраду титулованныхъ меломановъ.

[3]) Послѣдняя сцена 1-го дѣйствія, № 5 въ партитурѣ.

forte de basse, rien moins que soupçonnée dans le gosier d'un adolescent aussi jeune que vous. Et maintenant faites moi le plaisir de recommencer votre charmant air“ [1]).

Послѣ столь любезныхъ словъ начальника-вельможи пришлось только повиноваться, и даже болѣе еще постараться. Въ послѣдующіе дни графъ еще раза два меня пригласилъ. Но за сравненіе меня съ „petite démoiselle“ я въ глубинѣ сердца долго сердился на него, и тѣмъ болѣе, что и наши офицеры не разъ потомъ называли меня „бассовою барышнею“.—Мнѣ показалось это униженіемъ моего „юнкерскаго достоинства“ [2]).

XXIV.

Аттака подъ Нурами.—Остроленко.—Мы проходимъ мимо гвардейскаго корпуса.—Смерть фельдмаршала графа Дибича.—Графъ Толль.—Стоянка близъ Пултуска.—Библіотека въ разграбленномъ замкѣ графа Острожскаго.—Фельдмаршалъ графъ Паскевичъ.—Переправа чрезъ Вислу.

Такъ какъ я вовсе не думаю выступать военнымъ лѣтописцемъ кампаніи 1831-го года (на что у меня нѣтъ ни требуемаго знанія, ни серьезнаго таланта), а только передаю здѣсь лично мною вынесенныя отъ нея впечатлѣнія, то, конечно, въ составъ моихъ воспоминаній могутъ войти только эпизодическіе разсказы о частныхъ, преимущественно меня поразившихъ фактахъ и приключеніяхъ во время этой войны, большею частію даже мало имѣющихъ связи

---

[1]) „Простите, милый мой господинъ! Это всѣ мы отнюдь не надъ вашей манерою пѣнія, которая очень хороша, совершенно невольно смѣялись; но вы сами должны согласиться съ нами, что вашъ столь мужественный голосъ такъ противорѣчитъ вашему, какъ бы у маленькой барышни, бѣлому и розовому лицу, что рѣшительно было невозможнымъ устоять противъ припадка смѣха, когда вы брали эту сильную бассовую ноту, менѣе всего подозрѣваемую въ гортани столь молодаго юноши, какъ вы. А теперь сдѣлайте мнѣ удовольствіе снова начать вашу прекрасную арію.

[2]) Кстати, упомяну здѣсь, что вслѣдствіе долгаго перерыва методическихъ упражненій, а затѣмъ еще и ради отмораживанія двухъ пальцевъ лѣвой руки я позже долженъ былъ бросить всякую надежду на фортепіанную виртуозность; а легкая контузія въ грудь, полученная подъ Волею, было причиною, что мой голосъ потомъ потерялъ бархатность и получилъ нѣсколько рѣзкій тембръ, вслѣдствіе чего я съ 1835-го уже года, изъ самолюбія, и совсѣмъ отказался отъ пѣнія, и только при обученіи пѣнію, поневолѣ, голосомъ показывалъ, какъ надо образовывать правильные звуки.

между собою. А потому и прошу напередъ благосклоннаго читателя не ожидать отъ моихъ разсказовъ ни особенно методической, ни особенно хронологической послѣдовательности.

Въ послужномъ моемъ спискѣ значится, напр., что нашъ полкъ съ 7-го по 14-ое Мая участвовалъ въ движеніи главной арміи отъ Жукова чрезъ Соколово, Гранно-Цеховецкъ, Высоко-Мазовецкъ и Пыски къ Остроленкѣ, и что 10-го Мая мы способствовали подъ мѣстечкомъ Нурами пораженію мятежниковъ, которымъ командовалъ (какой-то) Лубенскій. Но вообще изъ этой части похода въ памяти моей удержались живыми три только картины.

Дѣйствительно, помню я, что, довольно рано поднявшись, 10-го Мая, и сдѣлавши обычные два перехода съ приваломъ между ними, мы, въ началѣ, быть можетъ, 4-го часа пополудни остановились около какого-то лѣсочка; но вмѣсто того, чтобы устроиться лагеремъ, мы, оставивъ лошадей въ строю, только спѣшились опять по привальному. Офицерство 3-го, 4-го и 5-го эскадроновъ, т. е. центръ нашего русскаго кружка, усѣлось подъ ближайшими къ дорогѣ дубками вокругъ маіора Дица и ротмистровъ Дрейлинга и Манассеиныхъ, да и всѣ мы принялись закусывать, чѣмъ кто запасся наканунѣ, потому что огни разводить для стряпни да самовары ставить на этотъ разъ не дозволялось. Тутъ подошли и наши „штабные“, т. е. адъютантъ Рагозинъ и казначей Болотовъ, и сообщили, что полученъ приказъ, дабы часу въ 6-мъ идти намъ впередъ ускореннымъ шагомъ; что изъ корпуснаго штаба приведенъ лазутчикъ-путеводитель, и что къ вечеру (непремѣнно) завяжется бой, такъ какъ въ верстахъ въ 5 или въ 6-ти, слышно, мятежники усѣлись за полевые шанцы, и говорятъ, при нихъ есть и уланы.

„Ура“! грянула вся компанія, при чемъ восторженная молодежъ быстро вскочила.—„Наконецъ-то“!

— „Тише! да тише же, господа“!—перебилъ насъ Рагозинъ,—„строго приказано соблюдать наивозможнѣйшую тишину, да и держать это въ тайнѣ отъ солдатъ!“

„Ну, ладно“!—сказалъ маіоръ Дицъ,—„такъ и будемъ знать! Но вы вотъ что мнѣ скажите, господа: чѣмъ же намъ время-то коротать, пока мы здѣсь простоимъ? Вы сообразите, вѣдь цѣлыхъ два часа еще впереди“!

— Эхъ-ма! шпунтику [1]) хорошо-бы“!—вздохнули двое изъ старенькихъ поручиковъ.

„Нѣтъ, ба́теньки, шалите! во 1-хъ, самовары не разрѣшены, а во 2-хъ, голову-то треба держать въ порядкѣ“!—замѣтилъ имъ Дицъ.

— Вотъ что „Donnerwetter“, маіоръ, (воскликнулъ Дрейлингъ), метни ка ты намъ штосикъ!

— „Да и на самомъ дѣлѣ, метните-ка, маіоръ“! подхватили другіе.

Маіору того только и желалось; подали карты, и, въ ожиданіи предстоящаго боя съ Поляками, завязалось мирное сраженіе въ карты. А мы съ Готовцевымъ, отошедъ нѣсколько въ сторону, растянулись на травѣ. Готовцевъ участвовалъ, вѣдь, въ Гроховскомъ дѣлѣ, и мнѣ очень любопытно было услышать, въ чемъ-то собственно состоитъ настоящее военное участіе кавалеріи; я вотъ и разспросилъ его и заставилъ разсказать о деталяхъ. Два часа быстро протекли незамѣтно для всѣхъ. Вдругъ полковникъ прислалъ вѣстоваго, чтобы явились къ нему адъютантъ и гг. дивизіонные и эскадронные командиры. Не прошло и четверти часа, какъ послѣдніе воротились, и по всѣмъ эскадронамъ раздались командныя слова: „къ конямъ“, а затѣмъ: „садись“! и наконецъ поочередно: „Маршъ“! Чрезъ дальнѣйшую четверть часа мы пошли уже рысцой.

Между тѣмъ наставали сумерки и когда чрезъ часъ мы снова остановились, и полкъ развернулся поэскадронно во фронтъ, то нѣсколько ужѣ стемнѣло. Дорога, которая насъ привела на эту позицію, направлялась и далѣе еще впередъ до какого то лѣса, который тянулся по обѣ стороны. Какъ далеко было разстояніе отъ насъ до лѣса, этого, по причинѣ сумерковъ, опредѣлить было невозможнымъ; но предъ лѣсомъ двигались какія-то черныя ленты. Вдругъ послышался съ правой стороны приближавшійся гулъ отъ скачущаго коня, и раздался голосъ полковника: „догнать“! Находясь возлѣ своего ротмистра на правомъ флангѣ, я давно уже объятый какимъ-то совершенно для меня новымъ чувствомъ возбужденія всего своего существа, быстро обратился къ Дрейлингу: „Ради Бога, ротмистръ! позвольте мнѣ“! и, не дождавшись

[1]) т. е. пуншу.

разрѣшенія, пустился во весь карьеръ на встрѣчу едва въ темнотѣ видимому всаднику, а за мною бросились еще нѣсколько кирасировъ.

Наровивъ перерѣзать дорогу всаднику, я уже почти догналъ его, когда вдругъ раздались другъ за другомъ два выстрѣла, а за тѣмъ мимо моихъ ушей извѣстные свисты. Но въ ту же минуту я наскочилъ на противника и со всего размаха ударилъ его палашемъ по головѣ. Одновременно съ тѣмъ выстрѣлилъ въ него одинъ изъ прискакавшихъ кирасировъ. Всадникъ опрокинулся. Подоспѣвшіе три—четыре кирасира подхватили кто его, а кто лошадь, и мы вернулись къ полку. Только что я успѣлъ встать опять на свое мѣсто, какъ впереди насъ послышался уже сильный гулъ отъ скаканія множества коней. Тутъ и мы поскакали эскадронъ за эскадрономъ поочередно съ требуемыми дистанціями одинъ отъ другаго. Но описывать подробности того, что потомъ было,—ей-же ей! я не берусь! Была какая-то свалка, среди которой и я махалъ палашомъ направо и налѣво, словно работникъ на сѣнокосѣ, но все это точно въ какомъ-то волшебномъ чаду, затѣмъ, помнится, мы перескакнули чрезъ какой-то ровъ, опять рубились, и вдругъ остановились. Послышалось: „Стройся! Глаза налѣво, по четыре направо заѣзжай!“ и потянулись мы немногимъ назадъ, да и расположились лагеремъ. Запылали костры, захлопотали кашевары и повара, и пошло веселіе.

Офицеры собрались въ обычные свои кружки, и мы всѣ съ необыкновеннымъ аппетитомъ удовлетворили требованія отощалыхъ нашихъ желудковъ. Тутъ узналъ я и про то, что собственно-то мы натворили: это была блестящая аттака, которою удалось намъ не только опрокинуть улановъ и потомъ пѣхотную линію, но взять даже полевой шанецъ съ двумя орудіями [1]). Говорили, что бой продолжался около 4-хъ часовъ, чему я сначала вѣрить не хотѣлъ: мнѣ показалось, что болѣе не прошло времени, какъ часа лишь полтора, ну много два!—Оказалось у насъ и раненыхъ: два офицера и десятка полтора нижнихъ чиновъ; а убито было, кажется, пять только солдатъ. Этотъ вредъ причинили намъ картечи взятаго нами потомъ полеваго шанца. Разсказы-

[1]) Полковникъ Пиларъ за это дѣло былъ вознагражденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

вали также, что забранный нами всадникъ умеръ; что онъ оказался адъютантомъ начальника польскаго отряда, и что нашли при немъ какія-то важныя бумаги.

Когда, очень поздно ужѣ, или вѣрнѣе „очень рано“ (потому что солнце уже взошло) мы готовились ложиться спать въ нашей палаткѣ, Дрейлингъ, принявъ весьма грозный видъ, строго замѣтилъ мнѣ: „завтра, юнкеръ, я васъ подъ судъ отдамъ! какъ вы посмѣли безъ моего приказанія отлучаться изъ фронта?“

— Простите, г. ротмистръ,—отвѣтилъ я,—но съ одной стороны, я думалъ, что это такъ нужно было послѣ команды г. полковника: „догнать!“, а во-вторыхъ, меня внутренно столь сильно поддергивало, что, право! не было никакой возможности устоять.

Ротмистръ расхохотался, обнялъ меня, и прибавилъ: „ну, Donnerwetter, успокойтесь! За такія дѣла, конечно, я своей бассовой барышни подъ судъ не отдамъ! Но все-таки, въ другой разъ выжидайте ужъ лучше моего приказанія!“

Второе, что изъ этого движенія арміи я помню, было то, что за нѣсколько часовъ до нашего вступленія въ Остроленку, на другой день послѣ достопамятнаго сраженія, намъ пришлось пройдти мимо лагерей гвардейскаго корпуса, которымъ командовалъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Такъ какъ полковникъ былъ напередъ ужѣ предупрежденъ, что Его Высочество самъ со всѣмъ своимъ штабомъ будетъ находиться возлѣ шоссе, по которому пролежалъ намъ путь въ упомянутый городъ, то мы, версты за 2 или за 3 до тѣхъ лагерей сдѣлали болѣе продолжительный привалъ, чтобы придать своей наружности по возможности „парадный“ видъ. Лошадей повели къ нашедшемуся тутъ ручейку, да выкупавъ и вычистивъ ихъ потщательнѣе, накормили пощедрѣе овсомъ; вычистили до блеска сѣдла и аммуницію; подклеили плюмажъ изъ конскихъ волосъ на гребняхъ касокъ; выбрились, да нафабрили усы; и, наконецъ, надѣли новые колеты и рейтузы. Когда полкъ нашъ тронулся въ путь, то онъ имѣлъ видъ, какъ будто только что выступилъ изъ своихъ квартиръ для какого-нибудь парада. Меня же мой ротмистръ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, поставилъ къ штандарту.

Великій князь насъ уже поджидалъ передъ лагеремъ кавалергардскаго полка, находившагося ближе прочихъ лагерей къ шоссе. Это я нынѣ такъ заключаю изъ того, что нѣсколько поодаль

за Его Высочествомъ и его свитою виднѣлось множество офицеровъ, а немножечко дальше еще цѣлыя кучки нижнихъ чиновъ означеннаго полка. Позже мы услышали отъ нашего полковника, что Великій князь хвалилъ бодрый видъ солдатъ и лошадей, исправность и чистоту аммуниціи и одежды, да фронтовую выправку. А было-ли что-либо упомянуто о томъ, что мы, *тяжелая кавалерія*, взяли приступомъ шанецъ, про то я тогда не слыхалъ.

Было далеко еще до сумерковъ, когда, вступивъ въ г. Остроленку, мы, не доходя до моста чрезъ рѣку Наревъ, продефилировали также и мимо фельдмаршала графа Дибича и начальника главнаго штаба графа Толля. Фельдмаршалъ, казалось, былъ въ отмѣнно хорошемъ, можно даже сказать, въ весьма веселомъ расположеніи: онъ съ окружавшими его лицами оживленно разговаривалъ и довольно громко смѣялся. Видъ его выказывалъ тогда цвѣтущее здоровье: довольно полнощекое лицо было даже немножко чрезъ-чуръ покрыто румянцемъ. Онъ поздоровался съ нашимъ полкомъ и поздравилъ насъ съ побѣдою нашею подъ Нурами.

О томъ, что на перевязочномъ мѣстѣ за мостомъ, между умиравшими изъ числа героевъ предшедшаго дня, я увидѣлъ бывшаго своего университетскаго товарища Залемана, упомянулъ я уже въ XXI-й главѣ.

Дошедъ благополучно до Пултуска (16-го или 17-го Мая), мы близъ этого города расположились лагерной стоянкою. Чуть-ли не въ тотъ же день долетѣла до насъ и вѣсть о внезапной отъ холеры смерти фельдмаршала. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространился и слухъ, будто на мѣсто умершаго графа Дибича будетъ назначенъ графъ Толль; но этотъ слухъ не подтвердился, и мы, кажется, цѣлую недѣлю прождали рѣшенія столь важнаго вопроса, пока не было объявлено приказомъ, что главнокомандующимъ арміею назначенъ фельдмаршалъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, который и долженъ вскорѣ пріѣхать. Не помню нынѣ, когда именно прибылъ новый главнокомандующій, но помню, что въ лагеряхъ подъ Пултускомъ мы простояли пять слишкомъ недѣль въ совершеннѣйшемъ бездѣйствіи. Ибо нельзя же въ строгомъ смыслѣ считать *военнымъ* дѣйствіемъ учиняемыя отъ времени до времени экспедиціи за фуражемъ и за рогатымъ скотомъ.

Эта продолжительная стоянка имѣла, впрочемъ, для нашихъ солдатъ и для лошадей свою хорошую сторону: и тѣмъ и другимъ нужны были отдыхъ въ здоровой мѣстности и хорошее въ достаточномъ количествѣ продовольствіе, чего именно-то, сколько по сложившимся тактическимъ обстоятельствамъ, столько же и по ненастной погодѣ, намъ не доставало въ теченіе послѣднихъ 2-хъ—3-хъ недѣль. Не могу я знать, каково приходилось Стародубскому полку до 17-го Апрѣля, т. е. до дня моего поступленія въ ряды его, но знаю я, что время моего дебюта на военномъ поприщѣ, съ 30 Апрѣля по 17-е Мая, едва ли я не долженъ считать самой тяжелой эпохою изъ всего мною пережитаго въ эту войну. Во 1-хъ, во все это время ни разу не приходилось переночевать, не то чтобы въ какой ни на-есть хоть хижинькѣ, но даже въ холстяной палаткѣ. Бывало, да не одинъ только разъ, совершивъ усиленный походъ подъ проливнымъ дождемъ, мы дотащились наконецъ до позиціи переночевки. Хочется согрѣться, прилечь, соснуть, анъ глянь! указанная намъ позиція болотистое поле, а тутъ еще и приказъ: „держаться на готовѣ“. Какъ же и гдѣ же тутъ развьючиться, да палатки разбивать? Тащутъ изъ лѣска, иногда даже изъ-за полу-версты, деревца, зажигаютъ побольше костровъ. Но отъ дождя деревца совсѣмъ сырыя: плохо горятъ, и дыму-то столько, что хоть весь полкъ имъ перекопти. Такъ часа два еще и промучаются безъ того уже измученные солдатики. Наконецъ-то пылаетъ костеръ, приступаютъ къ стряпнѣ. Да варить-то, кромѣ крупы съ сухарями, нѣтъ ничего; наканунѣ послали фуражировъ отъискивать рогатаго скота, либо барановъ; а кромѣ 3—4 гусей, пары утокъ, да десятка быть можетъ полтора куриц ъ никакой другой живности болѣе не нашли. Все, что только возможно было, угнано мужиками въ дальные лѣса. А и этихъ-то птицъ словили не полковые фуражиры, а независимые отъ команды „волонтеры“ при экспедиціяхъ, т. е. болѣе проворные офицерскіе деньщики-молодцы-проныры. Ну, и довольствуйся похлебкой изъ крупъ да сухарей. Спасибо еще полковнику, что онъ на водку-то для своихъ кирасировъ не скупился: въ подобныхъ случаяхъ солдатикамъ двойныя приказывалъ отпускать порціи. А винцо-то по крайней мѣрѣ, слава Богу! всегда было на лицо: его по контракту обязанъ былъ доставлять нашъ полковой маркитантъ

Ермилъ Мартынычъ, Ярославскій купецъ 3-й гильдіи, крѣпостной крестьянинъ графа Шереметева. Да и офицерамъ сравнительно не лучшая же выпадала судьба. Гусь-то, напр., долженъ былъ удовлетворять, иногда, голоду пяти или шести здоровыхъ желудковъ. А потому приходилось намъ или прибѣгнуть къ искусственному бульону, продаваемому Мартынычемъ по 1 р. 50 к. за „тафлинку“ въ полфунта, или добавлять свой обѣдъ чаемъ съ булками, за которыя, величиною въ нынѣшніе такъ называемые „розанчики“, нашъ кормилецъ-маркитантъ бралъ за штуку по „злоту“ польскому т. е. по пятиалтынному [1]).

А каково же было спанье-то наше на этихъ болотахъ? да еще при полученіи приказанія „держаться на готовѣ?“ Лошадей не разсѣдлывали, мунштуки лишь отстегивали, да подпруги ослабляли. Сѣно съ боку, а торбы съ овсомъ чрезъ головы лошадямъ вѣшали. На каждыхъ 4-хъ коней по кирасиру часа на два сторожемъ приставляли, да и къ кострамъ по „стопнику“ на таковой же срокъ времени. Прочіе же ложились вокругъ костровъ, человѣкъ до десяти около каждаго костра: снятая передняя кираса служила вмѣсто головной подушки (каски были повѣшаны на шестахъ, къ коимъ были привязаны лошади), а задняя кираса не снималась, — благо она даже нѣкіимъ образомъ сохраняла спину отъ сырости болотнаго грунта. Завернулись въ шинели,— и все тутъ. Съ одного бока сырость проникаетъ въ тѣло, зато другой бокъ поджаривается отъ пылающаго костра; невольно просыпаешься отъ этой двоякой температуры въ крови, и поворачиваешься только для возстановленія равновѣсія,—да тотчасъ и вновь захрапишь; и такъ всю ночь. Утромъ, часу въ пятомъ, а не то и въ четвертомъ, раздается сигналъ: „вставай!“—Солдаты спѣшатъ къ конямъ—сѣдла поправить, подпруги подтянуть, мунштуки застегнуть, торбы снять, сѣнной вьюкъ на мѣсто (къ задней части сѣдла) привѣсить. Затѣмъ квартирмистръ съ помощникомъ вдоль шеренгъ проходитъ, по чарочкѣ, по порціи, каждому молодцу наливаетъ. Солдатики выпиваютъ, черствымъ сухарикомъ закусываютъ. А у офицеровъ деньщики-то шустрые еще раньше сигнала проснулись, и мы отяжелѣвшія головы свои едва успѣли поднять съ желѣзныхъ нашихъ подушекъ, а у каж-

[1]) Въ то время=60 копѣйкамъ мѣди.

даго уже въ рукѣ стаканъ горячаго чаю съ ромкомъ. Но урочный полчасовой срокъ прошелъ и вотъ затрубили: „готовсь!“ Чуть успѣлъ подтянуть портупею да застегнуть латы, а ужъ раздается сигналъ: „за штандартами!“ и т. д.—Черезъ четверть часа мы снова тянемся вдаль!

За то, какъ уже сказано было, мы подъ Пултускомъ, въ прочно и широко, на сухомъ, луговомъ грунтѣ устроенныхъ палаткахъ, вдоволь отдохнули. Для людей вообще и для лошадей это, слѣдовательно, дѣйствительно было полезно. Но нашему офицерскому обществу это долгое бездѣйствіе приносило въ нѣкоторомъ отношеніи также и вредъ: отъ скуки развивалась все болѣе и болѣе картежная игра, а вмѣстѣ съ нею и страсть къ винному разгулу, и это было жаль, ибо не всѣмъ удавалось потомъ опять отвыкнуть отъ разгула и отъ картежной страсти.

Мнѣ-то собственно скучать не приходилось; по милости благосклонной судьбы у меня въ наипріятнѣйшихъ развлеченіяхъ недостатка не было. Кромѣ упомянутыхъ, прежде уже случавшихся фуражировокъ „съ концертами“, удалось мнѣ, въ одну изъ таковыхъ же экспедицій, добыть себѣ богатѣйшій запасъ разнороднѣйшаго матеріала для полнаго удовлетворенія душевныхъ и умственныхъ моихъ потребностей. Нельзя же, полагаю я, слишкомъ строго осудить человѣка за то, что природныя его наклонности не всегда совпадаютъ съ общими наклонностями окружающей его среды [1]). А рѣченный „матеріалъ“ достался мнѣ слѣдующимъ образомъ.

Разъ вечеромъ, наканунѣ предполагаемой экспедиціи за фуражёмъ, квартирмистръ Ѳедоренко сообщалъ намъ съ Готовцевымъ, что фуражеровку назначено произвести въ имѣніи какого-то графа Острожскаго; что тамъ, какъ ему говорили, наибогатѣйшій панскій домъ, гдѣ много „штрументовъ“,—„то есть, объяснилъ онъ, наивельможнѣйшій какъ разъ дворецъ“. — Вотъ, мы и отпросились у ротмистра не въ очередь, въ командировку. На другое

---

[1]) Наше Стародубское общество, видимо, было точно таковаго же мнѣнія, потому, что мои „развлеченія“ не только не подвергались какому-либо порицанію со стороны начальниковъ и старшихъ офицеровъ, или насмѣшкамъ нашей молодежи, но доставляя и имъ иногда нѣкоторыя удовольствія, вызывали даже сочувствіе къ моимъ занятіямъ и подкрѣпляли общее ко мнѣ благорасположеніе.

утро отправились. Прізжаемъ, видимъ: на самомъ дѣлѣ великолѣпное зданіе въ стилѣ „rénaissance“, только всѣ двери настежъ, да большинство оконъ перебито, а на дворѣ подъ окнами валяется множество переломанной, видимо, роскошной мебели: и зеркала въ золоченныхъ рамахъ, и массивные столы изъ чернаго дуба съ ножками рѣзной работы, и таковые же диваны и кресла, да будуарная мебель изъ розоваго дерева съ инкрустаціею, и т. д. А немногимъ дальше слетѣвшія съ нихъ, конечно, шелковыя подушки разныхъ цвѣтовъ и фасоновъ, да между ними бронзовые часы, канделябры, мраморныя фигуры, книги разныхъ калибровъ и пр. все pêle-mêle [1]). — Вошли мы въ домъ: и тамъ повсюду слѣды злостнаго, безцѣльнаго опустошенія! Прошедъ длинную анфиладу пріемныхъ заловъ, мы вступили, наконецъ, въ библіотеку, по срединѣ которой стоялъ массивный изъ березы письменный столъ, ящики котораго были всѣ открытыми. Большинство книгъ валялись на полу. Нога моя наступила на одну изъ нихъ; я ее поднялъ. Это было знаменитая въ свое время нѣмецкая поэма Эрнста Шульце „Die bezauberte Rose“ [2]); возлѣ нея нашелъ я небольшой томикъ съ французскими стихами: сочиненія Андрея Шенье. Я взялъ себѣ обѣ книжки. Подъ письменнымъ столомъ на опрокинутомъ ящикѣ лежала щегольская гитара съ перерванными струнами. Этой находкѣ обрадовался, конечно, Саша Готовцевъ: осмотрѣвъ гитару и ящикъ и нашедъ въ послѣднемъ запасъ струнъ, онъ „аннектировалъ“ себѣ „сей штрументъ гишпанскаго происхожденія“. Въ одномъ изъ ящиковъ мы нашли нѣсколько дестей писчей и рисовальной бумаги разныхъ отличныхъ сортовъ, а въ другомъ ящикѣ множество карандашей, и два плоскихъ, жестяныхъ ящичка, изъ коихъ въ одномъ были акварельныя краски, а въ другомъ коллекція карандашей для пастельной живописи. Наконецъ, въ третьемъ отдѣленіи лежалъ небольшой деревянный ящикъ съ масленными красками и другими принадлежностями для этого рода живописи, конечно, исключая мольберта. Господь да проститъ меня! Противъ такого искушенія я устоять не могъ,—и невольно сдѣлавшись „мародёромъ“, захватилъ все вышеупомянутое, завернулъ

---

[1]) Какъ попало.

[2]) Околдованная роза.

въ валявшійся тутъ-же какой-то полуразорванный, грязный коверчикъ, да и выбѣжалъ на дворъ, чтобы привязать „завоеванное“ богатство къ сѣдлу моего коня. Совѣсть же свою успокоивалъ я тѣмъ разсужденіемъ, что вообще коренной собственникъ этого дворца есть бунтовщикъ противъ моего царя, и въ качествѣ таковаго потерялъ право законнаго владѣнія чѣмъ либо въ предѣлахъ нашего государства; а затѣмъ, разъ уже дворецъ былъ болѣе или менѣе разоренъ и ограбленъ, такъ не все ли равно, взяты ли также еще и двѣ книженки, да краски и карандаши съ бумагою, или не взяты?

Когда Готовцевъ и я воротились въ лагерь, то прежде всего мы занялись приведеніемъ въ порядокъ *его* добычи, т. е. гитары; *свою* же добычу я пока еще спряталъ, да и Сашу просилъ никому не говорить про нее. Офицерскій же кружокъ въ ту пору, какъ и всегда, находился въ сборѣ у палатки маіора Дица, насупротивъ линіи 4-го эскадрона, а потому намъ, занявшимся своимъ дѣломъ въ палаткѣ Дрейлинга, въ передней линіи 3-го эскадрона, никто и не помѣшалъ. Наконецъ, всѣ струны были натянуты и настроены, и Готовцевъ для пробы взялъ нѣсколько аккордовъ: инструментъ оказался превосходнаго тона. Вотъ мы и учинили сначала въ полголоса репетицію, а затѣмъ отправились трубадурами къ кружку, распѣвая a piena voce [1]). Уже репетиція наша да звуки гитары привлекли къ нашей палаткѣ любопытныхъ сосѣдей: сначала деньщиковъ ротмистра, а потомъ мало-по-малу и солдатъ нашего эскадрона. Когда же мы направились къ палаткѣ маіора, то потянулись за нами и всѣ наши слушатели, причемъ число ихъ все росло да росло. Эффектъ отъ сюрприза, какой мы учинили возлежавшей на травѣ картежной компаніи, былъ колоссальный: всѣ, вскочивъ съ своихъ мѣстъ, захлопали въ ладоши и даже карты на время были забыты. Молодежъ съ веселымъ визгомъ подхватила трубадуровъ да и начала чествовать качаніемъ, а маіоръ велѣлъ подать шампанскаго (хотя часъ-то былъ далеко еще дообѣденный), чтобы выпить за здоровье „лейбъ-артистовъ Стародубскаго полка“.

Адъютантъ, конечно, разсказалъ объ этомъ полковнику, и Густавъ Ѳедоровичъ, подъ вечеръ пригласивъ насъ съ Готовце-

---

[1]) Полнымъ голосомъ.

вымъ къ себѣ, просилъ угостить и его также „концертомъ“. Такъ какъ въ палаткѣ, хотя бы и полковничьей, всегда бываетъ тѣсно и душно, то Г. Ѳ. Пиларъ съ своими гостями помѣстились предъ нею, а потому, когда мы запѣли, то всѣ офицеры сами по себѣ сюда же собрались, а поодаль столпились и унтеръ-офицеры ближайшаго эскадрона. Подъ конецъ затянули мы съ Готовцевымъ: „Чарочки по столикамъ похаживаютъ“. Тутъ-то совсѣмъ увлекшись духомъ этой коренной русской плясовой пѣсни, и какъ бы въ чаду забывъ все и вся, мы оба вдругъ вскочили и вставъ другъ противъ друга, начали отплясывать трепака, продолжая пѣть и стараясь перещеголять одинъ другаго въ выдѣлываніи искусныхъ коленцъ. Громкіе аплодисменты и восклицанія „bravo“! сопровождали импровизированный нашъ „балетъ“. Самъ полковникъ расшевелился и, стряхнувъ нѣмецкій свой педантизмъ, отъ души хохоталъ, а потомъ крѣпко пожималъ руки Готовцеву и мнѣ, и по нѣскольку разъ благодарилъ, увѣряя, что давно, давно ему не было такъ весело, какъ въ этотъ день. Съ тѣхъ поръ въ репертуаръ лагерныхъ развлеченій нашего кружка ввошло и пѣніе подъ аккомпаниментъ гитары, да не только въ одинъ или въ два голоса, но также и хоромъ, кончая иногда при этомъ общимъ выплясываніемъ роднаго трепака.

На другое утро Дрейлингъ ушелъ къ Манассеинымъ, я же вытащилъ наживу отъ моего мародерства, и принялся за чтеніе прелестныхъ „Poésies d'André Chénier“. Пришелъ Готовцевъ съ гитарою и предложилъ заняться пѣніемъ, но у меня къ тому не было расположенія. Тогда онъ сталъ просто играть какіе-то танцы, а я продолжалъ читать. Но брянчаніе на гитарѣ мнѣ что-то мѣшало, и я, спрятавъ книгу, вытащилъ листъ бристольской бумаги, да взявъ пучекъ разноцвѣтныхъ карандашей и очинивъ ихъ, началъ чертить фигуру кирасира. Въ Ваккарбартеру уже насъ учили правильному рисованію, а затѣмъ также и въ Дерптской гимназіи; кромѣ же того, въ 1826 и 1827-мъ годахъ, я и дома занимался этимъ искусствомъ подъ руководствомъ старшаго моего брата Ивана Карловича. Художникомъ, конечно, я не былъ, но для дилетанта довольно сносно могъ выводить фигурки и пейзажи, и не только карандашемъ, но и красками. Готовцевъ, взглянувъ на мой рисунокъ, воскликнулъ: „Ба-ба-ба! да это никакъ

твой конюхъ Прошка“! И на самомъ дѣлѣ, нарисованный мною кирасиръ будто походилъ на Прохора Головача.

„Нѣтъ,—возразилъ я,—это не совсѣмъ еще вѣрно; чего-то недостаетъ“.

„Ну, такъ позовемъ его,—сказалъ Готовцевъ,—пускай встанетъ въ позицію, а ты срисуй его“.

Меня вдругъ и подстрекнуло самолюбіе испробовать свои силы. Прошка былъ позванъ, и поставленъ противъ палатки, а я писалъ съ него портретъ. Черезъ полчаса экскизъ былъ готовъ, и сходство оказалось. Позвали стараго деньщика Дрейлинга; его-то физіономія, ради множества морщинъ, была уже болѣе трудною задачею, и пришлось старика долѣе промучить, почти цѣлый часъ; но все-таки и этотъ портретъ вышелъ похожимъ. Наконецъ, Готовцевъ пожелалъ и самъ служить „натурою“.

— Хорошо,—согласился я;—да вотъ позволь-ка лучше акварелью. Попросилъ я деньщика подать стаканъ воды и вытащилъ ящикъ съ красками, тамъ оказалась и маленькая фарфоровая палитра для смѣшенія цвѣтовъ, и пропасть разнаго калибра кистей. Сами же краски, въ формѣ круглыхъ плиточекъ, были такъ называемыми „медовыми“. Усадивъ Готовцева поудобнѣе, а именно „à trois quarts de face“, я приложилъ все свое стараніе, чтобы сначала легкими карандашными штрихами повѣрнѣе фиксировать сходство чертъ, а затѣмъ покрылъ легкими грунтовыми красками лице, волосы и мундиръ, да фонъ, и намѣтилъ главнѣйшія тѣни.

Потомъ далъ ему немножко отдохнуть, а чрезъ четверть часа опять посадилъ. Работалъ же я пунктирнымъ методомъ. Часа два еще, съ отдыхами конечно—продержалъ я добровольнаго своего натурщика, пока не считалъ дѣло оконченнымъ. Исполненіе было, само собою разумѣется, грубое, неправильное,—но сходство было.

Только что я подалъ Готовцеву свою работу, какъ вошелъ ротмистръ. Саша показалъ ему всѣ три портрета.

„Kreutzschockdonnerwetter!“ — сказалъ Августъ Романовичъ. Это хорошо! Это какъ разъ кстати! Теперь давайте обѣдать, а послѣ обѣда снимите съ меня портретъ! Я пошлю его своей Елизаветѣ Павловнѣ,—давно она уже просила“.

Елизавета Павловна была молодая помѣщица-вдова, сосѣдка Елисаветградскихъ поселеній и невѣста Дрейлинга.

Съ этого дебюта не прошло почти ни единаго дня во все время нашей стоянки подъ Пултускомъ, въ который не приходилось бы мнѣ снимать портреты съ двухъ или трехъ лицъ. Всѣмъ захотѣлось имѣть свои портреты, и я былъ возведенъ въ званіе „лейбъ-портретиста Стародубскаго кирасирскаго полка".

Итакъ, плоды нашего съ Готовцевымъ мародерства внесли не малое разнообразіе въ нашу подъ Пултускомъ лагерную жизнь.

Кромѣ этихъ занятій служило мнѣ также весьма пріятнымъ развлеченіемъ чтеніе сочиненій Шенье и Эрнста Шульца. Потомъ, возбужденный этими образцовыми стихотвореніями, и вообще уже находясь подъ настроеніемъ военной жизни, да, можетъ быть, и просто оттого, что былъ у меня такой большой запасъ чистой, лучшаго сорта бумаги,—я бросился писать стихи: разныя думы, да рапсодіи и пѣсни, преимущественно на военныя темы. А писалъ я, какъ нападала на меня фантазія, — сегодня по русски, а завтра по нѣмецки. Ужъ лѣта въ ту пору подходили мнѣ таковыя, въ какія, думаю я, и вы, благосклонный читатель, сами лѣзли на Парнасъ; такъ вы меня, хотя, пожалуй, и осуждайте, да ужъ не слишкомъ. Ибо я полагаю, что въ сущности-то мнѣ самому за все это, а равно также за упомянутый случай мародерства слѣдуетъ только Господа Бога отъ всего сердца благодарить, потому что эти самыя занятія, какъ бы пустыми ихъ ни признавали, все-таки мнѣ ни на минуточку даже скучать не давали, такъ что я никакого не испытывалъ искушенія искать себѣ въ чемъ-либо иномъ (быть можетъ худшемъ) столь необходимаго всякому живому человѣку развлеченія.

Наконецъ-то и насъ опять разбудили отъ долгой, совершенно невольной нашей летаргіи: главною цѣлію новаго главнокомандующаго, видно, было переправить военныя наши силы на лѣвый берегъ Вислы, дабы потомъ напасть на Варшаву съ западной стороны. Для этой цѣли главная армія, — въ составъ которой входили (на сколько мнѣ помнится) гренадерская и 1-я пѣхотная дивизія, да гвардейскій и нашъ 3-й кавалерійскій корпусы,— двинулась около 22-го Іюня чрезъ городъ Плоцкъ къ мѣстечку Осеку, гдѣ и состоялась переправа чрезъ сооруженный нашими піонерами понтонный мостъ. Движеніе производилось медленно; переходы были небольшіе и неровные, да и самые-то маршруты наибольшей частію, видимо, могли быть только намъ опредѣляе-

мы изо дня въ день, такъ какъ тѣ командировки юнкеровъ въ штабъ за приказаніями (о которыхъ упомянуто въ гл. XXIII), относятся именно къ этому времени. Къ Осеку мы пришли чрезъ двѣ только недѣли, а переправа арміи чрезъ Вислу продолжалась пять дней. Нашъ отрядъ поспѣлъ къ Осеку двумя днями раньше, чѣмъ гвардейскій корпусъ; но такъ какъ, по распредѣленію главнаго штаба, гвардія имѣла быть переправлена раньше нашего корпуса, то послѣднему пришлось цѣлые три дня простоять въ окрестностяхъ моста на бивакахъ. Эти три дня мнѣ очень памятны, съ одной стороны оттого, что мы ихъ провели необыкновенно весело; а съ другой стороны, что мнѣ случилось тутъ выкинуть одну изъ тѣхъ донъ-кихотскихъ фантазій, которыя (каюсь!) въ юности моей иногда находили на меня, какъ на истаго сына своей эпохи.

Весело намъ было по двумъ причинамъ: во 1-хъ, насъ весьма занимало и интересовало зрѣлище ежедневно дефилировавшихъ мимо нашей стоянки разныхъ полковъ вышеупомянутыхъ частей главной арміи; а во 2-хъ, маркитантъ нашъ, Мартынычъ, принялъ какъ разъ предъ тѣмъ новый подвозъ самого отборнаго обжорнаго и питейнаго товара, и у насъ устраивались, въ складчину, лукулловскіе завтраки, обѣды и ужины съ пѣніемъ и пляскою. Это было извинительно потому, что не только не было никакой даже возможности ожидать какой-либо неожиданной тревоги, но что и самая-то мѣстность, въ которой мы были расположены, своею поэтичностію такъ и приглашала жуировать жизнію, пока мы сами живы еще. Представьте себѣ пространнѣйшую луговую равнину, окаймленную съ одной стороны извилистой рѣчкою (впадающей въ Вислу), среди которой рисуются два островка подъ тѣнью высокихъ, густо-лиственныхъ деревъ, и противоположнымъ берегомъ которой представляются крутыя возвышенности, покрытыя словно ковромъ изъ пестрыхъ полевыхъ цвѣтовъ. Оттого-то и пиршества наши происходили всегда подъ открытымъ небомъ у самаго берега рѣчки, насупротивъ упомянутыхъ островковъ.

Вотъ мы, на второй день по прибытіи сюда, тамъ же и сидѣли, наслаждаясь послѣобѣденнымъ кейфомъ, а компанія была многочисленнѣе, чѣмъ обыкновенно. Пошли воспоминанія; коснулась рѣчь Херсонскихъ монотонныхъ степей, и невольно срав-

нивая ихъ съ раскинутой предъ нашими глазами прелестной панорамою, стали восхищаться послѣднею.

„Какъ красивы эти островки среди рѣчки!—сказалъ задумчиво Авксентій Петровичъ Манассеинъ. (Онъ отъ природы былъ нѣсколько поэтически-меланхолическаго характера).

„Вотъ бы туда да переплыть!“ — воскликнулъ кто-то изъ корнетовъ.

„Далеко,—возразилъ Дрейлингъ,—шаговъ сто слишкомъ будетъ отъ здѣшняго берега“.

— „Да хотя бы было и ближе,—замѣтилъ докторъ Серебрянскій,—но я отсовѣтываю. Посмотрите, господа, какое быстрое теченіе въ самой-то рѣчкѣ. Это надо быть уже могучимъ пловцемъ, чтобы дерзать на такое дѣло.

„Ну что-жъ, г. юнкеръ?—обратился ко мнѣ, съ насмѣшкою въ тонѣ, недолюбливающій меня за что-то штабсъ-ротмистръ Мишинъ,—вѣдь вы мастеръ на всѣ штуки, такъ вѣрно и плавать умѣете?

— Немного умѣю, Степанъ Михайловичъ!—отвѣтилъ я.

„Ну, такъ я и ожидалъ;—всезнайка какъ есть! —Хватитъ-ли только у васъ *храбрости*, чтобы переплыть на тотъ островокъ?“

— Если г. штабсъ-ротмистръ удостоятъ меня чести своей компаніи, то я ни на мигъ даже не задумаюсь послѣдовать вашему примѣру.

— „Чтобъ я былъ такимъ дуракомъ? (засмѣялся г. Мишинъ) да сунулся бы въ воду, не спросясь броду? Нѣтъ, батенька, ошиблись! Да и вы *сами-то струсите!*

У меня закипѣло въ сердцѣ, но я удержался, и, привставъ съ своего мѣста, довольно спокойно сказалъ: г. штабсъ-ротмистръ изволили меня спросить, хватитъ-ли у меня храбрости переплыть чрезъ рѣчку? На подобный вопросъ отъ какого ни на есть начальника у русскаго юнкера другаго отвѣта, кромѣ подтвердительнаго, быть не должно и немыслимо; а по званію нижняго чина я имѣю право *быть дуракомъ*, но не имѣю права *трусить*. Иду исполнить ваше предложеніе, г. штабсъ-ротмистръ!—Послѣ этихъ словъ я повернулся и направился къ рѣчкѣ. Меня остановили голоса ротмистра Дрейлинга и маіора Дица:

— „Юнкеръ, ни съ мѣста! Ступайте въ эскадронъ!

Я подошелъ къ нимъ, и адрессовался къ Дицу (какъ къ стар-

шему начальнику). Умоляю васъ, г. маіоръ, о дозволеніи исполнить мое намѣреніе. Рѣчь, вѣдь, теперь зашла уже не объ опасности,—которой въ сущности тутъ даже и нѣтъ,—но о подозрѣніи меня г. штабсъ-ротмистромъ въ *трусости*. Вы, г. маіоръ, и все благородное ваше офицерское общество приняли меня, неофицера, въ свой кружокъ какъ равнаго себѣ *дворянина;* а потому-то я болѣе всякаго другаго обязанъ оберегать свою честь отъ малѣйшей тѣни. Умоляю васъ всѣмъ, что есть только святаго, не удерживайте меня своимъ запрещеніемъ".

Маіоръ и ротмистръ молча махнули мнѣ рукою, въ знакъ согласія, и я быстро пошелъ къ рѣчкѣ, раздѣлся и бросился въ воду. Докторъ былъ правъ: рѣчка была сразу глубокая, а теченіе весьма быстрое. Островокъ лежалъ нѣсколько ниже (по направленію теченія), чѣмъ то мѣсто, откуда я началъ свой водяной путь, и потому мнѣ не то чтобы ужъ очень трудно было доплыть до него. Взобравшись на берегъ, я весело замахалъ руками, а съ другаго берега отвѣтили мнѣ маханіемъ шапокъ и криками: „браво!" Послѣ достаточнаго отдыха я пустился въ обратный путь. Тутъ уже я почувствовалъ, что дѣло не легкое; ибо теченіе начало уносить меня, но я взялъ направленіе покруче противъ теченія и счастливо приплылъ къ нашему берегу, не болѣе 10-ти шаговъ ниже того мѣста, гдѣ я оставилъ свою одежду. Всѣ радостно и дружески меня привѣтствовали и самъ даже г. Мишинъ мнѣ руку протянулъ и объявилъ, что онъ не намѣревался меня обидѣть. Но я чувствовалъ, что я нажилъ себѣ врага, и тѣмъ болѣе, когда я потомъ услышалъ отъ Готовцева, что послѣ моего отплытія отъ берега, все старшее офицерство, а въ особенности Дрейлингъ и братья Манассеины осыпали Мишина рѣзкими упреками.

XXV.

Прибытіе въ окрестности Варшавы. — Отпразднованіе нашей арміею вѣсти о рожденіи Великаго Князя Николая Николаевича. — Штурмованіе укрѣпленій предмѣстья Воли и самого города Варшавы. — Какъ гренадеры запѣли: „Ахъ на что было городъ городить“. — Страшная минута. — Глупый случай. — Изгнаніе послѣдняго отряда мятежниковъ въ Пруссію. — Конецъ войны. — Кантониръ-квартиры близъ Силезской границы. — Наше полковое общество даетъ балъ окрестнымъ помѣщикамъ.—Возвращеніе въ Россію.

Армія наша продолжала все дальше и дальше двигаться впередъ; но движеніе это производилось основательно, цѣлесообразно, такъ сказать: твердою стопою, а потому и никакъ не поспѣшно. Переправившись у Осека на лѣвый берегъ Вислы, мы опять простояли нѣсколько дней; затѣмъ тронулись 15-го Іюля съ мѣста и пришли чрезъ недѣлю къ г. Ловичу, гдѣ снова установились на позиціяхъ недѣли слишкомъ на полторы. Оттуда мы съ лагерей снялись 3-го Августа и дня черезъ четыре достигли наконецъ окрестностей Варшавы, въ верстахъ, — полагаю, — около пятнадцати отъ самого города.

Особенно достопамятнаго въ продолженіе этой части похода намъ не приключалось: „tout était conforme [1])“, Во время переходовъ все тѣ же порядки выступленія, слѣдованія и расположенія на ночлежныя позиціи; во время же стоянки все тѣ же занятія и развлеченія, и тѣ же фуражировки.

Двухнедѣльная въ окрестностяхъ Варшавы стоянка всей арміи была, впрочемъ, не слѣдствіемъ нерѣшительности, а имѣла тактическую цѣль: пѣхота пріуготовляла фашины къ предстоящему штурмованію укрѣпленій; и это только мы, да другіе кавалеристы, оказались, противъ личнаго нашего желанія, невольными по необходимости лежебоками.

За нѣсколько дней, однако-же, до штурмованія и насъ позвали, или вѣрнѣе: послали соучаствующими „артистами“ въ веселой русской „интермедіи“, которою „съ разрѣшенія мѣстнаго начальства“ стотысячная наша „труппа“ „экспромтомъ“ угощала „по-

[1]) Все было сообразно; въ французской военной службѣ выраженіе „tout est conforme“ употребляется въ смыслѣ нашихъ заурядныхъ рапортичекъ: „все обстоитъ благополучно“.

чтеннѣйшую Варшавскую публику". Дѣло заключалось въ томъ, что, поднявши всю армію ночью, осторожно и безъ шума подвели ее на наивозможно близкое разстояніе отъ города, да съ такимъ вѣрнымъ разсчетомъ времени и позицій, что ровно къ 5-ти часамъ утра вся западная сторона городской территоріи была окружена плотною массою русскихъ воиновъ. Тогда по данному сигналу въ одинъ и тотъ же моментъ предъ каждымъ полкомъ былъ прочтенъ Высочайшій царскій манифестъ о рожденіи великаго князя Николая Николаевича, а затѣмъ, опять же по сигналу, дружно грохнуло трикратное общее стотысяче-голосное „ура"! подъ аккомпаниментъ нѣсколькихъ сотъ пушекъ. По окончаніи „интермедіи", каждый полкъ возвратился на свою позицію. Варшавская „публика" такъ была озадачена неожиданнымъ любезнымъ нашимъ вниманіемъ, что не тотчасъ нашлась достойно отблагодарить за это ей въ сюрпризъ подготовленное „представленіе", и послала свои „апплодисменты", въ видѣ разныхъ гранатъ и ядръ только тогда, когда „актеры интермедіи" уже сошли со сцены. Бѣдненькіе Варшавскіе скоморохи, которые въ то время разъигрывали жалкія, неблагодарныя роли „народныхъ правителей", полагали, что мы тогда уже пришли разъиграть съ ними послѣднюю сцену дѣйствительной драмы 1831-го года. А это только была присказка; настоящая-то сказка предстояла еще впереди!

Чрезъ весьма немного дней мы, наконецъ, приступили къ штурмованію; 25-го Августа были взяты укрѣпленныя предмѣстья, 26-го числа городской валъ, а 27-го числа покорился и самый городъ.

Сильное впечатлѣніе произвели на меня два эпизода изъ происшествій перваго дня. Самымъ тщательнѣйше укрѣпленнымъ изъ предмѣстій было предмѣстье Воля, гдѣ находилось пять сильныхъ редутовъ, расположенныхъ пентагономъ. Центромъ этого пентагона служилъ редутъ вокругъ костёла предмѣстья. Къ сѣверу отъ этого костёла тянулся какъ бы лѣсочекъ [1]), а за нимъ виднѣлся цѣлый рядъ вѣтряныхъ мельницъ [2]).

Для штурмованія этихъ пяти редутовъ была назначена грена-

---

[1]) А можетъ быть, это были сады жителей Воли?

[2]) Стариннаго, тогдашняго устройства съ огромными махалками.

дерская дивизія. Крайній редутъ, находившійся не далѣе (кажется) полверсты отъ укрѣпленнаго вольскаго костёла, а слѣдовательно подъ защитой его орудій, долженъ былъ служить первымъ пунктомъ аттаки. Само собою разумѣется, что взятіе именно этого редута оказалось важнѣйшей, да и наитруднѣйшей задачею. Честь рѣшенія этой задачи была предоставлена полку, одно уже имя котораго гарантировало полнѣйшую и славнѣйшую удачу, а именно: гренадерскому „фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Италійскаго графа Суворова-Рымницкаго“ полку. Возлѣ этого полка, въ направленіи къ шоссе (ведшему тогда далѣе чрезъ предмѣстье Волю въ городъ) была развернута артиллерійская линія, а къ послѣдней примкнулъ нашъ полкъ, поставленный для прикрытія орудій. Линія нашего полка съ артиллерійской линіею составляла тупой уголъ, такъ что всѣмъ намъ, кто стояли въ первыхъ шеренгахъ полка [1]), ясно виднѣлись, хотя и въ дальномъ разстояніи, прямо противъ насъ назначенный къ штурмованію редутъ, да по лѣвую (отъ насъ) сторону Суворовскіе гренадеры, а по правую костёлъ.

Когда раздался сигналъ къ приступу, мы и видѣли, какъ линія Суворовцевъ что-то медленно подвинулась, таща предъ собою огромныя фашины. Но эти „штуки“ западной выдумки, видно, русскому солдату не по нутру, а оттого и не въ моготу. Не сладили съ фашинами и Суворовцы-молодцы, да и не мыслимо имъ идти на приступъ безъ громогласнаго „ура“. А гдѣ же тутъ волюшка гаркнуть „ура“, когда тащишь предъ собою неуклюжую фашину? Пробовали разъ,—не ладно! Народъ напрасно гибнетъ,—назадъ! Пробовали другой разъ,—все тоже! Срамъ, Суворовцы отбиты! Да кѣмъ еще,—дряннымъ польскимъ редутцемъ! (А мы то съ сердечнымъ трепетомъ такъ и слѣдимъ за Суворовцами, и вмѣстѣ съ ними и горюемъ, и злимся). Глядимъ, что-то закопошились гренадеры, да такъ вдругъ и отбросили назойливыя фашины, и двинулись впередъ густыми рядами. Ружья со штыками крѣпко у нихъ въ обѣихъ рукахъ, и идутъ они уже иначе,—твердой, молодецкой стопою, а впереди ихъ словно богатырь шагаетъ полковой батюшка съ высокоподнятой правой

[1]) Послѣ отбытія изъ нашего эскадрона, кромѣ раненнаго подъ Нурами корнета Абрамова, еще двухъ офицеровъ изъ-за тифозной горячки, ротмистръ Дрейлингъ поставилъ меня, какъ старшаго въ эскадронѣ унтеръ-офицера, за младшаго офицера при 1-мъ взводѣ.

рукою, въ которой блеститъ святое распятіе. И слышимъ мы: задробили звонкіе барабаны, и раздалась родная пѣсня изъ безчисленныхъ устъ: „Охъ, почтò было городъ городить, охъ, почтò было капусту садить“! Затѣмъ вдругъ: „ура“! да еще, и еще: „ура“! веселое, громогласное, громоносное: „ура“! Въ отвѣтъ имъ загремѣли пушки съ редута,—но напрасно!—„Пуля дура, штыкъ молодецъ“! Штыкъ то и поработалъ. Не „ура“ русскихъ гренадеровъ замолкло, замолкли орудія польскаго редута; храбрые Суворовцы взяли его менѣе чѣмъ въ полчаса времени.

Намъ же въ ту пору собственно-то не много работы на долю выпало. Артиллерійская линія, которую оберегать намъ было поручено, вела пріятную бесѣду съ кумушками, что засѣдали около Вольскаго костёла. Иногда эти послѣднія любезными своими привѣтствіями адрессовались также къ намъ, молчаливымъ „кавалерамъ“, но довольно не удачно: комплименты ихъ даже не долетали до насъ. Было костёльному редуту вообще уже досадно, что наши пушки съ нимъ заговорили, да къ тому же такъ вязко заговорили, что этому редуту недосужно было помогать другому редуту, къ которому приступали Суворовцы. Сначала поляки какъ будто намѣривались производить диверсію: изъ-за упомянутаго выше лѣсочка около мельницъ два раза показывался отрядъ уланъ, но оба раза, какъ только мы трогались съ мѣста, чтобы гостепріимно ихъ встрѣтить, они тотчасъ повертывали назадъ да юркали опять за свой лѣсокъ. Право, досадно стало! И не думайте, благосклонный читатель, что это лишь пустая фраза фанфарона, потому что поистинѣ и самое дѣло гораздо веселѣе, да и гораздо менѣе требуетъ храбраго духа, когда рубишься съ непріятелемъ, нежели когда приходится стоять во фронтѣ безъ активнаго участія и считать, сколько это ядръ просвиститъ мимо нашихъ ушей. Пока мы стояли поодаль, и ядра даже не долетали, дѣло было такъ себѣ, почти потѣшное. Но въ послѣполуденное время, гренадеры приступили къ аттакѣ на самый костёльскій редутъ, вслѣдствіе чего и наша-то артиллерія подалась впередъ, а съ нею, конечно, и мы также. Этимъ движеніемъ, само собою разумѣется, мы приблизились къ городскому валу. По крайней мѣрѣ, по нынѣшнему моему соображенію, направленная въ тѣ моменты пальба на насъ не могла послѣдовать ни изъ какого иного мѣста, такъ какъ круто аттакованному Вольскому редуту тогда было уже не до насъ.

Польскіе гг. артиллеристы свое дѣло, видимо, довольно плохо справляли: конгревскія ракеты [1]) и чиненныя бомбы потухали на лету еще, и даже рѣдко долетали до нашей линіи. Ракеты къ тому же издали еще предвѣщали о своемъ приближеніи громкимъ ворчливымъ „шррумъ-шррумъ-шррумъ“ на какихъ-то сиплыхъ нотахъ словно пьянаго „октависта“, и тѣмъ возбуждали веселый смѣхъ нашихъ хохловъ-кирасировъ. Изъ весьма немногихъ бомбъ (помнится двѣ или три только), которыя, долетѣвъ до нашей позиціи, упали,—не въ самые ряды полка, а передъ фронтомъ,—у одной только, у первой фитиль еще не потухъ. Она, какъ иначе и быть не могло, была наровлена на центръ полка, а потому упала на землю предъ среднимъ дивизіономъ, т. е. предъ передними шеренгами 1-го взвода третьяго и 4-го взвода четвертаго эскадрона, слѣдовательно какъ разъ въ средину того пространства, которое отдѣляло съ одной стороны маіора Дица направо отъ Авг. Ром. Дрейлинга, а налѣво отъ Авкс. Петр. Манассеина, а послѣднихъ, каждаго отъ своего эскадрона. На правомъ флангѣ 1-го взвода нашего эскадрона стоялъ старшій офицеръ корнетъ Бородаевскій, а на лѣвомъ флангѣ я, въ трехъ шагахъ отъ 4-го взвода четвертаго эскадрона. Вотъ упомянутая-то бомба, упавъ посрединѣ того весьма небольшаго, пятиугольнаго между нами пространства, начала вертѣться, поддразнивая насъ ярко пламенѣющимъ своимъ фитилемъ, словно какъ бы хотѣла сказать: „Ну-ка, голубчики, подождите! Какъ фитиль догоритъ, да какъ я лопну, такъ кого побольше, а кого поменьше, только орѣшками-то непремѣнно уже всѣхъ васъ надѣлю!“ Прошло такъ, быть можетъ, секундъ около пяти, не болѣе, и вдругъ бомба—потухла! Грунтъ-то былъ мелко-песчаный, и вслѣдствіе верченія бомбы фитиль, прежде чѣмъ догорѣть, попалъ въ песокъ.—Признаюсь, что болѣе сквернаго ощущенія, чѣмъ въ этотъ моментъ выжиданія, я во всю остальную свою жизнь не испыталъ!

Въ тотъ же день (выпадаютъ же человѣку иногда такіе словно нарочитые дни назойливой судьбы), уже подъ вечеръ, приключилась со мною еще маленькая исторія, тѣмъ въ особенности непріятная, что по наивности и неопытности своей я не съумѣлъ извлечь изъ нея пользу для себя. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя

---

[1]) Тогдашней, неуклюжей конструкціи.

изъ такъ сказать „шальныхъ“ ядръ,—изъ Воли или съ городскаго-ли вала (Богъ ихъ тамъ знаетъ!) попадали таки въ наши ряды, но особенно большаго ущерба и вреда не причиняли: убили они всего одного только солдата 5-го эскадрона, да ранили и контузили, кого слегка, а кого и поболѣе, человѣкъ до семи, кажется. Одно изъ ядръ, между прочимъ, пролетѣло также и промежъ меня и фланговаго унтеръ-офицера Таращенки, да мимо корнета Сомова, стоявшаго на правомъ флангѣ 2-го взвода четвертаго эскадрона и ударилось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій въ землю подъ ногами лошадей 1-го взвода того же эскадрона. Сомову ядро оконтузило правое колѣно, а сосѣду моему Таращенкѣ лѣвую руку. Я же почувствовалъ словно сильный только ударъ въ правую сторону кирасы, да какъ будто кто-то сильно ткнулъ меня кулакомъ въ правый бокъ, такъ что на мигъ дыханіе у меня будто остановилось. Насъ всѣхъ трехъ послали тотчасъ за фронтъ къ доктору Серебрянскому. Корнета и унтеръ-офицера, которые жаловались на чувствованіе боли, послѣ первой имъ поданной помощи, отправили дальше въ лазаретъ. Мнѣ же, такъ какъ я объявилъ, что чувствую только послѣдствіе какъ бы отъ удара кулака, и по этому самъ просилъ оставить меня въ полку, а не посылать въ лазаретъ (одно уже названіе котораго производило на меня непріятное впечатлѣніе), докторъ приложилъ примочку да уложилъ меня спать въ фургонъ. На другое утро я дѣйствительно почувствовалъ себя довольно крѣпкимъ и занялъ опять свое мѣсто въ эскадронѣ. Позже (мѣсяца черезъ три) оказалось, что корнетъ Сомовъ и унтеръ-офицеръ Таращенко попали въ одинъ изъ госпиталей, устроенныхъ въ Варшавѣ послѣ покоренія города, и имѣли счастіе быть замѣченными Великимъ Княземъ, вслѣдствіе чего были награждены: первый орденомъ св. Анны 4-ой степени, а другой знакомъ отличія св. Георгія, что они, впрочемъ, безспорно и заслужили [1]).

---

1) Моя контузія, само собою разумѣется, какъ легонькая, не могла быть *формально* признанною за дѣйствительное поврежденіе; но это не помѣшало ей оставить послѣдствія, отъ которыхъ развивалось изъ-подтишка, да черезъ годъ и обнаружилось воспаленіе праваго легкаго, продержавшее меня зимою 1833-го года около двухъ мѣсяцевъ въ лазаретѣ, и на сей разъ я уже не могъ отнѣкаться отъ него.

О дальнѣйшихъ происшествіяхъ войны говорить не стану, они всѣмъ извѣстны. Скажу только, что, послѣ покоренія Варшавы, правильное сообщеніе съ Россіею снова было возстановлено, и что вслѣдствіе того и я также получилъ изъ дома залежавшіяся два письма да мѣшечекъ съ „субсидіями“.

Такъ какъ нашъ полкъ также участвовалъ въ „вогнаніи мятежниковъ въ Пруссію“ 23-го Сентября близъ мѣстечка Гуржна, то и я имѣлъ случай видѣть тамъ прусскихъ солдатъ, которые составляли кордонную линію вдоль всей границы, и даже пустился въ разговоры съ ними. Не могу сказать, чтобы эти образцы „потомковъ славившейся когда-то побѣдоносной арміи Великаго Фридриха“ произвели на меня выгодное для нихъ впечатлѣніе. Наибольшей частію это были малорослыя фигурки, съ цвѣтущими, правда, отъ здоровья, добродушными физіономіями, полнощекіе блондины, о хорошемъ кормленіи которыхъ свидѣтельствовали выдающіеся у всѣхъ надъ коротенькими ножками мамончики. А эта характеристическая ихъ краса невольно прежде всего бросалась въ глаза оттого, что ножки-то ихъ были одѣты въ туго-натянутыя невыразимыя изъ плотнаго бѣлаго холста, которыя къ концу ноги оканчивались гамашами, покрывающими весь подъемъ нижней ноги до начала носка. А синіе мундиры спереди были столь короткіе, что доходили только до начала пузиковъ. За то узкіе и весьма крѣпкіе воротники кирпичнаго цвѣта были необычайной высоты, а соотвѣтствующіе воротникамъ обшлага рукаковъ необычайной ширины. Голову покрывалъ невысокій, кверху расширенный киверъ, передняя и задняя части котораго были нѣсколько выше срединныхъ частей, такъ что декъ кивера казался вогнутымъ. Передокъ кивера украшался мѣднымъ одноглавымъ орломъ, снизу оказался большой козырекъ, а сверху торчалъ огромный черный помпонъ. Но надобно отдать имъ справедливость, что какъ одежда и бѣлые банделёры, такъ и вся аммуниція отличались примѣрной чистотой. Это, кажется, былъ одинъ изъ полковъ милиціи (Landwehr).

Отъ границы мы возвратились въ Варшаву, гдѣ простояли въ самомъ центрѣ города около недѣли, послѣ чего нашъ полкъ чрезъ г. Ловичъ потянулся на зимніе кантониръ-квартиры въ сѣверную часть Ка́лишскаго воеводства. Полковой штабъ и 1-й эскадронъ расположились въ мѣстечкѣ Уніевѣ, а остальные эска-

дроны въ окрестностяхъ онаго, по-взводно въ каждую назначенную деревушку.

Въ Варшавѣ разстался я съ добрымъ своимъ ротмистромъ Дрейлингомъ, который взялъ отпускъ, такъ какъ онъ и прежде кампаніи намѣревался выйдти въ отставку, чтобъ жениться на своей возлюбленной Елизаветѣ Павловнѣ. Это причинило мнѣ великое огорченіе и было первымъ признакомъ предстоящихъ мнѣ невзгодъ. Командованіе 3-мъ эскадрономъ было поручено не благоволящему ко мнѣ штабсъ-ротмистру Мишину.

Съ тѣхъ поръ я долженъ былъ отдѣльно жить, что для меня составляло большое неудобство, не столько въ отношеніи расходовъ, сколько оттого, что я оказался безъ прислуги, потому что, не будучи офицеромъ, я не имѣлъ права пользоваться деньщикомъ изъ полка. Слѣдовательно, было мнѣ великое личное одолженіе со стороны взводнаго (младшаго) вахмистра Тарасова, что онъ конюху моему Прошкѣ дозволилъ исполнять также и должность частнаго при мнѣ служителя. Но Прошка умѣлъ только платье да сапоги чистить, а потому приходилось мнѣ самому варить себѣ супъ да говядину жарить, не говоря уже о варенiи кофея по утрамъ. Кромѣ этого неизбѣжнаго, такъ сказать, матеріальнаго затрудненія, не приходилось мнѣ, впрочемъ, испытывать со стороны г. Мишина какія либо гоненія, пока еще Густавъ Ѳедоровичъ командовалъ полкомъ. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ, однако же, вскорѣ по прибытіи на мѣсто зимней стоянки, выпала мнѣ великая радость. Въ полкъ изъ Главнаго Штаба было прислано за взятіе Варшавы двадцать Георгіевскихъ крестовъ, по 3 на каждый эскадронъ, а два оставшихся креста полковникъ пожаловалъ, весьма естественно, своимъ племянникамъ. Извѣстно, что присылаемые въ эскадроны или роты Георгіевскіе кресты распредѣляются, въ присутствіи командира, собираемыми для этого унтеръ-офицерами и депутатами изъ солдатъ. Въ нашемъ же эскадронѣ, какъ я имѣю право съ нѣкоторою гордостію подтвердить, всѣ меня любили, начиная съ старшаго вахмистра до послѣдняго солдатика. Вслѣдствіе того, на вопросъ штабсъ-ротмистра, кому выборные присуждаютъ пожалованную Царскую милость? старики-кирасиры прежде всего отвѣтили: „нашему юнкеру!“—Само собою разумѣется, что въ тотъ же самый вечеръ я въ той же деревушкѣ, гдѣ размѣстился нашъ 3-й взводъ, устро-

илъ кирасирамъ пирушку, на которую прибыли также, конечно, какъ старшій, такъ и младшіе наши вахмистры.

Въ Декабрѣ же мѣсяцѣ полковникъ представилъ насъ четырехъ юнкеровъ къ производству въ корнеты. Представленіе это, равно какъ подобныя представленія изъ другихъ же полковъ 3-го корпуса, графъ де-Виттъ подтвердилъ. Самъ, однако, онъ не доложилъ лично о нихъ фельдмаршалу, какъ это дѣлывали другіе корпусные командиры, а препроводилъ ихъ при рапортѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали потомъ, объясняя это тѣмъ, что графъ будто пиккировался съ главнокомандующимъ изъ-за какихъ-то старыхъ личныхъ недоумѣній. Что бы тамъ, впрочемъ, ни было между гг. высшими нашими начальниками, только въ нашемъ корпусѣ юнкерамъ въ производствѣ въ офицеры было отказано, а наградилъ фельдмаршалъ каждаго изъ представленныхъ юнкеровъ *поименно* Георгіевскимъ крестомъ. Эта награда пришла въ нашъ полковой штабъ въ концѣ Января мѣсяца 1832 г. По строгому смыслу статута ордена св. Георгія, — какъ я впослѣдствіи (въ 1845 г.) узналъ въ Канцеляріи Капитула Орденовъ,—намъ, которые были уже награждены крестами „за военное отличіе“, должно бы было, по случаю вторичнаго этимъ знакомъ насъ награжденія, пожаловать право носить кресты „съ бантомъ“. Но объ этомъ параграфѣ статута, видно, ни нашъ полковникъ, ни адъютантъ Рагозинъ вовсе и не знали, такъ что въ этомъ дѣлѣ намъ, бѣднымъ юнкерамъ, хотя по усамъ и текло, да въ ротъ-то не попало. Ибо, выдавъ намъ присланные поименно кресты, отобрали у насъ прежде намъ отъ полка присужденные и отдали ихъ другимъ нижнимъ чинамъ. Что самъ Густавъ Ѳедоровичъ Пиларъ (уже ради своихъ племянниковъ) душевно желалъ исходатайствовать своимъ юнкерамъ производство въ офицеры, это онъ доказалъ тѣмъ, что, когда въ послѣдующемъ 1832 году нашему полку, на возвратномъ пути на свои Херсонскія поселенія, былъ данъ трехдневный отдыхъ въ Варшавѣ, то онъ въ главномъ штабѣ князя Варшавскаго лично хлопоталъ о разрѣшеніи ему на новое о насъ представленіе, а когда все-таки онъ не добился этого дозволенія, то онъ исходатайствовалъ намъ по крайней мѣрѣ награжденіе „серебрянымъ темлякомъ“, т. е. знакомъ и чиномъ „эстандартъ-юнкеровъ“.

Едва только полковой нашъ штабъ успѣлъ утвердиться въ но-

вой своей резиденціи, т. е. въ „великолѣпномъ“ (со стороны крайне отрицательнаго въ немъ положенія культуры) мѣстечкѣ Уніевѣ, какъ пріѣхала туда супруга нашего полковника [1]), и мы всѣ были ей представлены. Въ это же время прибыли въ полкъ также и племянники Пилара, наши же юнкера, Федоръ и Максимъ фонъ-Лидерсъ, съ которыми я тутъ впервые познакомился, равно какъ и теперь только началъ ближе сходиться съ юнкеромъ 4-го эскадрона, Дерптскимъ уроженцемъ, Германомъ фонъ-Гюне, хотя послѣдній столько же времени состоялъ въ фронтовой службѣ и въ активномъ участіи въ кампаніи, сколько и я самъ, и не смотря даже на то, что онъ находился въ эскадронѣ Авксентія Петровича Манассеина, у котораго въ теченіе кампаніи я рѣдкій день, чтобы не бывалъ. Но это легко объясняется съ одной стороны слишкомъ застѣнчивымъ, почти несообщительнымъ характеромъ Гюне, а съ другой стороны его совершеннымъ незнаніемъ русскаго языка [2]).

Первымъ дѣломъ нашей полковой молодежи было, конечно, заводить знакомство съ семейными панами, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ: карты и вино хотя, разумѣется, очень развлекали и привлекали тогдашнихъ русскихъ офицеровъ, идеаломъ и образцомъ которыхъ съ кадетской еще скамейки бывалъ тогда славный, лихой нашъ партизанъ 1812-го года Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, но еще болѣе того оказывались они,— какъ и самъ онъ про себя сказалъ,— „поклонниками красоты,— вездѣ слугами ея, рабами ея!“ Тогда глядѣли на жизнь еще чрезъ призму поэтическаго настроенія, чувствовали еще что самая суть всей природы основана не на единомъ только, а на двухъ элементахъ, сходныхъ, сродныхъ, и въ то же время различныхъ, противоположныхъ, — другъ-друга тайною силою то притягивающихъ, то парализирующихъ. И напрасно клевещутъ

---

[1]) Къ сожалѣнію, я въ своихъ коротенькихъ для памяти отмѣткахъ не нахожу ни ея имени и отчества, ни бывшей дѣвичьей ея фамиліи; какъ случился этотъ пропускъ, нынѣ самъ не постигаю. Помню я, однако же, что Madame la baronne de Pilar была съ материнской стороны внучкою князя Кутузова-Смоленскаго.

[2]) Въ 1837 году встрѣтилъ я Гюне въ Петербургѣ, по переводѣ его лейбгвардіи въ конный полкъ, и даже тогда еще онъ (по прослуженіи шести слишкомъ лѣтъ въ званіи *русскаго* воина) немилосердно ломалъ нашъ языкъ, и только твердо выдолбилъ наизустъ весь лексиконъ фронтовой службы.

на тогдашнюю молодежь, будто наше ухаживаніе за прекраснымъ поломъ имѣло исключительною цѣлію одно лишь тривіальное волокитство; будто мы видѣли въ женщинахъ только игрушку для забавы грубой страсти. Дамскій культъ, которому тогда поклонялись молодые люди, имѣлъ характеръ древняго рыцарства и выражался въ формахъ изящнаго словеснаго турнира между женскимъ и мужскимъ умомъ, между находчивостію и владѣніемъ даромъ рѣчи той и другой партіи. Въ этомъ духѣ тогдашняго времени и лежитъ та разгадка, почему Онѣгинъ, относившійся съ пренебреженіемъ къ любви наивной деревенской мечтательницы Татьяны, позже такъ страстно увлекается блестящею въ обществѣ своимъ умомъ и изяществомъ, княгинею. „Герой нашего времени“, какого изобразилъ Лермонтовъ, — относится къ позднѣйшей эпохѣ, когда, рядомъ съ стремленіемъ къ основательному просвѣщенію и къ дѣйствительному познанію истины, духъ отрицанія на вновь вспаханную, многообѣщающую почву русской культуры подбросилъ также и свои сѣмена: плевелъ безвѣрія въ идеалы и бездушнаго эгоизма. Грубый нигилизмъ послѣдующей за тѣмъ эпохи ничто иное, какъ блудный сынъ духа Лермонтовскаго времени, мужицкая пародія на него; но и этотъ духъ также нашелъ своего пѣвца-поэта: Некрасова! Обо всемъ этомъ поговоримъ, однакоже, въ своемъ мѣстѣ.

Возвращаюсь къ спеціальному своему предмету.

Итакъ, мы всѣ, всею рыцарскою своею душою привыкшіе и преданные возвышенному дамскому культу, алкали дамскаго общества. Не помню, кто именно первый высказался насчетъ поразительнаго сходства между француженками и польками, въ отношеніи какъ тѣлесной граціозности и умственной подвижности, такъ и католическаго фанатизма. Это сущая правда! Что касается двухъ первыхъ качествъ, то они у насъ давно „оцѣнены“: столь господствующія въ средѣ Петербургскихъ и Московскихъ кутилъ персонажи „демимонда“ или настоящія Французскія гризетки, или нимфы Вислы, выдающія себя за Парижскій товаръ. Но коль скоро уже этимъ легкимъ когортамъ Цитеры, помощію врожденнаго имъ таланта, не трудно прельщать зеленыхъ юношей, то не удивительно, что образованныя Польки вообще, а дамы высшаго шляхетства въ особенности приводили насъ въ искренній восторгъ. Относительно же като-

лическаго своего фанатизма прекрасныя Польки, конечно, намъ столько же мало высказывались, сколько и на счетъ рьянаго своего моленія Богу о возстановленіи канувшихъ уже давно и на вѣки въ Лету историческихъ традицій о „Рѣчи Посполитой".

Всѣ Польки, впрочемъ, настоящіе іезуиты въ юбкахъ. Вскорѣ послѣ покоренія Варшавы, однако же, и совершившагося вмѣстѣ съ тѣмъ окончательнаго усмиренія бунта всемилосердый нашъ Царь разрѣшилъ всѣмъ (кромѣ извѣстныхъ зачинщиковъ и распорядителей возмущенія) возвратиться въ родныя мѣста, подъ условіемъ, разумѣется, жить и держать себя смирно. Вслѣдствіе того весьма многіе изъ бывшихъ не только простыхъ солдатъ, но и офицеровъ, выгнанныхъ нами на Прусскую и Австрійскую территоріи отрядовъ, прибыли также и въ занимаемыя нами мѣста, и мы часто встрѣчались съ таковыми господами и вскорѣ даже довольно дружно сошлись. Вотъ, изъ разсказовъ-то этихъ польскихъ „патріотовъ" я и сдѣлалъ тогда выводъ: что, не будь католическихъ ксендзовъ, да не имѣй эти послѣдніе такого сильнаго вліянія на Польскихъ женщинъ, то затѣявшимъ собственно то эту революцію часто-и властолюбивымъ магнатамъ старинныхъ родовъ съ горстью ими увлеченныхъ политехниковъ и студентовъ, подъ предводительствомъ стараго идеалиста-профессора [1]), и не удалось бы раздуть первоначальный костерчикъ мѣстнаго бунта до столь сильнаго, всѣ польскія провинціи неистово охватившаго, революціоннаго пожара.

А теперь, за стаканомъ добраго венгерскаго вина, мы чокались и братались съ бывшими ярыми революціонерами, а ихъ жены, дочки или сестры шутливо разговаривали и кокетничали съ нами, которые на манеръ средневѣковыхъ рыцарей преклонялись предъ ними, выказывая себя вполнѣ смиренными ихъ слугами, ихъ рабами. Чтобы ознаменовать искренность этихъ нашихъ чувствъ, офицерство Стародубскаго полка рѣшило дать шляхетству всей окружности великолѣпный балъ съ ужиномъ въ зданіи Уніевской ратуши.

Для устройства этого торжественнаго пира составился комитетъ подъ предсѣдательствомъ адъютанта Рагозина, который, будучи

---

[1]) Лелевеля.

(повидимому) очень богатъ, обязался доплатить все, насколько издержки станутъ превышать собранный фондъ, а было собрано свыше шестисотъ червонцевъ. Приготовленія длились почти цѣлый мѣсяцъ. Такъ какъ Рагозинъ поручилъ мнѣ руководство и надзоръ за убранствомъ танцовальной залы, то я былъ на время прикомандированъ къ полковому штабу и жилъ у адъютанта. Назначались офицеры на мундшенкскую и на трухсесскую [1]) должности, т. е. первый долженъ былъ заботиться о выписываемыхъ изъ Варшавы, чрезъ маркитанта, винахъ и другихъ питіяхъ, а другой о закусочномъ матеріалѣ. А меню ужина скомпоновали старшіе члены комитета. Для торжественнаго открытія бала я впервые выступилъ музыкальнымъ авторомъ съ композиціею полонеза, который съ посильной помощію штабъ-трубача (по части объема и тембра различныхъ трубъ) я-жъ и аранжировалъ для нашего полковаго хора трубачей, да посвятилъ Madame de Pilar. Наконецъ, все было готово и въ началѣ Февраля состоялся нашъ банкетъ, на который собралось до трехъ сотъ лицъ. Слава о нашемъ балѣ распространилась по всему краю и долетѣла даже до Варшавы. Въ особенности поразила поляковъ роскошь и образцовое, тонко-гастрономическое изготовленіе ужина, надъ которымъ трудились опытнѣйшіе изъ поваровъ нашихъ офицеровъ подъ собственнымъ надзоромъ самого Рагозина, знавшаго толкъ въ хорошихъ, вкусныхъ блюдахъ. Въ Калишскомъ воеводствѣ, какъ позже я слышалъ, долго, долго вспоминали еще о „шостомъ пулкѣ кирасиръ“.

Наконецъ-то (кажется, въ Мартѣ уже мѣсяцѣ) мы оставили наши Уніевскія кантониръ-квартиры и направили свой путь къ поселенію нашего полка въ Херсонской губерніи.

---

[1]) Truchsess,—стольникъ, завѣдывающій царскимъ пиршественнымъ столомъ.

XXVI.

Военныя поселенія.—Служба и служебныя отношенія въ мирное время.—Скучная монотонность. Душа рвется на просторъ, въ міръ жизни, мысли и поэзіи.—Новый полковой командиръ, полковникъ Рейснеръ, и супруга его.—Должность частнаго адъютанта.—Педагогія штабсъ-ротмистра Мишина.—Поселенный ротмистръ фонъ-Штернъ.—Я попадаю въ лазаретъ.—Итогъ результатовъ моей двухлѣтней военной службы.—Я подаю въ отставку.—Херсонъ: пробужденіе къ литературной и композиторской дѣятельности.—Возвращеніе на родину.—Александрія: послѣднее свиданіе съ Стародубскими офицерами.—Харьковъ: маститый фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ.—Петербургъ: пріемъ блуднаго сына.

Въ посадъ Абрамовку,—Новый Стародубъ тожъ,—т. е. въ резиденцію командировъ нашего полка, прибыли мы въ Маѣ мѣсяцѣ 1832-го года. Я нарочито сказалъ,—не командира, а командировъ полка, потому что каждый *поселенный* полкъ дѣлился на двѣ самостоятельныя части: на дѣйствительно *военно-служебную*, и на хлѣбопашенную часть. Главнымъ начальникомъ надъ всѣмъ полкомъ и представителемъ его предъ высшими властями являлся командиръ военно-служебнаго отдѣла; хлѣбопашеннымъ отдѣломъ, или собственно-то „поселеніемъ“ завѣдывалъ младшій по рангу, такъ и называемый „поселенный“ командиръ. Въ мое время былъ имъ въ нашемъ полку подполковникъ баронъ Александръ Богдановичъ фонъ-Энгельгардтъ. Мнѣ сказали, что онъ былъ изъ *русской* отрасли этой фамиліи (Смоленской губерніи); но какъ своимъ выговоромъ, такъ въ особенности какой-то сухостью въ своихъ манерахъ онъ мнѣ вполнѣ напоминалъ остзейскаго барона. Былъ же онъ холостякъ и многіе изъ нашихъ офицеровъ любили его, какъ хорошаго товарища въ общемъ веселіи и въ разудалыхъ развлеченіяхъ.

Основнымъ поводомъ къ устройству военныхъ поселеній, кажется, была идея, съ одной стороны: о созданіи многочисленнаго войска, при неотчужденіи единичныхъ частицъ его, т. е. самихъ солдатъ, отъ своихъ семействъ и житейскихъ, вслѣдствіе того, удобствъ и привычекъ; а съ другой стороны, идея объ уменьшеніи стоимости содержанія этого войска тѣмъ, что каждый полкъ долженъ былъ продовольствоваться трудами собственныхъ же своихъ членовъ. Идея эта сама по себѣ неоспоримо была

хороша, и когда-то, но уже только очень, да очень давно (во время, напримѣръ, Спартанской надъ Греками гегемоніи) даже и удобоисполнима. Но нашему XIX-му вѣку эта идея не шла къ лицу, или, пожалуй, вѣрнѣе сказать: нашъ вѣкъ, съ широкимъ его „интендантскимъ“ взглядомъ на продовольствіе массъ, — все равно людей ли, лошадей ли, а тѣмъ паче и тѣхъ и другихъ,— не шелъ къ той идеѣ. Пользы, быть можетъ, поселенія приносили и не мало, только, кажется, не казнѣ.

Насколько я прежде восторгался дѣйствительной *военной* жизнью, насколько съ веселой готовностію и съ стойкимъ терпѣніемъ исполнялъ я всѣ тогдашнія требованія службы, настолько показалась мнѣ служба въ мирное время безсодержательною и скучною, а иногда и бѣзцѣльною. Достаточно будетъ весьма немногихъ примѣровъ, чтобы оправдать мои слова. Тогдашніе кирасиры обучались также и владѣнію ружьями. Ну, прекрасно! Дѣйствительно могли, въ прежнее время, встрѣчаться случаи, когда тяжелой, панцирной кавалеріи приходилась бы надобность пускать въ дѣло и ружья. Но какую же связь съ этой надобностію имѣлъ тогдашній, чисто шутовской, пріемъ дѣланія по „кирасирски“ ружьемъ „на караулъ“, при которомъ требовалось ухватить правой рукою ружье за рукоятку, да, согнувъ немного лѣвую руку, ударить со всего размаха стволомъ по ней, какъ разъ въ образуемый ею внутренній уголъ, непремѣнно такъ, чтобы ружье звякнуло? Затѣмъ, именно-то по окончаніи кампаніи, дали кирасирамъ еще и пики. Ну, учили бы насъ держать пики крѣпко въ упоръ, да колоть ими и ловко назадъ ихъ оттягивать: для аттаки массою, вѣдь, больше и не нужно. И самыя-то наши пики только и указывали на таковое исключительное ихъ назначеніе; ибо онѣ были длиннѣе, толще и крѣпче устроены, чѣмъ уланскія пики. Одного уже вѣса въ кирасирской пикѣ было больше полпуда. Анъ—нѣтъ! Требовалось еще дѣлать таковою-то тяжелою пикою „мулине надъ головою“ (а каска къ конскимъ плюмажемъ надъ гребнемъ имѣла высоту 9—10 вершковъ), да быстро перенашивая ее чрезъ голову коня, колоть попеременно, то на право, то на лѣво! А все это, имѣя на себѣ пудовыя кирасы. Оно шикарно, пожалуй, для глазъ зрителей, я согласенъ; но,— спрашивается, — пришлось ли бы кирасиру въ настоящемъ бою когда-нибудь пускать въ дѣло эти шикарныя штуки? Не думаю.

Равнымъ образомъ, я никакъ не уразумѣвалъ, чтобы въ „пѣшьемъ ученіи по конному“ была настоящая *практичная* польза; ибо при этомъ все таки не пріучишься къ тому, что, видимо, самое главное для командующаго взводомъ молодаго офицера, а именно: не пріучишься къ вѣрной *глазомѣрной* оцѣнкѣ разстояній, оказывающихся въ дѣйствительныхъ конныхъ эволюціяхъ. А разные командные термины и движенія по нимъ взводовъ гораздо легче врѣзываются въ память, по слѣдующему рецепту. Сначала слѣдуетъ твердо *выдолбить* весь лексиконъ командныхъ словъ, въ логической ихъ связи. Затѣмъ изготовьте себѣ 16 небольшихъ, равныхъ кусочковъ толстой папки, каждый кусочекъ приблизительно длиною въ $^1/_2$ вершка, а шириною въ $^1/_5$ вершка. Каждая такая штучка представляетъ рядъ въ 4 конныхъ солдатъ. По срединѣ каждой изъ нихъ укрѣпляется шпилёкъ, имѣющій служить ручкою, посредствомъ которой эта штучка можетъ быть передвигаема. Потомъ уставьте эти 16 облонговъ въ 2 шеренги, по 8-ми въ каждую, и вообразите себѣ, что это будто выстроенъ на столѣ вашъ взводъ, а затѣмъ произносите, въ извѣстномъ порядкѣ, командныя слова для намѣревающейся эволюціи и, сообразно съ командою, переставляйте тѣ облонги. Сначала дѣло передвиженія пойдетъ медленно, а потомъ все скорѣе и скорѣе. Наглядность же движеній помогаетъ удерживанію ихъ въ памяти. Этимъ способомъ я весьма скоро выучился и терминамъ и исполненію командъ. А къ глазомѣрной оцѣнкѣ разстояній между линіями и шеренгами возможно привыкать только на *конныхъ* ученіяхъ.

Манежная ѣзда, напротивъ того, да фехтованіе на палашахъ, въ особенности упражненія палашемъ, производимыя, сидя на конѣ, и вообще *конныя* ученія—меня крайне занимали.

Послѣдніе пріятные дни, которые я проводилъ въ полку, были во время полковаго кампамента въ Іюлѣ мѣсяцѣ того же 1832-го года, подъ командою еще Густава Ѳедоровича Пилара, храбраго и добраго нашего вождя во время только что истекшей войны. Эти три недѣли соединили снова въ одномъ и томъ же мѣстѣ всѣхъ боевыхъ товарищей; снова около маіора Дица и братьевъ Манассеиныхъ скучивалась по вечерамъ та же веселая и дружная компанія, какъ бывало подъ Пултускомъ, подъ Осекомъ и въ окрестностяхъ Варшавы. Одного товарища только не доставало:

Августа Романовича фонъ-Дрейлингъ, который, зимою еще вышедши въ отставку, женился и уѣхалъ въ имѣніе жены.

Вскорѣ по окончаніи кампамента оставилъ насъ также и нашъ отецъ-командиръ: его произвели въ генералъ-маіоры. Оставило, наконецъ, меня лично и прежнее счастье мое. Настали дни монотонной жизни, да душевной и умственной скуки, грозящей уничтоженіемъ во мнѣ всякой дѣятельности мысли, потому что послѣдней не доставало пищи. Правда, что невольно, сами собою иногда изъ глубины души, вырывались мысли кнаружи—то стихами, то мелодіями; но равно, какъ начинающему ходить дитяти нужна умная и заботливая руководительница, такъ и просыпающемуся юному таланту необходимы идеальные образцы, духовный матеріалъ, умный наставникъ; иначе дитя ушибется,—поэтъ свихнется, и оба сдѣлаются калѣками: дитя тѣлеснымъ, поэтъ духовно-интеллектуальнымъ.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ собрали въ штабѣ всѣхъ юнкеровъ и вольно-опредѣляющихся подъ команду маіора Дица, для пѣшаго ихъ обученія по конному. Размѣщали насъ на постой по хатамъ Абрамовки по три, по четыре вмѣстѣ. Мнѣ достались два хорошихъ товарища: старый мой знакомый Гюне и новый, молоденькій юнкеръ по фамиліи Кёлеръ, поступившій въ нашъ полкъ предъ самымъ только возвращеніемъ дѣйствующихъ эскадроновъ на поселеніе. Братья Лидерсы же снова были „откомандированы“ къ другому своему дядѣ, нашему бригадному генералу.

Тутъ я опять немножечко отдохнулъ, потому что адъютантъ Рагозинъ познакомилъ меня съ живущимъ въ самой Абрамовкѣ „поселеннымъ“ адъютантомъ, штабсъ-ротмистромъ Розенбергомъ, который былъ женатъ на дочери сосѣдняго богатаго помѣщика Золотницкаго. У Розенберговъ оказался изрядный флигель Тишнера, и они весьма любезно разрѣшили мнѣ приходить къ нимъ заниматься игрою на ихъ инструментѣ.

Въ это самое время прибылъ въ Абрамовку новый полковой командиръ, произведенный изъ ротмистровъ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Ея Величества полка, полковникъ Рейснеръ, съ своею супругою. Г-ну Рейснеру было уже лѣтъ за пятьдесятъ, а женился онъ весьма недавно только. Разсказывали, что Александра Петровна, племянница извѣстнаго въ свое время Царскосельскаго коменданта графа Захаржевскаго, принесла—далеко не бо-

гатому и далеко не знатнаго происхожденія — мужу своему въ приданое какъ чинъ полковника, такъ и мѣсто командира одного изъ лучшихъ полковъ русской арміи. Александра Петровна была лѣтъ на двадцать моложе супруга, очень образована, и хотя не то, чтобы дѣйствительная красавица, но безспорно очень интересна, пикантна своей наружностію. Нравомъ она оказалась веселой и любила, чтобы ее забавляли и развлекали. Супругъ же ея былъ вполнѣ фронтовой служака, несомнѣнно мастеръ своего дѣла; только, по всему судя, никакъ не человѣкъ того общества, въ которомъ блистала любимая племянница графа Захаржевскаго. Кромѣ, что на природномъ своемъ нѣмецкомъ языкѣ (онъ былъ родомъ изъ г. Риги), говорилъ онъ только еще по русски, да конечно такъ, какъ говорила тогда наибольшая часть фронтовыхъ нашихъ служакъ изъ остзейцевъ. Литераторовъ и художниковъ, понятно, считалъ онъ дармоѣдами.

Однажды сидѣлъ я у Розенберговъ за флигелемъ и разъигрывалъ кое-что изъ нотнаго запаса [1]) хозяйки дома, когда вдругъ вошла г-жа полковница, отдававшая въ тотъ день визиты недавно представившимся ей дамамъ полковаго штаба. Я поднялся и всталъ въ позицію, подобающую юнкеру предъ супругою полковаго командира.

Послѣ обычнаго обмѣна комплиментами, дамы усѣлись на диванѣ. Я хотѣлъ тутъ тихонько удалиться, но Александра Петровна очень ласково бросила мнѣ фразу: „это мое что ли здѣсь присутствіе васъ заставляетъ уходить отсюда?“ И тотчасъ обратилась къ m-me Розенбергъ съ вопросомъ: „вашъ родственникъ вѣроятно? Представьте мнѣ, пожалуйста, молодаго человѣка“.

М-me Розенбергъ и представила: „юнкеръ Арнольдъ изъ Петербурга“.

— „А! (воскликнула полковница), стало быть мы земляки? Вы, кажется, играли на флигелѣ, когда я вошла? Не будете ли вы такъ любезны съиграть намъ еще что нибудь, — т. е. если m-me Розенбергъ позволитъ!“

Позволеніе, конечно, послѣдовало и я сѣлъ играть.

„Mais vous ne touchez pas mal du tout“ [2]), начала Александра

---

[1]) Все тѣ же модныя пьесы дилетантскаго круга того же времени: Герца, Вангаля, Габлера и пр., да увертюры Бойельдье, Обера, Россини и др.

[2]) Но вы вовсе недурно играете.

Петровна уже по французски, и объяснила, что и она также музыкантша; а потомъ опять просила у хозяйки „позволенія“ мнѣ еще что-нибудь съиграть, причемъ полюбопытствовала, знаю-ли я сонаты Бетховена? Вмѣсто отвѣта съигралъ я ей первое Allegro изъ „Mondscheinsonate“, которую я во время лѣтнихъ каникулъ 1830-го года разучивалъ у Шарля Майера, да и недавно еще припоминавъ, игралъ про себя на этомъ же инструментѣ. Исполнилъ я сонату, конечно, не такъ, какъ это удавалось бывало два года предъ тѣмъ, но и не совсѣмъ еще скверно.

Когда полковница отправилась, то также и мнѣ уже пора было уходить, чтобы не помѣшать г-жѣ Розенбергъ въ домашнихъ ея занятіяхъ. Вышедъ за Александрою Петровной на улицу, я сталъ было откланиваться, но она сказала:

„J'ai fini mes visites et je retourne chez moi. En cavalier courtois vous ne me laisserez point, j'espère, faire toute seule ce chemin? Accompagnez-moi donc chez moi, et d'autant plus que je veux avoir le plaisir de vous présenter à mon mari comme un compatriote à moi et comme pianiste de talent“ [1]).

Приглашеніе „матери-командирши“ равняется приказанію, а тѣмъ болѣе когда мать-командирша не дурна собою, да приглашеніе столь любезно выражено. Когда мы пришли, полковникъ былъ уже дома, и обѣденный столъ сервированъ. Послѣ объясненій его супруги, командиръ мой съ довольно холодной миною протянулъ мнѣ два пальца, и разспрашивалъ меня о томъ, кто мой отецъ, съ кѣмъ онъ въ связи и т. п. Затѣмъ отпустилъ онъ меня, милостиво кивнувъ головою. Александра Петровна же весело подала мнѣ руку, и сказала—на этотъ разъ—по русски:

„M-r Arnold, я привезла съ собою много нотъ; есть и à quatre mains [2]) между ними. Я велю вынуть ихъ изъ ящика, и дамъ вамъ знать чрезъ m-r Рагозина, когда вамъ придти разъигрывать ихъ со мною. До свиданія!—Не правда-ли, mon chèr? Ты позволишь?“ Эти послѣднія слова были по адресу супруга.

---

[1]) Я покончила свои визиты и возвращаюсь домой. Какъ учтивый кавалеръ, вы не допустите меня, я надѣюсь, совершить совсѣмъ одною этотъ путь? Проводите же меня домой, тѣмъ болѣе, что я хочу имѣть удовольствіе представить васъ своему мужу, какъ земляка моего и какъ талантливаго пьяниста.

[2]) Въ четыре руки.

— „Да, да! конечно! (пробурчалъ полковникъ), приходите, г. юнкеръ!“

На другой день Рагозинъ прислалъ за мною вѣстоваго, чтобы я былъ у полковника въ 6 часовъ вечера. Въ назначенное время явился я къ г. командиру съ пунктуальной точностію и, вошедъ въ залъ, вытянулся по солдатскому регламенту къ сторонкѣ у дверей. Александра Петровна сидѣла за флигелемъ, разбирая какія-то ноты, а супругъ ея, покоясь на креслахъ противъ камина, покуривалъ огромную сигару [1]). Отецъ-командиръ съ кисло-сладкою минкою „мецената по неволѣ“ махнулъ мнѣ „привѣтъ“ сигарою, прибавивъ по нѣмецки [2]) хриплымъ своимъ теноромъ:

„Положите свою фуражку куда-нибудь, г. юнкеръ, и пожалуйте поближе сюда; вотъ садитесь на тотъ стулъ рядомъ съ каминомъ“.

Тутъ подошла и m-me Рейснеръ, протянула мнѣ руку да сѣла на кресло возлѣ мужа, и намъ подали кофею. Разговоръ же велся съ полковникомъ по-нѣмецки, а съ полковницею по-французски. Затѣмъ мы сѣли съ Александрою Петровной за флигель и начали играть въ четыре руки. Она весьма порядочно играла на фортепіано, и привезенныя ею пьесы свидѣтельствовали о вкусѣ ея.

Съ этого дня служба моя преимущественно состояла въ томъ, чтобы быть въ родѣ адъютанта при нашей командиршѣ: мнѣ надлежало играть съ нею въ четыре руки на флигелѣ, исполнять должность чтеца; сопровождать ее, когда она отдавала визиты; а позже, когда она узнала, что я снималъ когда-то портреты съ офицеровъ, захотѣла, чтобы я снялъ портретъ также и съ нея. Однимъ словомъ, я сдѣлался въ домѣ полковника какъ бы домашней принадлежностію, за что удостоивался иногда быть

---

[1]) Куреніе сигаръ, въ то время получаемыхъ только изъ-за границы, считалось тогда особенною роскошью, которую люди посредственнаго только состоянія позволяли себѣ исключительно лишь для послѣобѣденнаго кейфа. Въ остальныя времена дня курили или Жуковскій канастръ или турецкій дюбекъ изъ турецкихъ же трубокъ ярко-красной глины съ предлинными черешневыми чубуками и большими янтарными мундштуками.

[2]) Какъ нюансъ благоволенія и въ знакъ того, что онъ принялъ меня какъ частнаго человѣка.

даже приглашеннымъ къ обѣду или къ ужину. Мучительными для меня, однако же, оказались занятія по части сниманія портрета съ нея, который не только не удавался, но даже никакъ и не подвигался. Согласенъ я, что и я самъ тутъ, конечно, былъ виноватымъ тѣмъ, что я далеко не имѣлъ таланта настоящаго художника, да къ тому же, при всей готовности стараться, оказался крайне неопытнымъ въ прислуживаніи дамамъ, если приказанія и желанія ихъ не получали ясно опредѣленной формы. А на счетъ портрета, желанія Александры Петровны мѣнялись ежедневно: сегодня напр. она опредѣлила рисовать ее à trois quarts de face, завтра же пожелала en profil, а на третій день en face; то костюмомъ выбирала кашемировый капотъ, а позу въ креслѣ, а потомъ вдругъ рѣшаетъ перемѣну либо одежды, либо позы, такъ что я совсѣмъ сбился съ толку. Единственное, что въ этой „службѣ“ поистинѣ меня восхищало, это была фортепіанная игра съ „командиршей“ на флигелѣ, потому что у нея оказались пьесы лучшаго и новѣйшаго репертуара, между прочими, пять первыхъ симфоній Бетховена, съ которыми тутъ же я впервые знакомился.

Должно быть, однако же, что изъ-за никакъ неудававшагося портрета мои „меценаты“ разгнѣвались на меня. Едва настала третья недѣля моей „новой службы“, какъ, явившись разъ въ положенный часъ, я получилъ у самыхъ уже дверей отъ денщика сообщеніе, что „г-жа полковница не расположены сегодня заниматься“, а вечеромъ адъютантъ Рагозинъ встрѣтилъ меня у Розенберговъ и улыбнувшись, сказалъ мнѣ, что полковникъ приказалъ ему отправить меня опять въ эскадронъ, да чтобы я „занялся тамъ посерьезнѣе *настоящей* службою“. А развѣ я самъ добивался „адъютантства“ при матери-командиршѣ?

Больше всѣхъ, кажется, обрадовался этому приключенію мой „благопріятель“ и непосредственный начальникъ, штабсъ-ротмистръ Мишинъ, которому, конечно, было послано изъ штаба формальное свѣдѣніе о моемъ возвратномъ въ эскадронъ перемѣщеніи и о сдѣланномъ мнѣ полковымъ командиромъ „отеческомъ наставленіи“. Когда я предсталъ предъ Степаномъ Михаиловичемъ съ извѣстной регламентарной формулою: „честь имѣю явиться, г. штабсъ-ротмистръ, для продолженія службы въ эскадронѣ“, онъ сразу раскричался, обозвалъ меня лѣнтяемъ,

избалованнымъ барчукомъ и т. д. „Ужъ съумѣю я, прибавилъ онъ, будьте благонадежны, выгнать изъ вашей головы всю дребедень, всѣ эти пустяшныя поэтическія и артистическія идеи! Всезнайка на всякую ненужную дрянь, а по нашей-то службѣ вы рѣшительно пассъ! Ступайте на конюшню не въ очередь дежурить на 3 дня!“

Таковъ былъ мнѣ пріемъ, а это были только цвѣтки,—ягодки-то предстояли мнѣ еще впереди. Само собою разумѣется, что я молча выслушалъ грубую филиппику своего начальника, по окончаніи ея только произнесъ установленное: „слушаю-съ!“ и затѣмъ сдѣлавъ „налѣво кругомъ“, отправился на конюшню своего (третьяго) взвода. А между тѣмъ, съ самой чистѣйшею совѣстію предъ Господомъ, я имѣлъ бы полное право протестовать противъ обвиненій г. Мишина, еслибы только подобный протестъ былъ дозволенъ регламентомъ и не повелъ бы къ разжалованію въ вѣчные рядовые съ потерею всѣхъ дворянскихъ правъ. Ибо лѣнтяемъ я не былъ; по части верховой ѣзды и фехтованія я считался даже въ числѣ далеко не худшихъ, и терминологію командnаго устава „по конному“ зналъ довольно твердо. А если въ послѣднемъ отношеніи я иногда на практикѣ и дѣлалъ еще ошибки [1]), такъ эта-то практика и должна же была помочь избѣжанію впредь таковыхъ ошибокъ. Въ чемъ дѣйствительно мнѣ была вѣчная неудача, такъ это въ „мулине“ пикою, и въ „дѣлываніи на-караулъ ружьемъ“. При первомъ упражненіи я всегда или ронялъ пику, или зацѣплялъ ею за плюмажъ каски; а при удареніи ружьемъ въ уголъ лѣвой руки, я только причинялъ себѣ страшную боль, а самое-то ружье все-таки не звякало.

Г. Мишину, видимо, доставляло большое удовольствіе „выбивать изъ моей головы“ всякую идею не только о поэзіи и искусствѣ, но и о человѣческомъ достоинствѣ. Въ теченіе Ноября и Декабря дежурилъ я не менѣе 10 — 11 разъ внѣ очереди на конюшнѣ,—а заслужилъ-ли я того поистинѣ? Пускай въ томъ Богъ

---

[1]) Напр. случилось разъ, что, послѣ команды „по 4 направо заѣзжай“, вмѣсто *протяжнаго:* „ма-ршъ, - - - ма-ршъ!“ *съ разстановкою,* я скомандовалъ, *безъ* разстановки, *короткое:* „маршъ, маршъ!“ Мишинъ гнѣвно накинулся на меня: „Юнкеръ! вы уморить что-ли хотите лошадей?“ а послѣ ученія послалъ меня на „гауптвахту“,—т. е. на конюшню на цѣлыя сутки.

насъ съ нимъ разсудитъ! Военному начальнику, вѣдь, ничего не стоитъ придраться къ нелюбимому юнкеру, когда и за что ему взумалось; суда на него не существуетъ никакого! Былъ всего только одинъ случай,—послѣдній!—гдѣ, по буквѣ военнаго устава, я дѣйствительно, хотя невольно, провинился противъ служебнаго порядка. Это было 7 Января 1833 года. Но тутъ надобно предварительно изложить кои-какія обстоятельства.

Поселеннымъ участкомъ, или поселеннымъ „эскадрономъ“, въ которомъ былъ размѣщенъ нашъ дѣйствующій 3-й эскадронъ, „командовалъ“, т. е. управлялъ, въ качествѣ „хозяина“, ротмистръ Юлій Карловичъ фонъ-Штернъ (Stern). Онъ родомъ былъ изъ Дерпта, и оказалось, что я хорошо зналъ и матушку и всѣхъ меньшихъ братьевъ его. Чрезъ этого-то „военнаго начальника казеннаго имѣнія“ познакомился я съ состоящимъ по кавалеріи подполковникомъ фонъ-Рюдигеромъ, двоюроднымъ братомъ корпуснаго командира графа Рюдигера. Этотъ воинъ „за штатомъ“ жилъ постоянно въ своемъ имѣніи въ разстояніи не болѣе 3—4 верстъ отъ нашего эскадрона, и я съ Штерномъ иногда у него бывалъ, да забавлялъ гостей своею игрою на фортепіано. Г. Мишину не ловко было отказать Юлію Карловичу въ разрѣшеніи брать меня съ собою. Ну вотъ 6 Января у Рюдигеровъ было какое-то фамильное празднество, и мы съ ротмистромъ Штерномъ также отправились къ нимъ на обѣдъ. Послѣ обѣда Штернъ поѣхалъ домой, а меня, по просьбѣ Рюдигеровъ, оставилъ у нихъ, такъ какъ общество предполагало вечеромъ заняться музыкою и танцами. Къ тому же Рюдигеръ обѣщалъ отправить меня обратно на другое утро какъ можно пораньше, дабы я могъ поспѣть во-время къ назначенному въ 7 часовъ утра манежному ученію. Но, къ несчастію моему, люди подполковника немножко замѣшкались и я прикатилъ къ манежу спустя минутъ уже около пяти послѣ прибытія туда штабъ-ротмистра. По строгости регламента я безпрекословно заслужилъ наказанія; но даже и военный уставъ признаетъ не только существованіе различія между провинностями, но также и возможность смягчающихъ вину обстоятельствъ; а кромѣ того, думаю я, наказаніе наказанію рознь!

Меня же г. Мишинъ не только принялъ грубымъ прикрикиваніемъ, но еще и присудилъ на трое сутокъ къ дежурству по

эскадрону въ „полной пѣшой формѣ". Обязанности вообще дежурства по эскадрону состоятъ въ томъ, чтобы присутствовать при водопоѣ каждаго отдѣльнаго взвода, а затѣмъ слѣдить за тѣмъ, чтобы караульные по отдѣльнымъ взводнымъ конюшнямъ, которые смѣнялись четыре раза въ сутки, не отлучались отъ своихъ постовъ, и чтобы полы въ конюшняхъ были чисто выметены. Относительно, затѣмъ, подобнаго дежурства въ поселенныхъ полкахъ приходится еще принять въ соображеніе, что отъ конюшни 1-го взвода до конюшни 2-го взвода у насъ было разстояніе на четверть версты, и по стольку же между каждыми двумя послѣдующими конюшнями, такъ что двѣ крайнія (на концахъ) отстояли другъ отъ друга на добрую версту. Если же теперь считать въ каждомъ взводѣ по 2 водопоя, да по 4 смѣны сторожей въ сутки, да на каждый обходъ по два конца (впередъ и назадъ), то и тутъ уже ходьбы начтется до 12 слишкомъ верстъ, а когда накинуть еще сопутствіе веденію на водопой каждаго взвода по $^1/_2$ версты въ сложности, то на всѣ придется верстъ до четырехъ, да на проходы по четыремъ конюшнямъ по 4 раза въ сутки, всего до 16-ти разъ по 25 шаговъ (по крайней мѣрѣ), т. е. 400 шаговъ или почти верста, то дежурному приходилось совершить въ сутки до 17 верстъ [1]). Слѣдовательно мнѣ въ наказаніе присуждено было совершить въ трое сутокъ пѣшій походъ верстъ слишкомъ въ пятьдесятъ. Весьма же умножавшимъ тяжесть дежурства факторомъ явилась, наконецъ, еще и форма одежды, въ какой г. Мишинъ приказалъ мнѣ быть. Обыкновенно дежурные унтеръ-офицеры являлись только въ колетѣ, при палашѣ и съ шапкой на головѣ. При полной же формѣ рейтузы и простые сапоги замѣнялись лосинами [2]) и огромными (солдатскими) ботфортами, а шапка каскою. Это прибавило вообще къ носимому на себѣ вѣсу до пуда безъ малаго, а лосины и ботфорты лишали человѣка до одной трети ходкости ногъ. Къ тому же это было въ Январѣ мѣсяцѣ, и хотя въ Херсонской губерніи, конечно, никогда не бываетъ подобныхъ стужъ, какъ въ среднихъ даже губерніяхъ Европейской Россіи, но зима все таки и тамъ далеко на лѣто не походитъ.

---

[1]) Поэтому было принято давать отдежурившему два дня на отдыхъ.

[2]) Лосинами назывались замшевыя штаны, которыя надѣвались на нагія ноги въ обтяжку.

Но чрезъ эту налетѣвшую на меня грозную тучу штабсъ-ротмистерскаго гнѣва просіялъ мнѣ одинъ свѣтлый лучъ отрады и утѣшенія въ образѣ любви и теплаго сочувствія всего эскадрона. Корнеты Бородаевскій и Алѣевъ [1]), квартирующіе: первый между 1-мъ и 2-мъ, а другой между 3-мъ и 4-мъ взводами, во всѣ эти три дня заботились о томъ, чтобы въ тѣ моменты, когда мнѣ приходилось протащиться мимо ихъ хатъ, былъ уже готовъ стаканъ чаю съ ромомъ для меня, да кое-что для закуски. Старикъ же Самойлычъ, т. е. старшій нашъ вахмистръ, объявилъ солдатамъ, что если въ теченіе юнкерскаго дежурства случится гдѣ какой-либо безпорядокъ, то онъ виновнаго согнетъ „въ бараній рогъ, вотъ-что“. А младшіе вахмистры мнѣ говорили: „вы не очень-то, паничъ, ножки-то свои утруждайте; мы водопоемъ станемъ поджидать, и какъ увидимъ васъ издали, то потихоньку и тронемся съ мѣста, а вы направляйтесь прямо къ колодцу-то, да и присядьте отдохнуть“. — Да, настоящій русскій солдатикъ того времени,—это настоящая была золото-душа, и смѣкалки-то здоровой въ немъ было; а если солдатикъ кого полюбилъ, такъ ужъ крѣпко любилъ! Надо было только умѣть обходиться съ нимъ, а именно: не то что за панибрата съ нимъ быть, но и не съ панской спѣсью глядѣть на него. Нашимъ кирасирамъ самимъ, видимо, изъ-за меня обидно стало: года, вѣдь, почти два я между ними уже жилъ; кампанію съ ними вмѣстѣ продѣлалъ; подъ Варшавою на мѣсто младшаго корнета при 3-мъ взводѣ находился; полковникъ Пиларъ и ротмистръ Дрейлингъ всегда мною были довольны; эскадронные старики сами-то Георгія мнѣ присудили, да и по полку-то я старшимъ состоялъ эстандартъ-юнкеромъ, — „вотъ что!“ сказалъ мой другъ Али-Сулейманли.

На меня же индивидуально такое намѣренно-унизительное обхожденіе г. Мишина со мною и самый-то тяжелый родъ наказанія морально и тѣлесно весьма сильно подѣйствовали. По окончаніи третьяго суточнаго дежурства силы меня почти уже совсѣмъ оставили, и я долженъ былъ собрать всю свою энергію, чтобы дотащиться до жилища штабъ-ротмистра и предстать

---

[1]) Готовцевъ, еще въ Уніевѣ, послѣ назначенія г. Мишина командиромъ 3-го эскадрона, просилъ о переводѣ въ 5-й эскадронъ.

предъ него съ обычнымъ рапортомъ: „при эскадронѣ обстоитъ все благополучно!“ Едва только я вышелъ изъ пріемной г. Мишина въ сѣни, какъ я, словно снопъ подкошенный, упалъ на полъ, и меня уже на рукахъ перенесли въ мою хату, да уложили въ постель. На другой день оказалась у меня сильная боль въ правомъ боку и сухой кашель, при лихорадочномъ состояніи. Узнавъ о томъ, ротмистръ Штернъ тотчасъ меня навѣстилъ, а затѣмъ настоялъ, чтобы я переселился къ нему. Когда же, не смотря на всѣ истинно-дружескія попеченія со стороны Юлія Карловича, чрезъ недѣлю боль и кашель у меня усилились, тогда добрѣйшій ротмистръ Штернъ отправился къ г. Мишину и сообщивъ ему о моемъ состояніи, совѣтовалъ отправить меня въ Абрамовку въ полковой лазаретъ. Степанъ Михаиловичъ выразилъ свое сомнѣніе въ дѣйствительной моей болѣзни, и прибавилъ, смѣясь, что вотъ, когда онъ мнѣ предложитъ либо выздоровѣть чрезъ недѣлю, либо „полѣчиться на конюшнѣ“, тогда Штернъ увидитъ, что я выберу первое. Послѣ этого Юлій Карловичъ посовѣтовалъ мнѣ написать товарищу моему, Герману Гюне, о томъ что я боленъ, и чтобы онъ, отпросившись у ротмистра Манассеина, пріѣхалъ навѣстить меня. На второй день послѣ отправки этого письма пріѣхалъ Гюне, а съ нимъ и самъ Авксентій Петровичъ. Тогда оба ротмистра, Штернъ и Манассеинъ отправились къ Мишину и твердо настояли на отправкѣ меня въ полковой лазаретъ. При этомъ случаѣ, какъ я позже узналъ, оба первые послѣднему серьезно высказали свое мнѣніе насчетъ его со мною грубаго обхожденія.

На другой день я, при рапортѣ г. эскадроннаго командира, былъ отправленъ въ Абрамовку. Стараго моего благопріятеля д-ра Серебрянскаго [1]) тогда съ полгода уже замѣнилъ какой-то молодой врачъ, фамиліи котораго къ сожалѣнію я не записалъ, а потому нынѣ не помню. У меня оказалось сильное воспаленіе праваго легкаго, первой причиною чего, по мнѣнію врача, весьма вѣроятно были послѣдствія небрежнаго, съ моей же преимущественно стороны, отношенія къ полученной подъ Варшавою

---

[1]) Онъ былъ переведенъ штабъ-докторомъ при дивизіонномъ госпиталѣ въ г. Елисаветградъ.

легкой контузіи; но злокачественное, быстрое развитіе этого воспаленія врачъ приписалъ прямо простудѣ при чрезмѣрномъ напряженіи всего организма тѣла. Въ лазаретѣ пролежалъ я съ 22 или 23 Января почти до самаго Апрѣля мѣсяца наступившаго 1833 года.

Чрезвычайно великимъ утѣшеніемъ служило выказываемое мнѣ сердечное сочувствіе товарищей и офицеровъ, въ особенности участвовавшихъ въ кампаніи позапрошлаго года. Изъ постоянно жившихъ въ самой Абрамовкѣ довольно-таки часто меня навѣщали адъютантъ Рагозинъ и казначей Болотовъ; заходилъ также раза два или три и г. Розенбергъ, а супруга его присылала мнѣ, для развлеченія, журналы [1]). Изъ эскадроновъ же пріѣзжали то Готовцевъ, то Пономаревъ, или Бородаевскій, или Алѣевъ, да еще братья Юзнобишины (Тамбовцы), Сомовъ, юнкера фонъ-Гюне, и фонъ-Келеръ, и вольноопредѣляющійся Буховецкій. Былъ разъ и Юлій Карловичъ фонъ-Штернъ, а Авксентій Петровичъ Манассеинъ два раза, да во второй разъ съ братомъ, съ Вячеславомъ Петровичемъ. Посѣтили меня, наконецъ, даже и старые друзья мои Али Сулейманли и Ѳедоренко, пріѣхавшіе въ штабъ въ концѣ Марта мѣсяца съ г. Мишиномъ, по случаю ремонта лошадей и казенныхъ вещей. Да простятъ меня великодушно тѣ изъ моихъ уважаемыхъ читателей, которымъ это поименное упоминаніе моихъ благоволителей, быть можетъ покажется излишнимъ. Но, во 1-хъ, непрямой-ли мой долгъ, именно какъ пишущаго свои „воспоминанія“, таки преимущественно упоминать о тѣхъ лицахъ, которыя мнѣ дѣлали добро и пользу, да выказывали дружеское ко мнѣ расположеніе? А во 2-хъ, поименное выше упоминаніе таковыхъ лицъ имѣетъ служить вящимъ подкрѣпленіемъ того, что я не разъ упоминалъ о духѣ и характерѣ, какіе господствовали въ нашемъ Стародубскомъ полку; а духъ и характеръ цѣлой корпораціи развѣ не освѣщаютъ больше всего нравы и настроеніе нашего общества въ данную эпоху?

Въ исходѣ Марта, адъютантъ Рагозинъ сообщилъ мнѣ „по

[1]) Издаваемые тогда Смирдинымъ, новый журналъ „Библіотека для чтенія и 1-й томъ альбома“ Сто русскихъ литераторовъ. Первый (сначала) подъ сообщей редакціею Н. И. Греча и О. И. Сенковскаго, второй подъ редакціею одного только послѣдняго.

секрету“ слѣдующій фактъ. Въ началѣ того же мѣсяца настало время представленія къ производству въ слѣдующіе чины и Рагозинъ подалъ полковнику, между прочимъ, также и списокъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся. Г. Рейснеръ первымъ дѣломъ вычеркнулъ мое имя. Адъютантъ обратилъ его вниманіе на то, что я состою въ полку почти два цѣлыхъ года, а потому и числюсь по спискамъ старшимъ изъ юнкеровъ; что первый изъ этихъ годовъ считается за двѣ кампаніи, слѣдовательно вдвое; что мнѣ „за отличіе“ пожалованы Георгіевскій крестъ и серебряный темлякъ; да что, наконецъ, я, слишкомъ годъ тому назадъ, прежнимъ полковымъ командиромъ былъ уже разъ представленъ къ производству въ корнеты. Г. Рейснеръ же иронически отвѣтилъ: что, вѣдь, эти преимущества и впредь за мною останутся, но что, по его мнѣнію, юнкеръ Арнольдъ еще не долженъ быть произведеннымъ въ корнеты, такъ какъ оный юнкеръ, сколько по собственному его, г. Рейснера, усмотрѣнію, столько же и по рапорту штабсъ-ротмистра Мишина въ послѣднее время оказался „не ретивымъ къ службѣ“. И надѣется онъ, полковникъ, что „не придется ему отъ кого-либо услышать переченіе сему его,—полковаго командира,—окончательному рѣшенію“.—„Итакъ (прибавилъ Рагозинъ), вы сами, дружокъ, должны согласиться, что, послѣ такихъ рѣшительныхъ словъ нашего отца-командира, не только я, но и никто другой изъ вашихъ старыхъ друзей,—хотя ваше дѣло и самимъ намъ всѣмъ обидно,—ничего тутъ и подѣлать даже не можемъ“.

Весьма естественно, что пользуясь правами моего дворянства, я, выписавшись тотчасъ изъ лазарета, подалъ формальное прошеніе объ увольненіи меня изъ полка по болѣзни“ [1]). Прошеніе было принято и я самъ же потомъ отвезъ представленіе [2]) о немъ въ дивизіонный штабъ, въ Елисаветградъ. Тогда и выдали мнѣ временный билетъ для прожитія. Формальный же аттестатъ былъ мнѣ, подъ конецъ только того же 1833 года, высланъ въ г. Херсонъ, гдѣ я поселился съ Августа уже мѣсяца. Но каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что въ

---

[1]) О чемъ я приложилъ къ прошенію формальное свидѣтельство.

[2]) Конечно въ пакетѣ за казенной печатью, почему я о содержаніи рапорта ни малѣйшаго понятія не имѣлъ.

этомъ аттестатѣ было просто показано: „уволенъ изъ полка тѣмъ же чиномъ“, т. е. безъ приписки: „по прошенію его“ [1]). Это, пожалуй, можно было понять и въ томъ смыслѣ, будто я былъ *выгнанъ* изъ полка за какія-нибудь дурныя дѣла! Первою моею мыслію было подать прошеніе на Высочайшее имя. Но новые мои тогдашніе (въ Херсонѣ) друзья, — между прочими: предводитель дворянства К. О. Комстадіусъ и отставной драгунскій полковникъ В. Я. Рашевскій,—отсовѣтовали. „До Бога высоко, а до Царя далеко“! сказали они; „ну, гдѣ вамъ тягаться съ полковымъ командиромъ, да коли еще графъ Захаржевскій оказывается дядею его жены!“

Въ г. Херсонъ же попалъ я случайно. Въ верстахъ около сорока отъ нашего эскадрона жилъ богатый Екатеринославскій помѣщикъ, камергеръ Алферовъ, которому, вскорѣ послѣ оставленія мною службы, представилъ меня мой пріятель, молодой подпоручикъ состоявшей при нашей дивизіи конно-артиллерійской № 19-го бригады, Адріянъ Солнцевъ. Вслѣдствіе же моего музыкальнаго таланта, Алферовы пригласили меня погостить у нихъ. Тогда-то я и познакомился у нихъ съ пріѣзжимъ изъ Херсона, купцомъ 1-й гильдіи Попандопуло. Узнавъ, что я „вольный казакъ“ (какъ говорится) и что я намѣренъ вполнѣ посвятить себя музыкальному поприщу, онъ разсказалъ мнѣ, что въ Херсонѣ нѣтъ настоящаго фортепіаннаго учителя, что въ таковомъ весьма нуждаются, что всѣ тамъ будутъ мнѣ рады и онъ готовъ представить меня въ лучшіе дома; а наконецъ онъ предложилъ мнѣ даже свезти меня туда по Днѣпру на собственномъ своемъ рѣчномъ суднѣ, да на первое время помѣстить у себя въ домѣ. Я и принялъ любезное предложеніе [2]).

---

[1]) Гораздо позже (въ 40-хъ годахъ) я узналъ еще, что такъ какъ я имѣлъ званіе эстандартъ-юнкера, то по закону даже слѣдовало бы уволить меня не иначе какъ съ чиномъ 14-го класса. Незнаніе же закона, по самому уже опредѣленію законовъ, ни для кого не должно служить извиненіемъ, а тѣмъ менѣе еще начальству.

[2]) Кромѣ убѣжденія въ томъ, что г. Попандопуло сдѣлалъ мнѣ это любезное предложеніе безъ всякой задней мысли (ибо у него не было дѣтей, которыхъ пришлось бы мнѣ учить игрѣ на фортепіано), такъ на скорое мое рѣшеніе повліяло еще и слѣдующее несчастное обстоятельство. Когда, еще изъ лазарета, я сообщилъ отцу обо всемъ, что со мною случилось, равно какъ и о моемъ намѣреніи подать въ отставку, то черезъ мѣсяцъ уже я получилъ отвѣтъ. Отецъ

Итакъ въ общемъ смыслѣ мнѣ бы слѣдовало считать осень 1833-го уже года за начало моей дѣятельности на музыкальномъ поприщѣ. Но въ отношеніи настоящаго, на научномъ знаніи основаннаго, художественнаго служенія музыкальному искусству, я всю Херсонскую свою дѣятельность долженъ считать единственно только спеціальнымъ подготовленіемъ моихъ способностей къ будущему серьезному изученію своего предмета. Слѣдовательно, вся эта эпоха касается индивидуальнаго лишь моего развитія какъ композитора и писателя, и потому подробности моего пребыванія въ Херсонѣ общаго интереса для наибольшей части читателей имѣть не могутъ; но долгъ благодарности все-таки велитъ мнѣ упомянуть о томъ, что эстетическимъ расширеніемъ и возвышеніемъ моихъ воззрѣній на честное служеніе искусству я обязанъ благому руководству двухъ высокообразованныхъ и тонкимъ поэтическимъ чутьемъ одаренныхъ дамъ, какія и нынѣ далеко не часто встрѣчаются, а въ то время подавно уже оказывались рѣдкостью. Это были Софья Львовна Комстадіусъ [1]) и Екатерина Яковлевна Рашевская, супруги выше упомянутыхъ двухъ Херсонскихъ помѣщиковъ, примѣрныя матери довольно многочисленныхъ семействъ. Видя во мнѣ молодаго человѣка изъ семейства интеллигентнаго общества и не безъ нѣкоторыхъ задатковъ для даль-

мой писалъ, что при производствѣ даже меня въ офицеры пришлось бы мнѣ выйти въ отставку, такъ какъ онъ не былъ бы въ состояніи продолжать субсидію въ 1500 рублей. Довѣренный его по денежнымъ дѣламъ, лично извѣстный мнѣ купецъ 1-й гильдіи Карлъ Мёллеръ удралъ за границу, похитивъ у отца моего наибольшую часть его капитала, около полмилліона талеровъ. А потому, посылая мнѣ въ послѣдній разъ 500 рублей, онъ просилъ меня вернуться скорѣе въ Петербургъ и поступить въ гражданскую службу, дабы мнѣ уже самому зарабатывать свое содержаніе. На это я отвѣтилъ, что постигшее его несчастье огорчило меня ради него самого и матушки, но не ради меня; что здоровье мое еще не дозволяетъ мнѣ пускаться въ такое дальное путешествіе на почтовыхъ телѣгахъ, и что поэтому намѣреваюсь я поселиться въ Херсонѣ, куда есть возможность доѣхать по Днѣпру на корабликѣ; что мнѣ обѣщаютъ доставить тамъ много уроковъ на фортепіано, и что, наконецъ, я имѣю сильное желаніе окончательно посвящать себя музыкальному искусству, которое я всегда такъ страстно любилъ, и что чувствую въ себѣ способность приносить со временемъ пользу на этомъ поприщѣ. За деньги же душевно благодарилъ, и обѣщалъ быть какъ можно поэкономнѣе.

[1]) Она была старшая сестра прославившагося въ тѣ годы Кавказскаго героя, генералъ-маіора Льва Львовича Альбранда.

нѣйшаго развитія, объ эти искренне высоко чтимыя, благороднѣйшія женщины съ истинно материнскимъ участіемъ подстрекали меня къ прилежнымъ и серьезнымъ работамъ. И та и другая не разъ указывали мнѣ—либо на тему для написанія разсказа или небольшихъ сценъ [1]), либо на стихи для положенія ихъ на музыку. На развитіе моего поэтическаго вкуса вліяли онѣ не только своими разговорами, но и тѣмъ, что давали мнѣ читать лучшія сочиненія современной русской и французской литературы [2]) и знакомили меня съ операми новѣйшаго европейскаго репертуара [3]).

Подъ благотворнымъ вліяніемъ этихъ двухъ духовныхъ моихъ руководительницъ написалъ я, безъ всякаго знанія какихъ-либо даже основныхъ правилъ теоріи музыки [4]), довольно много мелкихъ сочиненій для фортепіано и для разныхъ инструментовъ (преимущественно въ легкихъ формахъ ритмическаго движенія: полонезы, марши, французскія кадрили, вальсы), а также и романсы, между прочимъ „Вечерній звонъ“ на слова Кольцова, арію на французскія слова изъ какой-то драмы съ пѣніемъ „La marquise de Brinvilliers“ и концертную увертюру (въ духѣ Россини) для большаго оркестра. Мои покровительницы, одобривъ въ особенности три поименованныхъ сочиненія, посовѣтовали мнѣ послать ихъ моему отцу. Я такъ и сдѣлалъ [5]).

---

[1]) Такъ напр. на заданные мнѣ Софьей Львовной отрывки изъ разныхъ итальянскихъ либретто для надписей разныхъ главъ, написалъ я фантастическую повѣсть (на русскомъ языкѣ) „Приключеніе музыкальнаго учителя“; а по желанію Екатерины Яковлевны, одноактную піесу для ея дѣтей, подъ названіемъ „Рекрутскій наборъ“ или „Великодушный сынъ и братъ“, которая и была исполнена молодыми Рашевскими и двумя дѣтьми Софьи Львовны.

[2]) Напр. изъ русскихъ произведеній: драма „Борисъ Годуновъ“ и поэмы „Кавказскій плѣнникъ“ и „Полтава“ *Пушкина;* поэмы: „Наталья Долгорукая“ *Козлова* и „Войнаровскій“ *Рылѣева,* да романы: *Лажечникова, Вельтмана. Мартинскаго, Загоскина* и др. А изъ французской литературы: „Joceline“ *Ламартена;* „Les martyrs“ и „Attala“ *Шатобріана;* „Contes“ *Шарля Нодье* и др.

[3]) *Обэр*'а „La muette de Portici“; *Россини* „Guillaume Tell“; и *Мейербер*'а „Robert le Diable“.

[4]) Меня, вѣдь, обучали исключительно одной лишь *техникѣ* какъ фортепіанной игры, такъ и пѣнія.

[5]) При этомъ послалъ я также мною самимъ написанный акварельный мой портретъ, гдѣ я изображенъ въ застегнутомъ до верху коричневомъ фракѣ, съ далеко выдающимися впередъ туго накрахмаленными воротниками рубашки

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ пришелъ отвѣтъ отъ отца. Онъ сообщилъ мнѣ, что по просьбѣ матушки онъ, чрезъ знакомаго своего, Генриха Белинга [1]), просилъ лучшаго въ Петербургѣ учителя музыкальной теоріи, г. Леопольда Фукса, разсмотрѣть тѣ сочиненія и что этотъ знатокъ нашелъ въ нихъ признаки неотрицаемаго композиторскаго таланта. А потому отецъ, разрѣшая мнѣ посвятить себя музыкальному искусству, требуетъ однако же отъ меня серіознаго изученія этого предмета, вслѣдствіе чего я долженъ безъ замедленія пріѣхать въ Петербургъ, чтобы поступить къ г. Фуксу въ ученіе. На поѣздку онъ прислалъ мнѣ еще 500 рублей. Между тѣмъ, въ теченіе полутора года и я также накопилъ кое-что̀ (рублей до 300) отъ уроковъ.

Само собою разумѣется, что, проводивъ только рождественскіе еще праздники съ добрыми и милыми моими благопріятелями, я съ первыхъ же дней Января новаго 1835-го года помчался въ родной свой городъ,—конечно на перекладныхъ.

Дорога моя пролегала чрезъ городишко Александрію, отстоявшій всего верстъ на 20 отъ поселеній Стародубскаго полка. Весьма естественно, что во мнѣ возбудилось сильное желаніе повидаться еще разъ съ кѣмъ нибудь изъ бывшихъ товарищей по кампаніи 1831-го года. Но въ Абрамовку мнѣ ѣхать не хотѣлось, изъ опасенія нечаянной какъ нибудь встрѣчи съ г. Полковникомъ. Не то, чтобы я собственно-то *его* боялся;—боялся я болѣе всего своего-то горячаго темперамента, въ особенности при самосознаніи, что я къ нему ни въ какомъ регламентарномъ отношеніи ужѐ не состою, да какъ дворянинъ и подавно уступать ему не обязанъ. Но въ Абрамовкѣ онъ „владыка“, и попасть въ какую нибудь нечаянную исторію мнѣ въ этотъ моментъ было бы неудобно. Итакъ, я предпочелъ послать Сашѣ Готовцеву письмо съ нарочнымъ, увѣдомивъ его, что я могу пробыть въ Александріи до двухъ сутокъ. На другой же день я имѣлъ великую радость убѣдиться въ томъ, что русскій кружокъ Стародубскихъ офицеровъ даже и „просто уволеннаго“ своего юнкера

(„parricides, Vatermörder“), съ огромными буклями по бокамъ, а волосы надъ лбомъ устроены „пѣтухомъ“ (en coq) въ три вершка вышиною. Нынѣ конечно, и на затылкѣ даже „цыпленка“ у меня не устроишь!

[1]) Онъ былъ фортепіаннымъ учителемъ Августѣйшихъ дѣтей Государя Императора.

не забылъ и прежней своей дружбы и любви не лишилъ. Пріѣхали не только нѣкоторые молодые офицеры: Саша Готовцевъ, Сомовъ и два брата Ознобишины, но и обожаемый мною Авксентій Петровичъ Манассеинъ, а также добрѣйшій Юлій Карловичъ фонъ Штернъ. Вспоминали же мы тутъ про веселый для насъ 1831-й годъ; про мое романтическое экспромтомъ поступленіе въ полкъ, про „бассовую барышню“, про фуражировки съ концертами, про поэтическое наше житье на поляхъ по обѣ стороны Вислы. Вспомнили мы также и про отбывшихъ изъ полка: нашего отца-командира „ау-того“, и про моего добраго ротмистра „Kreuzschockdonnerwetter“.

Сказалъ мнѣ тутъ Авксентій Петровичъ между прочимъ, что и онъ также собирается оставить службу.

Прощаясь, я выразилъ глубокосердечнѣйшую свою благодарность всему славному Стародубскому офицерству за всю, хотя и гораздо свыше моихъ заслугъ и моего маленькаго ранга, оказанную любовь и дружбу. Благодарилъ еще разъ и еще болѣе отъ глубины души своей всѣхъ тутъ присутствовавшихъ, а въ особенности высокочтимыхъ столь заслуженныхъ гг. ротмистровъ, за любезнѣйшее выказываніе мнѣ весьма дорогаго моему сердцу добраго ихъ расположенія своимъ сюда пріѣздомъ; прибавивъ, что этимъ днемъ я считаю себя вправѣ гордиться и что до конца моей жизни я его не забуду.

И впрямь не забылъ я этого великаго для меня дня; онъ свѣтло живетъ въ моей памяти, онъ звонко откликается въ моемъ сердцѣ, не смотря на истекшее послѣ того съ большимъ „хвостикомъ“ цѣлое пятидесятилѣтіе!

Изъ дальнѣйшаго моего путешествія повѣдать стóитъ развѣ то еще, что въ Харьковъ я прибылъ какъ разъ къ концу (кажется) крещенской ярмарки, и что, пробывъ тамъ двое сутокъ, присутствовалъ: на первый день въ тамошнемъ театрѣ при представленіи—какою-то кочующею труппою — пресловутой въ свое время мелодрамы „Тереза или Женевская сирота“, а во второй день—на балѣ, данномъ Харьковскимъ дворянствомъ въ честь маститаго фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Петра Христофоровича Витгенштейна [1]).

---

[1]) На стр. 145 выпуска I этихъ „воспоминаній“ сыновья Фельдмаршала

Мелодрама, сама по себѣ того ультра-сантиментально-сенсаціоннаго характера, какой вообще господствовалъ въ сценическихъ произведеніяхъ французской музы двадцатыхъ годовъ, меня такъ веселила, какъ, вѣроятно, далеко не веселила бы никакая, даже наилучшая комедія въ исполненіи той же почтенной компаніи „артистовъ и артистокъ“. Случается и нынѣ иногда увидѣть на сценѣ заблудившихся туда, вовсе не рожденныхъ для этой сферы, овечекъ и барановъ; но и эти „художницы и художники“ должны считаться гораздо высшими тѣхъ героинь и героевъ Тесписовой колесницы, которые тогда столь лихо отмахнули ту несчастную мелодраму. Преимущественно отличался господинъ, изобразившій „злодѣя“ Вальтера. Для своей гримировки онъ, видимо, исчерпалъ всю гамму красокъ, а на счетъ кирпича вмѣсто румянъ, да угля для оттѣненія глазъ, онъ, видимо, не жалѣлъ матеріала, ибо толстые слои перваго такъ и бросались въ глаза зрителя, а среди черной рамки вокругъ глазъ бѣлки безпрестанно вертѣвшихся его буркалокъ такъ и порывались, казалось, выскочить. Глухо-пивной органъ на трубныхъ нотахъ высокаго регистра, пускаемыхъ во всю силу легкихъ при громкомъ дыханіи на манеръ локомотива, да самая пересоленная жестикуляція рукъ и неистовое ломаніе тѣла, долженствовавшее выражать работу душевныхъ потрясеній (въ особенности въ сценѣ, когда пасторъ изобличаетъ его въ убіеніи), довершали „мастерство“ этого провинціальнаго трагика. Вотъ это ужъ впрямь была первѣйшаго сорта игра на кулисныхъ ходуляхъ [1]). Но въ то время отъ провинціальнаго театра лучшаго и требовать нельзя было. Постоянныхъ труппъ въ губернскихъ городахъ не существовало. По всему южному краю, кажется, на всѣхъ большихъ, постоянныхъ ярмаркахъ являлись однѣ и тѣ же двѣ только кочующія труппы жрецовъ и жрицъ Мельпомены. А наибо́льшая часть

названы „Христофоровичами“ вмѣсто того, что слѣдовало бы писать „Петровичи“. За таковое случайное перепутаніе отчествъ съ моей стороны всепочтительнѣйше склоняю предъ благосклонными читателями повинную свою голову: да простятъ мнѣ великодушно тяжкій мой грѣхъ.

[1]) А добрѣйшая Харьковская публика съ такимъ же неистовымъ восторгомъ шумно хлопала и еще шумнѣе вызывала матадора, словно какъ нынѣ въ нашихъ оперныхъ представленіяхъ. Видно: tempora mutantur, sed non mores, nisi comprehensiones rerum (времена мѣняются, но ни нравы, ни понятія вещей).

этихъ мнимыхъ дѣтей сценической музы были „по оброку пущенными“ членами не малочисленныхъ тогда доморощенныхъ театральныхъ труппъ, иначе сказать: крѣпостными горничными и лакеями разныхъ промотавшихся помѣщиковъ; оказывались, конечно, и между ними иногда дѣйствительные таланты, но тѣ не долго участвовали въ цыганскомъ кочеваніи: прочуявъ врожденнымъ инстинктомъ то, чего имъ не доставало, и ни мало не прельщенные грошевыми лаврами провинціи, отправлялись они обыкновенно въ Москву учиться и трудиться, и либо погибали отъ матеріальной нужды, либо побѣждали и нужду и—всѣ препятствія! Но послѣднихъ было крайне немного единицъ; первыхъ же насчитывались десятки.

За то искренно радовался я счастливому случаю, давшему мнѣ возможность лицезрѣть славнаго нѣкогда героя 1812 года „спасителя Петрова града“, какъ пѣвалось въ ту эпоху въ гимнѣ, сочиненномъ въ честь его. Свѣтлѣйшему старцу тогда (т. е. въ 1835 году) было, какъ я полагаю, около 70-ти лѣтъ; но онъ имѣлъ здоровый, бодрый видъ, и только довольно густые, по военному подстриженные волосы на головѣ и усы, да небольшіе форменные бакенбарды блистали чистымъ серебромъ. Красивый, слегка горбатый носъ и добрая улыбка тонко очерченныхъ губъ очень напоминали мнѣ черты князя Алексѣя. Какъ и сынъ его, такъ и фельдмаршалъ былъ ниже средняго роста, и хотя нельзя было назвать его тучнымъ, но въ фигурѣ его выказывалась обычная легкая дородность здороваго маститаго старца. Одѣтъ онъ былъ въ тогдашній гусарскій вицмундиръ зеленаго (бутылочнаго) цвѣта съ малиновыми воротникомъ и обшлагами, съ вышитыми на оныхъ серебромъ гусарскими винтушками и съ пуговицами того же металла. Звѣздъ на его груди я не считалъ, да и не разглядывалъ ихъ, но помню, что на шеѣ онъ носилъ портретъ, окаймленный брилльянтами. Къ торжественной его встрѣчѣ со стороны дворянской корпораціи я не поспѣлъ. Когда я его увидѣлъ, онъ сидѣлъ уже въ боковомъ залѣ за картами; партренерами его были два военныхъ генерала и одинъ господинъ въ камергерскомъ мундирѣ. Публика, само собою разумѣется, безпрестанно густыми толпами прохаживалась мимо играющихъ и съ явнымъ любопытствомъ глазѣла на чествуемаго

высокаго гостя, — но вѣроятно предупрежденная — не позволяла себѣ останавливаться.

Въ Москвѣ пробылъ я однѣ лишь сутки, чтобы поглядѣть на главнѣйшія достопримѣчательности древняго, первопрестольнаго града Россіи, и наконецъ, въ 16-й день по моемъ выѣздѣ изъ Херсона, пріѣхалъ я въ родной мой Петербургъ. Это было 19 или 20 Января.

Первая встрѣтила меня добрая, милая моя матушка, которая со слезами горячо меня обняла; потомъ собрались и братъ Иванъ и сестры. Отца же не было дома, онъ былъ на службѣ. Изъ остальныхъ братьевъ двое также находились въ своихъ департаментахъ, а самые младшіе въ своихъ корпусахъ, одинъ (Ѳедоръ) въ лѣсномъ, а другой въ 1-мъ сухопутномъ. Когда отецъ пріѣхалъ, я пошелъ ему навстрѣчу и, преклонивъ предъ нимъ колѣно, поцѣловалъ, рыдая, его руку. Онъ молча благословилъ меня другою рукою, и поднялъ да обнялъ, причемъ невольно прослезился. Я дрожащимъ голосомъ шепнулъ: „Прости!“ Старикъ не безъ сердечнаго умиленія, какъ бы пытливо вглядѣлся въ мое лицо — (а я въ эти пять лѣтъ очень возмужалъ, да школа жизни нѣкоторымъ образомъ тогда уже наложила свою печать на мои черты),—и потомъ, улыбнувшись, указалъ на знакъ отличія св. Георгія. „Изъ-за этого,— сказалъ онъ,—я прощаю блуднаго сына!“ и еще разъ меня обнялъ.

XXVII.

Оперы: „Фенелла“ на нѣмецкой и „Робертъ“ на русской сценѣ.—Заслуги капельмейстера К. А. Кавоса.—Уроки музыкальной теоріи у Леопольда Фукса.—Минеральныя воды въ Новой деревнѣ. — Оригиналъ Сав. Сав. Яковлевъ. — Знакомство и дружба съ П. П. Ершовымъ и О. К. Гунке. — О. И. Сенковскій.—Библіотека для чтенія.—Первый мой романсъ въ печати.—И. И. Фуксъ представляетъ меня графу Мих. Юр. Віельгорскому. — Энциклопедическій словарь А. Плюшара и князь Вл. Ѳ. Одоевскій.—Какъ мнѣ посчастливилось хоть разокъ да увидать Пушкина.

Между оперными представленіями прошлаго времени, т.-е. до 1830-го года включительно, и тѣми, какія я увидѣлъ и услышалъ по моемъ возвращеніи въ Петербургъ, я нашелъ значи-

тельную разницу: въ эти пять лѣтъ перемѣнились не только физіономія внѣшней сценической обстановки, но также и манера исполненія и даже весьма многое въ характерѣ и въ направленіи самой-то музыкальной драмы. Въ прежніе годы на Петербургской сценѣ господствовали прежде всего италіянскіе пѣвцы и пѣвицы, а вслѣдствіе того и музыка италіянскаго стиля. Отъ первыхъ требовалось весьма раціонально, конечно, красивый голосъ и полное владѣніе пѣвческимъ искусствомъ, но столь-же нераціонально прощалось имъ (иногда, бывало, и полное) отсутствіе сценическаго таланта: артисты и артистки (съ рѣдкими исключеніями) пѣли на сценѣ, имѣющей представлять поле настоящаго, живаго міра, какъ бы стоя на эстрадѣ концертной залы. Драматическая же музыка италіянскаго стиля являлась въ какихъ-то неизмѣнныхъ, рутинныхъ формахъ стариннаго Дурантіевскаго и Люлліевскаго покроя. Единственнымъ исключеніемъ оказалась геніальная, безсмертная „opera buffa“ Россини: „il barbiere di Siviglia“, преисполненная кипучей, естественной жизни и неподдѣльнаго юмора. Поистинѣ хорошую драматическую музыку можно было иногда услышать на сценѣ русской оперы, хотя и тутъ обрѣтались въ этомъ отношеніи немногія оперы двухъ только творцовъ: Моцарта и Вебера; но зато исполнители далеко, далеко отставали отъ соловьевъ Италіи. Что-же касается сценической обстановки двадцатыхъ годовъ, то она, правда, общею внѣшностію соотвѣтствовала достоинству Императорскихъ театровъ, но не возвышалась надъ рутинностію формъ и понятій, установившихся еще лѣтъ за 70 тому назадъ.

Съ 1833-го же года (кажется) на Петербургской Императорской сценѣ произошла перемѣна. Прежняя италіянская оперная труппа была замѣнена нѣмецкой оперной труппою. Были-ли поводомъ къ тому художническія, или просто финансовыя соображенія дирекціи? Отъ рѣшенія этого вопроса я долженъ отказаться, и тѣмъ болѣе, что имѣвъ позже, по случаю моихъ нѣмецкихъ драмъ и двухъ оперетокъ, честь познакомиться съ г. директоромъ Императорскихъ театровъ, съ его превосходительствомъ Александромъ Михаиловичемъ Гедеоновымъ, я невольно получилъ убѣжденіе въ томъ, что онъ былъ отличный финансовый администраторъ, да чутьемъ отгадывалъ и поддерживалъ вкусъ и желанія придворнаго аристократическаго круга; но изъ трехъ

музыкійскихъ искусствъ, т. е. изъ искусствъ слова, звука и движеній, дѣйствительно любилъ и протежировалъ онъ (а быть можетъ, даже и понималъ) единственно только послѣднее искусство, т. е. по гречески: „оркестрику“, а по нынѣшнему „балетъ“. Какъ бы то ни было, но эта перемѣна принесла пользу развитію нашей публики въ отношеніи пониманія эстетическихъ требованій отъ драматической музыки и ея исполненія на сценѣ.

Нельзя сказать, чтобы нѣмецкіе пѣвцы и пѣвицы вообще имѣли право на соперничество съ италіянскими относительно благозвучія голосовъ и пѣвческаго искусства, но зато они—въ то время, по крайней мѣрѣ—почти всегда обладали весьма цѣнимымъ преимуществомъ: музыкальнымъ понятіемъ, и даже знаніемъ. А когда къ этому присоединяется еще хотя бы до извѣстной степени выработанный и довольно пріятный голосъ, и когда всѣ члены оперной труппы соотвѣтствуютъ другъ-другу въ упомянутыхъ качествахъ, то исполненіе оперы дѣйствительно можетъ быть доведено до нѣкотораго рода совершенства подъ руководствомъ капельмейстера, соединяющаго въ себѣ качества знающаго свое дѣло дирижера и проникнутаго поэзіею музыканта. А тогдашней нѣмецкой оперою руководилъ именно-то капельмейстеръ подобныхъ качествъ: это былъ Карлъ Келлеръ, бывшій не только отличнымъ (даже очень ученымъ) музыкантомъ, но и многосторонне образованнымъ человѣкомъ. Сама же труппа нѣмецкой оперы состояла изъ лицъ, которыя,—какъ оно въ то время вообще водилось еще и въ самой Германіи,—по контракту обязаны были участвовать также и въ представленіяхъ драматическаго репертуара. Оттого-то и оказалось, что бо́льшая часть нѣмецкихъ пѣвцовъ, кромѣ требовавшихся спеціальныхъ по оперной части качествъ, обладали также еще и сценическимъ талантомъ. Преимущественно въ этомъ отношеніи отличался тогда между нѣмецкими артистами драматическій теноръ Константинъ Голландъ, бывшій студентъ Бреславскаго университета и къ тому же отличный музыкантъ. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, Голландъ былъ объявленнымъ любимцемъ публики, благодаря образцовому, естественному имъ исполненію роли Мазаніелло въ оперѣ „Фенелла“ (La muette de Portici) Обѣра, въ которой неподражаемо вторила ему въ роли глухо-нѣмой Фенел-

лы балетчица (ученица С.-Петербургской театральной школы) г-жа Дюръ-Новицкая. Эта опера, поставленная на сцену (кажется) въ 1834-мъ еще году, и во второй еще сезонъ служила капитальною пьесою нѣмецкаго опернаго репертуара. По крайней мѣрѣ я помню, что въ теченіе окончательныхъ 4-хъ недѣль того сезона навѣрно не менѣе шести разъ я слушалъ „Фенеллу“; хотя и не присутствовалъ на всѣхъ въ это время даваемыхъ представленіяхъ ея [1])!

На русской же сценѣ въ то время, когда была распущена италіянская труппа, обрѣтался только опереточный, или водевильный персоналъ, т.-е. пѣвцы и пѣвицы, спеціальностію которыхъ было болѣе легкое, *куплетное* лишь пѣніе и сценическая игра. Въ этомъ отношеніи въ русской труппѣ находились лица, которыя дѣйствительно были весьма похвальными артистами, напр. сопрано: г-жи Шелихова и Каратыгина 2-я, да теноры: гг. Шемаевъ, Рамазановъ и Вас. Самойловъ [2]). Къ этому составу присоединились въ 1834-мъ году выпущенная изъ театральной школы сопранистка: М. И. Степанова, и молодой украинецъ съ необыкновенно-объемистымъ, звучнымъ и въ то же время бархатно-мягкимъ басомъ: О. А. Петровъ. Хоръ же былъ малочисленъ и къ серьезнымъ операмъ не пріученъ.

При таковой не совсѣмъ-то благопріятной обстановкѣ было капельмейстеру прежней италіянской оперы, венеціанскому уроженцу Катарину Альбертовичу Кавосу поручено поставить большія оперы съ русскими пѣвцами. Это значило все равно, какъ бы строить изъ неотесаннаго камня зданіе, которому ради формы присвоиваютъ напередъ уже названіе дворца, ни малѣйше не ожидая и даже не требуя, чтобы оно дѣйствительно сдѣлалось дворцомъ. Вѣдь существовала же для потѣхи аристократіи, весьма порядочная опера: нѣмецкая. Но бойкій и предпріимчивый (хотя вовсе уже не молодой) Кавосъ, стоявъ прежде въ главѣ господствующаго храма Мельпомены и не желавъ оставаться въ задней шеренгѣ, рѣшился возвысить свою труппу и

---

[1]) Какъ музыкальное твореніе, конечно, эта опера особенныхъ художественныхъ достоинствъ, кромѣ 2—3 прекрасныхъ свѣжихъ мотивовъ, не имѣетъ; но либретто превосходно драматическое, и роли Мазаніелло и Фенеллы чрезвычайно эффектны.

[2]) Бывшій въ горномъ корпусѣ унтеръ-офицеромъ при дортуарѣ младшаго отдѣленія.

побѣдить нѣмецкихъ соперниковъ. Онъ былъ убѣжденъ, что, подъ руководствомъ хорошо знающаго свое дѣло и добросовѣстно ему преданнаго капельмейстера, *русскій* артистъ въ состояніи сдѣлаться чуть-ли не первоклассным исполнителемъ. А Кавосъ былъ не только опытнымъ *дирижеромъ*, но—сверхъ того—что важнѣе всего въ этомъ дѣлѣ—и *превосходнымъ учителемъ пѣнія*. И вотъ закипѣла работа, и пошло дѣло, поистинѣ на *русскій богатырскій ладъ:* безъ малѣйшаго перерыва обычныхъ, по старому репертуару, представленій, менѣе чѣмъ черезъ годъ по начатіи подготовительныхъ занятій съ солистами и съ отдѣльными голосами значительно умноженнаго хора, появилась на русской сценѣ совершенно выходившая изъ колеи тогдашнихъ формъ, новая опера Мейербера „Робертъ“ и вызвала небывалый еще фуроръ. Петербургская русская оперная труппа вдругъ стала, какъ по дѣйствительному достоинству, такъ и по мнѣнію публики, равною своей иноязычной соперницѣ. Государь Николай Павловичъ былъ, видимо, очень доволенъ этой побѣдою русской Мельпомены и принялъ послѣднюю подъ особое свое покровительство. На слѣдующій же годъ (1836), когда при участіи новой ученицы Кавоса, молодой контральтистки А. Я. Воробьевой, были поставлены оперы: „Семирамида“ Россини, и „Ромео и Джульетта“ Беллини, то никто уже не отрицалъ превосходства *русской* оперы надъ *нѣмецкой*, хотя на нѣмецкой сценѣ послѣдняя опера шла также очень хорошо, съ вновь выписанной изъ-за границы, славившейся тамъ, контральтисткою г-жею Бѳте (Bothe) [1].

На первой же недѣлѣ по моемъ пріѣздѣ отправился я къ г. Фуксу. На своихъ сочиненіяхъ и въ письмахъ онъ всегда подписывался „Joh. Leopold Fuchs“, но русскіе называли его Иваномъ Ивановичемъ; слѣдовательно въ моихъ „воспоминаніяхъ“ и я также буду звать его этимъ именемъ и отчествомъ. Это былъ пожилой господинъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, средняго роста, сухощаваго сложенія, съ свѣжимъ лицомъ австрійскаго типа, на которомъ выражалась сердечная доброта съ примѣсью нѣкотораго педантизма, непремѣнной внѣшней примѣты всякаго

[1] А не Ботѐ (Beauté), какъ ошибочно (и вовсе не кстати) произносила русская публика.

нѣмецкаго ученаго. Густые гладко причесанные волосы и бакенбарды сильно уже посѣдѣли; въ сѣро-голубыхъ глазахъ искрились живость и веселость, а высокій лобъ съ немногими, но рѣзкими морщинами свидѣтельствовалъ о долголѣтнемъ умственномъ трудѣ.

Когда я позвонилъ, то случайно онъ самъ отворилъ мнѣ двери, и впустивъ меня, тутъ же, не давъ мнѣ даже снять бекешъ, спросилъ: „Что вамъ угодно?“ А на отвѣтъ мой, что я желалъ бы учиться у него музыкальной теоріи, объявилъ коротко и рѣшительно, что „къ сожалѣнію у него всѣ часы уже заняты и у него свободнаго времени нѣтъ!“

У меня отвѣтъ г. Фукса вызвалъ слезы и я взволнованнымъ голосомъ началъ бормотать: А я думалъ..., отецъ мой говорилъ..., Herr Behling... [1]).

— „А-а! помню, помню!“—вдругъ перемѣнивъ тонъ голоса, заговорилъ Иванъ Ивановичъ. „Это ваши что-ли сочиненія изъ Херсона-то присланы были?“ (Я подтвердилъ).—„Ну это другое дѣло! Запишите вашъ адресъ вотъ въ эту книжку (онъ указалъ на столъ у окна); я вамъ найду время, непремѣнно найду, только подумать надо; да на этой же недѣлѣ письмо вамъ пришлю. А теперь извините, тамъ ученикъ у меня сидитъ“.

И съ этими словами онъ меня и выпроводилъ.

Чрезъ нѣсколько дней все было устроено: г. Фуксъ назначилъ мнѣ по 3 урока въ недѣлю, а плату вдвое меньше противъ обыкновенной цѣны. Къ этому же, такъ какъ одинъ изъ этихъ уроковъ приходился какъ разъ тотчасъ послѣ положеннаго для его обѣда часа (онъ пожертвовалъ для меня одинъ изъ часовъ своего обычнаго послѣобѣденнаго покоя!), то въ этотъ день я долженъ былъ у него обѣдать. Вотъ, какіе въ тѣ времена бывали оригиналы! (Улыбнитесь же, читатель!).

Такъ какъ мой отецъ все же настоялъ на необходимости мнѣ поступить въ гражданскую службу, то я, чтобы за его безко-

---

[1]) Иной читатель, сынъ текущей эпохи, пожалуй, на этомъ мѣстѣ улыбнется съ сожалѣніемъ о наивности 24-хъ лѣтняго молодаго человѣка тогдашняго времени. Да пускай улыбнется, пускай сожалѣетъ! На здоровье! Я ни малѣйше этимъ не обижусь; напротивъ, я въ отвѣтъ на то, стану самъ искренно жалѣть, но не о *себѣ*, а о *немъ*; и вовсе не постыжусь признаться, что источникъ *подобныхъ* слезъ и понынѣ еще у меня, у 80-ти лѣтняго старца, далеко не изсохъ.

нечную доброту не отплатить ему огорченіемъ, опредѣлился въ Артиллерійскій Департаментъ по счетному отдѣленію, коего начальникомъ былъ отецъ, канцелярскимъ чиновникомъ съ исправленіемъ должности помощника контролера, а черезъ полгода былъ утвержденъ въ этой должности. Отецъ строго требовалъ, дабы я, какъ сынъ начальника, подавалъ своимъ сослуживцамъ примѣръ въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Вполнѣ понимая справедливость этихъ требованій, я свято исполнялъ желанія отца: ровно въ 9 часовъ утра я уже сидѣлъ на своемъ мѣстѣ въ Департаментѣ и уходилъ изъ послѣднихъ, въ 5-мъ только часу пополудни. Зато былъ я полнымъ владыкою надъ всѣмъ остальнымъ временемъ, а кромѣ того родители мои ни въ чемъ мало-мальски возможномъ мнѣ не отказывали. Итакъ, для моихъ музыкальныхъ занятій я имѣлъ свободными всѣ часы вечера и *ночи*, и я ими пользовался вдоволь [1]).

Но эти серьезныя занятія все-таки не заставили меня забыть, что я молодъ и что въ моихъ жилахъ текла не вода, а живая, здоровая кровь. Живши у родителей на всемъ готовомъ и получавъ по сту рублей въ мѣсяцъ жалованья, я пользовался всѣми удовольствіями (сообразно съ настроеніемъ моей натуры): посѣщалъ семейныя вечеринки, но въ особенности и преимущественно театральныя представленія, а также публичныя гулянія. Между послѣдними отличались тогда гулянія въ саду заведенія минеральныхъ водъ въ Новой деревнѣ. Эти „минеральныя воды“ въ то время только что годъ тому назадъ были открыты и поэтому находились въ зенитѣ своей славы и — *моды*. Въ нихъ по вечерамъ, въ теченіе всего лѣтняго сезона, собирался фешенебельный міръ Петербурга и оставался тамъ до полуночи, послѣ чего начинала развиваться жизнь деми-монда, а подъ конецъ поле оставалось за каскаднымъ свѣтомъ, усталыя, смятыя лица и декоративные наряды котораго рѣзко и непріятно противорѣчили яркимъ лучамъ свѣтлаго ранняго солнышка. По утрамъ отъ 7-ми до 12-ти часовъ заведеніемъ управляли медики общества „искусственныхъ минеральныхъ водъ“, основаннаго докторомъ меди-

[1]) Тогда-то установилась у меня привычка отдыхать тотчасъ послѣ обѣда, да работать ночью иногда до 3-хъ — 4-хъ часовъ утра; привычка, которой я потомъ всегда придерживался и нынѣ еще придерживаюсь, и, какъ видно, безъ вреда.

цины Германомъ Струве [1]), и оно посѣщалось больными. Послѣ полудня управленіе залами и садомъ переходило въ руки „арендатора“, извѣстнаго кондитора Излера, тогдашняго собственника знаменитаго кафе-ресторана „Domenique“ на Невскомъ проспектѣ. Для вящаго же успокоенія душъ больныхъ водопійцъ, а затѣмъ, и для столь же вящаго возбужденія желудковъ и глотокъ здоровыхъ любителей трюффелей и veuve Cliquot, былъ ангажированъ одинъ изъ пресловутыхъ „королей вальсовъ“ Іоганнъ Гунгль изъ Вѣны [2]) съ своимъ оркестромъ.

Одинъ изъ самыхъ ярыхъ посѣтителей минеральныхъ водъ, но преимущественно въ часы послѣ полуночи, былъ старшій сынъ богатѣйшаго въ Россіи набоба, отставной корнетъ Савва Саввичъ Яковлевъ. Это былъ человѣкъ, какъ разсказывали, и не глупый, и довольно образованный, да и съ добрымъ сердцемъ. Но баснословное богатство слабохарактернаго, видно, отца сдѣлало изъ него безалабернѣйшаго распутника, безумныя, а иногда весьма грязныя оргіи котораго поглощали по десяткамъ тысячей рублей и сдѣлались фабулою Петербурга. Не объ оргіяхъ его, впрочемъ, хочу я тутъ разсказывать,—на которыхъ, вѣдь, я не бывалъ и даже не могъ бывать; а тѣ публичныя попоечки, какія происходили въ лѣтнія ночи въ саду минеральныхъ водъ, когда Яковлева и его всегдашнюю свиту „монше-ровъ“ окружали многочисленныя нимфы разныхъ разрядовъ и языковъ, нынѣшнимъ жуирамъ той же категоріи не въ диковинку. Упомянулъ я о Саввѣ Яковлевѣ, чтобы сообщить про одинъ анекдотъ, который мнѣ про него разсказывали, и который свидѣтельствуетъ о томъ, что С. С. Яковлевъ былъ дѣйствительно иногда и оригиналомъ и острякомъ.

Разъ является онъ въ губернское правленіе и, вставивъ монокль въ правый глазъ, обходитъ всѣ столы, да весьма серьезно и внимательно разсматривая каждаго изъ сидящихъ за столами чиновниковъ. Всѣ въ изумленіи, конечно, отъ этой процедуры, и то и дѣло спрашиваютъ, чего ему угодно? кого онъ ищетъ?

— Позвольте, не мѣшайте! (отвѣчаетъ онъ учтиво) дѣло важное!“ а между тѣмъ обхаживаетъ спокойно столъ за столомъ и

---

[1]) Роднымъ братомъ знаменитаго астронома.

[2]) Братъ Іосифа Гунгля.

продолжаетъ инквизиторски разглядывать гг. чиновниковъ, смущающихся все болѣе и болѣе отъ столь надменной самоувѣренности щегольски одѣтаго посѣтителя съ большимъ краснымъ носомъ и черными усищами, на шалеобразномъ галстукѣ и на правой рукѣ котораго, однакоже, блестятъ два весьма почтенныхъ солитера. „Стало быть“, думаютъ гг. чиновники: „это птица, вѣрно, большаго полета! Не нагрянетъ ли на насъ какая тамъ бѣда?“ (А въ то время на совѣсти-то гг. чиновниковъ губернскаго правленія всегда кое-что лежало). Пошелъ межъ-тѣмъ экзекуторъ доложить предсѣдателю да совѣтникамъ губернскаго правленія о „небываломъ казусѣ“. Изумились, да сконфузились также и тузы общаго присутствія. А пока разсуждаютъ о „казусѣ“ да наконецъ рѣшаютъ, что надо имъ самимъ ужъ пойти, Яковлевъ, успѣвъ осмотрѣть физіономіи чиновниковъ и послѣдняго даже стола, спокойно направляетъ свои шаги къ выходу, такъ что, вышедшій наконецъ высшій синклитъ губернскаго правленія догоняетъ его уже у самыхъ дверей.

„Вы—кто, милостивый государь“?—спрашиваетъ, хотя и съ подобающимъ достоинствомъ, но довольно смиренно, предсѣдатель.

— „„Честь имѣю рекомендоваться вашему превосходительству: отставной корнетъ лейбъ-гвардіи кавалергардскаго полка Савва Яковлевъ““.

Имя какого-нибудь милльярднаго набоба всегда имѣло и всегда имѣть будетъ магическую силу. Предсѣдатель улыбаясь протянулъ любезно руку, которую Яковлевъ, также умильно улыбаясь, столь же любезно пожалъ.

„У васъ вѣрно есть дѣло какое?“ спросилъ тотъ предупредительно. „Пожалуйте къ намъ въ общее присутствіе“.

— „Покорнѣйше васъ благодарю! Я уже покончилъ свое дѣло“.

„Позвольте, однакожъ,—какъ же это безъ общаго присутствія?“

— „„Да именно-то общее присутствіе тутъ совершенно въ сторонѣ. Вотъ видите, ваше превосходительство, былъ я часъ тому назадъ по ту сторону Невы, въ кунсткамерѣ и разсматривалъ тамъ разные уроды—въ спиртѣ. А какъ сталъ я выходить, мнѣ смотритель кунсткамеры говоритъ: да что за ди-

ковинка-то, что разные уроды въ спиртѣ. Нѣтъ! ступайте-ко вы въ губернское правленіе, тамъ вы увидите — — —". Яковлевъ остановился.

„Что? что-о-съ?" недоумѣвая изумились предсѣдатель и совѣтники.

— „„Увидите *спиртъ въ уродахъ!*"" Съ этими словами Яковлевъ поклонился ставшимъ въ тупикъ гг. членамъ губернскаго правленія и ушелъ.

Говорили, что Государь Императоръ невольно разсмѣялся, когда генералъ-губернаторъ (кажется графъ Эссенъ) доложилъ объ этомъ приключеніи, но приказалъ посадить Яковлева на гауптвахту на цѣлую недѣлю, да чтобы онъ „мирился" съ чиновниками, какъ слѣдуетъ.

Не помню нынѣ ясно, гдѣ именно я случайно тогда впервые встрѣтился съ Петромъ Павловичемъ Ершовымъ, авторомъ прелестной сказки „Конёкъ-горбунокъ", которая въ предыдущемъ 1834 году появилась въ „Библіотекѣ для чтенія". Но мерещится мнѣ, будто это было въ какой-то весьма скромной кондитерской гдѣ-то либо на Литейной, либо на Шестилавочной [1]) улицѣ, и помню я, что очень поразила меня высокая и плечистая фигура вошедшаго блондина однихъ почти лѣтъ со мною, который несъ подъ мышкою цѣлую кипу книгъ. Онъ мнѣ нѣсколько напомнилъ Языкова; но я зналъ, что Языкова тогда уже не было въ Петербургѣ, да кромѣ того Языковъ былъ лѣтъ на шесть старше меня и имѣлъ волосы каштановаго цвѣта. Меня крайне заинтересовалъ молодой незнакомецъ, и его фигура и выразительное лицо такъ и врѣзались въ мою память. Встрѣтилъ я затѣмъ чрезъ нѣсколько дней опять своего незнакомца въ музыкальномъ магазинѣ Карла Пеца, гдѣ онъ покупалъ ноты, какія то пьески для флейты, сочиненія Тюлу и Зусмана. Когда онъ ушелъ, я спросилъ у прикащика, не знаетъ-ли онъ этого молодаго человѣка? Онъ мнѣ сказалъ, что это былъ студентъ, но фамилія его ему неизвѣстна. Недѣлю спустя понадобилась мнѣ какая-то книга и я отправился въ книжный магазинъ Смирдина. Перваго, кого мой взоръ встрѣтилъ, это мой незнакомецъ, который разговаривалъ съ самимъ Смирдинымъ. Вскорѣ моло-

[1]) Нынѣ эта улица называется „Надежинскою".

дой человѣкъ отошелъ и сталъ разсматривать книги, выложенныя на огромномъ столѣ, стоящемъ посреди магазина. Тутъ-то я и узналъ отъ прикащика, что это Ершовъ. Я таки прямо подошелъ къ нему и рекомендовался какъ горячій поклонникъ его. Вышло, что и онъ меня замѣтилъ въ оба раза нашихъ встрѣчъ [1]); да сверхъ того вышло также, что мы почти сосѣди, потому что Ершовъ жилъ на Пескахъ, шагахъ въ двадцати отъ Лиговки, а я и того ближе къ тому же каналу, но по другую сторону, въ Гусевомъ переулкѣ. И дали мы взаимно себѣ слово бывать другъ у друга. Это было послѣ Святой недѣли.

Одинъ разъ въ концѣ Мая я пришелъ къ Ершову, когда онъ собрался уже идти со двора. „Знаешь что, Арнольдъ“—сказалъ онъ,—„пойдемъ вмѣстѣ со мной къ Гунке“. (Это былъ музыкантъ, у котораго Ершовъ, для своего лишь удовольствія, изучалъ правила гармоніи и про котораго Петръ Павловичъ давно мнѣ говорилъ, что мнѣ слѣдуетъ познакомиться съ нимъ). „Я намедни показалъ ему твой „вечерній звонъ“, что ты мнѣ далъ, и онъ просилъ меня когда-нибудь привести тебя съ собой“.

Я съ великимъ удовольствіемъ согласился и отправился съ Ершовымъ къ г. Гунке, который также жилъ на Пескахъ, не подалеку отъ Петра Павловича. Осипу Карловичу Гунке было тогда 34 года; стало быть онъ былъ девятью годами старше меня. Несмотря на эту разность лѣтъ, несмотря даже на то, что онъ уже пользовался нѣкоторою извѣстностью какъ ученый музыкантъ и основательный учитель музыкальной теоріи и контрапункта, между тѣмъ, какъ я только еще что началъ изучать эту науку, О. К. Гунке съ первой нашей встрѣчи почтилъ меня своею дружбою, равно какъ и я также горячо къ нему привязался всею молодою своей душою. Хотя Осипъ Карловичъ весьма искренне интересовался ходомъ моего ученія у Фукса, но никогда не намекалъ хотя единымъ бы даже словомъ на то, чтобы я перешелъ къ нему въ ученики, а напротивъ того всегда хвалилъ и глубокое знаніе и основательный методъ Фукса. Позже, въ началѣ 1837-го года, когда около полугода протекло послѣ того, какъ я окончилъ курсъ ученія у Ивана Ивановича, и

---

[1]) Какъ онъ мнѣ объяснилъ, изъ-за Георгіевскаго креста на полувоенномъ сюртукѣ. Я носилъ тогда форму военнаго министерства.

самъ по себѣ началъ заниматься изученіемъ высшаго контрапункта и фуги, Гунке вызвался руководить систематическимъ направленіемъ моихъ работъ, но именно-то подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы о платѣ и рѣчи не было.

Относительно внѣшности своей, то Гунке удивительно походилъ на Гайдна, да и въ характерѣ своемъ выказывалъ такую же поэтически-наивную веселость, за которую упомянутому Вѣнскому маэстру и современниками и потомствомъ навсегда присвоено названіе „милаго отца Гайдна“ [1]).

Осипа Карловича Петербургскій музыкальный міръ зналъ и уважалъ какъ глубоко-ученаго музыкальнаго теоретика, и какъ автора весьма основательнаго и обширнаго „Руководства для изученія гармоніи и музыкальныхъ формъ“, и не многимъ только были извѣстны его весьма солидныя музыкальныя творенія [2]). Но то что̀ по истинѣ должно бы было выше всего цѣниться: его вѣчное желаніе истинно-художественнаго прогресса въ музыкальномъ искусствѣ и въ музыкальной наукѣ, его живѣйшій, до послѣднихъ дней жизни, интересъ въ развитіи истинной русской національной музыки на основаніи церковнаго и народнаго пѣснопѣнія, — это едва ли онъ кому-либо такъ откровенно и такъ вполнѣ высказывалъ, какъ мнѣ.

Съ 1863-го года, когда, уѣхавъ изъ Россіи, я поселился въ Лейпцигѣ, завязалась у насъ съ Гунке прилежная, интимно-дружеская переписка (на нѣмецкомъ конечно языкѣ), главнымъ предметомъ которой былъ обоюдный обмѣнъ нашихъ мыслей и желаній относительно обожаемаго, какъ имъ такъ и мною, музыкальнаго искусства вообще и русскаго искусства въ особенности. И какъ въ молодые наши годы, такъ и до глубокой нашей старости, Гунке горячо интересовался моими идеями и планами, ободрялъ мой духъ, когда я ослабѣвалъ подъ тяжестію житейской борьбы, подстрекалъ своимъ одобреніемъ къ продолженію работъ и съ сердечною радостью привѣтствовалъ всякое появленіе моего труда на поприщѣ какъ прак-

[1]) Der liebe Vater Haydn. Съ 1856-го года, однакоже, О. К. Гунке далъ отрастать усамъ, а съ 1867 года до самой смерти своей (въ 1885 г.) носилъ даже бороду.

[2]) Между прочимъ „Requiem“ для 4 голосовъ съ хоромъ и оркестромъ и Ораторія „Потопъ“, сочиненная имъ, когда ему было далеко за 70 лѣтъ.

тично-музыкальнаго творчества, такъ и теоретическихъ и историческихъ изъисканій [1]).

П. П. Ершовъ, послѣ того какъ мы познакомились, не долго еще оставался въ Петербургѣ; въ концѣ 1836-го, кажется, года онъ оставилъ „Сѣверную Пальмиру“, какъ тогда выражались. Онъ былъ славный, добрый малый, Сибирякъ до послѣдней косточки, и оттого не очень-то подвиженъ, нѣсколько, какъ говорится, тюленеватъ. И только поэтому, кажется, онъ на поэтическомъ поприщѣ, кромѣ дѣйствительно достопримѣчательнаго своего „конька-горбунка“ болѣе ничего выдающагося, сколько мнѣ помнится, не произвелъ. Ко мнѣ онъ былъ очень дружески расположенъ, и „пуссировалъ“ меня даже какъ „литературнаго писателя“. Ему изъ немногихъ мною въ Херсонѣ написанныхъ (русскихъ) попытокъ какъ-то понравилась (упомянутая въ предшедшей главѣ) фантастическая повѣсть: „Приключенія музыкальнаго учителя“ и онъ показалъ ее всесильному тогда въ Петербургскомъ писательскомъ мірѣ редактору „Библіотеки для чтенія“, профессору (собственно-то *восточныхъ* языковъ) Осипу Ивановичу Сеньковскому, или—что одно и то же,—знаменитому отцу русской „фантастической литературы“: Барону Брамбеусу (Али-Хаджи-Баба тожъ). „Оный“ (хотя онъ самъ первый перечеркнулъ бы у меня это, ненавистное ему и вмѣстѣ съ столь же несчастнымъ „сей, сія, сіе“ свирѣпо имъ преслѣдуемое мѣстоименіе) благосклонно прочитавъ сказанное мое произведеніе и одобривъ, соизволилъ помѣстить его въ Ноябрьской книжкѣ 1836-го года. Не думайте, однакожъ, о благосклонный читатель, чтобы я на этомъ инцидентѣ основывалъ какія-либо права на названіе „литературнаго дѣятеля“. Доказательствомъ тому можетъ служить, что и тогда даже я не рискнулъ выставить настоящаго своего имени подъ сочиненіемъ, а подписался псевдонимомъ „Карло-Карлини“. [2]) Да и самъ Осипъ Ивановичъ принялъ въ свой журналъ „сіе“ произведеніе зѣло незрѣлаго писателя, видимо, единственно только потому, что оно

---

[1]) Письма, полученныя мною отъ Гунке въ теченіе слишкомъ 20-ти лѣтъ, числомъ за полторы сотни, хранятся у меня въ цѣлости, какъ драгоцѣнные документы.

[2]) Не понимаю, какъ это нѣкоторые изъ позднѣйшихъ гг. литераторовъ могли приписать эту слабую попытку юноши опытному перу О. И. Сенковскаго.

очень напоминало направленіе собственнаго его „великаго“ творенія „Большой выходъ у Сатаны“. Въ заглавіи однако поставилъ онъ, вмѣсто слова „Приключенія“, слово „Любовь“. Самымъ пріятнымъ же для меня результатомъ было то, что П. П. Ершовъ настоялъ на томъ, дабы я былъ вознагражденъ за свой „трудъ“, вслѣдствіе чего Осипъ Ивановичъ,—хотя и съ довольно-кислой улыбкою,—а все таки вручилъ мнѣ „сто рублевъ“, первыя даннымъ мнѣ отъ Бога талантомъ заработанныя деньги.

По случайному совпаденію обстоятельствъ хозяинъ одного музыкальнаго магазина, г. Карлъ Рихтеръ, издалъ мой романсъ „вечерній звонъ“ (слова А. Козлова) въ то самое время, когда появилась въ печати названная повѣсть. Хотя я и тогда думалъ, да и нынѣ еще думаю, что это музыкальное мое произведеніе,—хотя конечно далеко еще не совершенное, какъ произведеніе начинающаго только композитора,—все же было болѣе художественнымъ созданіемъ, чѣмъ „оное“ литературное, но въ матеріальномъ отношеніи оно должно было считаться совершенно безплоднымъ для меня, такъ какъ вознагражденіе мое заключалось только въ полученіи 10-ти экземпляровъ.

Къ интереснымъ для меня воспоминаніямъ о зимѣ 1835—36 г. я непремѣнно долженъ причесть еще два слѣдующихъ эпизода. Въ началѣ Декабря мѣсяца 1835 года я у И. И. Фукса до того уже подвинулся, что былъ въ состояніи имитаціоннымъ манеромъ создавать многоголосныя сочиненія. Разъ Иванъ Ивановичъ былъ въ особенности доволенъ представленными ему тремя квартетами для мужскихъ голосовъ, не только ради хорошаго веденія отдѣльныхъ партій, но еще болѣе ради „свѣжести и характерности мотивовъ“ (какъ онъ сказалъ); а потому просилъ онъ меня переписать ихъ начисто и прислать ему на другой день. На слѣдующемъ же урокѣ онъ мнѣ сообщилъ, что онъ былъ у извѣстнаго музыкальнаго знатока и мецената, графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго; что показалъ ему мои квартеты, и что графъ „соизволилъ высказать желаніе“ познакомиться съ молодымъ „композиторомъ“. Такимъ образомъ (еще до рождественскихъ праздниковъ) я впервые представился графу Михаилу Юрьевичу.

Съ княземъ же Одоевскимъ познакомился я по поводу предпринятаго тогда книгопродавцемъ Александромъ Плюшаромъ из-

данія русскаго энциклопедическаго лексикона. По совѣту О. К. Гунке и П. П. Ершова, отправился я въ контору г. Плюшара съ предложеніемъ своего сотрудничества по части музыкальныхъ статей. Г. Плюшаръ объяснилъ мнѣ, что самъ онъ не распоряжается этими дѣлами, такъ какъ для всѣхъ отдѣловъ имѣются спеціальные редакторы, да редакціею именно-то по музыкальному отдѣлу распоряжается князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій [1]). Я и отправился къ послѣднему съ письмомъ отъ г. Плюшара и съ рекомендательнымъ аттестатомъ отъ И. И. Фукса. Князь принялъ меня очень любезно и далъ мнѣ нѣсколько нѣмецкихъ и французскихъ статей, для составленія изъ нихъ требующихся статей на русскомъ языкѣ. Когда я окончилъ данную работу, тогда я отнесъ ее къ князю и получилъ новые заказы.

Это было, помнится, на Ѳоминой недѣлѣ, когда я въ третій разъ [2]) явился къ князю Владиміру Ѳедоровичу.

Снявъ свой рединготъ и подымаясь по лѣстницѣ, вижу я, что на верху выходитъ князь въ сопровожденіи господина средняго почти роста, и послѣдній, собираясь уже спускаться по лѣстницѣ, вдругъ останавливается, да, поворачиваясь къ князю Одоевскому, вновь съ нимъ заговариваетъ шепотомъ. Я также остановился на срединѣ лѣстницы, чтобы не помѣшать разговору, и только невольно разсматриваю посѣтителя. Лицо у него продолговатое, худощавое, смугло-блѣдное, глаза-же большіе, но какого они цвѣта, разобрать я не могъ; брови густыя къ верху поднятыя; носъ слегка горбатый, да будто не много придавленный; губы алыя, полныя; на головѣ черные курчавые волосы; широко расчесанныя бакенбарды того же цвѣта. Длинный сюртукъ на немъ съ синеватымъ отливомъ; и въ лѣвой, назадъ заложенной, рукѣ огромная, довольно еще новая, но нѣсколько уже смятая шляпа. Разговоръ длился не долго, и незнакомецъ быстро спустился мимо меня, а внизу швейцаръ чрезвычайно почтительно надѣлъ на него широкій, темно-синяго цвѣта, плащъ-альмавива.

---

[1]) Онъ жилъ тогда на Милліонной улицѣ, въ домѣ князя Дмитрія Петровича Волконскаго, а подъѣздъ былъ съ переулка, ведущаго отъ Конюшеннаго моста къ Невѣ.

[2]) Въ послѣдній, кажется, разъ, такъ какъ Плюшаровское предпріятіе вскорѣ сѣло на мель, да тамъ и завязло навсегда.

Когда я дошелъ до верха и поклонился князю, онъ, подавая руку, спросилъ меня:

„Vous ne l'avez pas reconnu?— [1]).

— Mais qui donc, monsieur le prince? [2]) возразилъ я.

„Et bien donc, celui, qui vient de sortir! C'était Pouchkine!“ [3]).

XXVIII.

1836. Новый стиль фортепіанной игры: Леоп. фонъ-Майеръ.—Пріѣздъ старыхъ товарищей. Артиллеріи поручикъ Вл. Гр. Бенедиктовъ.—Молодой художникъ П. П. Сѣмячкинъ.—Братья Ал. П. и Н. П. Мундтъ.—Директоръ оркестровъ Императорскихъ театровъ К. А. Кавосъ.—Артисты русской оперы.

Болѣе еще, чѣмъ въ стилѣ драматической музыки и въ манерѣ исполненія ея, нашелъ я огромную перемѣну въ стилѣ и въ исполненіи фортепіанной музыки. Когда я возвратился въ Петербургъ, то Тальбергъ только что уѣхалъ и весь нашъ музыкальный міръ находился словно въ бреду какъ отъ исполненія, такъ и отъ сочиненій его. Его игры я не слыхалъ, слѣдовательно и судить о ней я не могу; но я разсматривалъ тѣ сочиненія его, которыми именно-то онъ привелъ Петербургскую публику въ столь великій восторгъ. Изъ нихъ преимущественно, какъ „геніальное“ твореніе, выставлялось фантазія на терцетъ: „Mi manca la voce“ изъ оперы „Mosè in Egytto“ Россини. Бывши тогда профаномъ въ теоріи музыкальнаго искусства, я о достоинствѣ этой фантазіи въ отношеніи композиторской техники, конечно, судить не могъ; съ другой же стороны, какъ—бывшій по крайней мѣрѣ нѣкогда, хотя бы и посредственный только піанистъ, да какъ дилетантъ уже не совсѣмъ незнакомый съ лучшими произведеніями фортепіанной литературы двадцатыхъ годовъ, я все таки чувствовалъ себя способнымъ различать характеръ и значеніе одного рода фортепіанныхъ пассажей отъ характера и значенія другаго рода, т. е. различать поэтическое разнообразное журчаніе живаго теченія рѣчки, истекающей изъ глубокихъ нѣдръ матери-земли, отъ прозаическаго монотоннаго жуж-

[1]) Вы его не узнали?

[2]) Но кого же, г. князь?

[3]) Ну какже, того, кто только что вышелъ! Это былъ Пушкинъ!

жанія разливающейся чрезъ рѣшето изъ искусственнаго водоема жиденкой массы воды. А впечатлѣніе въ родѣ послѣдняго давно уже производили на меня всѣ эти бравурно-шикарные, но безсодержательные пассажи въ модныхъ (прошлыхъ годовъ) фортепіанныхъ сочиненіяхъ Ганри Герца, Мошелесса, Пиксиса, Шоберлехнера и tutti quanti, въ сравненіи съ плавно-спокойными, изъ самыхъ мотивовъ истекающими, а потому съ содержаніемъ пьесы тѣсно связанными пассажами въ твореніяхъ не только Гайдна и Моцарта да Бетховена, но также и Гуммеля и Вебера, и отчасти еще Бергера и Фильда. Признаюсь, пресловутая вышереченная фантазія на саму по себѣ уже прелестную мелодію „Mi manca la voce“ мнѣ показалась достойнымъ только чадомъ все той же манерной школы виртуознаго шика. Все та же вода изъ обычнаго резервуара. Въ одномъ только я соглашался и долженъ былъ согласиться съ публикою, въ дѣйствительно изумительномъ прогрессѣ техническаго владѣнія клавіатурою. И въ этомъ я болѣе еще убѣдился, когда услышалъ да—главное!—и *увидѣлъ* игру Леопольда фонъ-Мейера, также ученика знаменитаго вѣнскаго фортепіаннаго учителя, Карла Черни. Да! бѣглость и самостоятельность пальцевъ, сила и вѣрность аншлага дошли, кажется, до апогеи технической возможности! [1]) Но, несмотря на всѣ эти неотрицаемыя достоинства, несмотря даже на весьма добросовѣстное соблюденіе тончайшихъ нюансовъ въ звучаніи, игра г. фонъ-Мейера не производила на меня того впечатлѣнія, какого алкала моя душа, и какое я ощущалъ отъ болѣе простаго исполненія напр. Шарля Майера, долголѣтняго нашего Петербургскаго сожителя, и у котораго болѣе или менѣе продолжительно обучались всѣ мы, Петербургскіе дилетанты [2]).

Въ теченіе 1835-го и 1836-го года имѣлъ я радость видѣться съ нѣкоторыми временно пріѣхавшими въ Петербургъ Стародубовцами. Первымъ изъ нихъ былъ бывшій при мнѣ юнкеромъ, корнетъ Кёлеръ; нѣсколько позже отыскалъ меня Саша

---

[1]) Л. фонъ-Мейеръ не мало гордился своей баснословной техникою, и не разъ самъ про себя говаривалъ: „ich bin nun'mal so'n sakramentski Czech“ (ужъ я такой какъ ни есть бѣдовый Чехъ)!

[2]) Шарль Майеръ (ученикъ Фильда) занимался въ Петербургѣ преподаваніемъ фортепіанныхъ уроковъ съ 1822-го по 1844-го годъ. Послѣ переселился онъ въ Дрезденъ, гдѣ и умеръ въ 1846-мъ году.

Готовцевъ (въ чинѣ уже поручика), съ которымъ я весьма весело проводилъ цѣлую недѣлю. Вскорѣ затѣмъ посѣтилъ меня бывшій во время войны поручикомъ, а теперь ротмистръ Пономаревъ, который сообщилъ мнѣ, что ему обѣщано мѣсто полиціймейстера въ г. Павловскѣ.

Въ началѣ же 1836-го года отыскали меня двое изъ поселенскихъ моихъ знакомыхъ, съ которыми я „тамъ“ не такъ близко знался, но зато теперь очень интимно подружился, такъ какъ оба они почти два мѣсяца прожили въ Петербургѣ. А тѣмъ болѣе я долженъ упомянуть о нихъ, что чрезъ нихъ же я познакомился съ нѣкоторыми лицами, дружеская связь съ которыми открыла мнѣ затѣмъ доступъ въ кругъ молодыхъ артистовъ тогдашней русской оперы.

Но прежде надо объяснить, что въ концѣ 1835-го года отецъ мой, вышедъ въ отставку, переселился въ недавно пріобрѣтенную имъ „мызу“ близъ г. Фридрихсгама въ Финляндіи; я же, вслѣдъ затѣмъ, пользуясь случаемъ преобразованія артиллерійскаго Департамента съ уменьшеніемъ штатовъ, также просилъ объ увольненіи меня съ вознагражденіемъ годоваго жалованія, дабы исключительно посвятить себя своему искусству. Въ это самое время, въ одинъ прекрасный день, вошли ко мнѣ сюрпризомъ Стародубскаго полка недавно только въ поручики произведенный Ѳеогенъ Бѣлевцевъ и конно-артиллерійской № 19-ой бригады столь-же вновь испеченный штабсъ-капитанъ Андріанъ Александровичъ Солнцевъ [1]). Само собою разумѣется, встряхнули мы стариной, и я чрезъ нихъ сошелся съ нѣкоторыми другими офицерами, отчасти пріѣхавшими въ столицу по своимъ дѣламъ, отчасти же и постоянно тутъ служившими. Къ первымъ принадлежалъ армейской пѣшей артиллеріи поручикъ Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ, ко вторымъ С.-Петербургскіе плацъ-адъютанты, братья, числившіеся по гвардіи полковникъ Александръ и капитанъ Павелъ Петровичи Мундтъ. Александръ Петровичъ былъ страстный поклонникъ музыки и въ особенности драматической, а самъ занимался (и не безъ таланта) живописью и сочиненіемъ стиховъ. Это послѣднее свело его съ Бенедиктовымъ, а первое съ молодымъ живописцемъ Павломъ Петровичемъ Сѣ-

[1]) См. гл. XXVI.

мячкинымъ, который въ то время былъ ученикъ „на выходѣ“ Академіи Художествъ.

Итакъ, благосклонный читатель изволитъ усмотрѣть, что новый кругъ, въ который я попалъ, никакъ не противорѣчилъ моимъ стремленіямъ. Не скрою, что мы всѣ, болѣе или менѣе, были также и довольно забубенныя головы, и что бывали дни, или вѣрнѣе сказать: бывали вечера, гдѣ мы порядочно пошаливали, но это случалось не въ образѣ дикихъ кутежей или картёжныхъ ночей, а походило болѣе на эпизоды изъ бывшей Дерптской студенческой жизни [1]). Между бездѣліемъ помышляли мы однако-же и о дѣлѣ.

Братья Мундтъ пользовались, каждый, правомъ казенной квартиры въ ордонанцъ-гаузѣ, и такъ какъ ихъ было двое, да притомъ же Александръ Петровичъ былъ старшій адъютантъ, то квартира ихъ была весьма просторная, такъ что съ ними жили старушка ихъ мать и молодыя сестры. Въ этомъ-то семействѣ своемъ братья Мундтъ насъ и познакомили. Второй же, послѣ Александра, братъ Николай Петровичъ [2]) состоялъ секретаремъ Дирекціи Императорскихъ театровъ. Вотъ услышавъ нѣкоторые изъ моихъ романсовъ, Александръ и Николай Петровичи спросили меня: почему я трачу свой талантъ все на мелочи? Лучше мнѣ написать бы оперу. Когда же я отвѣтилъ, что у меня на это охота бы смертная, да участь-то горькая, ибо либретто нѣтъ, то Александръ Мундтъ вызвался написать поэму, а братъ его Николай обѣщалъ хлопотать въ свое время о постановкѣ общаго нашего труда на Императорскую сцену.

Это намѣреніе компанейскаго моего съ Александромъ Мундтомъ созданія оперы нашло общее одобреніе нашего круга, а въ особенности радовался ему младшій членъ онаго, молодой живописецъ Сѣмячкинъ, который, самъ страстный любитель музыки [3]), меня очень полюбилъ, какъ и я его. Не даромъ же говоритъ пословица: „рыбакъ рыбака чуетъ изъ-далека!...“

---

[1]) Если-же изъ-за этихъ шутливыхъ скандальчиковъ не выростали большіе, до свѣдѣнія высшаго полицейскаго начальства доводимые скандалы, такъ это благодаря тому удобству, что „милые“ наши въ то время сѣрые будочники-аллебардцы были люди „разсудительные“ и принимали „представленные имъ документальные резоны“.

[2]) Онъ былъ женатъ и жилъ въ домѣ театральной Дирекціи.

[3]) Сѣмячкинъ очень порядочно игралъ на скрипкѣ.

Въ это-то время нашъ кружокъ и расплавился: Солнцевъ и Бѣлевцевъ уѣхали; а Бенедиктовъ перешелъ въ гражданскую службу по министерству финансовъ.

Пошли между тѣмъ уже и серьезныя совѣщанія между Александромъ Мундтомъ и мною насчетъ выбора сюжета. Въ этихъ совѣщаніяхъ принималъ живое участіе и Павлуша Сѣмячкинъ [1]). Наконецъ мы остановились на сюжетѣ изъ цыганской жизни, составили сценарій, и прозвали будущую нашу оперу: „Цыганкой". Александръ Мундтъ съ рвеніемъ принялся за дѣло и какъ только я получилъ 1-й актъ, то и я прилежно засѣлъ за работу. Къ лѣту почти вся опера была уже готова, и частію даже инструментована. Братья Мундтъ межъ тѣмъ познакомили меня и съ главными мужскими лицами нашей русской оперной труппы: съ О. А. Петровымъ, Шемаевымъ, В. В. Самойловымъ и Смирновымъ. Изъ нихъ Шемаевъ былъ женатъ, и у него-то въ домѣ я былъ представленъ также и нашимъ пѣвицамъ: г-жамъ Шелиховой, Каратыгиной 2-й и М. И. Степановой. Позже имѣлъ я также удовольствіе познакомиться съ А. Я. Воробьевой и съ г. Леоновымъ.

Наконецъ, Николай Петровичъ Мундтъ представилъ меня также и директору музыки и старшему капельмейстеру Императорскихъ

---

[1]) Дружба наша съ П. П. Сѣмячкиномъ возобновилась осенью 1839-го г., когда я воротился, послѣ моей женитьбы, изъ Тамбовской губерніи на постоянное въ Петербургѣ пребываніе, и нашелъ его также семейнымъ уже человѣкомъ. Наши художническія стремленія насъ все болѣе и болѣе привязывали другъ къ другу. Мы сообщали другъ другу свои идеи и планы и обсуждали ихъ сообща, потому что мы другъ друга понимали, да къ тому же, культивируя каждый свое отдѣльное художество, были все-таки сколько-нибудь да знакомы также и съ искусствомъ друга. Братская дружба наша не пересѣклась даже и смертію „Павлуши", послѣдовавшей въ 1867 г., когда я находился за границею. Сѣмячкинъ хотя и не достигъ громкой славы великими созданіями по части спеціальной живописи, но честно трудился надъ возвышеніемъ у насъ литографическаго искусства. Онъ первый въ Россіи ввелъ олеографическое печатаніе картинъ. Первое, что онъ издалъ въ этомъ родѣ, была поистинѣ художественная копія съ чудотворной Казанской иконы Богородицы, за что и былъ почтенъ отъ Импер. Академіи художествъ званіемъ Академика. Дальнѣйшую въ художническомъ мірѣ извѣстность получилъ Сѣмячкинъ чрезъ мастерское исполненіе рисунковъ, приложенныхъ къ изданному бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Уваровымъ, „Сборнику керченскихъ древностей" (если не ошибаюсь) въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

театровъ Катерину Альбертовичу Кавосу. Это было уже въ Маѣ мѣсяцѣ 1836-го года.

О тѣхъ дружно коллегіальныхъ, почти родственныхъ между собою отношеніяхъ, какія въ то время господствовали между членами русской оперной труппы, да о той поистинѣ патріархальной связи, которая существовала между милѣйшимъ старикомъ-капельмейстеромъ и его „carissimi figlinoli“ [1]), нынѣ даже и всякое понятіе исчезло. Дружно-коллегіальныя тѣ отношенія, однако-же, отнюдь не выражались безцеремонной, тривіальной интимностью въ обхожденіи; напротивъ того, въ кругу тогдашнихъ артистовъ господствовали тонъ и манеры образованнаго общества и въ особенности въ обхожденіи съ дамами; да и сами-то члены труппы дѣйствительно болѣе или менѣе имѣли право считаться образованными людьми.

Василій Васильевичъ Самойловъ, окончивъ курсъ въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, дошелъ (насколько я помню) уже до чина „Оберъ-Бергпробирера“ или капитана корпуса горныхъ инженеровъ, когда онъ по непобѣдимой страсти къ сценическому искусству оставилъ службу. Онъ хорошо зналъ нѣмецкій (и кажется, также англійскій) языкъ, а французскимъ языкомъ владѣлъ превосходно. Мастеръ танцовать и фехтовать, онъ кромѣ того выказывалъ выдающійся талантъ въ живописи (какъ карандашомъ, такъ и акварелью и масляными красками), игралъ на гитарѣ и немножечко на фортепіано, и имѣлъ пріятный теноровый, довольно обработанный голосъ. Высокое же драматическое дарованіе Самойлова, обнаружившееся уже съ самаго начала его выступленія въ второстепенныхъ роляхъ [2]), наконецъ, въ полномъ смыслѣ поразило всѣхъ безъ исключенія, т. е. и публику, и знатоковъ, и театральное начальство, въ 1837-мъ (буде не ошибаюсь) году, на 1-мъ представленіи трагедіи Ст. А. Гедеонова [3]): „Смерть Ляпунова“, когда онъ немногія пророческія слова юродиваго проговорилъ съ такою потрясающею рельефною правдою какъ въ дикціи, интонаціи и тембровой окраскѣ, такъ и въ мимикѣ и пантомимѣ, да при томъ безъ всякой ложной аффектаціи и безъ малѣйшаго

---

[1]) Любезнѣйшія дѣтки.

[2]) На пр. въ роли Рембо въ „Робертѣ“.

[3]) Сынъ тогдашняго Директора Императорскихъ театровъ, и во вторую половину шестидесятыхъ годовъ самъ занимавшій сей постъ.

усиленія средствъ, что эта, по замыслу самого автора, почти ничтожная роль, въ той сценѣ ярко выдвинулась на первый планъ, и не только не въ ущербъ, а въ пользу всего сочиненія [1]).

Общій тогдашній духъ стремленія къ возвышенію интелектуальнаго своего „я“ надъ уровнемъ обыкновенной массы выказывался въ особенности въ Осипѣ Аѳанасіевичѣ Петровѣ [2]). Извѣстно, что онъ происходилъ изъ семьи торговцевъ г. Елисаветграда Херсонской губерніи, и что въ юности своей онъ получилъ самое элементарное только образованіе. Даже и тогда, когда на 19-мъ году жизни онъ поступилъ водевильнымъ jeune premier въ кочующую труппу Жураховскаго, онъ находилъ въ ней только случай сколько нибудь отшлифовать внѣшнія манеры и рѣчь, да привыкать къ болѣе или менѣе правильному пѣнію; но настоящаго образованія онъ и тогда не пріобрѣлъ. Надъ этимъ сталъ онъ весьма серіозно трудиться въ Петербургѣ, когда ему уже пошелъ 27-й годъ, да къ тому же среди строгаго и рев-

[1]) Замѣчательно, съ какимъ глубокимъ умозрѣніемъ Самойловъ изучалъ всѣ психологическіе оттѣнки своихъ ролей; какъ онъ, такъ сказать, „вживался“ въ характеры, житейскія привычки своихъ персонажей, даже въ необходимо изъ того вытекающіе аллюры и жесты, въ краски да нюансы тембра голоса, въ подходящую дикцію, и даже въ физіономію ихъ съ невольными измѣненіями въ извѣстные моменты. Для этой цѣли онъ рисовалъ себѣ, по своему логическому соображенію, портреты персонажей своихъ ролей въ разныхъ сценахъ. Я довольно часто посѣщалъ его, когда онъ подготовлялъ роль Шейлока (въ „Венеціанскомъ купцѣ“), а позже „Короля Лира“, и мнѣ было крайне интересно и поучительно, когда въ бесѣдѣ со мною онъ разъяснялъ мнѣ свои взгляды на роли, и интенціи на счетъ исполненія, да при этомъ показывалъ свои рисунки. Во время приготовленія къ своему бенефису въ 1862 году „Гамлета“ въ переводѣ М. А. Загуляева, я у Самойлова не бывалъ; но написалъ для него новую музыку къ пѣснямъ Офеліи и могильщика, а на представленіи я былъ. Въ 1863 г. когда, отправляясь за границу, я былъ также у Самойлова, чтобы проститься, то онъ показалъ мнѣ свою коллекцію Гамлетовскихъ фигуръ. А какъ психологически вѣрно передавалъ онъ эти роли! Видѣлъ я въ тѣхъ роляхъ и Карла Девріэна, видѣлъ и Ольдрича, а также и Поссарта, но по глубокому моему убѣжденію: *естественнѣе, логичнѣе, правдивѣе* всѣхъ ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ Самойловъ.

[2]) Въ музыкальномъ словарѣ П. Д. Перепелицына (1884 г.) Петровъ названъ „даровитымъ пѣвцомъ, исполнявшимъ бассовыя партіи болѣе 20-ти лѣтъ въ русской оперѣ“. Это ошибка: Петровъ на С.-Петербургскую сцену поступилъ въ 1833-мъ году, а въ 1872-мъ году, имѣя 65 лѣтъ отъ рожденія, въ послѣдній разъ явился въ роли „Сусанина“. Слѣдовательно онъ пѣлъ на сказанной сценѣ цѣлыхъ 39 лѣтъ.

ностнаго исполненія своихъ обязанностей на сценѣ. Съ какимъ стойкимъ прилежаніемъ занялся онъ изученіемъ лучшихъ произведеній не только отечественной, но и иностранной литературы; изъ послѣдней, конечно, какія въ то время существовали въ переводѣ на нашъ языкъ. Затѣмъ выучился онъ правильно танцовать и фехтовать. Высшему пѣнію обучался у Кавоса, а теоріи музыки да на фортепіано (сколько ему нужно было какъ нѣвцу) у Гунке. Помнится мнѣ, будто онъ бралъ также уроки французскаго и нѣмецкаго языка, чтобы хоть сколько нибудь понимать фразы, которыя иногда встрѣчались въ русскихъ романахъ и повѣстяхъ. Какъ серьезно и основательно онъ приступалъ къ разученію музыкальной части своихъ партій, тому служили доказательствомъ партіинныя его тетради, въ которыхъ надъ обыкновенно къ пѣвческому голосу прибавленными нотами оркестроваго басса были надмѣчены генералбассныя цифры собственною его рукою. Въ отношеніи же наконецъ сценической части и Петровъ также старался сколь возможно вдумываться и вживаться въ характеры представляемыхъ имъ персонажей. Его „Цампа“ (въ операѣ Герольда) и „Ассуръ“ (въ „Семирамидѣ“ Россини) были весьма достославныя произведенія, а еще выше должно ставить исполненія Петровымъ ролей „Бертрама“ (въ „Робертѣ“ Мейербера), „Сусанина“ (Жизнь за Царя“ Глинки) и „мельника“ („Русалка“ Даргомыжскаго). Въ двухъ послѣднихъ роляхъ и по сіе время еще никто не сталъ ему въ уровень.

Столь же великою художницею оказалась молодая контральтистка Анна Яковлевна Воробьева, вышедшая потомъ (въ 1837-мъ г.) за О. А. Петрова. Разсказывали тогда, что будучи воспитанницею театральнаго училища, она была „забракована“ учителемъ высшаго класса пѣнія, Солива; но болѣе проницательный (и болѣе понимающій) Кавосъ взялъ ее подъ свою протекцію и въ одинъ годъ успѣлъ изъ нея сдѣлать то, чѣмъ почти съ первыхъ двухъ ея появленіяхъ въ роляхъ „Танкреда“ (опера Россини) и „Нинія“ („Семирамида“ того же маэстро) она была единодушно признана всѣми знатоками Петербурга, а именно: одной изъ лучшихъ контральтистокъ всего міра. Голосъ у ней былъ густой, полнозвучный, ласкающе-мягкій и самъ по себѣ уже задушевный, а объемъ его въ $2^1/_2$ октавы, отъ бассоваго fa (на 4-й линіи) до высокаго (сопраннаго) si-b. Прибавь-

те къ этому рѣдкое выравненіе регистровъ и отчетливую колоратуру. Роли свои Анна Яковлевна исполняла обдуманно и съ огнемъ. Очень хороша была она въ роли „Ромео“ („Монтекки и Капулетти“ Беллини), а вовсе уже неподражаема въ партіяхъ „Вани“ („Жизнь за царя“) и „Ратмира“ („Русланъ и Людмила“). Въ Аннѣ Яковлевнѣ былъ собственно-то одинъ только порокъ, да и то не по своей винѣ: она оказалась мала ростомъ. Хотя и не могла она считаться красавицею (даже не тѣмъ, что обыкновенно называютъ миловидною), но черты ея лица были очень выразительны и симпатичны.

Изъ другихъ артистокъ г-жа Шелихова была что̀ называется „belle femme“, имѣла мягкое и пріятное колоратурное сопрано и удовлетворяла въ роляхъ „Изабеллы“ („Робертъ“) и „Семирамиды“.—У Маріи Ивановны Степановой былъ высокій сопранный голосъ и пѣвческое исполненіе ею партій „Алисы“ (Робертъ), „Антониды“ (Жизнь за царя“) и „Людмилы“ („Русланъ и Людмила“) вышло очень недурно, хотя нѣсколько холодно; равно и въ игрѣ ея не доставало жизни. Но она была очень музыкальна и ея интонація необыкновенно чиста и вѣрна.

Г. Шемаевъ года два только пѣлъ еще по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ. Онъ не былъ уже молодымъ, и теноровый его голосъ, нѣкогда, слышимо, очень пріятный, отзывался къ сожалѣнію нѣкоторою усталостію связокъ; но роль „Роберта“ исполнялъ онъ умно и не безъ артистическаго огня. Пріемникъ его, Леонъ Шарпантье [1]), пѣвшій подъ фамиліей „Леонова“, былъ тогда красивый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, походилъ очень на Фильда, и какъ ученикъ его, игралъ хорошо на фортепіано. Голосомъ обладалъ онъ большимъ, сильнымъ и симпатичнымъ и пѣлъ не безъ огня, но актеромъ былъ онъ лишь сноснымъ, порядочнымъ, а въ началѣ даже „schwach“. Оттого и „Сабининъ“ („Жизнь за царя“) его выходилъ довольно блѣднымъ, далеко не тѣмъ, какимъ Глинка желалъ его изобразить. Самъ по себѣ Леоновъ былъ весьма образованный молодой человѣкъ съ хорошими манерами и весьма добрый и веселый товарищъ.

---

[1]) Сынъ любви знаменитаго піаниста Джона Фильда и француженки Шарпантье (Charpentier) въ Москвѣ.

XXIX.

Семейство Кавосовъ.—Рѣдкое благородство капельмейстера-композитора.—Кавосъ знакомитъ меня съ Глинкою.—Репетиціи оперы „Жизнь за царя“.—Первое представленіе. Общее впечатлѣніе, журнальныя критики, и частный отзывъ „аматера“ изъ нѣмцевъ.—Опоздалый антогонистъ.—Визиты у Глинки.—Курiозный случай.—1837. Вѣсть о смерти Пушкина.—Имя Лермонтова является.—Пріѣздъ Ад. Гензельта. — Картина К. Брюллова „Послѣдній день Помпеи“ и впечатлѣніе, произведенное ею на меня.

Катерину Альбертовичу Кавосу въ 1836-мъ г. стукнуло уже за 60 лѣтъ, но онъ былъ бодръ не по лѣтамъ своимъ, энергиченъ и неутомимо дѣятеленъ: въ 9 часовъ утра ровно онъ сидѣлъ уже за фортепіано въ репетиціонной залѣ, чтобы проходить партіи съ солистами, а въ 1-мъ часу стоялъ уже за дирижерскимъ пюпитромъ для оркестровыхъ репетицій. Когда послѣднія оканчивались раньше обыкновеннаго, то, хоть на полчасика, а непремѣнно занимался онъ съ кѣмъ нибудь еще изъ солистовъ или солистокъ. Въ исходѣ 5-го часа отправлялся онъ для изустнаго доклада къ директору театровъ, а въ половинѣ 6-го пріѣзжалъ домой и тотчасъ же садился обѣдать. Потомъ вздремнувъ въ креслѣ на полчаса, переодѣвался, и пунктуально въ 7 часовъ его можно было уже встрѣтить въ театрѣ за кулисами, контролирующаго свою пѣвческую армію на счетъ состоянія голосовъ и дающаго то одному, то другому послѣдніе еще совѣты и наставленія. Въ тѣ же вечера, когда не было оперныхъ преставленій, онъ занимался часа три съ солистами. И такъ весь круглый годъ одинъ день, какъ другой. Исключенія были рѣдки; а именно только въ дни рожденія его самого да его дѣтей,—разумѣется если дни эти совпадали съ таковыми днями, въ какіе не бывало опернаго представленія. Тогда у „Кавосовъ“ собирались друзья дома, и обѣдъ начался въ 6 часовъ, и оканчиваніемъ „симпозіона“ [1]) не торопились: бывало мы просиживали за вкусными италіянскими блюдами и за добрымъ, не фальсицированнымъ „vino vero“ [2]) до 9-ти часовъ вечера. Я говорю: „мы“,

[1]) Греческое слово: состольничество, собраніе наслаждающихся явствами.

[2]) Буквально: вино черное, т.-е. вино темно-фіолетоваго цвѣта, какъ почти всѣ сорты вина въ верхней Италіи. Вкусомъ, если хорошее, походитъ на Бордосское вино, но оно слабѣе послѣдняго.

потому что я всегда приглашался въ таковые дни и старикъ Кавосъ выказывалъ ко мнѣ истинно отцовское расположеніе, а съ младшимъ его сыномъ, Джованни (выг. Джоанни), на 9—10 лѣтъ старшимъ меня, мы вскорѣ подружились. У Катерина Альбертовича, который давно уже овдовѣлъ, было двое сыновей: Альбертъ и Джованни и дочь: Стефанія. Альбертъ, красивый мущина лѣтъ 42-хъ или 43-хъ, былъ извѣстнымъ зодчимъ и ознаменовалъ себя около того же времени перестройкою большихъ театровъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Состоя архитекторомъ при пажескомъ корпусѣ, онъ пользовался въ зданіяхъ послѣдняго хорошимъ помѣщеніемъ, въ которомъ и жило все семейство Кавосовъ. Альбертъ Катериновичъ былъ также вдовымъ, и у него было также трое дѣтей. Сестра его Стефанія была прежде учительницею и воспитательницею при Смольномъ монастырѣ и за ревностную 25-ти лѣтнюю службу свою пожалована установленнымъ знакомъ отличія, который имѣлъ форму креста и носился на лѣвомъ предплечіи на пунцовой (помнится) лентѣ съ бантомъ. Иванъ же Катериновичъ состоялъ учителемъ пѣнія при Смольномъ монастырѣ и Екатерининскомъ институтѣ, а при русской оперѣ хоръ-директоромъ.

Катеринъ Альбертовичъ, какъ истый италіянецъ, любилъ вкусно покушать и былъ тонкимъ знатокомъ сего дѣла, но соблюдалъ въ ѣдѣ и въ питьѣ всегда должную умѣренность; предпочиталъ же онъ, конечно, столъ италіянскій и родное свое „vino nero“. Не разъ сказывалъ онъ мнѣ, что, за исключеніемъ чая, онъ во всю жизнь не единаго глотка воды и въ ротъ не биралъ „perch'è cosa snaturale, insoffribile e nocevole“ [1]).

Къ своимъ подчиненнымъ онъ относился съ добрымъ сочувствіемъ, а для солистовъ и солистокъ онъ всегда выказывалъ себя истиннымъ отцомъ, и они всѣ были сердечно къ нему привязаны.

Еще въ исходѣ зимы 1836 года, когда я ретиво принялся за сочиненіе своей „Цыганки“, нотный мой копіистъ (л.-гв. кавалергардскаго полка солистъ на тромбонѣ) разсказалъ мнѣ, что онъ прошлою еще осенью переписывалъ, и теперь продолжаетъ переписывать ноты для „одного господина“ Глинки, который

---

[1]) Потому что это противъ природы, невыносимо и вредно.

„также“ сочинилъ русскую оперу. Въ Маѣ же мѣсяцѣ разъ мнѣ и самъ старикъ Кавосъ сообщилъ:

— Eh bien, caro figliuolo mio, nous aurons pour l'automne un nouvel opéra à monter: „La mort pour le Tsar de Mr Glinka“ [1]).

— Et quel en est le sujet? [2])—спросилъ я.

„Le même que traite mon opèra à moi „Jvan Soussanine“ [3]).

— Et vous, Mr Cavos, vous l'avez protégé? [4]) — удивился я, слышавъ довольно часто про обычный характеръ итальянскихъ музыкантовъ.

Кавосъ добродушно засмѣялся. „Tout a son temps, figliuolo mio! Les vieux doivent toujours céder la place aux plus jeunes [5]). E poi,—продолжалъ онъ,—la sua musica é effettivamente migliore della mia, e tanto più che dimostra un carattere veramente nazionale!“ [6]).

Если я и прежде любилъ и уважалъ Кавоса, то эта рѣдкая благородная черта *композитора* невольно заставила меня еще болѣе благоговѣть предъ нимъ [7]).

Лѣтомъ въ оныя времена давались представленія въ Каменноостровскомъ театрѣ и то поочередно русскіе, нѣмецкіе и французскіе спектакли, да къ тому же преимущественно водевили. Межъ тѣмъ разнеслась уже молва, что осенью пойдетъ большая

---

[1]) Ну-ка, любезный сынокъ мой, намъ придется осенью новую оперу поставить: „Смерть за Царя“ господина Глинки. (Опера первоначально дѣйствительно была озаглавлена этимъ названіемъ. Переименована она была по приказанію Государя Императора).

[2]) И какой сюжетъ ея?

[3]) Тотъ самый, какой содержится въ моей собственной оперѣ „Иванъ Сусанинъ“.

[4]) И вы, г. Кавосъ, вы протежировали ее?

[5]) Все имѣетъ свое время, сынокъ мой? Старые должны всегда уступить мѣсто тѣмъ, кто моложе.

[6]) А затѣмъ, его музыка дѣйствительно лучше моей, и тѣмъ болѣе, что выказываетъ истинно народный характеръ.

[7]) Извѣстно, что директоръ Императорскихъ театровъ А. М. Гедеоновъ долго воспротивлялся принятію оперы Глинки; но дабы самому не шокировать вліятельныхъ друзей Глинки, В. А. Жуковскаго и гр. Мих. Юр. Віельгорскаго.—онъ хотѣлъ свалить вину на другаго. Для этой цѣли г. Гедеоновъ *на сей разъ* придерживался *строгости* театральнаго устава и передалъ оперу Глинки на разсмотрѣніе и рѣшеніе *капельмейстера,* разсчитывая на то, что Кавосъ отвергнетъ сочиненіе, долженствовавшее вытѣснить собственную оперу Кавоса. Но вышло не такъ какъ разсчитывалъ г. Гедеоновъ.

опера *русскаго* композитора, нѣкоторые изъ романсовъ котораго тамъ и сямъ уже пѣвались на ряду съ модными „все еще восхищающими публику“ романсами Лоизы Пюже и Теодора Лабарра. Говорили, что музыка новаго творенія въ народномъ жанрѣ; съ одной стороны утверждали, что эта опера въ родѣ данной въ Москвѣ въ прошломъ 1835 г. „оперы съ разговорами“: „Аскольдова могила“ многоизвѣстнаго творца любимыхъ водевилей, А. Н. Верстовскаго; другіе, что новый авторъ пошелъ по стопамъ Ѳомина и Алексѣя Титова. Были и такіе, которые a priori уже бранили Глинку за то, что онъ вообще задумалъ писать оперу въ національномъ жанрѣ. По разсужденію ихъ, этотъ характеръ, если и подходитъ, пожалуй, къ сюжетамъ изъ пьяной *мужицкой* жизни, за то для *серьезнаго* сюжета вовсе не годится, а тѣмъ менѣе, когда къ этому серьёзному сюжету еще примѣшано даже и священное имя *Царя*.

Наконецъ насталъ Августъ мѣсяцъ и начались обычныя, регулярныя занятія русской оперной трупы, а съ ними вмѣстѣ и подготовленія оперы „Жизнь за Царя“, какъ я услышалъ отъ самого Катерина Альбертовича. На мою просьбу о дозволеніи мнѣ бывать на этихъ репетиціяхъ, Кавосъ отвѣтилъ, что авторъ на счетъ присутствія постороннихъ лицъ при репетиціяхъ „è un uomo quasi singolare“ [1]); но что при первомъ удобномъ случаѣ онъ его попроситъ объ этомъ дозволеніи. Недѣль около двухъ спустя я разъ пришелъ рано утромъ къ Кавосу и засталъ у него Глинку, былъ послѣднему представленъ, да тутъ же и получилъ желаемое дозволеніе. Такимъ образомъ я имѣлъ счастливый случай, начиная съ половины Сентября вплоть до перваго представленія оперы „Жизнь за Царя“, бывать вмѣстѣ съ Кавосомъ почти на всѣхъ его занятіяхъ по части подготовки этого творенія, и на всѣхъ репетиціяхъ на сценѣ [2]).

---

[1]) Человѣкъ немножко причудливый.

[2]) Когда позже (въ 1840 г.) я познакомился съ нѣкоторыми изъ близкихъ друзей Глинки, напр. съ Н. В. Кукольникомъ, съ д-ромъ Гейденрейхомъ и др. почти всѣ, послѣ первыхъ привѣтствій, обыкновенно прибавляли: „я васъ что-то помню, гдѣ-то частенько видалъ. Не на репетиціяхъ ли „Жизни за Царя?“ Ахъ, такъ это вы были тотъ *протеже стараго Кавоса!*“—Объяснилось, что, когда Глинку тогда спрашивали, съ его ли позволенія на репетиціяхъ присутствуетъ никому не знакомый молодой человѣкъ? то онъ всегда отвѣчалъ: „да, это какой-то протеже стараго Кавоса“.

И вотъ почему изъ всѣхъ оперъ, когда либо услышанныхъ мною на сценѣ, нѣтъ ни одной, которую я зналъ и понималъ бы такъ хорошо, какъ именно-то первую оперу Глинки; но по той же причинѣ пересталъ я въ послѣдніе годы посѣщать представленія ея на нашей Московской сценѣ, ибо не могу холоднокровно переваривать своимъ музыкально-эстетическимъ желудкомъ всѣ эти безчисленныя самовольныя измѣненія настоящихъ, драматически и психилогически вѣрныхъ интенцій композитора. Когда я хочу дѣйствительно насладиться воспоминаніемъ о той передачѣ, какой желалъ самъ Глинка, тогда я беру клавираузцугъ (стараго изданія) и слѣдя по немъ, духовно слышу то исполненіе, какое именно должно бы было слышаться и на сценѣ. А что я частенько таки наслаждался этой музыкальной фатаморганою, о томъ свидѣтельствуетъ инвалидный видъ моего экземпляра клавираузцуга: мы, старые друзья, другъ другу подъ стать!

Наконецъ 27 Ноября воспослѣдовало первое представленіе. Успѣхъ оперы „Жизнь за Царя“ былъ неотрицаемый, колоссальный, рѣшительный! Партіи какъ недоброжелателей вообще русскаго національнаго элемента, такъ и личныхъ завистниковъ Глинки, равно какъ и тѣхъ мелочныхъ псевдо-знатоковъ изъ атары „аматёровъ“ должны были отступить на задній планъ предъ общимъ восторгомъ слишкомъ первенствовавшаго большинства слушателей, во главѣ котораго къ тому же выказалъ себя самъ государь Николай Павловичъ [1]). Возможность самостоятельнаго стиля и характера русской національной музыки была блистательно доказана, не смотря на тамъ и сямъ, по старой, вкоренившейся привычкѣ, невольно выскакивающіе моменты итальянскаго оборота.

Поднялись и журнальные толки. Извѣстная польская оса, въ видѣ сѣверной лже-пчелушки, старалась уколоть коренное дитя русской музы, выставляя большимъ будто недостаткомъ новаго творенія именно отсутствіе рутинно-однообразныхъ формъ и рутинно-мёдовыхъ нотъ тогдашнихъ итальянскихъ маэстровъ: Беллини, Паччини, Меркаданте, Донидзетти и „tutti quanti“. Это

---

1) Его Величество осчастливилъ Глинку ласковымъ словомъ одобренія и пожаловалъ ему дорогой перстень.

было, однако же, смѣшно и болѣе ничего, потому что эта Булгаринская чепуха, равно какъ и кисельно-водяныя фразы съ примѣсью quasi-музыкально-техническихъ выраженій Петербургскаго „Агасфера“ Элкана еще ярче лишь освѣщали основныя достоинства Глинкинскаго творенія. Серіознѣе будто выступалъ уже Баронъ Брамбеусъ-Сенковскій, велерѣчиво упиравшійся на „классическую“ ученость нѣмецкихъ и французскихъ музыкальныхъ теоретиковъ; но и его также метафизическія, профессорально-длинныя разсужденія ни малѣйше не повліяли на здравый смыслъ и естественное чутье истой русской публики.

Случилось мнѣ, впрочемъ, одинъ разъ услышать и совсѣмъ противоположное сужденіе, да къ тому же изъ устъ высокочиновнаго нѣмца-остзейца, старика лѣтъ за шестьдесятъ (фонъ-Ганъ): „Ja, mein Lieber, Glinka seine Oper ist mir *nicht rus'sch genug! Mehr russ'sch*, *mehr russ'sch* verlang'ich!“ [1]). Но въ чемъ состояло это „mehr russ'sch“ его превосходительство мнѣ не объяснили.

Осенью 1855 года, наконецъ, когда въ русскомъ обществѣ, не исключая ни аристократическаго, ни музыкальнаго міра, довольно твердо уже установилось нынѣ господствующее мнѣніе на счетъ двухъ оперъ и другихъ твореній Глинки, появилась въ двухъ заграничныхъ музыкальныхъ газетахъ [2]) грозная филиппика противъ идеи: основать, по стопамъ Глинки, самостоятельный стиль русской національной музыки. Авторомъ этой опоздалой статьи подписался А. Гр. Рубинштейнъ.

Приводить здѣсь всю эту статью будетъ не умѣстнымъ и безполезнымъ (кому желательно, тотъ пускай прочтетъ ее въ оригиналѣ въ указанныхъ газетахъ); самая главная же мысль заключается въ слѣдующемъ выводѣ, переданномъ въ *буквальномъ переводѣ* собственныхъ словъ г. Рубинштейна:

„Никому на умъ не придетъ написать персидскую, малайскую или японскую оперу, а оттого созданіе какой-нибудь англійской, французской или русской оперы доказываетъ только

---

[1]) Да, мой милый, Глинкина опера для меня не довольно русская! Побольше русскаго, побольше русскаго я требую!

[2]) „Wiener Zeitschrift für Musik“, и „Berliner Musikzeitung Echo“. (Послѣдняя подъ редакціею самого тогдашняго издателя, музыкальнаго торговца Германа Менделя).

отсутствіе смысла. Всякая попытка создать національное музыкальное твореніе должна привести къ единому только результату—*къ крушенію! Глинка вотъ и потерпѣлъ крушеніе*“.—„Русской музыки на сценѣ не существуетъ, исключая двухъ *далеко не удавшихся еще* оперъ Глинки“ [1]).

[1]) Весьма любопытно сравнить съ вышесказаннымъ слѣдующія выдержки изъ прошлогодней книги того же г. Рубинштейна: *„Музыка и ея представители“*. На стр. 10 г. Рубинштейнъ про автора, пишущаго исключительно вокальную музыку, говоритъ: „Такого рода сочинитель мнѣ представляется какъ человѣкъ, имѣющій право только отвѣчать на задаваемые ему вопросы, но не имѣющій права самъ спрашивать или высказываться“.

На стр. 83 сказано: „Но существуетъ преднамѣренное національное творчество (нынѣ въ ходу). Оно очень интересно, но, на мой взглядъ, не можетъ претендовать на всеобщее сочувствіе; оно можетъ возбуждать лишь этнографическій интересъ“.

О Глинкѣ мы читаемъ на стр. 100: „Мы прежде говорили о національной музыкѣ и вы знаете теперь мой взглядъ на это; но *Глинка* въ этомъ стремленіи такъ замѣчателенъ, что онъ высоко выдается надъ всѣми другими, старавшимися о томъ же“. (Тутъ приводятся имена—нѣкоторыхъ только—другихъ). У всѣхъ ихъ мы слышимъ подлѣ какой-нибудь пѣсни, или хора, или танца національнаго характера, общую музыку. У *Глинки* это иначе; у него отъ первой до послѣдней ноты, какъ въ увертюрѣ, такъ и въ вокальной части оперы, (речитативы, аріи, ансамбль) мелодика, гармонія и даже оркестровка, все въ національномъ духѣ. Въ своихъ операхъ онъ обыкновенно беретъ двѣ національности, такъ въ „Жизни за Царя“ русскую и польскую, въ „Русланѣ и Людмилѣ“ русскую и кавказскую. Характеръ національностей звучитъ во всей оперѣ, при томъ съ мастерскимъ совершенствомъ и съ удивительной техникой въ чисто-музыкальномъ отношеніи“.—Вѣдь у него аріи и ансамбли также по итальянскимъ образцамъ?

„Формы сочетанія удержаны, такъ какъ онъ находился подъ вліяніемъ итальянской оперы, господствовавшей въ Россіи до нашего времени, но мелодика, гармонія и настроеніе у него спеціальнаго характера.

— Сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ исключительно вокальнымъ сочинителемъ? „Онъ писалъ мало инструментальнаго, но въ этомъ числѣ вещи вродѣ каприччіо для оркестра на народную тему „Камаринская“, которая служитъ типомъ для русскаго инструментальнаго творчества и есть дѣйствительно геніальное произведеніе. Онъ написалъ прелестные „антракты“ къ трагедіи „Князь Холмскій“, въ которыхъ съ замѣчательной вѣрностью схваченъ еврейскій духъ, чрезвычайно интересныя оркестровыя вещи на испанскія народныя темы и нѣсколько мелкихъ сочиненій для фортепіано. Главное же его твореніе — опера, но несмотря на это, онъ для меня одинъ изъ моихъ *пяти* (т.-е. любимцевъ).—*Примѣчаніе Юрія Арнольда.* Насколько тутъ искренности и откровенности—не намъ судить. О томъ, кромѣ самого автора, знаетъ только Богъ одинъ! Но разнымъ противорѣчіямъ и софизмамъ удивляться, кажется, дозволено.

Что я-то собственно сталъ пламеннымъ поклонникомъ Глинкинскаго генія, само собою разумѣется; а тому, что это далеко не пустая фраза, достаточно вѣскимъ, кажется, доказательствомъ служитъ все, что я въ теченіе полвѣка публично говорилъ и писалъ, а еще болѣе то, что я сочинялъ. Ни предъ кѣмъ въ мірѣ, кромѣ отцовъ моего отечества, да двухъ геніевъ музыкальнаго искусства: Глинки и Листа, я своей головы не преклонялъ. Не подкрадывался я къ кумирамъ моего сердца многословной, изысканною лестью; но изъ всего моего существа, изъ молчаливыхъ моихъ взглядовъ, изъ тихаго старанія моего, получать дорогія откровенія на счетъ искусства, изъ того, наконецъ, что я довольствовался ихъ разговоромъ глазъ на глазъ, и что изъза этой художникомъ художнику данной духовной милостыни, съ глубокимъ смиреніемъ (какъ бы послушника предъ отцемъ духовнымъ)—хотя и съ тайной скорбію въ сердце—я перенашивалъ, быть по временамъ ими игнорируемымъ. Согласенъ я, что тутъ играла не малую роль также и эгоистическая съ моей стороны корысть; да! но эта была эгоистическою корыстью художника, алчущаго лучей истины въ искусствѣ! Въ своихъ запискахъ, въ своихъ письмахъ, правда, ни тотъ, ни другой ни раза не упомянули о моей личности; но дивныя ихъ откровенія явно просвѣчиваютъ сквозь всю писательскую и композиторскую мою дѣятельность и воочію свидѣтельствуютъ о томъ, что бывали минуты, когда и я близко, очень близко стоялъ къ нимъ, не какъ человѣкъ къ человѣку, но гораздо выше: какъ художникъ-ученикъ къ художнику-учителю, какъ преемникъ и апостолъ ихъ идей! А не упоминали они обо мнѣ, видимо, лишь потому, что въ то время я былъ нулемъ въ мірѣ нашего искусства и имя невѣдомаго труженника не прибавило бы ни единаго листка къ лавровымъ вѣнкамъ, вѣнчавшимъ ихъ гордыя главы. Вѣдь и про геніевъ говоря, приходится, къ сожалѣнію, все также кончать древней поговоркой: „homines erant, nec non experles ejus quod hominum“. [1]).

Послѣ того, какъ Кавосъ меня представилъ Глинкѣ, я счелъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать Михаилу Ивановичу (какъ тогда выражалось) „свое почтеніе“. Узнавъ, въ какое время по

---

[1]) Они были человѣки, и не избавлены отъ того, что есть человѣческое.

удобнѣе, я и отправился къ нему съ визитомъ [1]). Глинка былъ еще въ шлафрокѣ, когда слуга ему доложилъ обо мнѣ, но принялъ меня и даже очень ласково, и представилъ своей женѣ. [2]).

„Un jeune compositeur, ami à Mr. Kavos“. [3]).

Имя мое, только что доложенное ему слугою, онъ, видно, уже забылъ, но по „физіономіи“ вѣрно вспомнилъ, у кого онъ меня видѣлъ.

Само собою разумѣется, что послѣ перваго представленія его оперы я опять приходилъ выразить свои чувства и впечатлѣнія. Случайно засталъ я Михаила Ивановича одного, и такъ какъ весьма естественно разговоръ тотчасъ перешелъ на „Жизнь за Царя“, то онъ началъ высказывать свою идею объ основахъ русскаго стиля, и весьма оживлялся даже, когда не могъ не видѣть, что эта тема крайне меня интересовала, и что я оказался въ состояніи его понимать. Это подало мнѣ поводъ, повторять свои посѣщенія; но послѣ новаго 1837 года случалось не рѣдко, что старый его слуга Яковъ (бывшій контрабассистъ домашняго оркестра, который содержалъ или отецъ или дядя Глинки) отрапортовалъ: „барина дома нѣтъ-съ“.

Вотъ одинъ также разъ (помнится, будто это было уже въ Мартѣ мѣсяцѣ) Яковъ то же самое сказалъ, и я хотѣлъ уже удалиться, но появилась горничная и сообщила, что барыня дома и велѣли просить. Я и вошелъ въ гостиную, гдѣ и нашелъ молодую хозяйку, сидящую на диванѣ, а возлѣ на креслѣ извѣстнаго мнѣ по своей внѣшности, актера Максимова, тогдашняго jeune premier Александринскаго театра, очень занятаго собою фата. M-me Глинка любезно указала мнѣ кресло по другую отъ Максимова сторону.

— Мужа моего дома нѣтъ; но я надѣюсь, что вскорѣ придетъ. Вамъ очень нужно его видѣть?

Я отвѣтилъ что это, конечно, всегда очень желательно, но экстренной-то нужды нѣтъ. Затѣмъ она освѣдомилась, давно ли

---

[1]) Онъ жилъ тогда въ переулкѣ, который, пересѣкая Офицерскую улицу, идетъ отъ Мойки до Екатерининскаго канала, мимо конца нынѣшней Казанской (бывшей большой Мѣщанской улицы). Кажется, переулокъ этотъ тогда назывался Фонарнымъ.

[2]) Она была рожденная M-selle Иванова.

[3]) Молодой композиторъ, изъ друзей г. Кавоса.

я видѣлся съ Михаиломъ Ивановичемъ? А когда я объяснилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ здѣсь же въ послѣдній разъ, уже мнѣ не посчастливилось застать Мг Глинку у себя,— то она вдругъ, какъ говорится: „ни къ селу, ни къ городу“,— спросила: „А г. Кукольника когда вы видѣли въ послѣдній разъ?“

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, и въ то же время я замѣтилъ, что „фатъ Максимушка“ (какъ его обыкновенно звали въ театральномъ мірѣ) иронически улыбнулся. М-те Глинка же слегка покраснѣла, но тотчасъ нашлась и опять спросила:

— Вы навѣрно, вѣдь, знакомы съ нашимъ великимъ поэтомъ?

Мнѣ пришлось ей объявить, что я не имѣю этой чести, на что она отвѣтила только протяжнымъ „а!“ Между тѣмъ глаза Максимова постоянно были устремлены на меня, да столь назойливо, что меня начала разбирать досада; а такъ какъ, по всему судя, Михаила Ивановича, пожалуй, я долго еще не дождался бы, то я всталъ, раскланялся и ушелъ. Про эти странные вопросы со стороны г-жи Глинки, какъ и про назойливые взгляды Максимушки, само собою разумѣется, я вскорѣ забылъ и не раньше опять вспомнилъ о нихъ, какъ въ исходѣ 1839-го года, когда я былъ свидѣтелемъ другихъ сценъ, служившихъ мнѣ естественнымъ ключемъ для разгадки также и описаннаго курьезнаго случая.

То былъ дурной, печальный день для интеллигентнаго круга сѣверной столицы русскаго народа, тотъ день 30 января [1]) 1837-го года, когда съ первымъ уже отблескомъ разсвѣта съ одного конца города до другаго пролетѣла, словно на крыльяхъ зловѣщаго урагана, страшная молва: „Погибъ поэтъ!“—„Погибъ нашъ Пушкинъ, слава и гордость мыслящей Россіи!“ Съ недоумѣніемъ испуга врасплохъ попавшихся подъ удары непредвидимаго меча, оглядывались всѣ мы тогда другъ на друга. „Пушкинъ палъ въ дуэли! да неужели палъ? неужели въ дуэли? какъ? за что? и кѣмъ убитъ?“ И когда мы узнали: кѣмъ и за что, когда мы провѣдали, что кучка праздныхъ, безмозглыхъ и безсердечныхъ фатовъ-тунеядцевъ имѣла дерзость ради нахально-шутовской своей забавы надсмѣхаться надъ семейнымъ счастіемъ и надъ честью великаго поэта, и тѣмъ подготовить ужасную ка-

[1]) Пушкинъ палъ въ дуэли 29 января.

тастрофу предшествовавшаго дня, тогда изъ души каждаго и всякаго, въ чьей груди билось сердце истаго, честнаго сочлена великой русской семьи, единодушно вырвался крикъ глубокаго негодованія противъ того круга, который могъ породить подобныхъ уродовъ русской земли. И это общее проклятіе нашло полное свое выраженіе въ вѣщихъ устахъ всемилосердымъ, всемогущимъ Богомъ намъ въ утѣшеніе посланнаго, новаго поэта:

„—А вы надменные потомки
Извѣстной подлостію прославленныхъ отцевъ“, и т. д.

Изъ почвы, орошенной дорогою кровію Пушкина, вдругъ выросъ преемникъ могучей его лиры—Лермонтовъ!

Долго, долго мы плакали и горевали, и пышныя похороны съ траурнымъ церемоніальнымъ шествіемъ, въ безконечныхъ рядахъ коего участвовалъ цвѣтъ всей тогдашней русской интеллегенціи, и которое сопровождалось безчисленными толпами большей части жителей Петербурга,—служили только слабымъ отраженіемъ всеобщей, душевной печали!

Прошло 43 года послѣ этого плачевнаго дня, и вотъ среди первопрестольнаго града Россіи, среди бѣлокаменной Москвы и „сорока сороковъ“ златоглавыхъ ея храмовъ, въ назиданіе грядущему потомству, благодарное отечество воздвигнуло наконецъ памятникъ великому своему поэту.

Прошла зима 1837-го года и настало время появленія у насъ ласточекъ, вѣщательницъ весны, розъ и соловьевъ. Это то самое время, когда въ Петербургѣ концертный сезонъ подходитъ къ своему концу. Одинъ изъ послѣднихъ блестящихъ концертовъ этого года знакомилъ петербургскую музыколюбивую публику съ однимъ изъ самыхъ выдающихся фортепіанистовъ своего времени, съ Адольфомъ Гензельтомъ. Знаменитому тогда уже виртуозу было не болѣе 23-хъ лѣтъ, а прекраснѣйшія два его сочиненія „Poème d'amour“ и „Si oiseau j'étais“, которыя уже заранѣе появились въ нашей столицѣ, какъ бы предвѣщали о необычайномъ талантѣ пріѣзжаго музыкальнаго нашего гостя. Всѣмъ хорошо извѣстно что Гензельтъ не только имѣлъ колоссальный успѣхъ, но и былъ тотчасъ назначенъ придворнымъ піанистомъ императрицы Александры Ѳеодоровны, затѣмъ же преподавателемъ при Смольномъ монастырѣ, и позже инспекто-

ромъ фортепіанной педагогіи надъ всѣми женскими во всей Россіи институтами вѣдомства учрежденій императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Съ того же самого момента, какъ я постигъ все величіе Глинкинскаго творенія, мнѣ опротивило далѣе трудиться надъ почти уже оконченной своей „Цыганкою“. Опротивилъ мнѣ собственно-то сюжетъ. Все одно и то же, что и во всѣхъ этихъ Беллиніевскихъ, Меркадантьевскихъ и пр. операхъ: дитя природы-альтъ, обольщенное магнатомъ-теноромъ, принцесса-невѣста-сопрано, мститель-соперникъ-бассъ; дикій лѣсъ, роскошный садъ, пещера, княжій чертогъ; громъ и молнія, ядъ и кинжалъ! Неестественно, натянуто, глупо, тривіально! И почувствовалъ я тогда же, что лѣтъ чрезъ 20 позже я печатно высказалъ: „фабула истинной музыкальной драмы должна основываться на проявленіяхъ *грандіозныхъ* идей“. Изъ числа таковыхъ идей мнѣ всегда выше всѣхъ прочихъ показались христіанизмъ [1]) и патріотизмъ. И вотъ съ той минуты, какъ я отрекся отъ „Цыганки“, между тѣмъ какъ жажда творенія все болѣе и болѣе только усиливалась, я отъ мучительной дилеммы этого духовнаго: „to by or no to by?“ находился въ какой-то творческой лихорадкѣ. Въ это самое время мой другъ-живописецъ, Павлуша Сѣмячкинъ, разъ спрашиваетъ: „а картину Брюллова „Послѣдній день Помпеи“, вѣдь ты, кажется, еще не видѣлъ?“ И въ самомъ дѣлѣ: весь поглощенный въ свое спеціальное искусство, я ни разу даже и не помыслилъ еще о томъ, чтобы поглядѣть на это знаменитое произведеніе славнаго русскаго живописца. Сѣмячкинъ и провелъ меня въ академію художествъ да прямо въ ту залу, гдѣ помѣщалась тогда эта картина.

Долго, долго я стоялъ предъ нею, — и глядѣлъ, все глядѣлъ на эту картину, молча глядѣлъ. Сѣмячкинъ чутьемъ понялъ, что такое со мною дѣлалось, и отошелъ въ сторону. А у меня, безъ сознанія съ моей стороны, слеза за слезою катится изъ глазъ,— и дума воскресаетъ въ головѣ,—и вдругъ: εὕρηκα! [2]) „Восторгъ

---

[1]) Для точнѣйшаго выраженія моей мысли я вынужденъ употреблять французское слово „christianisme“, христіанская *идея* или *вѣра*, потому что слово „христіанство“ (chrétienté) преимущественно выражаетъ христіанскій міръ.

[2]) Еврика (греч.), т.-е. я нашелъ.

вѣры, — мученичество! Грандіозная сила природы — разрушеніе богохульнаго города".

Ночью я написалъ стихи, отъ которыхъ сохранились только начало и конецъ. Вотъ они.

Смотрите! Вотъ ужъ храмъ нерукотворный
Возникъ на зовъ фантазіи моей...!
Сначала: тишь... Доносятся невнятно
Молитвы православныхъ христіанъ,—
Да льется съ неба жаворонка пѣсня,
А ясная гармонія мнѣ ярко
Живописуетъ нарожденье дня...
Но чу! гремятъ вакхическіе клики,—
На пиршествѣ Ліэя запоздали
Вплоть до денницы юные квириты,
И хмѣльные отъ страсти и вина,
Шатаются въ нескромной полупляскѣ!...

***

Провозглашаетъ преторъ приговоръ:
„Во имя Кесаря!—Внемлите, богохульцы!
„Такъ какъ богамъ всѣмъ на позоръ, въ насмѣшку
„Въ молитвахъ вы инаго Бога чтите,—
„То казнь преступниковъ вамъ суждена.—
„Быть по сему!—Пусть бой теперь начнется"!—
— И къ клѣткамъ ужъ подходятъ палачи
Чтобъ напустить гіенъ, и львовъ, и тигровъ
На осужденныхъ къ смерти христіанъ.
А зрители, съ скамей амфитеатра,
Подобно звѣрямъ дикимъ кровожадны,
Кричатъ: „Эвоеэ!" и хлопаютъ въ ладоши.
Смиренно жертвы, осѣня себя
Креста святаго знаменьемъ, поютъ
Свой гимнъ: „за Господа намъ смерть безсмертье,
„То путь блаженнымъ въ свѣтлый рай!"—
Изъ нѣдръ земли туманы вдругъ несутся
Густыми облаками,... пахнетъ сѣрой,—
И громы грохотаютъ, молній лучъ
Сверкаетъ изъ Везувья пасти,—лава
Течетъ и пепла черный дождь на градъ

Помпеи многогрѣшный низпадаетъ;
Шатаются дома́; амфитеатръ
Трещитъ. Всѣ вскакиваютъ съ мѣстъ. „О, горе!
„Спасайтесь!“ И отъ страха безъ ума
Бросается народъ повсюду..., нѣтъ спасенья!...
Одни лишь христіане крѣпки духомъ,
Восторженно священный гимнъ поютъ:
„Се! преклонитеся днесь, всѣ языцы,
„Великъ и вѣченъ Богъ нашъ Саваоѳъ!“ [1]).

XXX.

1837—39. Я отправляюсь въ Тамбовскую губернію.—Представляюсь преосвященнѣйшему Арсенію (впослѣдствіи бывшему Кіевскимъ митрополитомъ).—Переписка съ нимъ.—Въ деревнѣ я вновь интересуюсь народными пѣснями.—Старый садовникъ пѣвецъ.—Настоящіе деревенскіе хороводы и настоящая великорусская пляска.—Музыкальное семейство сосѣда-помѣщика С. А. Баратынскаго.—Конкурсъ С.-Петербургскаго Филармоническаго Общества.

Осенью 1837-го года отправился я въ Тамбовскую губернію, чтобы жениться. Разъ навсегда уже я объявилъ, что не стану говорить ни о какихъ случаяхъ частной моей жизни, содержаніе которыхъ не представляетъ дѣйствительнаго матеріала для выясненія характера или обычаевъ, или взглядовъ всего того общества, въ которомъ я вращался, или которыя не касались бы прямо артистической моей дѣятельности, насколько таковая оказалась сама по себѣ въ связи съ общественнымъ движеніемъ въ музыкальномъ или литературномъ мірѣ, а потому я никакъ не намѣренъ навязывать благосклонному читателю повѣствованія о весьма обыденныхъ семейныхъ моихъ дѣлахъ. Довольно уже будетъ упомянуть, что женился я на дочери помѣщицы Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда, М. Л. Сипягиной, которая обладала въ с. Хилковѣ имѣніемъ въ 500 или 600 душъ (въ

[1]) Изъ этого моего же стихотворенія я впослѣдствіи воспользовался мѣстами для двухъ разныхъ сочиненій: началомъ въ моей драмѣ „Künstlerleben“, да изъ окончанія всѣмъ содержаніемъ и нѣкоторыми стихами (даже безъ измѣненія) въ 3-мъ дѣйствіи моей оперы „Послѣдній день Помпеи“.

точности нынѣ не помню) и пользовалась большимъ уваженіемъ и почетомъ въ своемъ кругу.

По желанію именно-то моей будущей тещи, я, по пріѣздѣ въ г. Тамбовъ, представился тамошнему епископу, преосвященнѣйшему Арсенію, который удостоилъ меня весьма ласковаго пріема и продолжительной бесѣды. Преосвященнѣйшій находился тогда въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ; на видъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, что ему еще не было 40 лѣтъ. Онъ былъ красивъ собою и имѣлъ изящныя манеры совершеннаго джентльмена. Утверждать не смѣю, но помнится, что мнѣ говорили, что онъ дворянскаго рода и до поступленія въ монашество состоялъ въ военной службѣ, въ гусарахъ. А неправдоподобнымъ мнѣ это потому уже показаться не могло, что онъ оказался основательно знакомымъ съ свѣтской литературою не только русскаго, но и нѣмецкаго и французскаго языковъ; случайно въ разговорѣ приведенныя слова и фразы онъ произносилъ безупречно. Что же касалось знанія богословской литературы, то она мнѣ показалась изумительной. По правдѣ сказать, то я тогда подозрѣвалъ, да и по нынѣ еще подозрѣваю, что ma chère belle-mère нарочито взяла съ меня слово посѣтить преосвященнѣйшаго Арсенія, и что она безсомнѣнно просила его „проэкзаменовать“ меня, да въ особенности насчетъ моихъ религіозныхъ взглядовъ, ибо владыко, послѣ первыхъ уже обычныхъ словъ при представленіи, началъ съ того, что сказалъ: „Вы, кажется, получили свое образованіе въ Дерптѣ? Тамъ, вѣдь, придерживаются во всемъ нѣмецкихъ воззрѣній и принциповъ“. Я ему объяснилъ, что былъ на философическомъ факультетѣ по камеральнымъ наукамъ, и что (въ ту эпоху) со времени приведенія Ахенгольцемъ этой отрасли знанія въ положительную систему эти науки преимущественно были развиваемы нѣмецкими, да немногими англійскими и французскими учеными. По этимъ резонамъ, слѣдовательно, о *русскихъ* принципахъ камеральныхъ наукъ тогда только рѣчь быть можетъ, когда каѳедры для этихъ знаній будутъ установлены также и въ русскихъ университетахъ, послѣ чего, конечно, появятся со временемъ и *русскіе* труды и *русскія* воззрѣнія на этотъ предметъ.

„Да я не то имѣлъ въ виду“, отвѣтилъ преосвященнѣйшій, и спросилъ меня прямо, не заставляли ли меня тамъ читать

сочиненія Лютера или Цолликофера? На это я отвѣтилъ, что заставить читать ихъ никто не заставлялъ, да и права на то никто не имѣлъ. Но по собственной любознательности я дѣйствительно ихъ читалъ, равно какъ и проповѣди Боссюэта и Авраама а Санта-Клара, и что я даже вглядывался въ творенія Спинозы, и не брезгалъ познакомиться съ издававшимся въ предшедшихъ годахъ (1835—36) гамбургскимъ журналомъ „Новое Іудейство“ (Das neue Judenthum) подъ редакціею раввина Когена (Cohen). Оказалось, что всѣ эти сочиненія были также знакомы самому владыкѣ и, конечно, гораздо лучше и основательнѣе, чѣмъ мнѣ не-богослову. По окончаніи нашей бесѣды объ этихъ книгахъ, преосвященнѣйшій сказалъ, что дѣло все въ томъ, какъ и съ какимъ намѣреніемъ—кто читаетъ эти книги, и что тому, кто твердъ въ вѣрѣ въ истинное Христово ученіе, и кто ихъ читаетъ съ умомъ, чтеніе это не можетъ принести вреда, ибо оно должно убѣдить въ томъ, насколько выше и чище наша православная вѣра. Затѣмъ не замѣтно, по поводу пѣснопѣнія въ церквахъ разныхъ исповѣданій, бесѣда перешла и къ музыкѣ вообще. Тутъ-то кстати я разсказалъ преосвященнѣйшему о впечатлѣніи, какое произвела на меня картина Брюллова, и что я имѣю желаніе создать оперу на сюжетъ борьбы христіанства перваго вѣка съ язычествомъ, причемъ прочелъ я наизустъ (ибо тогда я имѣлъ еще отмѣнную память!) свое стихотвореніе. Владыка одобрилъ мое намѣреніе, и когда я присовокупилъ, что я считаю предварительно нужнымъ еще болѣе изучить характеръ истиннаго христіанскаго пѣнія, то преосвященнѣйшій сказалъ, что у регента его хора должны быть напѣвы древняго кіевскаго столповаго пѣнія, и что онъ велитъ ему нѣкоторые изъ нихъ переписать и пришлетъ мнѣ ихъ. Затѣмъ преосвященнѣйшій отечески благословилъ меня и отпустилъ съ миромъ. Дѣйствительно, мѣсяца два спустя получилъ я, чрезъ благочиннаго нашего округа, обѣщанную тетрадь и ласковое письмо отъ преосвященнѣйшаго Арсенія, въ которомъ пожелалъ онъ мнѣ найти въ посылаемомъ соотвѣтствующее моимъ намѣреніямъ. Къ сожалѣнію, оказалось, что оная тетрадь содержала не просто одни только *мелодіи* древняго кіевскаго кодекса, а 4-хъ голосныя переложенія, да къ тому же переложенія учиненныя далеко не опытною рукою незнакомаго съ элементарными

даже правилами ни гармоніи, ни голосоведенія, такъ что инстинктивно чувствовалось явное исковерканіе первобытнаго характера этихъ пѣснопѣній. Душевно поблагодаривъ владыку за лестное, милостивое ко мнѣ вниманіе, я счелъ, однакоже, своимъ долгомъ не умолчать о вышесказанномъ. Преосвященнѣйшій, ни мало не обидѣвшись моей откровенностію, ласково отвѣтилъ, что слушавъ тѣ переложенія, онъ и самъ также чувствовалъ то, что я замѣтилъ, и прибавилъ, что если я на самомъ дѣлѣ стремлюся быть полезнымъ своему отечеству, то вотъ и указывается мнѣ прямая дорога къ этой цѣли. И отъ того, по мнѣнію его, я долженъ бы преимущественно посвятить себя изысканію и изученію основъ, склада и характера древняго пѣснопѣнія нашей православной церкви, а затѣмъ и составить о томъ ясное, всѣмъ доступное изложеніе. Весною 1838-го года, наконецъ, получилъ я отъ владыки третье еще письмо, но прежде чѣмъ изложить содержаніе онаго, необходимо сказать нѣсколько словъ о положеніи тогдашнихъ нашихъ деревенскихъ священнослужителей и о степени культуры, на которой стояла большая часть ихъ.

Священники тогда посвящались изъ діаконовъ, а діаконы изъ дьячковъ, а про послѣднихъ далеко нельзя было сказать, чтобы они могли служить образцами распространенія у насъ умственнаго и духовнаго развитія. Прошедъ 2-й, а уже много если 3-й годъ въ механическомъ долбленіи quasi-научныхъ предметовъ въ эпархіальныхъ семинаріяхъ (педагогическое устройство которыхъ въ ту эпоху находилось въ крайне неудовлетворительномъ, до жалости, положеніи), юноша лѣтъ 18-ти или 19-ти выучился собственно-то только что читать скорымъ монотоннымъ распѣвомъ—именно, по выраженію Грибоѣдова, „какъ пономарь“—книги, употребляемыя при богослуженіи и при требахъ, да и то, частенько, съ „изъянцемъ“. Нашъ Хилковскій дьячокъ, напримѣръ, даже и „на распѣвъ“ никакъ не могъ прочесть и десяти словъ, чтобы не замямлить, и для скрытія этого недостатка онъ взялъ привычку вклеивать дважды невѣсть откуда имъ выкопанное слово „мегге“. Ну вотъ для подобнаго „юнца“ отецъ и мать,—т. е. сами пономарь съ пономаршей и отыскиваютъ невѣсту изъ „вліятельной“ поповской семьи, т. е. гдѣ есть родственники, либо служащіе въ консисторіи, либо состоящіе при мѣстномъ владыкѣ. Что первый чинъ, т. е. чинъ дьячка ужъ

готовъ, само собою разумѣется. Прослужитъ дьячокъ лѣтъ пять и тогда вліятельные родственники либо у правителя дѣлъ консисторіи обычнымъ манеромъ исходатайствуютъ „представленіе по порядку“ въ дьяконы, либо, если служка при владыкѣ родня, такъ и прямо выпрашиваютъ назначеніе у самого преосвященнѣйшаго. Пройдутъ еще нѣсколько лѣтъ, — мало ли, много ли, не въ томъ дѣло — и смотришь: нашъ „мегге-мегге“—и назначается священникомъ въ какой-нибудь—если и не въ городской, то все-таки въ довольно доходный деревенскій приходъ, хотя онъ въ теченіе всѣхъ этихъ 15 — 20 лѣтъ ничуть не сдѣлался болѣе знающимъ вообще, а по богословію въ особенности. Нынѣ это, конечно, рѣшительно уже невозможно, но въ 30-хъ еще годахъ подобные священники при сельскихъ церквахъ вовсе не были рѣдкостію.

Вотъ и при церкви въ многолюдномъ с. Хилковѣ было два священника этого именно калибера: одинъ старенькій, совсѣмъ уже не „презентабельный“, имя котораго я и тогда постоянно забывалъ (онъ, кажется, былъ еще „при матушкѣ, при императрицѣ Екатеринѣ“ въ священники посвященъ и даже не изъ семинарскихъ), а другой, о. Петръ, высокаго роста, лѣтъ 50-ти здоровый мущина, два года (когда-то) въ семинаріи побывшій, и потому на своего „старшенкова“ съ высока глядѣвшій. Тёща, какъ дочь старшаго внука перваго соорудителя храма, да и сама, въ качествѣ возобновительницы онаго и главной виновницы вновь построеннаго придѣла, состояла попечительницею его, и по этой причинѣ, вѣроятно, приходилъ къ ней о. Петръ иногда и въ простые дни, т.-е. въ непраздничные, ибо въ праздничные дни являлись всегда оба священника со всѣмъ причтомъ. Этотъ о. Петръ-то въ бесѣдахъ съ помѣщицею, съ „матушкою-благодѣтельницею“ любилъ показываться глубоко ученымъ якобы богословомъ, и постоянно приводилъ на всякій житейскій случай цитаты то изъ новаго, то изъ стараго Завѣта, только частенько перепутывалъ источники, или даже самые тексты. Говоритъ напр. „Глаголемо, примѣромъ будучи сказать, въ посланіи къ Римлянамъ“, тогда какъ приводимый имъ текстъ находится въ посланіи къ Ефесеямъ, либо въ одномъ изъ посланій къ Коринфянамъ; а равно такимъ-же образомъ смѣшивалъ между собою Евангелія, или псалмы Царя

Давыда съ притчами Соломона. Вотъ и случилось раза два или три, что я имѣлъ (каюсь въ томъ нынѣ чистосердечно), глупость замѣтить многопочтенному о. Петру, что онъ ошибается, и велѣвъ старой, спеціально при моей belle-mère состоявшей, прислужницѣ Филипповнѣ принести Библію, воочію доказывалъ „ученому“ отцу, что я правъ. За это, конечно, о. Петръ на меня серчалъ и чрезъ родственника своего, который состоялъ при владыкѣ служкою, пожаловался преосвященнѣйшему на меня. Этому случаю я и обязанъ, что получилъ еще и 3-ье письмо отъ преосвященнѣйшаго Арсенія, въ которомъ онъ (хотя и ласково) весьма справедливо упрекалъ меня за нехристіанское нетерпѣніе и неснисхожденіе къ слабостямъ ближняго и тѣмъ паче старшаго лѣтами, а въ особенности еще священника. Зачѣмъ было смущать его въ присутствіи членовъ его прихода за „lapsus memoriae“ [1]), бо человѣкъ есть; а кто же никогда не грѣшенъ въ этомъ? Лучше-бы всего,—совѣтовалъ владыка,—не входить ни въ какія съ о. Петромъ подобныя контроверсіи, такъ какъ, если онъ и есть одинъ изъ священниковъ стараго устава (т. е. изъ неученыхъ), то все-таки должно уважать санъ его, а къ тому-же побѣда въ диспутѣ съ нимъ никакъ не можетъ доставлять ни особеннаго удовольствія истинному христіанину, ни особенной славы бывшему воспитаннику almae matris Dorpatensis. [2]) Мнѣ, конечно, стало очень совѣстно, и чтобы вполнѣ заслужить ласковое со мною обращеніе владыки, я въ отвѣтѣ своемъ чистосердечно высказалъ свое раскаяніе и обѣщалъ идти къ о. Петру, просить у него прощенія, что̀ я и сдѣлалъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ преосвященнѣйшій пріѣхалъ въ Хилково для освященія новаго придѣла. Когда и я также подошелъ подъ его благословеніе, то послѣ осѣненія меня святымъ зна-

---

[1]) Спотыканіе памяти.

[2]) Когда въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1839-го года, я съ своимъ семействомъ (у меня въ 1838 г. родился сынъ Максимиліанъ) уѣхалъ въ Петербургъ, то моя belle-mère взяла у меня всѣ три письма преосвященнѣйшаго Арсенія „на память“. Въ 1843 г. же я познакомился съ регентомъ пѣвчаго хора Сергіевской лавры близъ Стрѣльны, съ о. іермонахомъ Леонидомъ, который въ тотъ же еще годъ и выпросилъ у меня „на разсмотрѣніе“ подаренную мнѣ тетрадь съ древними роспѣвами, а на слѣдующій годъ получивъ куда-то назначеніе, такъ и уѣхалъ, не возвративши мнѣ тѣхъ нотъ.

меніемъ, владыка поцѣловалъ меня въ лобъ и шепнулъ мнѣ, улыбаясь: „это за послѣднее ваше письмо!“

Во время этой деревенской жизни я не могъ не обращать вниманіе на жизнь и обычаи крестьянъ въ нашей мѣстности. Само собою разумѣется, что я въ особенности интересовался ихъ пѣснями и хороводами. Выдающимся между Хилковцами мастеромъ „за'грать“ (т. е. заиграть или запѣвать) пѣсни оказался высокій, широкоплечій и весьма крѣпкій еще старикъ лѣтъ 60-ти, садовникъ Савелій Карпычъ, у котораго былъ теноровой голосъ настоящаго русскаго *деревенскаго* типа. Эти особаго рода теноровые голоса встрѣчались мнѣ и раньше уже, да и позже довольно часто. Такъ, напр., необработанный по правиламъ искусства голосъ (упомянутаго въ главѣ III) лихаго запѣвалы Измайловскаго полка, а равно и вполнѣ выглаженный италіянскимъ маэстромъ голосъ сладкопѣвца „Фрица“ (см. главу VII) безспорно принадлежали къ этому типичному разряду. Позже (въ 1841-мъ году) Дм. А. Струйскій (о которомъ будетъ сказано далѣе въ своемъ мѣстѣ) привелъ ко мнѣ одного молодца изъ хора извѣстнаго табачнаго фабриканта Василія Жукова (въ то время ужѣ „знаменитый“ глава столичнаго города С.-Петербурга), чтобы обучить его правильному искусству пѣнія. У этого молодца оказался именно-то теноръ означеннаго типа, и я могъ довольно основательно изучать естественныя достоинства и недостатки голосовъ этого рода. Оказалось, что и тѣ и другіе исходятъ отъ одного и того же источника, а именно: отъ неспособности *гортанныхъ связокъ къ уплотненію*, и отъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ являющейся преимущественной склонности къ *утонченію*, т. е. къ изолированію верхняго слоя и внутренняго ихъ канта. До 20-ти лѣтняго возраста этотъ (все таки въ сущности) недостатокъ можетъ быть исправимъ, какъ и противоположный недостатокъ (привычка связокъ къ постоянному уплотненію); но послѣ 20-ти лѣтъ весьма рѣдко, да и то не всегда съ полнымъ успѣхомъ. Этого рода голоса [1]) извѣстны обыкновенно подъ несовсѣмъ правильнымъ названіемъ „фистульныхъ“ голосовъ; они бываютъ иногда очень пріятными и симпатичны-

[1]) Такого характера были голоса напр. Рамазанова, и артистовъ Петербургской сцены (1840-выхъ и 50-тыхъ годовъ) Булахова, да Михайловыхъ 1-го и 2-го, равно какъ и Гайяра на италіянской сценѣ въ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ.

ми, но всегда не довольно сильными, не полнозвучными. Характеръ ихъ абсолютно лирическій, нѣсколько слащавый.

Этого-то садовника Карпыча я и заставлялъ—да не одинъ разъ, а довольно частенько—пѣть мнѣ пѣсни, да преимущественно изъ старинныхъ. „Да я, баринъ“—говорилъ онъ обыкновенно,—„таперешнихъ-то пѣсенъ вовсе и не умѣю, не по-вкусу мнѣ таковскія. Да и наши старыя-то пѣсни я не такъ играю (т. е. пою), какъ помоложе-то парни орутъ; а пѣвались то онѣ встарину совсѣмъ на иной ладъ противъ нонѣшняго!“ И дѣйствительно, пѣвалъ онъ „не по нынѣшнему“. Нотки-то, пожалуй, выходили тѣ же, какъ онѣ пѣвались и въ Петербургѣ любителями [1]), но ударенія на слоги текста, ритмическое и періодное распредѣленіе, и въ особенности характеристическое выраженіе представляли поразительный контрастъ. Выраженія нельзя фиксировать никакими словами; но о прочихъ разностяхъ я сообщилъ еще въ 1888-мъ г. въ помѣщенной въ Журналѣ „Баянъ“ статьѣ моей о самостоятельной, національной русской музыкѣ, гдѣ и привелъ я примѣры [2]).

Равный почти интересъ имѣли для меня также и настоящій русскій хороводъ и настоящая русская пляска. Нынѣ истинное понятіе объ этой древней русской оркестрикѣ совсѣмъ утеряно. Хороводъ въ нынѣшнее время представляется какимъ-то машинальнымъ, безсмысленнымъ и вялымъ круженіемъ болѣе или менѣе подпившихъ бабъ и дѣвокъ, поставившихъ себѣ главною задачею какъ можно громче пищать да орать, кто въ лѣсъ, кто по дрова́. А когда говорятъ о русской пляскѣ, то смѣшиваютъ ее съ кабацкимъ трепакомъ. Собственно же и хороводъ и русская пляска суть остатки древне-славянскихъ, своего рода религіозныхъ празднествъ въ честь божествъ Леля и Лады, т. е. бога весны и юности (славянскаго Эроса) и богини красоты и любви (славянской Афродиты съ оттѣнкомъ Психеи). Въ *настоящемъ* хороводѣ участвуютъ не только женщины, но и молодые парни, пока они не украшены еще примѣтою окончательной возмужалости, окладистой бородою. Движенія настоящаго хоровода не ограничиваются монотоннымъ круговымъ только вер-

[1]) И какъ онѣ представляются въ сборникахъ: Ивана Прача (1790 г.); Данiила Кашина (1868 г.) и Гурилева (въ 50-хъ годахъ), не говоря уже у позднѣйшихъ.

[2]) См. №№ 33 и 34.

теніемъ, а требуютъ разные „туры“ или „эволюціи“ всего ряда участвующихъ, которые держатъ другъ-друга за руки, составляя какъ бы гирлянду изъ живыхъ лицъ. И эта гирлянда плавно то свивается, то развивается,—то раздѣляется на двѣ части, которыя затѣмъ опять сходятся; и снова образуется единый великій вѣнокъ, который кружится то въ одну, то въ другую сторону, а то и вовсе переставая кружится, тихо волнуется, словно вѣнокъ на струяхъ озерка. А движеніями и волненіями этой живой гирлянды управляетъ дружно (но не крикливо) и плавно, какъ и самый хороводъ, раздающаяся пѣсня, да управляетъ ни одними звуками своими, но и смысломъ словъ, и содержаніемъ своимъ. И какъ для самой-то запѣваемой пѣсни нуженъ умѣлый „за'гральщикъ“, такъ и для зачиняемаго хоровода нужна умѣлая, бойкая „зачинщица“. Настоящій русскій хороводъ—это эпопея въ движеніяхъ. Точно такъ же забыта и не понятна нынѣ настоящая русская пляска, содержаніе которой есть идиллія, ничуть не хуже въ поэтическомъ своемъ замыслѣ, чѣмъ любая изъ идиллій Θеокрита. Это пантомимный балетъ, исполняемый парочкою: паренькомъ да дѣвушкой, хотя бы даже представляющія ихъ лица въ дѣйствительности давно уже перешагнули за предѣлы юности. Настоящій русскій танецъ во время еще дѣтства моего проникъ почти неизмѣненнымъ на балетную сцену Императорскихъ театровъ, а оттуда во всѣ слои русскаго общества, не исключая даже и самаго высшаго круга [1]). На Петербургской сценѣ русская плясовая идиллія долго еще удерживалась, а именно пока не умеръ знаменитый (по заслугамъ) танцоръ Федоръ Гольцъ [2]). Въ этомъ родѣ я ничего не видывалъ восхитительнѣе, какъ исполняемый имъ вмѣстѣ съ г-жею Дюръ русскій танецъ. А что характеръ и туры этого исполненія дѣйствительно были вѣрнымъ подражаніемъ настоящей плясовой идилліи нашего простонародія, въ томъ я убѣдился во время моего пребыванія въ селѣ Хилковѣ. Но и тогда это древнее русское плясовое представленіе болѣе или менѣе начало уже забываться, и въ настоящемъ полномъ его составѣ

[1]) См. выпускъ I, стр. 15.

[2]) Г. Гольцъ въ 1870-мъ еще году, когда ему было уже 66 лѣтъ, всѣхъ восхищалъ своею легкостью и граціозностью въ характерныхъ танцахъ, напр. въ мазуркѣ въ оперѣ „Жизнь за Царя“.

„на манеръ, какъ плясали дѣды да бабушки наши“ (повторяя слова Карпыча) видѣлъ я этотъ танецъ одинъ только разъ, когда „рàзи ужъ чтобъ потѣшить барина-то“, онъ исполнился самимъ Карпычемъ съ сороколѣтней „людской стряпухою. [1]) Серафимою. Не было, конечно, тутъ ни тѣхъ элегантныхъ фигуръ, ни той граціозности, ни искусства, какими украшалось исполненіе названными Петербургскими артистами, но содержаніе плясовой народной идилліи было совершенно тождественно содержанію театральнаго Pas-de-deux. Основные „pas“ трепака являются въ этомъ танцѣ только эпизодомъ, когда парень, получившій сначала отказъ отъ своей возлюбленной, хочетъ непремѣнно покорить сердце жестокой, и ради этой цѣли выступаетъ во всемъ блескѣ залихватскаго молодца. Простой же тотъ трепакъ, какъ его нынѣ понимаютъ, пришелъ къ Сѣверорусамъ или Великорусамъ собственно-то отъ малороссовъ. Трепакъ исполняется безъ женскаго участія, потому что мѣстомъ рожденія его была вольная Сѣча среди Днѣпровскихъ пороговъ, куда женщины не допускались, а отцами его были прерыва не вѣдающіе гуляки, запорожскіе казаки. Общимъ русская деревенская пляска съ трепакомъ имѣетъ только одно изъ плясовыхъ „коленцъ“, это „плясь въ присядку“, проявленіе высшей ловкости ногъ и тѣла, а слѣдовательно и выраженіе самаго лихаго удальства.

Удальство, вообще, весьма выдающаяся черта русскаго характера: оно болѣе или менѣе присуще всѣмъ слоямъ сыновей матушки Руси. Нынѣ, конечно, это менѣе замѣтно; европейская цивилизація обуздала таки лихохватскія наши наклонности, и даже общественныя наши веселья стали менѣе шумны, менѣе оживлены [2]). Но въ то время, какъ говорится, „Русь еще веселилась“. Объ этомъ, впрочемъ, побесѣдуемъ далѣе, въ своемъ мѣстѣ.

Будучи безъ опредѣленныхъ занятій, притомъ въ самомъ цвѣту молодости и къ тому темперамента живаго и страстнаго, да нрава веселаго и легкомысленнаго, я, само собою разумѣет-

---

[1]) Людская стряпуха, т. е. готовящая для дворовыхъ въ „людской кухнѣ“.

[2]) За исключеніемъ, конечно, тайныхъ оргій скучающихъ отъ умственнаго бездѣлія людей, незнающихъ, куда дѣвать безъ труда доставшійся имъ матеріальный избытокъ. Тутъ ужъ впрямь новое залихватство перещеголяло и прежнее; порокъ сталъ утонченнѣе на выдумки; залихватство стало тѣмъ отвратительнѣе, чѣмъ болѣе оно начало скрываться.

ся, участвовалъ во всѣхъ веселіяхъ, разъѣзжалъ въ гости, танцовалъ безустанно въ теченіе нѣсколькихъ дней сряду, пировалъ въ сообществѣ дамъ и безъ нихъ, пробовалъ даже играть въ карты (но вкуса въ нихъ не нашелъ) и т. д. Но прошло съ полгода и напала на меня душевная скука, какъ тогда на поселеніяхъ: умственной и поэтической дѣятельности моей недоставало сочувствія, недоставало поощренія. Въ это время я случайно у одного изъ сосѣдей встрѣтилъ также сосѣдняго намъ помѣщика, Сергѣя Абрамовича Баратынскаго, брата (давно уже умершаго) поэта и друга Пушкина, Евгенія Баратынскаго. Мы съ нимъ разговорились о музыкѣ, объ исскусствахъ, о литературѣ,—именно о томъ, чѣмъ жила моя душа, и о чемъ столько времени ни съ кѣмъ не приходилось мнѣ даже словечка перемолвить. Баратынскій, хотя и не принадлежалъ къ кругу знакомыхъ моей belle-mère, пригласилъ меня, однако же, побывать у него, чему я весьма обрадовался, и вскорѣ даже исполнилъ. Должно отдать справедливость моей тещѣ въ томъ, что она не препятствовала мнѣ въ продолженіи этого знакомства, даже и тогда, когда Сергѣй Абрамовичъ все-таки не пріѣзжалъ знакомиться съ нею; а вѣдь я то самъ могъ только считаться лишь гостемъ въ Хилковѣ, такъ какъ при моей belle-mére настоящими хозяевами жили старшій ея сынъ съ молодою женою. Но они, послѣ ихъ переѣзда изъ Петербурга въ деревню (не знаю я почему) у Баратынскихъ съ визитомъ еще не были. Можно, пожалуй, сказать, что мое частное знакомство съ семействомъ, незнакомымъ съ тѣмъ семействомъ, въ которое я вступилъ, болѣе или менѣе было безтактностію съ моей стороны. Тогда я о томъ не размышлялъ, а нынѣ, хотя, съ точки воззрѣнія такъ называемыхъ „общественныхъ приличій и мнѣній“, пожалуй, о томъ спорить отрицаюсь; но съ другой стороны признаюсь, что никакого въ томъ раскаянія даже не чувствую, и сего же дня точно также бы поступилъ. Да неужели ради того, что родственники мои, въ домѣ которыхъ я жилъ, вполнѣ довольны были той атмосферою, которая ихъ окружала, такъ и мнѣ ею одною лишь дышать, когда вблизи я могъ хотя отъ времени до времени освѣжить вянущее существо мое тѣмъ воздухомъ, котораго такъ неизбѣжно нужно было для поддержанія его?

С. А. Баратынскій любилъ и понималъ музыку, равно какъ

жена его, Софья Михайловна (бывшая вдова поэта барона А. А. Дельвига), а дѣти ихъ, довольно ужъ взрослыя, играли кто на фортепіано, кто на скрипкѣ, кто на віолончелѣ. Все семейство вообще стояло на той высотѣ интеллектуальной культуры, къ которой я привыкъ съ дѣтства, и потому, весьма естественно, я повторялъ свои посѣщенія, насколько это возможно и прилично было, и тѣмъ болѣе, что Баратынскіе меня ласково и привѣтливо принимали.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1839 года, какъ-то разъ нарочно посланный отъ Софьи Михайловны лакей привезъ мнѣ нумеръ С.-Петербургскихъ вѣдомостей, въ которомъ было карандашемъ отмѣчено предлинное объявленіе С.-Петербургскаго Филармоническаго Общества. Смыслъ этого объявленія былъ слѣдующій:

Названное общество приглашало всѣхъ желающихъ на конкурсъ по сочиненію музыки къ тексту баллады „Свѣтлана“ знаменитаго нашего поэта В. А. Жуковскаго, въ томъ приспособленномъ для этой цѣли сокращенномъ видѣ, въ какомъ баллада напечатана была вслѣдъ за этимъ объявленіемъ. Призъ конкурса долженъ былъ состоять въ серебряной лирѣ, на пьедесталѣ изъ чернаго дерева, стоимостью въ 250 рублей, на которой будетъ выгравировано имя увѣнчаннаго композитора. Сочиненіе имѣетъ быть доставлено въ общество не позже 1-го Сентября того же (1839) года. На сочиненіи, вмѣсто имени автора, долженъ быть написанъ какой нибудь девизъ, а имя композитора имѣетъ быть отмѣчено на особомъ листкѣ, влагаемомъ въ запечатываемый конвертъ, на которомъ написанъ тотъ же самый девизъ, что̀ и на сочиненіи, а конвертъ приложенъ къ сочиненію. Единственнымъ условіемъ для состязающихся ставилось, чтобы они были *природными русскими*. Для обсужденія присылаемыхъ сочиненій общество избрало судьями пять извѣстнѣйшихъ знатоковъ музыкальнаго искусства: директора Филармоническаго Общества И. И. Фуксъ, М. И. Глинку, графа Мих. Юр. Віельгорскаго, Ал. Ѳ. Львова, и кн. Вл. Ѳ. Одоевскаго. Рѣшеніе гг. судей будетъ публиковано 1-го Ноября того же года.

Прочитавъ это объявленіе, я почувствовалъ себя какъ бы электризированнымъ.—Это было нѣчто въ родѣ вызова на бой: „иль со щитомъ, иль на щитѣ!“ Но кто будутъ конкурренты? Тогдашніе сочинители русскихъ романсовъ были всѣ извѣстны;

изъ старыхъ: Романусъ, два Титова; изъ новыхъ: Глинка и Львовъ; а затѣмъ изъ новѣйшихъ, очень недавно еще выступившихъ, въ Москвѣ: Гурилевъ, Булаховъ, Варламовъ; въ Петербургѣ: Толстой, Даргомыжскій, Ламакинъ, Бахметьевъ. Кто изъ нихъ будетъ участвовать въ состязаніи? Глинка и Львовъ, какъ избранные судьи, на конкурсъ права не имѣли. Изъ другихъ же я лично никого не зналъ, а по двумъ какимъ нибудь только романсамъ о талантѣ автора судить нельзя. Романуса и Титовыхъ, конечно, я не боялся; предѣлы ихъ творческой силы давнымъ-давно уже выказались. Я сообщилъ объявленіе своимъ. „Что-жъ? пиши! хоть скучать не будешь“,—сказала Belle-mère.— „Ну, а какъ ты провалишься“?—замѣтила встревоженнымъ тономъ жена, — „всѣ сосѣди подсмѣиваться станутъ, манкированнымъ геніемъ прозовутъ; стыдъ на насъ-то на первыхъ падетъ! — А шуринокъ прибавилъ: „Да и стоитъ-ли вообще трудиться изъ-за какого-то дряннаго приза въ какіе нибудь 250 рублей!“

На другой день я отправился къ Баратынскимъ. Стихи баллады я давно уже зналъ наизустъ, а съ того же момента какъ я прочелъ объявленіе, они у меня такъ и вертѣлись въ головѣ. Пока я проѣхалъ тѣ 20 верстъ, которые лежали между двумя усадьбами моей тещи и Баратынскихъ, я невольно умственно запѣлъ начальные восьмнадцать стиховъ на вдругъ возродившуюся въ моей груди мелодію, и чѣмъ ближе я подъѣзжалъ къ Абрамовкѣ [1]), тѣмъ яснѣе и яснѣе становились въ моей головѣ и напѣвъ и аккомпанимейтъ. Сергѣй Абрамовичъ встрѣтилъ меня съ вопросомъ: „Ну что рѣшились?“ Я поблагодарилъ за любезное вниманіе, но сказалъ, что меня сомнѣніе беретъ: хватитъ ли умѣнья и дарованія у меня?

— Совѣтую вамъ во всякомъ случаѣ испробовать свои силы,— настояла Софья Михайловна.—„Да кстати! Какую музыкальную форму имѣетъ баллада? Слышала я только, что въ Нѣмецкой музыкальной литературѣ есть будто какой-то особенный жанръ; но видѣть мнѣ не приходилось. А вы знаете?

Я отвѣтилъ, что давно уже знакомъ со всѣми балладами Цумштега, да разсматривалъ два три такого же жанра сочиненія Лёве

---

[1]) „Nomina sunt omina!“ говорили Римляне (Имена суть пророчества). Одна Абрамовка пригнесла мнѣ неудачу, въ другой же Абрамовкѣ мнѣ пророчили удачу.

— Ну, такъ чего же вамъ еще! Courage! Allez toujours! [1]).

Тогда разсказалъ я, что случилось со мною во время моего проѣзда къ нимъ и спросилъ моихъ любезныхъ друзей, могу ли я имъ проиграть на фортепіано то, что у меня родилось въ головѣ? Они, конечно, полюбопытствовали, и когда я кончилъ, то апплодировали.

„Eh bien, vous voilà lancé et vogue la galére!“ [2])—прибавилъ Сергѣй Абрамовичъ.

Дня чрезъ три получилъ я изъ Петербурга два письма, одно отъ Сѣмячкина, другое отъ Гунке; оба посылали мнѣ газетную вырѣзку съ объявленіемъ Филармоническаго Общества. Сѣмячкинъ къ самой публикаціи карандашемъ просто и коротко приписалъ только, „Арнольдикъ, вотъ тебѣ работа! Ты живешь, вѣдь, въ деревнѣ, такъ и пиши *съ натуры!* Я на тебя надѣюсь!“ А Гунке уже обстоятельнѣе приложилъ особое письмо, въ которомъ совѣтуетъ не пропустить случая; и если я имѣю довѣріе къ нему, то чтобы я прислалъ ему будущее свое твореніе, а онъ готовъ доставить его въ общество.

И рѣшился я на смѣлое дѣло. Само собою разумѣется, что по мѣрѣ того, какъ подвигалось мое сочиненіе, я не разъ бывалъ у Баратынскихъ, чтобы подвергать мое произведеніе ихъ толковому и безпристрастно-дружескому обсужденію, и по ихъ совѣту кое-что исправлялъ, а то и совсѣмъ передѣлывалъ. Недѣли чрезъ три баллада была готова и отправлена въ Петербургъ къ Гунке. Девизомъ къ моему сочиненію избралъ я девизъ нашего фамильнаго герба: „In Deo spes mea“ [3]). „И не обманетъ васъ эта надежда“, сказала Софья Михайловна.

---

[1]) Смѣлѣе! Вы все-таки начните.

[2]) Ну, вотъ вы направлены, и пусть плыветъ корабль.

[3]) Въ Богѣ надежда моя.

XXXI.

1837 — 1839. Русскія степи и русскія церкви. — Основы русскаго народнаго характера. — Физіономія степныхъ нашихъ помѣщиковъ 30-хъ годовъ. — Широкое, веселое помѣщичье житье-бытье. — Религіозность тогдашняго времени. — Поѣздка всѣмъ семействомъ на богомолье. — Какъ въ старину снаряжались въ дорогу „на долгихъ“. — Составъ каравана и путь по проселочнымъ дорогамъ. — Воронежскій соборъ и соборная площадь. — Задонскій монастырь. — Бесѣда съ о. архимандритомъ и услужливость усердныхъ монаховъ.

Еслибы отъ меня потребовали опредѣлить кратчайшими словами типическую внѣшность нашего отечества, то я сказалъ бы что Русь есть *страна широкихъ степей и безчисленныхъ церквей*. А добавить это опредѣленіе можно, конечно, еще объясненіемъ, что русскія степи наибольшей частію покрыты ласкающей глаза зеленью сочныхъ травъ и разноцвѣтной пестротою красивыхъ полевыхъ цвѣтовъ, и что настоящія русскія церкви не имѣютъ ни подавляющаго аскетическаго, ни поражающаго внѣшнею пышностію гордо-величаваго вида, а среди рощеобразныхъ своихъ оградъ обыкновенно смотрятъ свѣтлыми, ласково къ себѣ призывающими, пріютами мира и покоя. А такъ какъ учеными этнографами давно уже доказано и признано, что внѣшній видъ какой-либо страны содержитъ въ себѣ также и примѣты основнаго характера обитателей той страны, то слѣдовательно и въ характерѣ русскаго народа основными чертами безспорно должны оказаться: широкая удаль степей, свѣтлая, не аскетическая и не надмѣнная религіозность, и такого же свойства гостепріимство, Hinc virtutes nostrae et peccata; hinc robur nostrum nec non inertia nostra [1]).

Кто были, и что такое были въ тѣ времена русскіе помѣщики вообще, и помѣщики степныхъ губерній въ особенности? That is the question [2]). Какъ извѣстно, дворянство образовалось изъ княжьихъ дружинниковъ, которые вознаграждались вотчинами. Когда же они исполняли службу при своемъ князѣ, то не только съ нимъ дѣла дѣлывали, но также, послѣ дѣла, съ нимъ пировали и веселились. А на пирахъ-то душа на просторъ про-

[1]) Отсюда добродѣтели наши и погрѣшности; отсюда сила наша и наша слабость.

[2]) О томъ и вопросъ-то.

силась, какъ въ бою на конѣ, на ретивомъ, въ погоню за врагомъ въ даль по безпредѣльной степи. На пиру шелъ также бой, — но иного рода, бой дружескій, ради потѣхи: молодецъ молодца побѣдить старался, „испиваючи медъ, зелено вино“.

И передавалась эта богатырская, дружинная черта отъ дѣдовъ отцамъ, а отъ отцевъ сыновьямъ, и такъ далѣе изъ рода въ родъ и до нашихъ временъ: коли дѣло дѣлать, такъ и впрямь его дѣлать, а коли веселиться, такъ и впрямь веселиться, всей широкой, молодецкою душою на распашку. Къ тому же изъ кого же наибольшей частію собственно-то и состояло тогдашнее общество помѣщиковъ, какъ не изъ бывшихъ царскихъ „дружинниковъ“, т. е. изъ отставныхъ военныхъ, а не то и статскихъ служакъ.

Въ особенности сохранились тѣ дѣдовскіе нравы между помѣщиками степныхъ губерній. Нынѣ лоскъ обще-европейской культуры силою пара съ легкостію проникаетъ въ отдаленнѣйшіе даже углы; но въ то время изнѣженной „дамѣ-культурѣ“ приходилось тащиться „на долгихъ“, съ крайне краткими переходами и крайне продолжительными остановками отъ одного городишка въ другой. И вотъ почему въ иныхъ отдаленныхъ уголкахъ пространнаго нашего отечества въ то время царила еще полнѣйшая старинная патріархальность нравовъ и обычаевъ. Но,—какъ бы, въ сравненіи съ утонченностію житейскихъ формъ въ столичныхъ обществахъ, ни показывались иногда смѣшными тѣ нравы и обычаи,—все-таки я откровенно признаюсь, что нелицемѣрное радушіе, и задушевное, непритворное веселіе, не смотря на проявляющуюся иногда наивную безцеремонность, имѣли даже весьма плѣнительную свою сторону. Чувствовалась какая-то естественная гармонія между внутреннимъ и внѣшнимъ, не-лукавымъ бытіемъ всѣхъ этихъ добрѣйшихъ дѣтей природы. Ихъ добродѣтели и ихъ слабости основывались на вышеупомянутой главной и общей, великой чертѣ русскаго народа.

Примѣромъ тому, какъ въ то время умѣли веселиться, въ особенности могли служить празднества, которыя были устроены по случаю свадьбы дочери всюду многоуважаемой Мавры Львовны Сипягиной, т. е. моей же свадьбы.

Собственно-то отпразднованіе нашего сочетанія бракомъ

происходило болѣе или менѣе скромно. Но недѣли двѣ или три спустя belle-mère дала балъ.—Оффиціальный-то балъ состоялся въ первый день пріѣзда гостей, изъ которыхъ наибольшая часть и оставались ночевать у насъ же. Изъ другихъ же гостей, нѣкоторые, имѣющіе свои усадьбы или въ томъ же селѣ Хилковѣ (ихъ было двое), или въ отстоящемъ верстъ на 7, селѣ Оржевкѣ (ихъ было четыре семейства) отправились къ себѣ домой, а не многіе остальные (родственники послѣднихъ) поѣхали съ ними. На другой же день всѣ опять собрались къ намъ обѣдать, а вечеромъ вся компанія перекочевала „на балъ же“ къ сосѣду нашему, моему „посаженному отцу“, живущему въ Хилковѣ же съ полверсты разстоянія отъ усадьбы моей тещи. На 3-й и 4-й день вся та же компанія пировала у Оржевскихъ помѣщиковъ; затѣмъ всѣ перекочевали далѣе, а потомъ еще далѣе, такъ что мы, т. е. я съ женою, belle-mère, двѣ свояченицы мои, да два шурина съ ихъ супругами, съ двумя горничными, двумя лакеями и съ тремя кучерами при 10-ти лошадяхъ, воротились домой чуть ли не въ 9-й или 10-й только день по отъѣздѣ.

Обѣдали въ то время въ 4 часа, довольно плотно; перемѣнъ подавалось отъ 8-ми до 10-ти; пили здорово, въ особенности домашней наливки (чѣмъ Тамбовскіе помѣщичьи погреба тогда славились) и шампанскаго безъ счета, а для пищеваренья послѣ обѣда затягивали хоромъ русскія пѣсни, при чемъ нѣкоторые,— и не только мы, молодые люди, но даже и очень почтеннѣйшіе господа съ сѣдиною на головѣ,—пускались въ плясъ съ присядкой. А балы сами-собою продолжались съ 8-ми часовъ до 2-хъ; а послѣ сытнаго ужина съ должной поливкою (за которымъ мы сиживали часа по-полтора) отплясывали еще котильонъ часовъ до 5-ти утра, съ непремѣннымъ примѣшиваніемъ туръ „а ля рюссъ“, всегда, конечно, подъ аккомпаниментъ хора. И такимъ образомъ изо дня въ день во все время перекачевыванья изъ одного села въ другое.

Да, нечего сказать! Умѣли таки люди въ то время веселиться, но и желудки, и головы, и ноги были у всѣхъ дюже здоровые, не нынѣшняго калибера, а богатырскіе подстать „трудамъ“ веселья!

Въ остальное же время мущины другъ къ другу ѣздѣли въ карты играть. Тогда впервые вмѣсто прежняго виста вводился

преферансъ. Тамбовцы славились, вѣдь, не только своимъ мастерствомъ въ выдѣлываніи наливокъ, но и своей бешенной страстію въ картежной игрѣ. Игрывали преферансъ по *рублю за фишь* (марочная единица) и въ „три листика“, и кончали всегда банкомъ, въ которомъ банкометъ нерѣдко объявлялъ банкъ отъ 30-ти до 40-ка, и даже до 50-ти тысячъ рублей. А игроки, когда проиграли всѣ наличныя при себѣ деньги, ставили, — бывало,—часы, кольца, кареты, лошадей, усадьбы, угодія, лѣса, пустоши и деревья, даже отдѣльныя семейства крестьянъ.

Какъ въ полку, такъ и тутъ я въ картежныхъ веселіяхъ участія не принималъ. А подъ конецъ вообще, какъ уже выше упомянуто было, душевно и духовно усталъ,—и скучалъ.

Belle-mère моя, не смотря на нѣсколько причудливый (такъ сказать: „степной“) характеръ, была въ сущности отличная, здравомыслящая барыня, не безъ поэтическаго отъ природы чутья, вслѣдствіе чего приблизительно понимавъ мои стремленія, она очень благоволила ко мнѣ. Но, весьма набожная (по общему тѣсному пониманію религіозности), она наравнѣ со всѣми другими лицами ея круга считала всѣхъ петербуржцевъ,—какъ тогда, съ давнихъ временъ еще, выражались,—„волтеріанцами“, а весьма, вѣдь, естественную мою скуку: „навожденіемъ нечистой силы въ наказаніе за мое невѣріе“. Отчасти, какъ я полагаю нынѣ, для изцѣленія „Петербуржскаго окаяннаго зятюшки“, Мавра Львовна порѣшила, далѣе не откладывать исполненія давно уже возъимѣвшагося намѣренія: совершить богомоліе въ Воронежъ и Задонскъ, да не одной, а со всѣмъ семействомъ.

Эту поѣздку положено было устроить „на долгихъ“, т. е. на „своихъ“ лошадяхъ, въ началѣ лѣта послѣ моего поступленія въ члены семейства Мавры Львовны. Старшій мой шуринъ отдѣлался отъ сопутствія, да и жену не пустилъ, а младшій шуринъ жилъ не при матери, а у тестя своего въ Пензенской губерніи. Итакъ въ поѣздкѣ на богомоліе должны были участвовать, кромѣ belle-mère, двѣ незамужныя ея дочери, племянница ея (принятая Маврой Львовной къ себѣ, сирота), жена моя, да я, всего 6 человѣкъ „господъ“. Въ сопровожденіе намъ, для прислуги, назначались: каммерфрау моей тещи, старшая изъ молодыхъ горничныхъ, одинъ лакей и поваръ (мужъ каммерфрау), всего 4 человѣка „челядинца“, да нужное, по усмотрѣнію, число

возницъ. Затѣмъ пошло разсужденіе о путевыхъ „снарядахъ“. Это составляло весьма важный вопросъ: отъ Хилкова до Воронежа прямымъ путемъ разстояніе далеко за триста верстъ; да отъ Воронежа до Задонска будетъ съ доброй полсотни, а оттуда по почтовому тракту чрезъ Тамбовъ обратно, верстъ 360; итого предстояло совершить вояжъ въ 700 верстъ, да на вѣрное не безъ порядочнаго еще хвостика. А моей тещѣ, хотя она и любила умалять себѣ года, все-таки уже перевалило за 60 лѣтъ; слѣдовательно, не смотря на крѣпкую ея натуру и на болѣе еще крѣпкую ея волю, никакъ нельзя было не подумать о томъ, какъ бы поудобнѣе и поспокойнѣе для своего тѣла ей устроить кочевое свое гнѣздо. Была у ней старинная карета, на 6 персонъ, чуть ли не временъ (какъ говорится:) „царя Гороха“,— тяжелая, неуклюжая, того гляди при каждомъ поворотѣ сама собою кувырнется; да для „вояжа-то“ шести персонамъ и тѣсненько будетъ въ ней; разлечься по комфортабельнѣе, растянуться какъ слѣдуетъ, и четыремъ даже немыслимо. Вотъ и задумала Мавра Львовна выстроить себѣ, домашними средствами, особаго рода настоящій рыдванъ-колымагу стариннаго фасона. Призвала она меня.

„На вотъ, Юрка! Возьми-ка карандашъ, да начерти мнѣ рыдванъ по моей мѣркѣ, какъ я тебѣ стану объяснять. Считай шесть персонъ; трое на заднемъ, а трое на переднемъ сидѣніи. Каждой персонѣ чтобы удобно было растянуться, да столь же удобно-бы и повернуться. Да чтобы не защѣпляли другъ-друга локтями во время сна, да чтобы пятками другъ-друга не толкали. Ну и на подушки, что подъ головы, примѣрно мѣста прикинуть слѣдуетъ. Разсчитай-ка, молодчина, да и начерти по масштабу“.

Вышло, что внутренность колымаги по меньшей мѣрѣ потребуетъ длину въ 5, а ширину въ 3 аршина.

„Ладно“, сказала belle-mère,—„и по моему разсчету тотъ же вышелъ размѣръ“.

Позвали управляющаго (крѣпостнаго) „Левонтія“, да домашняго столяра-каретника, что лѣтъ пять въ Питерѣ находился въ ученіи у извѣстнѣйшаго въ то время придворнаго каретника, Фрёбеліуса. Растолковала ему belle-mère, чего ей хотѣлось.

„А хорошій, сухой дубъ изъ того, что̀ куплено было въ

тотъ годъ, когда—помнишь?—мощи-то Св. Митрофанія открыли,—есть чтоли еще на лице?“

— „Дубочка два—три, слѣдуетъ, должно еще найтись“—

„А какой длины?“

— „Да кажись,—аршинъ восемь, чтоли, съ чѣмъ-то быть слѣдуетъ“.—

„А колеса есть въ запасѣ?—обратилась Belle-mère къ Левонтію.

— Есть, барыня!—

„Ладно! Такъ ты выдай ему—все, что я говорила, да и все, что еще тамъ надо будетъ. А ты, голубчикъ, выстрой-ка мнѣ легкій кузовъ, да крѣпкій, смотри! Безъ сидѣній. А изъ дубковъ учини хорошія дроги,—какія подъ тарантасомъ дѣлаются; да тамъ, какъ требуется, устрой и оси для колесъ, да колеса хорошенько пригони, да кузовъ установи понадежнѣе; да для кучера сидѣніе чтобы было покойное; да сзади чтобы мѣсто для ящика. Понялъ? Ну ладно! ступайте! Да черезъ недѣлю чтобы все готово было!“ [1]).

Когда остовъ былъ оконченъ, то кузовъ велѣно было обить новой, крѣпкой дерюгою, и весь „экипажъ“ окрасить густой черной краскою. Вмѣсто дверцевъ, для входа въ этотъ, новѣйшаго фасона, Ноевъ ковчегъ, устроены были, изъ выкрашенной дерюги же, раздергиваемыя на кольцахъ длинныя складочныя гардины. Во внутренность кузова разстелили снизу ковры, а на нихъ уложили цѣлую массу пуховиковъ, которые опять и были покрыты коврами. Дѣйствительно шесть человѣкъ могли совершенно удобно и комфортабельно уложиться и растянуться въ этой подвижной юртѣ. Запрягалась же къ этому дому-самокату четверка лошадей. Лакей помѣщался возлѣ кучера; каммерфрау съ горничною и съ безчисленными барскими картонами въ тарантасѣ въ двѣ лошади; а поваръ съ посудою да съ провизіею и съ разной живностью на широкой телѣгѣ, въ одну лошадь, которою онъ самъ и правилъ.

---

1) Распоряженія Мавры Львовны передалъ я, хотя и совершенно въ ея духѣ, но въ сколь только возможно сокращенномъ видѣ. Ибо въ дѣйствительности это совѣщаніе съ Левонтіемъ и съ каретникомъ растянулось чуть ли не на цѣлыхъ три часа. Мавра Львовна любила разсматривать и обсуживать каждую бездѣлицу до мельчайшихъ частичекъ, и тѣмъ коротать часы своего досуга отъ утренняго чая до завтрака, или отъ завтрака до обѣда.

Въ Кирсановѣ нашъ караванъ особенной сенсаціи не произвелъ, такъ какъ тамъ Мавру Львовну всѣ уже знали и къ оригинальнымъ ея выходкамъ давно привыкли. Мы переночевали въ тамошней Тихвинской Общинѣ, потому что Belle-mère, по поводу своего богомольнаго вояжа, заказала отслужить экстренную раннюю обѣдню для нея въ одномъ изъ предѣловъ Общинскаго собора. Вечеромъ пришли къ ней двѣ городскія ей знакомыя дамы. „Мы видили вашу большую колымагу, какъ она къ Общинѣ поворотила, и сразу догадались: Это Мавра Львовна пріѣхала“.

Изъ Кирсанова мы до г. Усмани проѣхали бо̀льшею частію проселочными дорогами и вовсе не торопясь. Поднимался нашъ караванъ не ранѣе 9-ти, 10-ти часовъ, дѣлывали по 5-ти, по 6-ти верстъ въ часъ. Belle-mère быстрѣе ѣхать терпѣть не могла, слишкомъ трусила. Коли приходилось чуть по косогору ѣхать, или съ пригорка къ какой нибудь рѣчкѣ спускаться, всѣ выходили изъ рыдвана да пѣшечкомъ прохаживались. Если мы пробыли въ пути часа четыре или около того, да если попадался близъ дороги лѣсокъ да лужёчекъ при немъ, тогда мы сворачивали туда для отдыха. Лошадей отпрягали кормить, а поваръ въ сторонѣ огонь разложитъ, да кухонную баттарею и провизію вытаскиваетъ и начинаетъ обѣдъ готовить. Лакей межъ тѣмъ съ помощію двухъ женскихъ прислугъ вытаскивалъ изъ колымаги ковры и подушки, да подъ деревьями намъ ло́жа покойныя приготовлялъ. Belle-mère, которая въ этотъ короткій промежутокъ времени „для моціона“ сдѣлала нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ около лѣсочка, укладывается подъ тѣнь деревьевъ на подушки, а каммерфрау съ зеленой вѣткою въ рукахъ, садится около барыни и отмахиваетъ мухъ и комарей. Мы же, молодежь, оставляя maman подъ охраною прислуги, отправляемся въ глубь лѣска по ягоды. Часа два погулявши, возвращаемся въ нашъ лагерь. Около Belle-mère уже „разостланъ бѣлый платъ“, и на немъ сервированъ обѣдъ, и самоваръ кипитъ и кофейникъ стоитъ на раскаленной плиткѣ. И т. д. и т. д. Простоявши еще часа два или полтора, люди опять все укладываютъ, лошадей запрягаютъ и мы вновь трогаемся въ дорогу.

Когда мы подъѣзжали къ той деревушкѣ или къ тому селу, гдѣ предположено было ночевать, то Belle-mère приказывала ша-

гомъ ѣхать, а лакея посылала впередъ, провѣдать, гдѣ получше хата; буде пустятъ на ночлегъ, то сторговаться. Лакей возвращается обыкновенно съ хозяиномъ или съ хозяйкою, и ведутъ насъ куда слѣдуетъ. Между тѣмъ какъ поваръ въ избѣ готовитъ ужинъ, въ свѣтлицѣ дамскому персоналу стѣлятъ постели: для belle-mère съ меньшей дочерью на хозяйской кровати, а для другихъ на прилавкахъ вдоль стѣнъ; для меня же приготовляется ложе въ рыдванѣ, который поставленъ на дворѣ подъ навѣсомъ. Къ 11-ти часамъ всѣ уже наслаждаются крѣпчайшимъ сномъ.

Въ Усмани, куда пріѣхали на 7-й день вечеромъ, мы остановились въ гостиницѣ, а также и въ самомъ Воронежѣ, куда, ѣхавъ по ровной почтовой дорогѣ, мы прибыли на другой день, также ко времени ужина, который на сей разъ заказали у хозяина и который былъ постный.

На другой день мы отправились въ соборъ къ поздней обѣднѣ, а потомъ теща просила отслужить молебенъ св. Митрофанію у раки Святителя, находившейся неподалеку въ сторонѣ отъ иконостаса. Поклонившись святымъ мощамъ, мы спросили у о. дьякона, гдѣ можно пріобрѣсти хорошіе образки святаго; онъ намъ и указалъ на соборную площадь предъ главнымъ входомъ въ соборъ.

И впрямь; вышедъ изъ главныхъ дверей и спускаясь съ ступенекъ, мы увидѣли по обѣ стороны широкаго, для прохода свободнымъ оставленнаго мѣста, безчисленныя стойки и стоечки, на которыхъ были выставлены или выложены и вывѣшены бо̀льшіе или меньшіе, то масляными красками на кипарисной доскѣ, то жженными красками на фарфоровыхъ медальонахъ рисованные образа и образки съ изображеніемъ св. Митрофанія. Въ наибольшемъ же количествѣ встрѣчались крошечные мѣдные образочки съ чеканеннымъ ликомъ Воронежскаго Святителя. Обрѣтались тутъ затѣмъ также искусно тканныя ленты и поясочки разной длины и ширины, украшенные вткаными же стихами изъ стихарей, сочиненныхъ въ честь святаго, которымъ приписывалась цѣлебная сила. Когда же мы приблизились къ одной стойкѣ, чтобы пріобрѣсти образочки, да крошечные медальончики и поясочки, то тотчасъ вмѣшивались хозяева сосѣднихъ стоекъ, зазывая насъ къ себѣ, и смущая насъ своими увѣреніями, что у того хозяина, къ которому мы подошли, ни

образочки, ни пояски еще не освящены, а у нихъ-то, у самихъ таковые дѣйствительно столько-то дней покоились на ракѣ. И пошли пререканія между хозяевами стоекъ, такъ что мои дамы испугались этого шума и торопились дальше пройдти. Наконецъ, я проникъ уже одинъ въ болѣе отдаленные ряды и пріобрѣлъ тамъ, что̀ каждому изъ насъ желательно было имѣть на память о нашей поѣздкѣ на богомоліе.

Въ Воронежѣ пробыли мы два дня. Городъ мнѣ понравился; онъ имѣлъ довольно красивый и опрятный видъ; въ особенности представлялось прелестной картиной постепенное отъ берега рѣки выступаніе домовъ и садовъ однихъ надъ другими, все выше и выше до крайнихъ рядовъ.

До Задонска мы доѣхали въ одинъ день, и остановились въ гостепріимномъ монастырскомъ домѣ. Плату тамъ за ночлегъ и за трапезу да за самовары не берутъ, а предоставляется богомольцамъ, при внесеніе своихъ именъ въ книгу гостепріимнаго дома „на память о ревнителяхъ святой обители“, пожертвовать въ пользу обители по своимъ силамъ и по ревности своей.

Пріѣхавъ къ самому времени всеночнаго бдѣнія, мы помолились въ главномъ соборѣ, а потомъ отправились къ могилѣ Святителя Тихона (святыя мощи котораго въ то время еще не были открыты) и слушали совершаемую у нея, заказанную моей тещею паннихиду. На другое утро, послѣ обѣдни въ соборѣ, Bellemère послала меня съ женою отдать долгъ чести о. архимандриту, который чрезвычайно любезно насъ принялъ и чаемъ угостилъ. Передавъ о. архимандриту извиненія моей тещи, что по склонности лѣтъ и по слабости ногъ она лишена удовольствія самой предстать предъ нимъ, а затѣмъ выразилъ свое восхищеніе величіемъ древнихъ зданій монастыря и въ особенности главнаго собора, который поразилъ меня красою и богатствомъ украшеній иконостаса и святыхъ иконъ. О. архимандритъ отвѣтилъ, что „всегда настоятели сего монастыря считали долгомъ своимъ употреблять наибольшую часть изъ добровольныхъ приношеній и пожертвованій честныхъ ревнителей святой обители на украшеніе Божьяго храма, въ которомъ читалъ многославныя и поистинѣ душеспасительныя свои проповѣди великій христіанскій учитель, богоугодный Тихонъ. И благодареніе Господу

Богу, до 1833 года ѣзжали сюда изъ всея Россіи ревностные почитатели сего великаго евангельскаго наставника, поклониться честно его могилѣ. Но, начиная съ сказаннаго года, съ открытія святыхъ мощей св. Митрофанія Воронежскаго, число ревностныхъ поклонниковъ честной могилѣ великаго Задонскаго богоугодника стало, къ сожалѣнію, съ каждымъ годомъ замѣтно уменьшаться. А это не совсѣмъ справедливо, потому что число случаевъ чудесныхъ отъ разныхъ недуговъ изцѣленій тѣхъ, кои съ крѣпкою вѣрою въ Господа Бога поклонялись честной могилѣ богоугоднаго Тихона Задонскаго, растетъ отъ года въ годъ. Знаменія воочію являются, а открывать честныя мощи все еще не разрѣшаютъ обители! Но будетъ неминуемо это разрѣшеніе во славу великаго богоугодника, и тогда снова процвѣтетъ и обитель его, прибудутъ снова щедрые ревнители ея!“

Мы поклонились о. Архимандриту и онъ благосклонно отпустилъ насъ, напутствовавъ пастырскимъ своимъ благословеніемъ. Когда мы воротились въ гостепріимный домъ, нашихъ еще не было тамъ, хотя мы у о. Архимандрита по крайней мѣрѣ часа полтора просидѣли. Состоявшій при отдѣленіяхъ гостепріимнаго дома послушникъ, на мой вопросъ: не сказала ли старая барыня, куда намѣревалась идти?, сообщилъ: что „кажись, хотѣли отслужить паннихиду у честной могилы Святителя, богоугодника Тихона“. Оставивъ жену въ гостепріимномъ домѣ, отправился я къ сказанной могилѣ, но, не нашедъ рѣшительно никого около нея, возвратился. Прошло еще около часа времени, когда вдругъ въ корридорѣ послышались шаги нашей компаніи и жалобныя воздыханія и стоны belle-mère: „Охъ-охъ-охъ! моченьки нѣтъ моей! устала я совсѣмъ! охъ-охъ! уложите меня на диванъ! Дайте поскорѣй чаю!“

Я спросилъ у сестеръ: что-же такое случилось? Старшая свояченица и разсказала. Пошла maman съ ними паннихиду отслужить у могилы Тихона богоугодника; вознаградила служившаго іеромонаха за труды двумя серебряными рублями. Тогда подошелъ другой монахъ и сталъ увѣщевать belle-mère, что ради спасенія души своей слѣдовалобы ей отслужить паннихиду также и у честной могилы усопшаго лѣтъ за сорокъ тому назадъ старца схимника Леонида. „Ужъ слѣпыхъ, да хромыхъ—то страхъ сколько изцѣленія уподобились у могилы честнаго отца Леонида“. Послѣдо-

вала maman съ своими барышнями за монахомъ, отслужили паннихиду по честномъ старцѣ-схимникѣ Леонидѣ, да усерднаго монаха рублемъ серебрянымъ отблагодарили. А тутъ было сдѣлано maman еще нѣсколько увѣщеваній, ради душеспасенія, отслужить паннихиды и по другимъ еще давно усопшимъ старцамъ-отшельникамъ, „и у нихъ также разныя исцѣленія проявлялись“, и водили усердные монахи maman отъ одной могилы къ другой: паннихидъ чуть ли не до пятнадцати отслужили.

— „Охъ,-охъ! (вздыхала belle-mère),моченьки моей нѣтъ! Ноги словно совсѣмъ отнялись!“

— Такъ зачѣмъ же вы напрямикъ не отказывались, какъ только почувствовали, что вамъ не подъ силу? замѣтилъ я.

— „Что ты! что ты! (одушевилась belle-mère). Сейчасъ видѣнъ басурманъ-вольтеріянецъ! Честные отцы усердствуютъ о моемъ же душеспасеніи, объ отпущеніи мнѣ Господомъ Богомъ грѣховъ моихъ, а я чтобы стала имъ перечить? Вотъ еще что выдумалъ! Это ты, грѣховодникъ, нѣмецъ окаянный, любишь-то съ попами споры да ссоры заводить, да и мнѣ такія же пакости совѣтуешь! Тьфу тебѣ!“

Belle-mère, отъ усталости и душевнаго рвенія, совсѣмъ разстроилась. Я и ушелъ, а ее уложили въ постель, дабы успокоилась и уснула. Къ обѣду, слава Богу, она совсѣмъ оправилась; я извинился предъ нею, и мы примирились.

На другой день мы отправились въ возвратный путь въ свое Хилково, придерживаясь уже большаго, почтоваго тракта чрезъ Липецкъ и Тамбовъ.

XXXII.

Возвращеніе въ Петербургъ.—Визитъ М. И. Глинкѣ.—Рѣшеніе по конкурсу.—Гг. нѣмцы присвоиваютъ себѣ право судить о значеніи слова „природный русскій.—Русскіе литераторы заступаются за меня.—Государь Императоръ рѣшаетъ этотъ вопросъ.—Я отказываюсь отъ матеріальной награды и гг. нѣмцы довольны.—Ѳ. А. Кони и основаніе журнала „Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ“.—Издатель В. Поляковъ. 1840. Появленіе 1-й книжки Пантеона и торжественный обѣдъ у Кони.—Вис. Гр. Бѣлинскій и Вас. Андр. Каратыгинъ.—Г. Песоцкій.

Послѣ отправки моей баллады „Свѣтлана“ на конкурсъ, мнѣ рѣшительно уже долѣе не сидѣлось въ деревнѣ; меня слишкомъ тянуло въ Петербургъ, въ міръ интелектуальной дѣятельности. Вслѣдствіе того я въ концѣ Августа мѣсяца, распростившись съ belle-mère уѣхалъ изъ Хилкова съ женою, съ младенцомъ-сыночкомъ и съ прикомандированными къ намъ домочадцами.

Устроившись въ Петербургѣ по нашимъ средствамъ, я тотчасъ отыскалъ своихъ друзей О. К. Гунке и П. П. Сѣмячкина; послѣдняго, чтобы ему сообщить о моемъ участіи въ конкурсѣ Филармоническаго Общества, а перваго чтобы узнать его мнѣніе о моемъ сочиненіи. Оба встрѣтили меня съ непритворной радостію, и выразили полное свое удовольствіе, что я послушался ихъ искренняго совѣта. Осипъ Карловичъ сказалъ мнѣ, что моя музыка превзошла даже его ожиданія и что русская деревенская обстановка имѣла, видимо, огромное вліяніе на развитіе моего творчества.

Другіе же визиты я намѣревался сначала отложить до окончательнаго рѣшенія конкурса, но вполнѣ выдержать свое намѣреніе я не могъ. Мнѣ захотѣлось непремѣнно побывать у Глинки. Михаилъ Ивановичъ, состоявъ тогда въ должности капельмейстера придворной капеллы, жилъ въ зданіи послѣдней. Итакъ, въ одинъ изъ послѣднихъ дней Сентября, часу въ 11-мъ утра, отправился я къ нему; признаться, не безъ сердечнаго трепета. Я позвонилъ. Къ моему удивленію самъ Глинка мнѣ отворилъ двери; онъ былъ еще въ шлафрокѣ, а на лицѣ его лежала тѣнь какой-то тревоги.

„А-а, это вы!“ сказалъ Михаилъ Ивановичъ.

— Можетъ, я не во время? вамъ мѣшаю? Я могу въ другой разъ,—пробормоталъ я, какъ-то неловко конфузясь.

„То-есть,—но нѣтъ! оно даже и очень кстати! Oui, très à propos! Пойдёмьте ко мнѣ въ кабинетъ“.

Онъ взялъ меня подъ руку, и повелъ въ свою рабочую келію.

„Ну что? вы, кажется, въ деревнѣ все это время прожили? гдѣ-то въ степяхъ? Слышали настоящія народныя пѣсни, не такія какъ тутъ у насъ распѣваютъ въ салонахъ. Eh bien, qu'en dites-vous?“ [1]).

— Ахъ, Михаилъ Ивановичъ! слышалъ я опять эти пѣсни, которыя я въ дѣтствѣ знавалъ, да потомъ забылъ, и память о которыхъ вызвала во мнѣ впервые опера ваша. И вспомнилъ я въ деревнѣ про наши бесѣды съ вами.—Помните?—года два тому назадъ. Ахъ, маэстро, какъ вѣрно все-то, на что вы мнѣ намекали! Какъ глубоко вы постигли народную нашу пѣснь!

Глинка улыбнулся, и лучъ удовольствія промелькнулъ по его лицу. „Еще бы мнѣ ея не постичь, когда я на ней такъ и выросъ. Mais vous aussi, vous la portez dans votre sein! [2])—A propos [3])! я вчера только еще что послалъ вашу балладу обратно въ комитетъ!“.

Слова Михаила Ивановича меня огорошили: неужели Гунке какъ-нибудь проговорился? подумалъ я, но глазомъ даже не моргнулъ.—Про какую же это балладу, Михаилъ Ивановичъ, вы говорите? спросилъ я храбро.—До балладъ я еще не дошелъ.

„Oh ne faites-pas la sainte-nitouche avec moi!“ засмѣялся онъ и зашагалъ по комнатѣ (какъ и прежде дѣлывалъ, когда онъ одушевлялся), выдергивая правою рукою изъ-за галстука длинные концы своихъ бакенбардъ. „Я хорошо знаю всѣхъ нашихъ музыкальныхъ писакъ, и способныхъ, и неспособныхъ; иные говорятъ по французски, какъ Парижане, ни слова Нижегородскаго не примѣшиваютъ, а иные даже кромѣ „бонжуръ“ да „моншеръ“ ничего не знаютъ иностраннаго; но всѣ они, когда задумаютъ что нибудь пѣть *по русски,* то берутъ какой нибудь народный

---

[1]) Ну-ка, что вы объ нихъ скажете?

[2]) Но вы также, вы носите ее въ груди.

[3]) Кстати.

[4]) О, не разыгрывайте роль святоши предо мною.

напѣвъ да пере-*Оберятъ* [1]), либо пере-*Беллинчатъ* [2]) его. Que diable: je connais cela. Et quant à vous, cher ami,—vous Fouxez encore un peu, c'est vrai; et cependant vous êtes mon seul adepte [3])! Никто кромѣ васъ не могъ написать ту балладу, о которой я упоминалъ.

Ce n'est pas un à-propos de bottes, ce que je vous dis-là [4])!

Я опять началъ отпираться; но Глинка разгорячившись перебилъ меня:

„Trève de ruses! Voilà votre premier motif“ [5])!

Съ этими словами онъ подошелъ къ фортепіано [6]) и заигралъ дѣйствительно мотивъ первыхъ стиховъ моей „Свѣтланы“.

Благосклонный читатель, полагаю я, повѣритъ моему признанію, что этотъ моментъ былъ не послѣднимъ изъ тѣхъ пяти единственныхъ моментовъ моей жизни, гдѣ я почувствовалъ, что и туманная наша земля иногда озаряется райскимъ лучемъ истиннаго душевнаго блаженства. Но эти лучи всегда мелькаютъ быстрѣе молніи. Такъ было и съ этимъ моментомъ. Къ порогу дверей, которыя находились въ глубинѣ комнаты, направо отъ тѣхъ, что сообщались съ прихожей, вели двѣ или три ступеньки. Вотъ эти-то двери вдругъ съ шумомъ растворились и на возвышенномъ порогѣ, словно въ какой нибудь сенсаціонной мелодрамѣ Парижскаго театра de la porte St-Martin, появилась пожилая уже́ барыня въ широкомъ турецкомъ капотѣ и съ большимъ кружевнымъ чепцомъ на головѣ. Но это было никакъ не эфирное привидѣніе заоблачнаго міра, а довольно высокая и довольно плотная фигура, съ весьма полнымъ лицомъ почти вишневаго колорита и съ сверкающими отъ гнѣва свѣтло-сѣрыми глазами. Дама эта остановилась въ дверяхъ и, принявъ грозно-внушительную позу, произнесла гробовымъ голосомъ:

---

[1]) Оберъ *(Auber)*, извѣстный французскій композиторъ.

[2]) Беллини, извѣстный Итальянскій композиторъ.

[3]) Кой-чортъ, мнѣ это знакомо. А что касается васъ, любезный другъ,—вы немного еще Фуксуете, это правда; и все-таки вы единственный мой послѣдователь.

[4]) Это не пустыя слова, что я вамъ говорю.

[5]) Полно лукавить! вотъ вашъ первый мотивъ.

[6]) Это было старое фортепіано 4-хъ угольной формы съ 4-мя ножками и одною только педалью F. Помнится мнѣ, что Глинка самъ разъ (буде не ошибаюсь, во время вечеринки, которую онъ въ 1843-мъ году устроилъ для Листа) говорилъ, будто это фортепіано то самое, на которомъ онъ учился, будучи еще въ благородномъ пансіонѣ. Онъ очень былъ привязанъ къ своему инструменту.

„Михаилъ Ивановичъ! вы, кажется, забываете“!

Глинка сразу сдѣлался мрачнымъ. — „Ah oui! c'est vrai“ [1]). Затѣмъ, закрывъ инструментъ, онъ повернулся къ „привидѣнію“ и, отвѣсивъ формальный révérence, не безъ нѣкотораго оттѣнка иронiи сказалъ: „De grâce, madame, vous me voyez tout confondu! Mais je vous obéis au premier mot, et j'ose esperer d'obtenir votre magnanime pardon! Sur celà j'ai bien l'honneur...[2])! И онъ отдалъ ей другой, еще болѣе низкій, и еще болѣе формальный поклонъ. „Привидѣніе“ исчезло за дверями [3]). Я былъ очень сконфуженъ и сталъ извиняться, что вѣроятно явился не вопадъ; но Глинка успокоилъ меня, сказавъ, что тутъ онъ самъ виноватъ.

„N'y faites donc pas attention, chèr ami! et pardon, si je vous prie sans façons de me laisser seul. J'espère de vous révoir après un certain laps de temps, et alors je vous expliquerai l'incident d'aujourd'hui. Adieu donc, et ne me portez pas rancune“ [4]). Онъ любезно пожалъ мнѣ руку и я ушелъ.

Мѣсяца чрезъ три слишкомъ солистъ придворной капеллы Фил. Евсѣевъ, съ которымъ я тѣмъ временемъ познакомился, передалъ мнѣ новый адресъ М. И. Глинки. Онъ помѣстился въ Новомъ переулкѣ, противъ начавшаго тогда только еще строиться дворца Маріи Николаевны, въ нижнемъ этажѣ Рижскаго подворья (Rigaische Herberge) [5]). Вслѣдъ затѣмъ заболѣлъ я сильнѣйшимъ тифомъ и до Мая 1840-го года пролежалъ въ постели, а потому и не попалъ къ Глинкѣ ранѣе онаго мѣсяца. Такъ какъ однако же я намѣренъ посвятить особую главу разсказу о дальнѣйшихъ моихъ сношеніяхъ съ Михаиломъ Ивановичемъ, то перехожу теперь прямо къ главнѣйшему для меня изъ событій 1839-го года.

---

[1]) Ахъ да! на самомъ дѣлѣ!

[2]) Будьте милостивы, сударыня, вы видите сколь я уничтоженъ! Но я повинуюсь вамъ по первому слову, и осмѣливаюсь надѣяться на полученіе великодушнаго вашего прощенія. А затѣмъ я имѣю честь!.

[3]) Это была теща Глинки.

[4]) Не обращайте же вниманія на это, любезный другъ! и простите, если я нечинясь васъ попрошу оставить меня наединѣ. Я надѣюсь опять васъ увидѣть чрезъ нѣкоторое время, и тогда объясню вамъ сегодняшній случай. Прощайте же и не вспоминайте меня лихомъ.

[5]) Описаніе этой замѣчательно неудобной и почти нищенской квартиры послѣдуетъ въ своемъ мѣстѣ. Это былъ одинъ изъ экспромптовъ фантазіи Михаила Ивановича.

Въ самый день 1-го Ноября получилъ я чрезъ Гунке сообщеніе отъ управленія (Direction) С.-Петербургскаго Филармоническаго Общества и письмо старшаго сына бывшаго моего учителя Фукса. Дирекція сообщила копію съ протокола экстреннаго засѣданія по поводу конкурса на сочиненіе музыки подъ текстъ баллады В. А. Жуковскаго „Свѣтлана“. Въ этомъ протоколѣ было изложено, 1-ое, что изъ числа представленныхъ къ конкурсу семи сочиненій гг-ми приглашенными судьями: графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ, княземъ Владиміромъ Ѳеодоровичемъ Одоевскимъ, флигель-адъютантомъ Е. И. В. Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ Львовымъ, капельмейстеромъ придворной капеллы Михаиломъ Ивановичемъ Глинкою и старшимъ директоромъ С.-ПБ.-го Филармоническаго Общества Иваномъ Ивановичемъ Фуксомъ *единодушно* признано лучшимъ, а потому и преміи достойнымъ сочиненіе *подъ девизомъ „In Deo spes mea“*. Сужденіе это основано на слѣдующихъ данныхъ: *а*) оное сочиненіе выказываетъ соотвѣтственную образцовую форму баллады; *б*) мотивы свидѣтельствуютъ о самостоятельной и свѣжей инвенціи и вѣрно выражаютъ слова текста; *в*) техническая работа относительно какъ веденія мелодіи и сопровождающихъ голосовъ, такъ и оживленной гармонизаціи весьма похвальна; и *г*) общій характеръ музыки совершенно русскій національный. По вскрытіи конверта подъ упомянутымъ девизомъ, содержащаго имя сочинителя, оказалось, что оная, всѣми пятью гг-ми судьями единодушно удостоенная преміи, баллада есть твореніе *Юрія Карловича Арнольда*.

2-ое, поелику же въ публикованномъ приглашеніи къ сему конкурсу было именно установлено условіемъ, чтобы участвующій былъ непремѣнно *природнымъ русскимъ*, и поелику же какъ *фамилія* такъ и *отчество* композитора явно указываютъ на *не коренное русское* его происхожденіе, то Дирекція СПБ. Филармоническаго Общества *полагаетъ*, что авторъ баллады подъ девизомъ „In Deo spes mea“ *вовсе не имѣлъ даже и права участвовать въ семъ конкурсѣ*, а потому *Дирекція СПБ.-го Филармоническаго Общества* рѣшеніемъ постановила:

сочиненіе подъ девизомъ „In Deo spes mea“ изъ числа состязавшихся твореній исключить,—

о чемъ г. Арнольда и извѣстить.

Итакъ, этотъ протоколъ содержалъ полное *единодушное признаніе* существованія во мнѣ композиторскаго таланта со стороны *пяти лучшихъ въ Россіи знатоковъ* музыкальнаго искусства, а въ то же время рѣшительное *оспариваніе* моего права на названіе *природнаго русскаго* со стороны *иностранцевъ*, ибо не только вообще СПБ-кое Филармоническое Общество состояло изъ членовъ разныхъ оркестровъ Императорскихъ театровъ и музыкальныхъ учителей, которые преимущественно (по крайней мѣрѣ 90%) были *нѣмцы, французы* и *итальянцы*, но вся дирекція общества *спеціально* даже была составлена изъ *нѣмцевъ*.

Письмо же молодаго Ал. Ив. Фукса извѣстило меня, что отецъ его очень боленъ и проситъ меня немедленно пріѣхать къ нему. Я тотчасъ поспѣшилъ къ Ивану Ивановичу и засталъ его въ постели. Постановленіе Дирекціи Общества его такъ разозлило, что онъ заболѣлъ рожею на головѣ. Первое, о чемъ онъ меня спросилъ, было: получилъ ли я сообщеніе Дирекціи Общества? По подтвержденіи мною этого факта, онъ продолжалъ: „я подписалъ протоколъ вообще, но на подлинникѣ имѣется собственноручный мой протестъ противъ непризнанія вашего права участвовать въ конкуренціи. Единый мой голосъ противъ всѣхъ прочихъ другихъ директоровъ, конечно, постановленія дирекціи уничтожить не могъ. Я вслѣдъ затѣмъ видѣлся съ графомъ Віельгорскимъ и съ княземъ Одоевскимъ, которые также совершенно согласны со мною въ томъ, что это постановленіе есть *абсурдъ*. Итакъ, я прошу васъ, подайте немедленно въ Дирекцію Общества протестъ; и требуйте настойчиво вторичнаго обсужденія этого вопроса съ отсрочкою рѣшенія насчетъ дальнѣйшаго присужденія преміи, пока тотъ вопросъ не будетъ окончательно рѣшенъ“.

Я благодарилъ г. Фукса за его теплое участіе и обѣщалъ послѣдовать его совѣту. На другой день я не только отправилъ въ Дирекцію Общества протестъ въ упомянутомъ духѣ, но подалъ также начальнику III-го отдѣленія собственной Государя Императора канцеляріи, графу Бенкендорфу прошеніе, въ которомъ, изложивъ постановленіе оной Дирекціи, просилъ о рѣшеніи вопроса о томъ, имѣю ли я, какъ *православный, въ Россіи рожденный, потомственный русскій дворянинъ*, право называться „природнымъ русскимъ“, или нѣтъ? Объ этомъ же поданномъ мною

прошеніи сообщилъ я Обществу въ самомъ моемъ протестѣ. Когда чрезъ нѣсколько дней я опять явился къ графу Бенкендорфу, то я получилъ изустный отвѣтъ, что Государь Императоръ благоволилъ всемилостивѣйше высказать мнѣніе, что я безспорно долженъ быть всѣми почитаемъ *природнымъ русскимъ*, и что III отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи о томъ немедленно сообщитъ Дирекціи сказаннаго общества.

Тогда послалъ я въ упомянутую Дирекцію еще второе объявленіе въ слѣдующемъ смыслѣ: такъ какъ Дирекція вѣроятно уже извѣщена о томъ, что по закону я имѣлъ *несомнѣнное право* участвовать въ конкурсѣ, то покорнѣйше прошу Дирекцію не откладывать долѣе публикаціи о приговорѣ гг. судей во всѣхъ тѣхъ вѣдомостяхъ, въ которыхъ было публиковано приглашеніе къ конкурсу. Что́ же касается самой преміи, то во убѣжденіе общества, что цѣлію моего участія въ состязаніи была честь выйдти побѣдителемъ, а не матеріальная корысть, — я симъ же объявленіемъ формально отказываюсь отъ полученія назначеннаго обществомъ приза. Буде однакоже Дирекція, не внимая моему праву, вздумаетъ возгласить кого-либо другаго какъ удостоеннаго чести преміированія наградою, то я увижу себя вынужденнымъ просить законнымъ порядкомъ, кого слѣдуетъ, о защитѣ признанныхъ высшею властію правъ моихъ.

Отвѣта, правда, я не получилъ; но требуемыя мною *публикаціи воспослѣдовали*, да и обѣщанная въ приглашеніи къ конкурсу премія, т. е. серебряная лира (въ 250 руб. цѣнностію) *никому другому не была ни присуждена, ни выдана*. Должно быть, гг. нѣмцы были очень довольны моимъ отказомъ: „была бы честь предложена (думали они вѣроятно), а отъ убытка насъ Богъ избавилъ!“.

Объ этомъ моемъ спорѣ съ СПБ-мъ Филармоническимъ Обществомъ тогда заговорили даже нѣкоторыя газеты. Въ особенности энергично заступился за меня весьма извѣстный въ то время фельетонистъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Кони, съ которымъ не задолго предъ тѣмъ я познакомился чрезъ моего брата Александра. Кони былъ необыкновенно симпатичный господинъ. Добръ до безконечности, всегда привѣтливый, всегда услужливый, онъ не только не завидовалъ, но и не старался мѣшать собратьямъ своимъ по Аполлону. Напротивъ, онъ любилъ отыскивать, под-

держивать, развивать и руководить талантливыхъ молодыхъ людей [1]). И впрямь, думаю я, что у насъ на Руси не только въ оное время рѣдко обрѣтался, но даже и въ наши дни рѣдко найдется кто либо, кто бы оказался столь способнымъ на это дѣло, какъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Кони. Основное свое образованіе получилъ онъ въ Московскомъ университетѣ, но дальнѣйшимъ, многостороннимъ развитіемъ своихъ познаній и удивительнымъ не-поверхностнымъ знакомствомъ съ литературою наибольшей части Европейскихъ языковъ онъ всецѣло и единственно обязанъ собственному неусыпному трудолюбію и свѣтлому, логически устроенному своему отъ природы уму. Фигурою своею онъ былъ, пожалуй, невзраченъ: средняго роста, худенькій собою, съ худенькимъ же блѣдно-матовымъ, гладко-выбритымъ лицемъ, съ очками на прямомъ тоненькомъ носѣ и съ гладкимъ, блестящей черноты парикомъ на головѣ. Выраженіе лица было умное и выказывало мыслителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ также какое-то постоянное, безпокойное броженіе думъ, и подобная же недовольно-удерживаемая живость, равномѣрно являвшаяся и въ весьма округленныхъ, впрочемъ, движеніяхъ его, не дозволяла признавать послѣднія вполнѣ элегантными. Говорилъ онъ ясно, и не очень торопливо, образцово-логичною, художественно-построенною рѣчью, какъ человѣкъ вполнѣ владѣющій и даромъ языка и самымъ языкомъ. Лѣтъ ему тогда, полагаю, было около сорока. Кони сперва, кажется, состоялъ учителемъ (какого именно предмета мнѣ не извѣстно) при какомъ-то казенномъ заведеніи, потомъ фельетонистомъ по театральному отдѣлу въ нѣсколькихъ журналахъ (между прочимъ, кажется, и въ „Сѣверной пчелѣ“), а затѣмъ сталъ писать водевили, въ чемъ выказалъ неотрицаемо-замѣчательный талантъ. Вѣрное типическое очертаніе характеровъ и обычаевъ лицъ среднихъ слоевъ нашего русскаго общества, разнообразная инвенція дѣйствительно забавной фабулы, естественная завязка и развязка сценъ и ситуацій, комизмъ натуральный, не тривіальный и никогда не антиэстетическій, а того менѣе еще сальный, грязный; живой юморъ

[1]) Я вполнѣ увѣренъ, что все о достойнѣйшемъ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ вышесказанное потвердить не откажется высокоуважаемый, всеизвѣстный, нынѣ также маститый авторъ выдающихся романовъ изъ народной жизни, т. е. авторъ романа „Рыбаки“ и пр. г. *Григоровичъ*.

рѣчей и аттическая соль гладкихъ стиховъ,—вотъ что составляло достоинство и привлекательность водевилей Кони, которые можно было—не то чтобы только безъ отвращенія [1]),—но даже съ большимъ удовольствіемъ и видѣть на сценѣ, и читать въ печати [2]).

Не стану я утверждать, чтобы фабулы водевилей Кони всѣ безъ изъятія составляли неотрицаемую собственность силы индивидуальнаго его творчества. Хорошо знакомый (о чемъ я уже говорилъ) съ иностранной литературою, Кони заимствовалъ нѣкоторыя изъ своихъ фабулъ изъ французскихъ водевилей и изъ итальянскихъ „buffe“, гораздо рѣже изъ нѣмецкихъ или англійскихъ оригиналовъ. Но вполнѣ понимая не только самый языкъ, но и духъ и обычаи этихъ народовъ, а въ то же время основательно владѣя роднымъ своимъ языкомъ и проникнутый духомъ своей народности, да изучивъ до глубины нравы и обычаи изображаемаго имъ общества, онъ умѣлъ чрезвычайно тонко и вѣрно передѣлывать фабулу иностраннаго духа и жизни на фабулу, исполненную настоящаго русскаго духа и настоящей русской жизни. Напр., у насъ на Руси (въ то время) русскихъ гризетокъ не было, но были по оброку отпущенныя горничныя, которыя въ юности все были около господъ, которыхъ обучали грамотѣ и одѣвали какъ барышенъ; были дочери мелкихъ чиновниковъ изъ мѣщанъ, читавшія иногда сентиментальныя повѣсти Карамзина, или даже новѣйшіе романы Марлинскаго и Кукольника. Параллель умственнаго развитія и темпераментскихъ наклонностей совершенно правильная. У насъ не было итальянскихъ villanelle и villani, но были дочки мелкопомѣстныхъ quasi-дворянъ („двѣ хаты дворовыхъ, третья господская“), были деревенскія поповны, ловившія недорослей; были сынки однодворцевъ преобразовавшіеся въ губернскихъ городахъ въ лихихъ купеческихъ прикащиковъ. А за русскими „гризетками“-горничными, за мѣщаночками и даже за чиновничьими дочками ухаживали „деликатнаго“ пошиба писаря изъ кантонистовъ.—Да, Кони былъ оригиналенъ и типиченъ даже въ своихъ передѣлкахъ заимствованныхъ фабулъ.

[1]) Что въ наши дни составляетъ уже весьма великую похвалу.

[2]) Что никакой образованный человѣкъ не можетъ сказать ни про какой водевиль нашихъ нынѣшнихъ дней.

О редакторской дѣятельности Кони нынѣшніе составители біографическихъ замѣтокъ большей частію сообщаютъ только весьма краткія, и къ тому невѣрныя свѣдѣнія. Такъ, напр., существуетъ „Современный календарь“ на 1891 г. господина Ступина. Тамъ, въ замѣткахъ о „русскихъ писателяхъ“ [1]) (стр. 28) про Кони сказано: „Издатель литературной газеты, Репертуара и Пантеона“. Насколько Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ причастенъ къ „Литературной газетѣ“, мнѣ не извѣстно; газета эта существовала вѣроятно въ началѣ 30-хъ годовъ. Но что онъ *не* былъ *издателемъ* ни „Репертуара русскаго театра“ ни „Пантеона“, такъ это вѣрно. Издателемъ „Репертуара русскаго театра“ былъ нѣкій г. Песоцкій, а редакторомъ (по крайней мѣрѣ въ первое время) этого въ 1838-мъ уже году основаннаго журнала былъ г. Межевичъ. Онъ же былъ также редакторомъ и основанныхъ годомъ раньше „СПБ-хъ полицейскихъ вѣдомостей“, въ которыхъ тогда имѣлись, какъ во всѣхъ газетахъ, отдѣлы: политическій, литературный и театрально-критическій. Кони былъ только сотрудникомъ „Репертуара“, т. е. онъ отдавалъ этому журналу исполнявшіяся на русской сценѣ пьесы свои для помѣщенія въ немъ за извѣстный гонораръ. Еслибы Кони былъ редакторомъ (а тѣмъ паче издателемъ) „Репертуара“, то ему не было бы никакой надобности хлопотать почти съ самого уже начала 1839 года объ основаніи *новаго* журнала, того же почти жанра. Издателемъ же новаго журнала былъ книготорговецъ Василій Поляковъ [2]). Къ тому же „Репертуаръ“ являлся также въ теченіе (по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ) и 1840 еще года; а 1-я книжка „*Пантеона русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ*“,

---

[1]) Между прочимъ довольно также курьезно, что въ этомъ спискѣ пропущены имена *Григоровича* и *Майкова*, этого замѣчательнаго поэта, нашего русскаго Виргилія! Развѣ только ради того, что (слава Богу!) они еще живы, да здравствуютъ? Но тогда бы этимъ замѣткамъ не слѣдовало бы дать *общимъ* заглавіемъ надпись: „Русскіе писатели“. Неужели *живые* еще писатели должны считаться *внѣ* сонма писателей? Странная логика!—Охъ, нынѣшняя „акуратность“.

[2]) Отецъ г. Полякова былъ букинистъ стараго закала и торговалъ въ рядахъ прежней (въ 1862 г. пожаромъ уничтоженной) „толкучкѣ“; но должно быть зналъ хорошо свое дѣло, ибо оставилъ сыну порядочной капиталецъ. Сынъ, предпріимчивый молодой человѣкъ лѣтъ около 30-ти, чувствовалъ необходимость соображаться съ прогрессомъ. Судьба свела его съ Кони, и онъ понялъ, что изданіе журнала также есть своего рода реклама. Въ 50-хъ годахъ фирма его процвѣтала.

какъ гласилъ полный титулъ журнала, вышла на первой недѣлѣ Января того же 1840 года [1]), съ „музыкальными прибавленіями“. Серія этихъ послѣднихъ открылась балладою „Свѣтлана“, къ заглавію которой была прибавлена разрѣшенная тогдашней, даже до мелочей строгой, цензурою припись: „подъ девизомъ In Deo spes mea“, признанная достойною преміи Санктъ-Петербургскимъ Филармоническимъ Обществомъ“.

По случаю открытія этого новаго журнала былъ данъ торжественный обѣдъ въ помѣщеніи „редакціи Пантеона“, на которомъ въ роли хозяина представалъ редакторъ Ѳ. А. Кони, хотя и присутствовалъ тутъ издатель. Но это было весьма естественно. „Master“ Поляковъ показался мнѣ нѣсколько растереннымъ среди этого многочисленнаго собранія Петербургскихъ литераторовъ и сценическихъ артистовъ. Впрочемъ, можетъ быть, онъ чувствовалъ себя все еще стѣсненнымъ со стороны своего, весьма недавно только впервые надѣтаго на себя „джентльменскаго“ костюма.

А собралось порядочное число литераторовъ и артистовъ, конечно, причастныхъ только къ театральному дѣлу. Были (помню я) изъ сочинителей русскихъ и изъ переводчиковъ иностранныхъ драмъ: Нест. Вас. Кукольникъ, баронъ Е. Розенъ, А. Н. Струговщиковъ, Раф. Мих. Зотовъ, водевилистъ Пав. Степ. Федоровъ; трагическій актеръ Вас. Андр. Каратыгинъ, артисты комедіи: П. Андр. Каратыгинъ и П. Гр. Григорьевъ, оба вмѣстѣ съ тѣмъ и сочинители водевилей и фарсовъ. Былъ и поэтъ-музыкантъ Дм. Ал. Струйскій; а изъ журнальныхъ критиковъ представители двухъ крайнихъ противоположныхъ направленій: Вис. Григ. Бѣлинскій и Ѳад. Вен. Булгаринъ. Находились тутъ какіе-то еще молодые, будущіе вѣроятно сотрудники, да я, въ качествѣ „репрезентанта музыкальныхъ къ Пантеону приложеній“. Былъ наконецъ и упомянутый выше г. Песоцкій [2]).

Само собою разумѣется, что настроеніе было очень оживленное; было произнесено нѣсколько спичей, и провозглашено много тостовъ. Спичъ патетическую говорилъ Кукольникъ, а ученую съ латинскими цитатами баронъ Розенъ. Булгаринъ, видно, на-

[1]) Изъ моего изложенія ясно видно, что показанія А. Я. Головачевой-Панаевой относительно „Пантеона“,— „Кони“ „Песоцкаго“ перепутаны, по запамятованію дѣлъ.

[2]) Былъ ли тамъ также г. Межевичъ, я нынѣ уже не помню.

мѣревался сказать новому журналу слово назидательно-одобрительное, да запутался, такъ что вышло что-то вродѣ фельетонной его „всякой всячины“ изъ „Сѣверной пчелы“. Петръ Каратыгинъ импровизировалъ юмористическіе куплеты съ весьма остроумными каламбурами на названія нѣкоторыхъ водевилей Кони и т. д. По поводу появленія моей „Свѣтланы“, Ѳеодоръ Алексѣевичъ произнесъ также и мое имя. Тогда Булгаринъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: не сынъ ли я Карла Ивановича, и не былъ ли я Дерптскимъ студентомъ? А когда я далъ утвердительный отвѣтъ, то онъ тотчасъ перешелъ въ свой извѣстный, назойливо-интимный тонъ: „э э! такъ это мы старые знакомцы! Что жъ ты, братецъ, меня-то не отыскалъ? вѣдь мы съ батюшкой-то съ твоимъ въ былое время пріятели были! Приходи же ко мнѣ! Вотъ тутъ на дворѣ, въ этомъ же домѣ мы живемъ. Приходи!“ Я поклонился молча; мнѣ крайне досадно было что Ѳаддей Булгаринъ моего честнаго старика прозвалъ своимъ „пріятелемъ“; но ученить скандалъ въ этотъ моментъ показалось мнѣ неприличнымъ, тѣмъ же болѣе, что въ этомъ кругу я былъ еще новичкомъ.

Тѣмъ же временемъ завязался диспутъ между Вас. Андр. Каратыгинымъ и Вис. Григор. Бѣлинскимъ по поводу статьи послѣдняго въ „Отечественныхъ запискахъ“ о недавнихъ гастроляхъ Московскаго трагика Мочалова на Петербургской сценѣ. Въ этой статьѣ Бѣлинскій восхищался въ особенности исполненіемъ роли Гамлета въ Шекспировской трагедіи. Онъ назвалъ это исполненіе „геніальнымъ, вдохновеннымъ, естественнымъ“ вслѣдствіе „истинно-поэтическаго, глубокаго пониманія Мочаловымъ интенцій великаго автора“; онъ противоставилъ его „свободную отъ всякихъ кулисныхъ ходуль“ игру той „рутинной, по стопамъ Тальмы развившейся школы“, гдѣ всякій нюансъ интонаціи, всякое удареніе на какое нибудь слово щепетильно разсчитаны по педантическимъ правиламъ доктринарной теоріи о „красивой декламаціи“, гдѣ каждое движеніе тѣла, каждый шагъ ноги, каждый жестъ руки, каждый поворотъ головы „разучены предъ зеркаломъ“. Каратыгинъ принялъ эту статью за враждебную, личную выходку противъ себя и, чувствуя себя крайне обиженнымъ, сталъ язвительно оспаривать взгляды Бѣлинскаго на драматическое искусство; началъ говорить о долголѣтнемъ,

всѣми признанномъ и художественномъ своемъ служеніи искусству; высказалъ, да слишкомъ горячо и рѣзко, что не ему, Каратыгину, учиться еще у едва школьную скамью оставившихъ и далеко не зрѣлыхъ еще критиковъ и т. д. А тутъ вмѣшался еще и Булгаринъ, начавъ говорить о „глупыхъ“ журналахъ, о съ ума свихнувшихся новыхъ „профетахъ искусства и науки“ и далѣе въ томъ же родѣ. Бѣлинскій наконецъ также разгорячился, да порядочно надавалъ сдачи. И пошли они втроемъ кричать: двое на одного, а одинъ и того сильнѣе на двухъ. Напрасно Кони уговаривалъ спорящихъ успокоиться, напрасно Кукольникъ и Розенъ выказывали всю свою готовность поддерживать старанія хозяина: все оказалось безъ результата.

Тутъ вдругъ подходитъ ко мнѣ Песоцкій и шепотомъ проситъ меня пойти съ нимъ въ переднюю. Чуть только мы прошли дверь, онъ меня спрашиваетъ: не знаю ли я случайно малороссійскую пѣсню: „Ой булъ, да нима; вонъ поихалъ до млина!“ Я отвѣтилъ, что на поселеніяхъ очень часто ее пѣвалъ и игрывалъ. „Ну, вотъ и прекрасно!“ отозвался Песоцкій, накинувъ въ то же время на себя шубу свою (только на выворотъ, т. е. мѣхомъ кнаружи) да надѣвъ высокую свою мѣховую шапку; а какъ шапка, такъ и мѣхъ были изъ настоящихъ Крымскихъ серебристосѣрыхъ, крупно-курчавыхъ мерлухъ. Затѣмъ вытащилъ онъ изъ кармана шубы предлинные, внизъ падающіе черные (фальшивые) усы и прикрѣпилъ ихъ къ ноздрямъ. Онъ рѣшительно походилъ теперь на запорожца бывалыхъ временъ. „Пойдемте!“ сказалъ Песоцкій, и мы вошли чрезъ другую дверь въ большую залу собственно уже частной квартиры Ѳеодора Алексѣевича. Тутъ-то на другомъ концѣ залы возлѣ самыхъ дверей, служившихъ сообщеніемъ съ той комнатою, гдѣ въ сей моментъ шумѣла наша литераторская компанія, стоялъ флигель. Я сѣлъ за него, и сразу forte ударилъ мелодію указаннаго мнѣ запорожскаго „гопака“; а Песоцкій, быстро и шумно растворилъ дверь, и запѣвъ „Ой булъ!“ на манеръ грузно-пьянаго въ полъ-голоса (какъ бы про себя), ввалился средь крикуновъ-спорщиковъ, выдѣлывая тяжелыми, нетвердыми стопами коленца гопака. Общій смѣхъ и веселое, одобрительное „браво!“ привѣтствовали эту, какъ разъ кстати въ ходъ пущенную выходку. Спорщики опомнились и бросили далеко уже за предѣлы „позволительнаго“ перешедшій

свой „диспутъ“. Всѣ глубоко вздохнули, словно освободились отъ тяжелаго „cauchemar'a“.

„Шампанскаго, да живо подавай!“ закричалъ Кони лакеямъ. „Господа, за здоровье *гопакующаго* „Репертуара“, „ура!“

— „Будь здрувъ, — „*Панъ, те вонъ!*“ — „возразилъ Песоцкій сиплымъ басомъ, выдерживая свою роль.

Всѣ расхохотались, и общее веселіе было возстановлено. Одинъ только Вас. Анд. Каратыгинъ не угомонился: тотчасъ вышелъ, да уѣхалъ домой, ни съ кѣмъ не простившись.

XXXIII.

Бываю часто у Ѳ. А. Кони. — Кого встрѣчалъ я у него и съ кѣмъ дружился. — „Дѣвица-кавалеристъ“ 1812 года. — Поэтъ-композиторъ Дм. А. Струйскій и драматургъ баронъ Е. Розенъ. — Знакомство съ А. С. Даргомыжскимъ. — Молодые писатели: Н. А. Некрасовъ, Дм. В. Григоровичъ и Н. П. Сушковъ. — Эпизодъ съ Некрасовымъ.

Симпатичная и сообщительная натура Ѳ. А. Кони, а также солидныя его познанія и здоровыя воззрѣнія дѣйствовали на меня какъ бы притягательною силою магнита, и я часто его посѣщалъ въ установленные для пріема часы. Мнѣ наши съ нимъ откровенныя бесѣды были не только матеріаломъ для все бо̀льшаго и бо̀льшаго расширенія моего артистическаго кругозора и моей практической опытности среди литературно-художническаго міра, но служили также и утѣшеніемъ въ минуты унынія отъ неизбѣжныхъ на нашемъ поприщѣ мелкихъ горестей вслѣдствіе подводныхъ камней, ловко подкатываемыхъ любезностію другихъ поклонниковъ музамъ. А кромѣ того, я у него находилъ самый удобный случай встрѣчаться, да иногда и знакомиться съ разными литераторами и художниками. Супруга Ѳеодора Алексѣевича крайне рѣдко приходила въ редакторскую пріемную мужа. Собственно-то съ нею познакомиться удалось мнѣ гораздо—гораздо позже, въ 50-тыхъ уже годахъ, когда Кони помышлялъ о томъ, чтобы отдѣлаться отъ своего Пантеона. Они тогда проводили лѣто на дачѣ близъ сада графа Кушелева-Безбородки. Madame Кони была пріятная въ разговорѣ собесѣдница и весьма образованная дама, и въ свое время принадлежала къ

числу лучшихъ артистокъ Александринской сцены по водевильной части. Фамиліи же ея, подъ какою она значилась на афишкахъ, я, къ сожалѣнію, не помню.

Много встрѣчалъ я у Кони лицъ изъ тогдашняго Петербургскаго литературнаго круга, но не со всѣми я знакомился. Главнѣйшая тутъ вина, каюсь! на моей сторонѣ; но чтобъ объяснить эту вину, пришлось бы входить въ подробный психологическій разборъ моего „я“, а это было бы противорѣчіемъ основанію той программы, какую я себѣ установилъ для своихъ воспоминаній. Итакъ, я продолжаю свое повѣдованіе о *фактахъ*.

Разъ я пришелъ къ Кони и засталъ у него совершенно безцеремонно развалившагося въ большомъ мягкомъ креслѣ какого-то старичка, роста небольшаго, худенькаго. Корпусъ свой, однакоже, онъ держалъ довольно прямо, и правая его нога даже очень бойко горизонтально покоилась на лѣвой. Одѣтъ онъ былъ въ застегнутый до верху особаго фасона казакинъ чернаго цвѣта, и такого же цвѣта широчайшіе панталоны; воротнички отложные, вмѣсто галстука черный грогреновый шарфъ съ большимъ бантомъ. На груди у него рисовался солдатскій (какъ и у меня) крестъ св. Георгія. Руки и ноги маленькія, какъ бы женскія. Лицо, конечно, безъ усовъ и бакенбардовъ, — тогда, вѣдь, всѣ брились, — но, Боже мой! сколько морщинъ на этомъ лицѣ, и какъ вообще все это лицо казалось опустившимся, усталымъ, брюзгливо-опухшимъ, если можно такъ выразиться. Волосы, между тѣмъ, густые,—и черные (ну, это ничего; можетъ, и крашенные); но прическа-то ужъ больно мудреная, какая бывала въ то время у однихъ только молодыхъ художниковъ: у музыкантовъ, либо у живописцевъ. Глаза сѣрые, мало будто оживленные, холодные, апатичные; и говорилъ-то старичекъ столь же вяло, какъ и глядѣлъ. Уже прошло около получаса; разговаривали только другъ съ другомъ гость съ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, а я молчалъ и „штудировалъ“ фигуру и лице гостя, который сов атоге курилъ толстую папиросу [1]). Вдругъ спохватился Кони.

„Ахъ, Боже мой! а я и забылъ представить“. И онъ пред-

---

1) Куреніе папиросокъ тогда только что начало замѣнять куреніе сигаръ и трубокъ.

ставилъ меня старичку, а затѣмъ, указывая на послѣдняго, сказалъ: „Надежда Андреевна Дурова“.

Я невольно растерялся, и сконфуженно поклонился, а старая „Кавалеристъ-дѣвица“, кажется, была очень довольна произведеннымъ эффектомъ, потому что она улыбнулась и даже глаза ея немножечко оживились. Позже Кони самъ признался, что этотъ „эффектъ представленія“ Дуровой имъ принятъ въ обычай, чтобы доставлять ей удовольствіе. Г-жа Дурова была вдова и у нея былъ сынъ офицеръ [1]).

У Кони же познакомился я также съ поэтомъ-композиторомъ Дмитріемъ Александровичемъ Струйскимъ. Это былъ очень милый, любезный человѣкъ, многоначитанный и одаренный немалымъ поэтическимъ и музыкальнымъ талантомъ, но полному и нормальному развитію котораго мѣшало отсутствіе фундаментальнаго, систематическаго критеріума непослѣдовательно собраннаго въ разное время и изъ разныхъ источниковъ умственнаго и научнаго матеріала [2]). Вслѣдствіе того въ сочиненіяхъ его выказывалось смѣшеніе разнородныхъ стилей, подражаніе манерѣ извѣстныхъ образцовъ, доходившее иногда до прямаго напоминанія объ источникѣ идеи; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему хотѣлось быть самостоятельнымъ, вышеупомянутое отсутствіе критеріума, не давъ ему находить соотвѣтствуемую форму для зародившейся невзначай, иногда даже дѣйствительно грандіозной, идеи, приводило его всегда лишь къ несообразнымъ съ самымъ искусствомъ причудливостямъ. Это не столько выразилось въ одноактной съ эпилогомъ оперѣ его: „Наташа Сибирячка“, сколько въ неоконченной (кажется) большой музыкальной драмѣ „Колизей“. Но, повторяю:

[1]) Ея романъ-біографія „Кавалеристъ-дѣвица“ появился въ 1836 г., а романъ „Гусарки“ и разныя повѣсти въ послѣдующіе годы. Служила она и писала подъ именемъ Александра Александрова, и состояла (кажется) въ чинѣ „штабсъ-ротмистра въ отставкѣ съ мундиромъ и съ пенсіею за раны“.

[2]) Доказательствомъ тому, что сужденіе мое (по крайней мѣрѣ приблизительно) вѣрное, служитъ то, что Струйскій къ концу 40-ыхъ годовъ впалъ въ помѣшательство, для лѣченія отъ котораго онъ былъ отвезенъ своимъ братомъ въ Парижъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ и умеръ года черезъ два. Мозгъ его не въ силахъ былъ вынести этотъ напоръ огромной массы не приведенныхъ въ должный порядокъ разнородныхъ идей и фантазій, въ которыхъ часто являлась грандіозность воззрѣній, перемѣшанная съ мелочностью, а иногда даже и съ невѣжествомъ въ самыхъ элементахъ познаній. У насъ, на Руси, такимъ образомъ частехонько таланты погибаютъ!

не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ Струйскомъ существовалъ *природный*, весьма достоуважаемый композиторскій талантъ.

Лично же я Струйскому въ особенности чрезвычайно много обязанъ за то, что онъ познакомилъ меня съ двумя весьма выдающимися гражданами русскаго Парнаса: съ барономъ Егоромъ Розеномъ, и съ Александромъ Сергѣевичемъ Даргомыжскимъ. О послѣднемъ намѣреваюсь я побесѣдовать подробнѣе въ особенной главѣ.

Либреттистъ оперы „Жизнь за Царя", къ сожалѣнію и не совсѣмъ справедливо, нынѣ только и извѣстенъ еще въ таковомъ качествѣ. Между тѣмъ, однакоже, баронъ Розенъ въ 30-хъ годахъ считался очень уважаемымъ русскимъ драматургомъ, и въ тогдашнемъ репертуарѣ какъ Петербургской, такъ и Московской драматической сцены значились нѣсколько его трагедій, напр., „Дочь Іоанна III-го". Розенъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ замѣчательная личность, въ русской литературѣ во всякомъ случаѣ оригинальное явленіе, а отъ природы, неотрицаемо, истый поэтъ (какъ выражаются нѣмцы) „von Gottes Gnaden", т. е. по Божьей милости, поэтъ отъ рожденія. Уроженецъ Эстляндской губерніи, остзейскій баронъ pur sang [1]), онъ пользовался домашнимъ, видно, классическимъ и къ тому же весьма солиднымъ воспитаніемъ. Онъ значительно владѣлъ латинскимъ языкомъ (даже писывалъ стихи на ономъ) и могъ справиться съ древне-греческими авторами; онъ имѣлъ глубоко-основательныя познанія въ исторіи, въ этнографіи и въ наукѣ о древностяхъ и былъ знакомъ съ философскими ученіями не только древняго міра, но и болѣе новыхъ и новѣйшихъ эпохъ отъ Декарта и Спинозы до Канта и Фихте включительно. А что касалось начитанности его въ сферѣ европейской литературы, въ особенности нѣмецкой и русской, то она была изумительна, какъ и память его: онъ любилъ цитировать отборныя мѣста изъ лучшихъ писателей, и крайне рѣдко ошибался. Былъ у него одинъ, впрочемъ, недостатокъ: на какомъ бы языкѣ онъ ни читалъ или говорилъ, даже на нѣмецкомъ, слышно было, что онъ *остзеецъ*, да именно: *эстляндской* губерніи. А на счетъ непріятно-широкаго выговора съ

---

1) Чистокровный.

слащаво-свѣтлымъ нюансомъ эстляндскій уроженецъ уступаетъ только курляндцу.

Выше назвалъ я барона Розена оригинальнымъ явленіемъ въ русской литературѣ, а развѣ это не такъ? Русскому языку въ юности его не обучали; ему онъ обучился, когда поступилъ въ какой-то армейскій гусарскій полкъ, расположенный на квартирахъ въ одной изъ великорусскихъ губерній. Онъ разсказывалъ мнѣ не разъ о томъ, какъ барышни той страны (а нашъ бѣлокуренькій баронъ таки былъ un vert galant рыцарскаго пошиба) его стыдили изъ-за незнанія русскимъ гусаромъ русскаго языка и какъ онъ далъ себѣ слово, имъ на зло сдѣлаться русскимъ поэтомъ. Вотъ онъ и выписываетъ себѣ сочиненія Жуковскаго и Пушкина, да грамматики Востокова и Греча, и обрекаетъ себя на затворническую жизнь: долбитъ безустанно правила русскаго языка, и изучаетъ поэтовъ, анализируя ихъ творенія, и перекладывая ихъ письменно на прозу своими уже словами. Покончивъ съ Жуковскимъ, онъ принялся за „Иліаду“ Гнѣдича, за „Душеньку“ Богдановича, за трагедіи Озерова, за исторію Карамзина. А потомъ, чтобы добраться до корня русской литературы, онъ перешелъ къ все болѣе и болѣе стариннымъ писателямъ: Фонъ-Визину, Державину, Сумарокову, Ломоносову, даже къ Кантемиру.

Рядомъ съ изученіемъ нашихъ классиковъ Розенъ дѣлывалъ опыты въ собственной версификаціи, сначала подражаніями, а тамъ и на самобытныя идеи, и достигъ-таки навыка какъ въ владѣніи вообще русскимъ языкомъ, такъ спеціально и въ ритмикѣ его и въ рифмонахожденіи. Не помню я уже, чрезъ полтора ли года, или чрезъ два онъ послалъ Жуковскому нѣсколько стихотвореній, которыя Василію Андреевичу такъ понравились, что онъ ихъ отрекомендовалъ какому-то изъ редакторовъ появившихся въ 20-тыхъ годахъ довольно многочисленныхъ поэтическихъ альбомовъ и альманаховъ. Позже Розенъ вступилъ на поприщѣ также и сценической поэзіи. Когда Глинка задумалъ создать коренную русскую оперу, то Жуковскій, указавъ ему на сюжетъ, хотя и составилъ сценарій, и даже написалъ слова для Вани въ эпилогѣ („ахъ, не мнѣ бѣдному“), но, по множеству другихъ занятій, увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться отъ писанія либретто. Тогда маститый нашъ поэтъ рекомендо-

валъ Глинкѣ барона Розена, какъ стихотворца, преимущественно подходящаго къ подобному роду сотрудничества. И дѣйствительно, я не помню никого изъ числа тогдашнихъ, въ Петербургѣ жившихъ поэтовъ, который могъ бы сравняться съ Розеномъ въ огромномъ *терпѣніи* прежде всего, а затѣмъ въ способности писать *подъ строгую мѣрку* и въ *указанной рамкѣ*—стихи *предписаннаго содержанія*. Кромѣ того, требовалось, буде, ради музыки, окажется нужнымъ гдѣ *убавить* одинъ, либо два стишка, а гдѣ и *добавить* столько же; а въ иномъ мѣстѣ и *замѣнить одно, другое слово* именно *вотъ такимъ-то словомъ*, то это учинить бы такъ, чтобы отъ этихъ измѣненій *смыслъ сцены ни малѣйше не пострадалъ*. Розенъ показалъ мнѣ порядочную пачку записокъ, которыя содержали сказанныхъ родовъ требованія. На Розена нападали, и еще понынѣ нападаютъ за стихи подъ музыку оперы „Жизнь за Царя“, за стихи, писанныя подъ гнетомъ весьма затруднительныхъ условій. А развѣ рифмованные тексты нынѣшнихъ оперъ (напр. оперы „Пиковая дама“) не въ десять разъ еще шероховатѣе, и даже безсмысленнѣе, хотя стихотворцы оныхъ, кажется, не находились въ такихъ тискахъ, какъ авторъ либретто „Жизнь за Царя“.

Когда я познакомился съ барономъ Розеномъ, ему было уже лѣтъ за сорокъ. Онъ состоялъ тогда частнымъ секретаремъ при Великомъ Князѣ-Цесаревичѣ Александрѣ Николаевичѣ, и жилъ въ домѣ на концѣ Лиговки, неподалеку отъ Кавалергардскихъ казармъ. Въ концѣ 40-выхъ годовъ онъ вышелъ въ отставку, купилъ себѣ небольшую дачу близъ сада графа Кушелева-Безбородки и, переселившись туда, женился на своей экономкѣ, съ которой онъ уже прижилъ двухъ сыновей. Съ тѣхъ поръ онъ никуда болѣе не выѣзжалъ, а велъ затворническую жизнь, вполнѣ посвятивши себя какимъ-то лингвистическимъ изслѣдованіямъ. Раза два или три еще я и тамъ его посѣщалъ. Умеръ же онъ послѣ 1858 года, когда меня въ Петербургѣ уже не было.

Встрѣчался я у Кони, наконецъ, въ началѣ 1841-го года, также еще съ тремя весьма юными, начинающими только литераторами, изъ которыхъ двое впослѣдствіе пріобрѣли большое значеніе въ нашей отечественной литературѣ. Это были Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, Николай Алексѣевичъ Некрасовъ и родной братъ графини Ростопчиной, Николай Петровичъ Сушковъ. Григоро-

вичу и Сушкову было лѣтъ по двадцати по три, либо два; Некрасову же едвали и двадцать было лѣтъ. Всѣ трое, какъ и я, бездольные труженики пера! Правда, что по милости моей тещи-помѣщицы былъ у меня маленькій доходецъ отъ 40 до 50 рублей серебромъ въ мѣсяцъ, но за то были у меня, вѣдь, и жена, и чада, и домочадцы (не то что одна своя душа безъ контрольная), да къ тому же музыкальное поприще, тому, кто не виртуозъ и даже не членъ театральнаго оркестра, а только композиторъ безъ репутаціи, слѣдовательно далеко не вѣрный кандидатъ на званіе „учителя музыки съ дѣйствительными уроками“, въ тѣ годы никакихъ матеріальныъ выгодъ не представляло. Литературный же путь все-таки и тогда имѣлъ, какъ и нынѣ имѣетъ, болѣе шансовъ. Положимъ, напр., романсъ или вообще пьеска напечатаны,—повѣсть принята въ журналъ. Послѣдній сразу читается и оцѣнивается нѣсколькими тысячами читателей, разсѣянными по всей Россіи. Для распространенія же музыкальнаго творенія нужны исполнители, да къ тому же исполнители съ громкимъ именемъ, всемірные любимцы. Итакъ, выходитъ, что мы всѣ четверо были братьями не только по Аполлону, но также и по горемыканію, и это насъ сблизило. А почему мои пріятельскія отношенія съ этими молодыми людьми не только не развились, но даже вдругъ прервались въ томъ же еще 1841 году, о томъ разскажу ниже.

Симпатичнѣе изъ всѣхъ трехъ бывалъ мнѣ Григоровичъ, высокій, стройный брюнетъ, съ красивымъ, открытымъ, прямо все высказывающимъ лицомъ, и съ теплымъ взглядомъ, соотвѣтствующимъ душевной улыбкѣ антично-очерченныхъ губъ. Григоровичъ избралъ себѣ поприще романиста, тогда какъ товарищи его (всѣ трое жили тогда вмѣстѣ) [1]) писали стихи. Но только у одного, у Григоровича хотя не въ стихахъ, а въ прозѣ, высказывалась поистинѣ живая, изъ самой души исходящая поэзія [2]), непритворная теплота сердца и душевное, тайной завистью не тревоженное, спокойствіе. Настолько же Григоровичъ также опередилъ своихъ жильцовъ и солиднымъ образованіемъ и пріятными, естественными манерами.

---

[1]) На Фонтанкѣ, близъ дома Ген.-Адъ. Зиновьева (быв. Дубенскаго См. Гл. VII).

[2]) Это такъ просвѣчиваетъ въ первомъ уже его романѣ „Рыбаки“, надъ которымъ онъ тогда трудился.

Сушковъ, самъ по себѣ очень любезный и добрый малый, выросшій въ семействѣ, принадлежащемъ къ порядочному обществу, не возвышался, однако-же, надъ обычнымъ дилетантизмомъ. Къ нему можно было отнести извѣстное двустишіе Шиллера:

„Weil ein Vers dir gelingt in einer gebildeten Sprache,
„Die für dich dichtet und denkt, glaubst du schon Dichter zu sein? [1])

Третій изъ товарищей оказался, безспорно, богато-одаренною натурою. Некрасовъ, *однако же, никакъ не былъ въ состояніи* сдѣлаться преемникомъ Пушкина [2]). Онъ отсталъ далеко отъ него, потому что у него оказался *недочетъ въ научномъ и моральномъ образованіи;* потому что обстоятельства его дѣтства и юношества такъ сложились, что въ немъ развилась *положительная сторона холоднаго разума* обильнѣе и сильнѣе, чѣмъ *теплое, поэтическое пониманіе Божьяго міра;* потому что *матеріализмъ воззрѣній* его, „гражданина“, взялъ слишкомъ уже верхъ надъ *идеализмомъ* воззрѣній „поэта“. Въ 1840 году, когда я встрѣтилъ Некрасова у Кони, онъ подъ руководствомъ и даже по указаніямъ послѣдняго трудился надъ созданіемъ водевилей, которые по ходатайству Ѳеодора Алексѣевича и его супруги были постановлены на сцену Александринскаго театра, а затѣмъ за весьма приличный гонораръ (ибо Кони платилъ не такъ скудно, какъ другіе редакторы) [3]) были помѣщены въ „Пантеонѣ“. Ихъ, кажется, было

---

[1]) Ради того, что удался тебѣ стишокъ на выработанномъ языкѣ, который творитъ и мыслитъ за тебя, мнишь ты уже быть поэтомъ?

[2]) Хотя и воображалъ себѣ, что онъ на самомъ дѣлѣ уже не только преемникъ Пушкина, но *даже высше* его. На гг. поэтовъ находятъ иногда минуты, когда иныя глубоко затаенныя ихъ мысли какъ бы невольно всплываютъ наружи. Между прочимъ, подобнымъ невольнымъ откровеніемъ мнимаго „пророка“ является стихотвореніе Некрасова 1856 года „Поэтъ и гражданинъ“. Тамъ, напр. гражданинъ (т. е. публика) по поводу извѣстныхъ стиховъ Пушкина говоритъ поэту (т. е. Некрасову), слѣдующее:

„Но признаюсь, *твои* стихи
„*Живые къ сердцу* принимаю“.—

А далѣе:

„Нѣтъ, ты не Пушкинъ. Но покуда
„Не видно солнца не откуда,
„Съ *твоимъ талантомъ* стыдно спать.“ (См. и другія мѣста).

[3]) Такъ, напр., онъ за мою балладу „Свѣтлана“ заплатилъ мнѣ 300 руб. сер. *безъ* запроса съ моей стороны.

пять или шесть; но помню я названія только двухъ: „Шило въ мѣшкѣ не утаишь“ и „Дѣдушкины попуган“. „Шило“ (какъ въ сокращеніи мы обыкновенно называли эту пьеску) была первою попыткою Некрасова, который, какъ водевилистъ, писалъ подъ псевдонимомъ „Перепельскаго“. Что первое сценическаго рода произведеніе юноши, весьма мало еще знакомаго съ требованіями театральной музы вообще, а веселаго жанра въ особенности, не могло обойтись безъ помощи опытной руки само собою разумѣется, и дѣйствительно, Кони ему тутъ много и усердно помогъ. Я очень хорошо помню, что Ѳеодоръ Алексѣевичъ, который вообще первый и придумалъ это занятіе для Некрасова, чтобы доставить ему поскорѣе вѣрный заработокъ, не только составилъ самую фабулу и сценарій, но также исправлялъ куплеты, снабжая ихъ солью легкаго остроумія, въ чемъ именно, по правдѣ сказать, у музы г. „Перепельскаго“ оказался не малый недостатокъ. Владѣлъ, безспорно, Некрасовъ извѣстною силою языка, но сила эта была одностороннею, была плодомъ желчнаго настроенія, возродившагося отчасти—чего, пожалуй, я отрицать не стану,—отъ сценъ изъ крестьянской жизни, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ своей юности [1]),—но отчасти также столь же не отрицаемо и отъ неудовлетворимой (по крайнему недостатку средствъ) врожденной жажды матеріальныхъ наслажденій, которыми пользовались богатые его товарищи; чрезъ ярый его пессимизмъ проглядываетъ сильная доза личной зависти. Къ тому же, муза Некрасова не сразу открыто и яро подняла свой бичъ [2]): это происходило постепенно. Сначала стоны

[1]) Отецъ Н. А. Некрасова, будучи капитаномъ-исправникомъ, когда ѣзжалъ по дѣламъ, то на слѣдствія, то на экзекуціи и т. п., часто возилъ сына съ собою.

[2]) Въ упомянутомъ выше стихотвореніи „Поэтъ и гражданинъ“ первый говоритъ:

„Ахъ *въ годы юности* моей.
„Я шелъ въ *тюрьму* и къ *мѣсту казни*,
„Въ *суды*, въ *больницы* я входилъ“ (?).
. . . . . .
„И что-жъ?.. мои послышавъ звуки,
„Сочли ихъ черной клеветой;
„Пришлось сложить смиренно руки,
„Иль *поплатиться головой*“... (?!).
. . . . . .
„Мнѣ было *двадцать лѣтъ* тогда.

музы походили болѣе на скрежетаніе Тантала, глядящаго на наслаждающихся амброзіею Олимпійцевъ; а затѣмъ, когда пошла общая *мода* на либеральничаніе, когда *не запрещалось* поэтамъ проклинать на всеуслышаніе „высшую“, да ставить на пьедесталъ „низшую“ братью, и приписывать безъ изъятья всѣ недостатки и всѣ бѣдствія послѣднихъ общей, будто, безсердечности и безъисключительному, будто, эгоизму первыхъ, тогда и Некрасова муза вполнѣ распустила свои крылья и свои—*сѣти*, и „Современникъ“ процвѣталъ и—*богатѣлъ*. Тогда (говоритъ самъ Некрасовъ):

„Дивилъ я дерзостью мальчишекъ
„И похвалой гордился ихъ“ [1]).

Но и онъ достигъ наконецъ до пировъ Олимпійцевъ; онъ, наконецъ, могъ до сыта утолять свою *жажду земныхъ страстей*, и уже не онъ работникъ у другаго, а другіе состояли у него работниками. Тогда *замолкъ* бывшій ярый „поэтъ-гражданинъ“,

„Подъ игомъ лѣтъ душа погнулась,
„Остыла ко всему она“ [2]).

Стало, это по указанію поэта было какъ разъ въ 1840-мъ году, т. е. въ то время когда г. „Перепельскій“ писалъ свои потѣшные водевили, даваемые на сценѣ *Императорскаго* театра. Я что-то не помню, чтобы Николай Алексѣевичъ въ тѣ „годы юности“ напечаталъ что-либо другое кромѣ водевилей, а равно и не слыхалъ, чтобы изъ-за нихъ пришлось бы ему „поплатиться головой“. Даже тѣ Танталовы стоны, которые раздавались въ „Физіологіи Петербурга“ (1845) и въ „Петербургскомъ Сборникѣ“ (1846) не вызывали никакихъ противъ него „опасныхъ для его жизни‘ мѣръ. Лишь съ появленіемъ „Современника“ (1847) стоны Тантала,—а все-таки Тантала, а не „дивящаго“ еще „мальчишекъ дерзостью“ своей,—взяли нотку нѣсколько повыше, но осторожно. Некрасовъ всегда былъ практичнымъ поэтомъ, и всегда оберегалъ свою голову, не отказываясь, впрочемъ, по практичности же, отъ заманчивой для „мальчишекъ“, требуемой ими отъ него „либеральной“ краски.—Что-то въ итогѣ лѣтъ, подъ „игомъ“ которыхъ „погнулась душа“ поэта-гражданина, выходитъ недочетъ. Да и самое *иго*-то, на которое жалуется поэтъ, не излишество-ли оно вѣрнѣе матеріальныхъ наслажденій, на которыя кинулся долгострадальный Танталъ, по достиженіи сравненія своего положенія съ проклинаемыми, бывало, Олимпійцами?—Разнузданность жизни, конечно, хоть какую бы ни было душу погнетъ, и въ особенности, когда въ душѣ принципа собственно-то даже и не было никакого, развѣ принципъ *пользоваться страстями незрѣлой массы*.

[1]) Изъ того-же стихотворенія.

[2]) Изъ того-же стихотворенія.

„Подъ игомъ лѣтъ“!? Въ 1856 году, когда всего ему было только 35 лѣтъ [1])!

А если, послѣ 1856 года, и появлялись еще отъ времени до времени кое-какія матеріально-либеральныя выходки, то лира поэта не выказывала уже того яраго тона, въ который она заиграла въ теченіе 1855 и 1856 годовъ; вѣдь, хорошаго по немножку, а то и надоѣшь, да собственно и не для чего: *главная цѣль* и такъ достигалась, а окраску журнала поддерживали рьяные работники.

Если безпристрастно разобрать всѣ тетыре тома Некрасовскихъ твореній, то первымъ впечатлѣніемъ получается, будто всѣ эти стихи писаны *двумя* лицами, хотя и одного и того же, въ *общей* идеѣ, направленія. Одинъ изъ двухъ поэтовъ владѣетъ и посредственно звучнымъ и посредственно правильнымъ стихомъ и довольно пристойнымъ языкомъ, да и самое содержаніе стихотвореній будто проникнуто какою-то душевной теплотою. Къ сожалѣнію, творенія этого-то поэта въ положительномъ меньшествѣ, — быть можетъ $^1/_{12}$ доля, никакъ не болѣе. У другаго поэта и мысли и стремленія необузданнѣе, характеръ демонически уничтожающій, языкъ натянутый, грубый, стихъ тяжелый, шероховатый; сюжетъ его, это герой нашего времени въ лохмотьяхъ и съ запахомъ кабака да трущобъ разврата. А общая тема у обоихъ поэтовъ только одна и та же, утомляющая наконецъ своею монотонностію: мужикъ лѣнтяй, *потому что* бѣденъ, а бѣденъ онъ, *потому что* не властелинъ своей воли; мужикъ кабачничаетъ, *потому что бѣденъ*, а бѣденъ *потому* и т. д. Крестьянка опускаетъ руки, *потому что* бѣдность одолѣла, а одолѣла бѣдность *потому* и т. д.; дѣвка продаетъ себя *потому* и т. д. И поетъ Некрасовъ о судьбѣ „низшей сестры“, но о какой же? о крестьянкѣ разумной что-ли? о бойкой неусталой работницѣ, а потому и не хилой, а здоровой и красивой женщинѣ? О, да! какже! Онъ восхищается ея красотою, но, — онъ представляетъ ее будто безсердечной.

— „У ней не рѣшится сосѣдка
„Ухвата, горшка попросить;

[1]) Я считаю себя въ правѣ на это указать; мнѣ 81-й годъ и моя жизнь во сто разъ труднѣе была жизни Некрасова. Но мои убѣжденія и воззрѣнія пустили глубокіе корни въ *самой душѣ моей;* а въ такомъ случаѣ: душа и до гроба не погнется подъ игомъ никакихъ лѣтъ и не остынетъ она ко всему.

„Не жалокъ ей нищій убогій—
„Вольно-жъ безъ работы гулять!“—

И хотя поэтъ, рисуя счастье семейнаго быта таковой, въ достаткѣ живущей, крестьянки, восклицаетъ:

„И по̀ сердцу эта картина
„Всѣмъ любящимъ русскій народъ!“ [1]).

но у него всего-то единый только разъ и выведена таковая женщина, да вслѣдъ затѣмъ онъ указываетъ намъ ее подавленную горемъ (конечно, потому что и т. д.?).

„И ты красотою дивила,
„Была и ловка и сильна,
„Но горе тебя изсушило!“ [2]).

Да и вообще пророчитъ онъ всякой здоровой и веселой деревенской красавицѣ такую же участь, будто иначе оно и быть не можетъ и быть не должно, потому только, что она *крестьянская* дѣвушка [3]). Извините, но это выходитъ уже логика идіота, или преднамѣреннаго, ради эффекта, а оттого назойливаго пессимизма.

Но съ особенно теплымъ, можно сказать, съ сердечнымъ сочувствіемъ относится онъ къ падшимъ, нѣкогда *ему близкимъ*, женщинамъ, да высказываетъ это съ изумительнымъ цинизмомъ [4]). Вообще, Некрасовъ не очень-то церемоненъ въ своихъ матеріально-рельефныхъ описаніяхъ темныхъ пятенъ мужицкой жизни: онъ рисуетъ это con amore, вѣроятно съ натуры (потому что самостоятельной инвенціи у него не было, даже и въ „годы юности“ его), но краски класть любитъ онъ порѣзче, да еще и кляксами, какъ нынѣшніе маляры, лѣзующіе въ художники.

И впрямь „*дивилъ* онъ дерзостью *мальчишекъ!*

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отравилъ, и по сію пору еще отравляетъ сердца и фантазію нашей русской молодежи, принимавшей и принимающей за чистую дорогую монету—покрытую

---

[1]) См. „Морозъ, красный носъ“, (1865). Часть первая. „Смерть крестьянина“ IV въ концѣ.

[2]) Изъ той же поэмы, часть первая, V.

[3]) „Тройка“ (1845).

[4]) Напр. „Ѣду-ли ночью по улицѣ темной (1847), „Прости“ (1856), и др. А зачѣмъ же далъ онъ имъ погибнуть? Эко нашелъ, чѣмъ утѣшить ихъ тѣни, что *печатно ихъ воспѣваетъ!* Вотъ филантропъ-то великій!

сусальнымъ золотомъ полушку, или за вдохновенныя свыше откровенія—умѣло подъ вкусъ вопрошающаго сложенныя изрѣченія спекулянта-авгура [1]). И точно такъ же, какъ долгъ чести велитъ стереть *лжезолото* съ ржавой мѣди, и срывать покрывало съ лица *Тартюфа*, такъ и я счелъ своимъ долгомъ остановиться долѣе на толкованіи о Некрасовѣ, и подробно изложить свой взглядъ на достоинства и недостоинства его, какъ поэта. Выше я указалъ на мишуру его блеска въ роли патріотическаго поэта пока только помощію логическаго разбора нѣсколько ходульныхъ фразъ [2]) собственной его музы, отдавая впрочемъ должную дань *дѣйствительной долѣ* въ немъ таланта. Теперь же стану я доказывать основаніе моего воззрѣнія изъ фактовъ, выказывавшихся въ продолженіе хотя и не долгаго, но довольно интимнаго нашего знакомства. Выше уже упомянулъ я о томъ, что Некрасовъ жилъ вмѣстѣ съ Григоровичемъ и Сушковымъ, и что онъ очень часто бывалъ у Кони, который руководилъ имъ въ литературныхъ его работахъ. Кстати будетъ, кажется, сказать тутъ также о любезномъ отзывѣ А. Я. Головачевой-Панаевой, какимъ она характеризуетъ тогдашнія занятія Некрасова, а заодно и кругъ его тогдашняго знакомства. „Некрасовъ (говоритъ маститая писательница) передѣлывалъ французскіе водевили на русскіе нравы съ куплетами для бенефисовъ плохихъ актеровъ, *„вращался въ кругу всякаго сброда“* [3]). Ну, и за то спасибо!

Впрочемъ она разсказываетъ также, что зимою 1842 года Некрасовъ у нихъ въ домѣ читалъ имъ стихотворенія изъ своего сборника „Петербургскіе углы“ [4]). Г-жа Головачева безсомнѣнно называетъ такъ сборникъ, изданный въ 1845 году подъ оглавленіемъ „Физіологія Петербурга“, и который, очень статься можетъ, до выхода въ печати былъ авторомъ такъ названъ, какъ она показываетъ. Если Некрасовъ читалъ у Панаева сти-

---

[1]) Авгуры были у Римлянъ жрецы-предсказатели.

[2]) А можно-бъ было подъискать множество и другихъ еще примѣровъ, если-бы цѣль и объемъ моихъ воспоминаній тому не противились.

[3]) „Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой“. „Русскіе писатели и артисты“.—Въ журналѣ „Историческій вѣстникъ“ за 1889 годъ.—Особое изданіе: С.-Петербургъ, у В. И. Губинскаго. 1890.—Гл. V. Стр. 101.

[4]) Тамъ же Стр. 100.

хи дѣйствительно въ 1842 уже году да въ *зимнее* время, то это, однако же, не могло раньше быть какъ къ *концу* сказаннаго года. Въ противномъ же случаѣ оказалось бы, что тѣ стихотворенія должны были быть написанными Некрасовымъ въ 1841 году, что, однако же, тогда никакъ не осталось бы тайною для того круга „*всякаго сброда*“, къ которому и я тогда имѣлъ честь принадлежать. И доказательствомъ тому (по крайней мѣрѣ для меня) служитъ то, что, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1841 года, Некрасовъ, бывъ у меня, жаловался даже на то, что ему *хотѣлось бы* что-то порядочное, серьезное написать, но что *у него сюжета нѣтъ*. Въ то же время, какъ мы объ этомъ калякали, онъ перебиралъ лежащую на моемъ столѣ пачку писанныхъ тетрадей, и вдругъ вытащивъ одну изъ нихъ, и съ явнымъ любопытствомъ открывъ ее, спросилъ: „что это у тебя? никакъ, кажется, недоконченная повѣсть?“

А было то дѣйствительно начатый романъ, задуманный еще въ Херсонѣ въ 1834 году, изъ котораго я успѣлъ тогда окончить только 8 или 9 главъ. Но тутъ же находился и подробный планъ, или вѣрнѣе: цѣлый конспектъ романа съ планомъ города Варшавы. Ибо дѣйствіе происходитъ въ томъ городѣ и героемъ романа молодой еврей, получившій блестящее образованіе въ Парижѣ, но по своемъ возвращеніи на родину очутившійся въ Варшавскомъ „Ghetto“ въ домѣ отца своего, яраго талмудиста. По имени героя и романъ былъ названъ „Рувимъ“. Тенденціею романа было: съ одной стороны высказать различіе между старымъ іудействомъ (приверженцевъ Талмуда) и новымъ іудействомъ (послѣдователей Спинозы); а съ другой стороны указать на политическую и человѣческую необходимость уравненія правъ евреевъ съ правами прочихъ подданныхъ (въ тѣ годы я принадлежалъ еще къ числу филантропическихъ идеалистовъ). Некрасовъ выпросилъ у меня тетрадь, чтобы прочесть, и я далъ ему ее. На другой день, онъ опять пришелъ.

„Послушай, Арнольдъ“,—говоритъ. „Ты все равно не кончишь этого романа; теперь ты, вѣдь, одну только музыку все сочиняешь. Продай мысль и планъ романа; очень мнѣ нравится, можно изъ него хорошую вещь сдѣлать. А мнѣ-то не легко дается хорошіе сюжеты придумать. Продай! я изъ первой же получки тебѣ 100 рублей заплачу за фабулу и за конспектъ“.

— Идетъ,—отвѣтилъ я, и мы ударили по рукамъ.

Мѣсяцевъ около двухъ спустя (а можетъ и больше) появился въ „Пантеонѣ“ недавно предъ тѣмъ поставленный на сцену водевиль „Перепельскаго“, а именно „Дѣдушкины попуги“, и Кони выдалъ Некрасову гонораръ, — но онъ о своемъ обѣщаніи не вспомнилъ. А я тогда очень нуждался въ средствахъ жизни, да гораздо болѣе Некрасова, потому что у меня было семейство на рукахъ, а онъ одинокій. У него было куда „сбывать свою работу“, слѣдовательно, стоило ему только хотѣть работать;— а моимъ романсамъ „сбыть-то“ былъ скудный: К. Гольцъ за страницу платилъ рубля по три, не больше. И не много-то ихъ въ теченіе года онъ печаталъ, пять или шесть, да и баста! Когда я потребовалъ отъ Некрасова обѣщанную уплату за „Рувима“, онъ засмѣялся: „еще успѣю заплатить, а теперь деньги мнѣ самому нужны“. Съ тѣхъ поръ пересталъ онъ ходить ко мнѣ, да и его я никогда дома-то уже не заставалъ. Это меня взбѣсило наконецъ, и я ему послалъ письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы онъ или заплатилъ мнѣ условленныя деньги за уступленные ему сюжетъ и конспектъ романа, или же возвратилъ бы мнѣ немедленно мою рукопись. Въ противномъ же случаѣ я высказалъ намѣреніе поднять „литературный скандалъ“.—Некрасовъ тотчасъ и отдалъ моему человѣку мою тетрадь, но на словахъ выругалъ меня. Посланный мой (деревенскій, наивный парень) счелъ своимъ долгомъ непремѣнно доложить мнѣ: „Николай Алексѣевичъ *приказали* такъ и передать вамъ, что это свинство!“— Я расхохотался конечно, и сказалъ своему Ильюшкѣ, что онъ глупъ.—Чего же еще? Не обижаться же мнѣ отъ несообразностей неразвитаго юноши!—Этимъ эпизодомъ, конечно, прекратилось личное мое знакомство съ Некрасовымъ. Я не жалѣлъ о томъ, и по сію пору не жалѣю. Но какъ и тогда, такъ и теперь еще мнѣ жаль, что вслѣдствіе разсказаннаго глупаго эпизода было прервано также и знакомство съ Григоровичемъ и съ Сушковымъ. Очень вѣроятно, что Некрасовъ имъ Богъ вѣсть что наговорилъ про меня.

Слышалъ я, конечно, потомъ, что Николай Алексѣевичъ въ 1843-мъ году попалъ въ сотрудники къ А. А. Краевскому по журналу „Отечественныя записки“. Затѣмъ издалъ онъ, уже прямо отъ себя, упомянутую выше „Физіологію Петербурга“,

да поправилъ свои финансы весьма удачною литературною аферою, т. е. изданіемъ (также уже упомянутаго) „Петербургскаго сборника“. Вообще, должно было признать за Некрасовымъ необыкновенную смѣтливость и великій практическій умъ, прозорливость и вѣрное соображеніе тонкаго администратора широкихъ предпріятій. Этотъ рѣдкій талантъ онъ въ особенности доказалъ какъ главный двигатель возобновленнаго въ 1847-мъ году „Современника“. Ибо Панаевъ хотя и давалъ свои деньги на это дѣло, но былъ нулемъ. Некрасовъ и Бѣлинскій были настоящими рычагами предпріятія, первый по коммерческому дѣлу, другой по отдѣлу чисто-литературному.

Г-жа Головачева-Панаева разсказываетъ, будто разъ Бѣлинскій сказалъ И. И. Панаеву: „Намъ съ вами нечего учить Некрасова;—мы младенцы въ коммерческомъ разсчетѣ.—Намъ на рубль не дали бы кредиту, а онъ устроилъ такъ, что на тысячи можетъ кредитоваться“ [1]). — Это очень вѣрное опредѣленіе способности Николая Алексѣевича.

Прибавьте къ этому родъ жизни [2]), какую велъ Некрасовъ, когда онъ сдѣлался обладателемъ „изряднаго капитальца“,—и опредѣлите сами, что собственно-то было главною цѣлію его стремленій?—Одаренный,—повторяю еще разъ,—отъ природы не малымъ талантомъ, но далеко отсталый въ отношеніи научнаго и моральнаго развитія, онъ руководился одною только практичною сметливостію русскаго человѣка, твердо рѣшившагося *составить себѣ фортуну*. Дара настоящей *поэтической инвенціи* у него не было; онъ не былъ въ состояніи создавать изъ глубины души *новую, самородную идею*. Но у него оказалось какъ разъ настолько фантазіи, чтобы живо припоминать то, что онъ когда то видѣлъ и слышалъ; и владѣлъ онъ силою и

---

[1]) Воспоминанія. Гл. VIII. Стр 177.

[2]) Лютеру приписываютъ изрѣченіе:

„Wer nicht liebt Wein, Weib, Gesang,
Der bleibt ein Thor sein Leben lang“.

т. е. кто не любитъ вина, женщины, пѣнія, тотъ остается дуракомъ во всю свою жизнь. Некрасовъ былъ только поклонникомъ женской красотѣ; Вакха только допускалъ какъ условленнаго собесѣдника, а пѣнія не любилъ. Онъ пристрастился къ картамъ, да не ради удовольствія, а ради корысти, и промышлялъ игрою, какъ предпріятіемъ.

красками именно того рода слова, который подходилъ къ жанру копируемыхъ имъ по памяти картинъ съ природы. А такъ какъ ему *высшая сфера поэтическихъ задачъ* оказалась рѣшительно недоступной, такъ какъ по страстной его склонности къ матеріальнымъ наслажденіямъ не доставало у него даже ни *энергіи*, ни *развитія силы для продолжительной умственной работы*, то онъ и остановился на *мелкомъ жанрѣ* небольшихъ формъ. И такъ какъ въ тѣ годы, когда онъ выступилъ на литературную арену, въ русскомъ обществѣ началось броженіе quasi-либеральныхъ идей и quasi-филантропическихъ воззрѣній на „низшую братію“, то Некрасовъ смекнулъ, что эта послѣдняя тропа, преимущественно сообразная съ готовымъ уже его кругозоромъ и съ привычною ему рѣчію, приведетъ его скорѣе всего къ популярности, а черезъ нее-то и къ главной его цѣли. И сталъ онъ „дерзостью дивить мальчишекъ“. Некрасовъ явился одновременно съ Кольцовымъ; но Кольцовъ, распѣвая отъ полноты любвеобильнаго сердца и съ простотою Божьей птички, представлялъ намъ душевный, глубоко-внутренній, свѣтло-моральный міръ *настоящаго* русскаго крестьянина-труженника, тогда какъ Некрасовъ, за весьма да весьма немногими изъятіями, съ желчнымъ раздраженіемъ и какъ бы съ демоническимъ наслажденіемъ [1]), изъисканно рѣзкими красками рисовалъ одни лишь бѣдствія и язвы *самого низшаго слоя* общества, да единственными всего онаго виновниками чрезъ-чуръ уже преднамѣренно выставлялъ высшія сословія, чтобы „дивить мальчишекъ“.

Патріотизмъ-ли и человѣколюбіе или иныя побужденія руководили Некрасовскую музу? Кто рѣшитъ этотъ вопросъ?—Время и разумъ [2]).

---

[1]) Выраженіемъ котораго является ядовитый контрастъ внѣшняго комизма и игривой ритмики съ между-строчнымъ смысломъ рѣчей. Въ подобныхъ стихотвореніяхъ Некрасовъ дѣйствительно мастеръ техники слова *своего рода*.

[2]) Очень можетъ быть, что найдутся читатели, которые скажутъ, что мой взглядъ на „поэта“ Некрасова есть послѣдствіе личной вражды. Я надѣюсь, что, по прочтеніи дальнѣйшихъ моихъ воспоминаній, читатели согласятся въ томъ, что личныя мои отношенія никогда не вліяли на мои сужденія о дѣятеляхъ.

XXXVI.

1840. Смерть вторично ретируется. — Закулисныя интриги иноземныхъ музыкантовъ по дѣлу конкурса.—Князь Вл. Ѳ. Одоевскій и литературные вечера у него (1840—56).—Капитанъ Скалонъ.—Князь П. А. Вяземскій.—П. Ал. Плетневъ.—И. П. Мятлевъ.—А. А. Краевскій.—В. А. Жуковскій.—Графъ Вл. Ал. Соллогубъ.—Ѳ. М. Толстой.—Знакомство съ Вис. Гр. Бѣлинскимъ и съ Ал. В. Кольцовымъ.—Бѣлинскій какъ критикъ.

Когда въ исходѣ Января 1840-го года вопросъ о моемъ правѣ на участіе въ конкурсѣ былъ наконецъ удовлетворительно для меня рѣшенъ, я не былъ въ состояніи тому радоваться. Охваченный сильнѣйшей тифозной горячкою, я лежалъ въ безпамятствѣ. Со мною было два рецидива [1]), и при второмъ возвратѣ болѣзни наступилъ даже моментъ появленія признаковъ предсмертной агоніи. Странно, что именно тутъ я и пришелъ опять въ совершенно сознательное состояніе, и не чувствовалъ никакихъ страданій, а только постепенное исчезновеніе жизненной силы. Я сподобился пріобщенія Святыхъ Таинъ и помазанія святымъ елеемъ, а затѣмъ, съ необычайно сладостнымъ чувствомъ полнѣйшаго душевнаго спокойствія [2]), благословилъ сына-годовичка, да простился съ женою, съ нарочно пріѣхавшимъ отцомъ моимъ, съ вѣрнымъ другомъ Павлушею Сѣмячкинымъ и со всею прислугою, а затѣмъ тихо уснулъ. Господу Богу, однакоже, и на этотъ также разъ пока не угодно было воспріять меня въ святое лоно Свое: я, видно, далеко еще не былъ достоинъ этого высшаго блаженства, не исполнивъ еще настоящаго назначенія земнаго своего пути, а именно: трудиться и быть полезнымъ своему отечеству, да бороться, носить крестъ терпѣнія и пожинать тернія гоненія изъ-за идеаловъ искусства. Вторично смерть меня миновала.

Эта моя болѣзнь и помѣшала мнѣ представиться еще въ началѣ 1840-го года бывшимъ судьямъ конкурса, чтобы благодарить за лестные ихъ отзывы о моемъ твореніи, какъ мнѣ совѣтовали И. И. Фуксъ и О. К. Гунке. Не ранѣе Мая я совершенно оправился отъ сильно изнурившей меня болѣзни.

---

[1]) Возвратное впаденіе въ болѣзненное состояніе.

[2]) Подобнаго, словно райскаго состоянія всего своего существа я ни прежде, ни позже не ощущалъ. Съ тѣхъ поръ же мысль о смерти окончательно потеряла для меня обычный свой пугающій характеръ.

Первый визитъ я все-таки опять отдалъ М. И. Глинкѣ, отыскавъ его въ добровольномъ его отшельничествѣ. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ Гунке поѣхалъ со мною къ князю Одоевскому [1]), а чрезъ нѣсколько дней И. И. Фуксъ повёзъ меня къ графу Віельгорскому [2]). Наконецъ, около того же времени, представился я также А. Ѳ. Львову [3]) съ письмомъ отъ князя Голицына, одного изъ директоровъ Коммиссіи погашенія государственныхъ долговъ, куда я тогда же опредѣлился на службу.

Какъ кн. Одоевскій, такъ и гр. Віельгорскій приняли меня съ извѣстной ихъ задушевной ласковостію, и припоминали, что я и прежде имъ былъ знакомъ. Они выразили свою готовность руководить меня своими совѣтами, предлагали мнѣ пользоваться рѣдкими книгами изъ ихъ библіотекъ [4]) и пригласили бывать у нихъ.

А. Ѳ. Львовъ также очень любезно меня встрѣтилъ, но будто не съ такою же сердечною откровенностію, и только подъ конецъ нашего разговора выразилъ сожалѣніе, что онъ раньше не зналъ меня.

Отчасти изъ разговоровъ съ упомянутыми лицами, отчасти же изъ намековъ Фукса и Гунке, узналъ я вскорѣ всю закулисную исторію страннаго поведенія дирекціи Филармоническаго общества въ дѣлѣ конкурса. Уже прежде упомянулъ я, что почти всѣ члены этого общества были иностранцы и преимущественно нѣмцы. Въ главѣ этого большинства стояли двое изъ содиректоровъ общества. Это были извѣстный скрипачъ Луи Мауреръ, (капельмейстеръ при французской группѣ Императорскихъ театровъ и инспекторъ всѣхъ оркестровъ) и учитель на фортепіано при

---

[1]) Въ то время кн. Одоевскій жилъ на Фонтанкѣ, неподалеку отъ Аничкина Дворца.

[2]) Гр. Віельгорскій тогда не столь давно еще пріобрѣлъ домъ на углу Михайловской площади (позже обращенной въ нынѣшній скверъ) и Итальянской Садовой улицы.

[3]) Квартира его находилась на Владимірской улицѣ, въ бель-этажѣ дома на лѣвомъ углѣ Троицкаго переулка. Алексѣй Ѳеодоровичъ не давно предъ тѣмъ женился на дочери милліонера г. Абазы, дѣвицѣ Прасковьѣ Агѣевнѣ.

[4]) Этимъ великодушнымъ предложеніемъ я, какъ говорится: „въ сласть“ воспользовался, и Богъ вѣсть, удалось ли бы мнѣ, безъ этого счастливаго случая, пріобрѣсти тѣ знанія, на основаніи которыхъ Господь сподобилъ меня изъискать музыкальные законы древняго нашего церковнаго пѣнія. Да будетъ благословена память этихъ добрыхъ, милыхъ меценатовъ молодости моей!

женскихъ учебныхъ заведеніяхъ учрежденія императрицы Маріи Ѳеодоровны, нѣкто Мессигъ (или Мессингъ), не имѣвшій даже особенной извѣстности. Мауреръ былъ женатъ на русской (на побочной дочери извѣстнаго въ ту эпоху богача и дилетанта Всеволожскаго) и вслѣдствіе того два сына его были православной вѣры. На этомъ основаніи г. Мауреръ утверждалъ, что такъ какъ его сыновья, не смотря на ихъ причисленіе къ православной вѣрѣ, дѣйствительно не имѣли права участвовать въ конкурсѣ, то и я, какъ сынъ выходца изъ Пруссіи, долженъ быть также лишенъ права. Но г. Мауреръ, не понимавъ, что слово „природный русскій“ означаетъ русскаго подданнаго, рожденнаго отъ *русскаго же подданнаго*, и что исповѣданіе вѣры играетъ тутъ не первую, а добавочную только роль, забылъ, что сынки его, хотя и были русской вѣры, но по метрикѣ и по паспортамъ своимъ значились прямо „иностранцами“.

Что-же касалось г. Мессига, то онъ съ самого уже начала, когда И. И. Фуксъ предложилъ только еще идею о назначеніи конкурса, воспротивился ей, сказавъ, что дѣло это разсмѣшитъ всѣхъ, такъ какъ гг. Львовъ и Глинка должны считаться случайными лишь исключеніями, но что вообще между *русскими* „дилетантами *композиторскихъ талантовъ никакихъ быть не можетъ*. И вотъ, изъ желанія оказаться правымъ, настоялъ онъ такъ стойко на томъ, чтобы признали меня „нѣмцемъ“, а не русскимъ; равно какъ по той же причинѣ онъ и воспротивился также (по исключеніи меня изъ списка конкурентовъ) присужденію преміи (по предложенію А. Ѳ. Львова) автору втораго по достоинству сочиненія, каммеръ-юнкеру Ѳ. М. Толстому. Г. Мессигу, однимъ словомъ, желателенъ былъ скандалъ, чтобы *унизить имъ русскую націю*. Но это ему не удалось: явилось *семь* конкурентовъ, *природныхъ русскихъ*. А что именно я оказался авторомъ преміированнаго сочиненія, такъ это было случайностью, и никакъ еще не доказываетъ, что гг. мои конкуренты, быть можетъ, въ иномъ жанрѣ композиціи не были бы гораздо даже талантливѣе меня.

У кн. Одоевскаго въ ту эпоху по понедѣльникамъ собирался цвѣтъ Петербургскаго литературнаго круга, тѣ самыя лица, которыхъ впослѣдствіи преимущественно прозвали „людьми сороковыхъ годовъ“. Это не были ни конспираторы, ни безумные

поклонники республиканскому фантому, даже не пустые крикуны à la Репетиловъ съ братьей. Разговоры шли наибольшей частію о послѣднихъ явленіяхъ литературы, преимущественно отечественной. Но затрогивались и другіе вопросы, и среди этихъ вечеровъ не одна только, бывало, идея возникала и обсуживалась, которая въ послѣдующіе годы получила свое осуществленіе; довольно указать на идею напр. о женскихъ гимназіяхъ и объ обществахъ посѣщенія бѣдныхъ.

Втеченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, что я не видалъ князя Владиміра Ѳеодоровича (т. е. съ 1836 по 1840 годъ), онъ, кажется, немножечко будто поздоровѣлъ, т. е. на щекахъ появился легонькій румянецъ, но за то какъ будто и постарѣлъ. А лѣтъ ему, должно быть, тогда было не болѣе тридцати семи. Роста былъ Одоевскій средняго, въ плечахъ не широкій, вообще видомъ изъ слабенькихъ, и держался не довольно прямо, съ головою нѣсколько поникшею, словно отъ усталости. Руки и ноги у него были, какъ говорится, породистыя: маленькія и узкія. Лице его подходило подъ типъ извѣстныхъ старыхъ портретовъ великихъ князей Владиміро-Московскихъ изъ старшей отрасли Рюриковичей, за изъятіемъ выраженія спокойной энергіи; тотъ же широкій, большой лобъ, прямой носъ и небольшой ротъ съ пухлыми, добродушно улыбающимися губами; только темно-коричневые, почти съ чернымъ отливомъ волосы были гладкіе, и въ особенности у висковъ. Глаза голубо-сѣрые, умные, но не довольно спокойные, скорѣе робко, почти боязливо и разсѣянно глядящіе. Мнѣ всегда казалось, будто князь не былъ бы въ состояніи пристально смотрѣть на какой-либо предметъ. Соотвѣтственно тому и въ плавной, но нѣсколько торопливой рѣчи его звучала все какая-то нотка нерѣшительности, несамоувѣренности. Тембръ его тенороваго голоса самъ по себѣ былъ пріятный, ласкающій, но вслѣдствіе отсутствія всякихъ оттѣнковъ, рѣчь его, когда онъ долго говорилъ, порождала иногда въ слушателѣ нѣкоторое утомленіе, чему, конечно, много способствовала упомянутая нотка торопливой рѣчи. И странно: эти боязливо-безпокойные взгляды, эта нерѣшительная рѣчь вовсе не шли къ его всегда ровному характеру, основными чертами котораго были рѣдкая примѣрная честность и прямота души, неограниченная сердечная доброта и ангельское терпѣніе. Слѣдователь-

но, упомянутая выше нерѣшительность и боязливость должны были имѣть иные источники, и это такъ и оказалось. Князь Одоевскій просто поражалъ насъ иногда необыкновенной, словно энциклопедической разнородностью и пространностью научныхъ своихъ познаній: не было, кажется, ни единаго научнаго предмета, съ которымъ болѣе или менѣе онъ бы не былъ знакомъ. Относительно новыхъ языковъ, такъ положительно извѣстно, что кромѣ русскаго языка, которымъ онъ, какъ всѣмъ извѣстно, владѣлъ до классической тонкости [1]), — онъ свободно не только читалъ, но и говорилъ и писалъ по французски, по нѣмецки, по итальянски, по англійски и по испански. Равно онъ былъ превосходнымъ знатокомъ церковно-славянскаго нарѣчія, и далеко не былъ несвѣдущимъ въ латинскомъ, въ древне-греческомъ и кажется даже въ древне-еврейскомъ языкахъ. Весьма естественно, что пріобрѣтеніе такой массы познаній потребовало неимовѣрно усиленнаго труда и ненормальнаго напряженія не только интеллектуальныхъ, но и физическихъ силъ, а это неминуемо должно было возродить сильное разстройство всей нервной системы. И дѣйствительно, Одоевскій постоянно страдалъ и лечился отъ нервныхъ припадковъ, въ особенности отъ мигрени [2]). Вотъ одна изъ причинъ упомянутыхъ выше явленій во внѣшности Владиміра Ѳеодоровича. Другая же причина истекала изъ чрезмѣрной разнородности его познаній и занятій. Стараясь добиться энциклопедической учености, онъ не сосредоточивался ни на какомъ опредѣленномъ по преимуществу предметѣ, и вбирая въ свою память все вновь да вновь массу разнороднѣйшихъ знаній по чужимъ толкованіямъ и воззрѣніямъ, онъ не успѣвалъ установить себѣ самостоятельныя убѣжденія ни въ какомъ изъ этихъ знаній. И единственно только оттого Одоевскій, не смотря на удивленія достойныя, рѣдкія его природныя способности, напр. въ литературѣ и въ музыкѣ, не сдѣлался самобытнымъ, ярко выдающимся дѣятелемъ, а остановился въ рядахъ лишь послѣ-

---

1) Князь Одоевскій въ нашей отечественной литературѣ занимаетъ довольно почетное мѣсто между второстепенными писателями двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

2) Онъ весьма часто и сильно подвергался послѣднимъ страданіямъ, и для того постоянно носилъ при себѣ флаконъ съ Гофманскимъ эфиромъ.

дователей и подражателей другихъ предшествовавшихъ самостоятельныхъ писателей и музыкантовъ [1]).

Но ради необычайно высокихъ душевныхъ качествъ князя Одоевскаго не возможно было не любить его, равно какъ ради его рѣдкой эрудиціи и ради совершенно безкорыстной, горячей его преданности наукамъ, поэзіи и искусствамъ всякій невольно долженъ былъ отдавать ему дань искренняго и полнаго уваженія.

Когда я въ первый разъ явился en tenue toute conforme [2]) къ Владиміру Ѳеодоровичу на вечернее собраніе, мнѣ сначала, конечно, было не совсѣмъ ловко: я никого не зналъ изъ всей этой довольно многочисленной компаніи. Княгинѣ, правда, былъ я представленъ ея супругомъ при первомъ моемъ (денномъ) визитѣ; но, что касалось другихъ уже собравшихся посѣтителей, то я долженъ былъ довольствоваться тѣмъ (отъ чего я, однакоже, въ деревнѣ успѣлъ уже отвыкнуть), что лакей, отворившій мнѣ дверь въ залу, громко произнесъ: „г. Арнольдъ“. Обоюдныя представленія производились только въ интимномъ кругу, или въ экстренныхъ случаяхъ, если высшее по званію лице либо само пожелаетъ, либо милостиво разрѣшаетъ.

Само собою разумѣется, что я прежде всего подошелъ къ хозяйкѣ дома, засвидѣтельствовать должное „высокопочитаніе со стороны всепокорнѣйшаго ея слуги“ въ видѣ самаго этикетнаго реверанса. Ея сіятельство удостоили меня милостивымъ легонькимъ наклоненіемъ головы, но ручки своей протянуть не изволили: это въ переводѣ съ мистеріознаго языка великосвѣтскаго церемоніала значило: „Mesdames et messieurs; ça appartient à la

---

[1]) Напр. въ литературѣ подражалъ онъ формамъ и фантастическимъ сюжетамъ нѣмецкаго романиста Э. Амедея Гофмана, а въ музыкѣ Баху и Мендельсону. Перваго, т. е. Гофмана, Одоевскій до того излюбилъ, что въ подражаніе ему, и онъ также завелъ у себя любимцемъ большаго чернаго кота, наименованнаго имъ также, какъ котъ Гофмана, „Kater Murr“ (котомъ Мурръ), который, во все то время, пока Одоевскій занимался, лежалъ на его колѣняхъ, или сидѣлъ предъ нимъ на столѣ. Не разъ, приходивши къ князю въ дообѣденное время, заставалъ я его пянчившагося съ своимъ „котомъ Мурромъ“. Мнѣ разсказывали, будто какъ изъ-за этого подражанія писателю Гофману, такъ равно изъ-за постояннаго леченія себя гофманскимъ эфиромъ Пушкинъ прозвалъ Одоевскаго „Гофманскою каплею“.

[2]) Одѣтый совершенно сообразно съ случаемъ.

rôture, et pire même, c'est un homme de rien; ça ne vous regarde donc nullement“ [1]).—Я же, не подавъ ни малѣйшаго вида, что я свѣдущъ въ этой китайщинѣ, скорчилъ еще болѣе сладкую мину и поклонился еще отборнѣе этимъ членамъ того общества, которое, называя само себя „хорошимъ“, нерѣдко выказывало и еще выказываетъ себя далеко нехорошимъ. Но, улыбаясь имъ, я думалъ: господа и госпожи! да я сюда и вовсе не для васъ явился. Je me fiche pas-mal de vous! [2]). Не вы есть то „хорошее“ общество, которое я безъ сомнѣнія найду въ сосѣдней комнатѣ!

Тутъ же вышелъ самъ князь очень привѣтливо мнѣ на встрѣчу, и пожавъ мнѣ руку, повелъ меня въ другую комнату, гдѣ ласково отрекомендовалъ: „композиторъ Свѣтланы“. А затѣмъ, обратившись къ сидѣвшему вблизи на турецкомъ диванѣ молодому капитану генеральнаго штаба, сказалъ: „Chèr M-r Scalon je vous prie, prennez soin du jeune homme“. Молодой офицеръ (повидимому однихъ со мною лѣтъ) подалъ мнѣ руку и пригласилъ сѣсть рядомъ съ нимъ. Прежде чѣмъ опуститься на оттоманку, я взглянулъ на занимавшаго другой уголъ сидѣнія: это былъ Бѣлинскій, и я ему поклонился. Онъ также, какъ и Скалонъ, любезно протянулъ мнѣ руку и прибавилъ: „мы съ вами, кажется, уже встрѣчались?“—Я ему напомнилъ, что это было у Кони на обѣдѣ по случаю основанія Пантеона. Бѣлинскій весело улыбнулся и сказалъ только: „А молодчина этотъ жидокъ Песоцкій! Ловко же уладилъ тогда дѣло“!

Вокругъ стола, посреди комнаты, сидѣли въ креслахъ самъ хозяинъ и нѣсколько мущинъ среднихъ лѣтъ. Скалонъ мнѣ ихъ назвалъ, это были: извѣстный своими эпиграммами и дружбою съ Пушкинымъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій; профессоръ С.-Петербургскаго университета Петръ Александровичъ Плетневъ, также одинъ изъ друзей великаго поэта и преемникъ его по редакторству журнала „Современникъ“; каммергеръ Иванъ Петровичъ Мятлевъ и Андрей Александровичъ Краевскій, редакторъ „Отечественныхъ записокъ“. Сидѣло тутъ еще двое или

---

[1]) Господа и госпожи, это вотъ принадлежитъ къ простолюдію, хуже даже, человѣкъ ничтожный; это вотъ слѣдовательно никакъ васъ не касается.

[2]) Ни на что даже вы мнѣ не нужны!

трое, именъ которыхъ я не помню; это вѣроятно были невинные поклонники дѣятелямъ отечественной литературы. Изъ четырехъ же выше названныхъ лицъ мнѣ позже случалось бывать у Плетнева раза 2—3 въ гостяхъ (въ 1852-мъ г., когда онъ былъ ректоромъ университета) и два раза (въ 1844-мъ и въ 1862-мъ году) по дѣламъ у Краевскаго [1]). П. А. Плетневъ былъ очень симпатиченъ, привѣтливъ, всегда готовъ поспѣшествовать молодымъ талантамъ; А. А. Краевскій же постоянно разыгрывалъ роль какого-нибудь департаментскаго директора, и давалъ ходъ молодымъ талантамъ только, когда чуялъ въ нихъ выгоды для своего журнала; но зато и любилъ держать ихъ въ черномъ тѣлѣ. Да и вообще прославился онъ на самомъ дѣлѣ не какъ литераторъ, а какъ ловкій литературный аферистъ; его должно считать родоначальникомъ той сильно расплодившейся потомъ семьи журнальныхъ издателей и редакторовъ, на штандартахъ коихъ гордо рисуются слова: „человѣчество“ и „наука“, что на высокопарномъ жаргонѣ этихъ господъ, однакоже, означаетъ: „Наше я!“ и „золото!“

Въ продолженіе этой же зимы увидѣлъ я на вечерахъ у кн. Одоевскаго и другихъ еще литературныхъ дѣятелей, напр. Василія Андреевича Жуковскаго; затѣмъ: университетскаго моего товарища, графа Владиміра Александровича Соллогуба [2]); молодаго писателя малорусскихъ повѣстей Евгенія Павловича Гребенку, выступившаго впослѣдствіи преимущественно въ качествѣ музыкальнаго фельетониста (подъ псевдонимомъ „Ростислава“) Ѳеофила Матвѣевича Толстаго [3]) и др.

По собственному желанію Жуковскаго, кн. Одоевскій представилъ меня маститому поэту, который весьма привѣтливо подалъ

---

[1]) Въ 1841-мъ году Краевскій купилъ домъ на Литейной, противъ дома Департамента Удѣловъ, на углу Бассейной улицы; тамъ же помѣстилась тогда и редакція „Отечественныхъ записокъ“.

[2]) См. выпускъ I. гл. XIX. стр. 146.

[3]) Музыкальные фельетоны „Ростислава“ появлялись въ „Сѣверной пчелѣ“ (съ 1852-го г.); въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ“ (съ 1855-го г.); опять въ „Сѣверной пчелѣ“ (съ 1863-го г.) и въ (Journal de S-t Pétersbourg“ (до 1876-го года). Какъ литераторъ онъ издалъ романы и повѣсти: „Капитанъ Тольди“, „Три возраста“ и др., въ которыхъ онъ проявлялъ себя послѣдователемъ жанра Марлинскаго.

мнѣ руку и пригласилъ меня побывать у него. Этимъ драгоцѣннымъ для меня позволеніемъ воспользовался я, конечно, съ восторгомъ и въ теченіе зимняго сезона $18^{40}/_{41}$ годовъ былъ три раза у Василія Андреевича [1]). Во второй разъ по предварительно имъ высказанному желанію, привезъ я ему экземпляръ изданной при „Пантеонѣ“ моей музыки къ его „Свѣтланѣ“ и долженъ былъ ему проиграть (а гдѣ и пропѣть) ее. До этого времени я, какъ само собою разумѣется, прежде не имѣлъ случая встрѣчать гдѣ-либо знаменитаго „пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“; но у отца моего была изданная художникомъ Г. К. Гиппіусомъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ „галлерея знаменитыхъ мужей Россіи“. Это была коллекція портретовъ (въ настоящую величину) превосходной литографической работы. Между ними были портреты также Карамзина и Жуковскаго. Послѣднему въ то время, когда Гиппіусъ его срисовалъ, было лѣтъ уже подъ сорокъ; но на литографическомъ портретѣ онъ является далеко болѣе молодымъ, съ лицемъ нѣсколько продолговатымъ и сухощавымъ, съ большими, огненной жизни исполненными глазами и съ густыми, волнистыми, свободно слѣва направо перекинутыми волосами. На широкомъ лбѣ лежатъ слѣды глубокихъ думъ; около губъ паритъ меланхолическая и въ то же время гордая улыбка. И вотъ 16-тью или 17-тью годами позже увидѣлъ я наконецъ самого поэта; на тотъ портретъ, однакоже, онъ уже не походилъ. Самое лице-то пополнѣло; черты лица просвѣтлѣли и румянецъ бодрой старости игралъ на щекахъ; обнаженный лобъ, обрамленный только съ боковъ подстриженными, къ вискамъ гладко причесанными, слегка уже посѣдѣвшими волосами, показался мнѣ болѣе высокимъ и широкимъ, но вмѣсто слѣдовъ бурныхъ думъ на этомъ лбѣ царила величественная тишина поэта философа; въ глазахъ свѣтлѣлись душевный миръ и истинное благодушіе, а улыбка, парящая на губахъ, выражала вмѣсто гордости—теплую привѣтливость; вмѣсто меланхоліи—сердечное довольствіе счастливаго семьянина [2]).

---

[1]) Жуковскій жилъ тогда на Невскомъ проспектѣ въ домѣ какъ разъ насупротивъ Малой Морской.

[2]) Жуковскому былъ тогда всего только еще 58-й годъ, и недавно предъ тѣмъ (кажется) женился онъ на одной молоденькой гессенской баронессѣ, однолѣткѣ и

Когда я внезапно покинулъ Дерптскій университетъ, Соллогубъ окончилъ 3-й семестръ и ему тогда было 18 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ прошло ровно 10 лѣтъ. Это было въ четвертое, либо въ пятое мое посѣщеніе вечеромъ кн. Одоевскаго, какъ разъ на рождественской недѣлѣ, и въ 12-мъ уже часу ночи (если не позже еще), когда общая наша бесѣда была вдругъ прервана раздавшейся въ переднѣ громкой какофоніею различныхъ инструментовъ. Преобладало частое постукиваніе на дѣтскомъ барабанѣ, которому вторили быстро мѣнявшіеся, не подходившіе другъ къ другу звуки то дѣтской деревянной дудочки, то писклиаго деревяннаго рожечка, то глиняной, такъ называемой уточки. Всѣ вскочили: „Ah, mon Dieu! qu'est ce que cet affreux tintamarre?“ [1]). Въ это время въ комнату входитъ мѣрными шагами и съ невозмутимо серьезнымъ лицемъ высокаго роста, плечистый молодой человѣкъ въ бальной одеждѣ, обвѣшанный разными дѣтскими музыкальными инструментами, на которыхъ не перестаетъ производить дикій свой концертъ. Прервалъ онъ свою какофонію только, когда приступившія къ нему дамы насильно сняли съ него весь музыкальный арсеналъ.

„Какое варварское обхожденіе съ великимъ талантомъ!“— воскликнулъ Соллогубъ,—„куда-жъ это я попалъ? То-ли было сейчасъ у княгини ***? Тамъ, подъ тѣнью,—mais non!—подъ сіяніемъ поэтически свои вѣтви простирающей елки, по достоинству оцѣнили вдругъ открытый во мнѣ высокій музыкальный

подругѣ августѣйшей невѣсты нашего Великаго Князя-Цесаревича, будущей Государыни Императрицы Маріи Александровны. Изъ всѣхъ портретовъ, снятыхъ съ Жуковскаго въ эпоху 40-выхъ годовъ, самый удачнѣйшій въ отношеніи выраженія характера, по моему мнѣнію, есть небольшой акварельный (насколько я помню), сдѣланный Свиньинымъ, другомъ Василія Андреевича и издателемъ какого-то журнала. Поэтъ сидитъ въ креслахъ и разсматриваетъ альбомъ собственныхъ своихъ рисунковъ (Жуковскій любилъ заниматьсяэтимъ искусствомъ, и превосходно рисовалъ). Одѣтъ же онъ на томъ портретѣ въ нѣчто, похожее на кафтанъ съ шнуровыми застежками. Портретъ этотъ нарисованъ почти en face, и голова чуточку наклонена впередъ. Былъ и другой еще, чертами довольно хорошо схожій, масляными красками, въ настоящую величину, писанный портретъ, съ котораго преимущественно распространены снимки гравюрами и фотографіею. Жуковскій изображенъ на немъ à trois quart de face, сидящій, въ вицмундирѣ и съ Анненской звѣздою. Тутъ настоящаго характера Василія Андреевича нѣтъ: онъ смотритъ тутъ департаментскимъ директоромъ, а не поэтомъ.

[1]) Ахъ, Боже мой! Что это за отвратительный шумъ?

геній, и одаривъ меня восхитительными этими музыкійскими орудіями, благословили на новое, небесоподобное поприще: иди, божественный баянъ! Прославь себя, и покоряй сердца! И вдругъ,— увы!—такой афронтъ!“ [1]).

Вся эта патетическая тирада сопровождалась, конечно, общимъ веселымъ хохотомъ.

Побалагуривъ еще нѣсколько минутъ съ дамами, Соллогубъ направился въ другую комнату, гдѣ находился собственно-то литературный кружокъ. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ прямо подошелъ ко мнѣ и дружески протянулъ обѣ руки; мы обнялись и, сѣвъ рядомъ, завели разговоръ о давно и недавно прошедшемъ, о Дерптской нашей студентской жизни, и о томъ, что съ каждымъ изъ насъ потомъ случилось.

Послѣ этого мы въ теченіе многихъ лѣтъ довольно часто видѣлись, преимущественно у кн. Одоевскаго и у тестя Соллогуба, у гр. Михаила Віельгорскаго. Бывалъ Владиміръ Александровичъ раза два или три и у меня, какъ и я у него, но семейно мы не познакомились, потому что мои средства мнѣ того не дозволяли [2]).

---

[1]) Согласенъ я, что въ аристократическихъ кругахъ подобныя выходки не приняты, что въ томъ даже и нѣтъ никакой особенной остроты. Это была просто наивноюношеская безобидная шалость прежняго Дерптскаго бурша, что и составляло фондъ характера Соллогуба. И блаженъ, кто на всегда съумѣлъ сохранять въ своей душѣ наивную веселость юноши!

[2]) При этомъ случаѣ я считаю своимъ долгомъ защитить Соллогуба отъ несправедливыхъ упрековъ г-жи Головачей-Панаевой. Въ упомянутыхъ уже „воспоминаніяхъ“ ея сказано (стр. 91): „если бы Соллогубъ не ломался, то былъ бы пріятнымъ собесѣдникомъ. Но часто онъ былъ невыносимъ, вѣчно корча изъ себя то Дерптскаго студента, то аристократа. Въ свѣтскомъ обществѣ онъ кичился званіемъ литератора, а въ литературномъ—своимъ графствомъ. Если его знакомили съ простымъ смертнымъ, онъ подавалъ ему два пальца и на другой день при встрѣчѣ дѣлалъ видъ, что не узнаетъ его“.—Графа Соллогуба я увидалъ въ 1-й разъ въ Дерптѣ въ 1828 году, а въ послѣдній (въ его временной квартирѣ на углу Офицерской улицы и Фонарнаго пер.) въ 1863 году зимою. Въ теченіе этихъ 35-ти лѣтъ я съ нимъ, пожалуй, въ 20 разъ чаще видѣлся, чѣмъ г-жа Головачева, и хотя также и я принадлежалъ (какъ и еще принадлежу) къ числу „простыхъ смертныхъ“, хотя Соллогубъ воочію зналъ мое слишкомъ бѣдное житье-бытье, но онъ всегда относительно меня былъ однимъ и тѣмъ же милымъ камерадомъ, никого не корча, и ничѣмъ не кичившись. И въ обществахъ и на улицѣ всегда онъ протягивалъ мнѣ *всю* свою руку, и дружески жалъ мою. Но

Гребенка, не смотря на свою невзрачную и некрасивую наружность, былъ весьма сердечный и симпатичный молодой человѣкъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ молодымъ писателямъ повѣстей, которые живою, но логическою инвенціею, да занимательною, но естественною простою манерою изложенія выказывали истинный, а не мишурный талантъ. Въ своихъ повѣстяхъ изъ быта малороссіянъ онъ обнаруживалъ себя достойнымъ преемникомъ Грицка Основьяненки (Григорія Ѳеодоровича Квитки), и по истинѣ жаль, что талантъ Гребенки не успѣлъ вполнѣ развернуться: онъ умеръ 36-ти лѣтъ въ 1848 году. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ состоялъ учителемъ при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Съ Ѳеофиломъ Матвѣевичемъ Толстымъ мы долгое время не сходились, чему оказалось много внѣшнихъ причинъ. Во-первыхъ (да и преимущественно), онъ принадлежалъ къ самому отборному кругу аристократическаго общества, не потому, что онъ былъ каммеръ-юнкеръ императорскаго двора (вѣдь ихъ цѣлый легіонъ); также и не потому только, что онъ происходилъ изъ древней боярской фамиліи и что братъ его Иванъ Матвѣевичъ былъ однимъ изъ любимцевъ Государя Императора (хотя это обстоятельство и открыло ему входъ въ храмину всѣхъ храминъ), а потому что онъ оказался однимъ изъ тѣхъ немногихъ избранниковъ, которые удостоивались счастія быть приглашаемыми на интимныя вечеринки Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. И впрямь можно и должно было признавать, что эти избранники и избранницы составляли „la crême de la crême de la bonne société“ [1]). Принадлежа къ числу „обыкновенныхъ смертныхъ“ (говоря словами г-жи Головачевой-Панаевой), я считаю все-таки своимъ правомъ, — не только порицать

очень можетъ быть, что—не спросясь его—насильно знакомили съ людьми, съ которыми и „обыкновенно-смертный“, но порядочный человѣкъ равномѣрно не пожелалъ бы быть знакомымъ. Въ такихъ случаяхъ, каюсь, и азъ грѣшный, хотя и не аристократъ, точно также поступалъ и еще поступаю, какъ описываетъ г-жа Головачева. Вис. Григ. Бѣлинскій напр. также былъ „обыкновенный смертный“, но въ то же время и порядочный человѣкъ, и мнѣ ни разу не приходилось видѣть, чтобы Соллогубъ иначе его встрѣчалъ, какъ дружескимъ руки его пожатіемъ *всей* своей рукою. Надо здраво и прямо судить о дѣлахъ и людяхъ, а не односторонне.

[1]) Сливки отъ сливокъ хорошаго общества.

пороки и слабости, но равномѣрно признавать и восхвалять достоинства и добродѣтели каждаго сословія. И было бы несправедливо отрицать, что

Народа высшихъ доблестей сіянье
Вокругъ престола царскаго блеститъ.
И если кто изъ членовъ сего круга
До *истинной* культуры не достигъ,
Коль не позналъ онъ *очищенья сердца*
И *возвышенья духа*,—то онъ самъ
Лишь въ томъ виновенъ: ибо къ высшей сферѣ
Познанья истины *ему даны*
Всѣ средства для неложнаго пути! [1]).

И вотъ почему я искренне поклоняюсь тому, кто первый изрекъ великую аксіому: „noblesse oblige“ [2])! Вотъ почему я готовъ еще ниже преклониться предъ тѣмъ, кто изъ „обыкновенныхъ смертныхъ“, помощію Богомъ дарованнаго таланта, твердой воли и мужественнаго труда, дѣйствительно достигъ *истинной* культуры, и познавъ *очищенія сердца* да *возвышеніе духа*, пріобрѣлъ право сказать: и я также „равенъ равнымъ“ [3]). Но увы! не всѣ *призванные* умѣютъ возвышаться до того, чтобы сдѣлаться *избранными!*

Но я возвращаюсь къ настоящему своему предмету. Про очаровательность этихъ интимныхъ, литературно музыкальныхъ вечеровъ въ собственныхъ аппартаментахъ Государыни Императрицы я въ то время много слышалъ. Жуковскій почти всегда на нихъ присутствовалъ. Между участвовавшими исполнителями достойны упоминанія графы Михаилъ и Матвѣй Юрьевичи Віельгорскіе, изъ которыхъ первый отличался какъ по истинѣ замѣчательный чтецъ на почти всѣхъ Европейскихъ языкахъ и какъ опытный аккомпаньяторъ на фортепіано, а второй какъ значительный виртуозъ на віолончели; Алексѣй Ѳеодоровичъ Львовъ, какъ мастеръ въ игрѣ на скрипкѣ. По части пѣнія отличались: фрейлина Двора Прасковья..... Бартенева, владѣвшая

---

[1]) Изъ драмы „Künstlerleben“ (Жизнь художника). Русскій переводъ автора.

[2]) Дворянство обязываетъ.

[3]) Peer of peers. Англійское слово „peer“ значитъ „равный, подобный“, но обозначаетъ также званіе вообще титулованнаго аристократа „пера“.

превосходнымъ альтовымъ голосомъ; свѣтл. кн. Григорій Петровичъ Волконскій (basso cantante), ученикъ (кажется) знаменитаго композитора Россини, и братья Толстые, оба съ прекрасно выработанными голосами; у старшаго (Ивана Матвѣевича) былъ баритонъ, а у младшаго теноръ.

Разсказывали также, что участвовали иногда и члены Императорской семьи напр., Великая Княгиня Марія Николаевна пѣніемъ и Великій Князь Константинъ Николаевичъ на віолончели.

Эти отношенія-то Ѳеофила Матвѣевича къ Высочайшему Двору нѣсколько повліяли на меня и я считалъ его, самъ нынѣ не знаю почему, заносчивымъ, вслѣдствіе чего и держался по дальше отъ него. Онъ же, съ своей стороны, предполагалъ, что я обычнаго сорта музыкантъ и больше ничего. Второе, что лежало между нами, было то обстоятельство, что въ конкурсѣ Филармоническаго Общества вторымъ по достоинству признано было сочиненіе Толстаго, и онъ подозрѣвалъ меня въ кичливости, за что я платилъ подозрѣніемъ въ завистливости. Эти недоумѣнія между нами продолжались болѣе года, пока случайно мы не встрѣтились въ одно прекрасное утро у Соллогуба. Тогда мы сблизились и чѣмъ болѣе узнавали, насколько мы были ошибочнаго другъ о другѣ мнѣнія, тѣмъ дружнѣе становились наши отношенія. Мы, правда, не часто навѣщали другъ друга; но когда одинъ изъ насъ что либо серьезное предпринималъ, то всегда мы являлись другъ къ другу посовѣтываться о задуманномъ. Ѳеофилъ Матвѣевичъ былъ не только весьма многосторонне и основательно образованный человѣкъ, но и совершенный джентльменъ какъ сердцемъ, такъ и воззрѣніями и манерами, и умѣлъ признавать эти качества и въ другихъ, безъ всякихъ сословныхъ предубѣжденій [1]). Какъ музыкантъ, онъ, безспорно, долженъ считаться въ ряду выдававшихся дѣятелей той эпохи. Про него, обыкновенно, нынѣ упоминаютъ только какъ о „дилетантѣ“, потому, что онъ былъ каммеръ-юнкеромъ, и подъ конецъ даже гофъ-маршаломъ Двора, а не музыкальнымъ профессіонистомъ. Но забываютъ, что вплоть до 60-хъ годовъ самый-то цвѣтъ *русскаго* музыкальнаго міра состоялъ исключительно только изъ

[1]) Послѣдній разъ видѣлся я съ нимъ весною 1873 года, когда пріѣхавъ въ Москву, онъ, между прочимъ, обрадовалъ и меня своимъ посѣщеніемъ. У меня сохранилось также еще одно изъ трехъ его писемъ ко мнѣ.

„дилетантовъ“. Глинка, Даргомыжскій, гр. Віельгорскій, кн. Одоевскій, Львовъ, Сѣровъ и др., мы всѣ принадлежали не къ профессіональнымъ, а къ „вольнымъ“ музыкантамъ. *Тогда* „дилетантъ“ *не имѣлъ права* быть невѣждою въ музыкальной грамматикѣ и въ музыкальной литературѣ. А что Толстой дѣйствительно не былъ такимъ невѣждою, такъ это онъ достаточно доказалъ своею дѣятельностію. Онъ, правда, какъ композиторъ не блисталъ сильной, самородной инвенціею; онъ не обладалъ даромъ тонкой, оригинальной инструментаціи, но все-таки всѣ произведенія его свидѣтельствовали о научномъ и эстетическомъ развитіи его музыкальнаго пониманія. Логическій же разумъ его и неотрицаемый писательскій талантъ на двухъ языкахъ дали ему возможность сдѣлаться весьма полезнымъ для развитія въ Россіи музыкальной жизни критикомъ, и на этомъ поприщѣ онъ впрямь ознаменовалъ себя неутомимымъ и, *по силамъ и убѣжденіямъ своимъ*, ревностнымъ и толковымъ, а главное: *честнымъ*, *безпристрастнымъ*, *не злобствующимъ* дѣятелемъ, который и въ полемикѣ, даже противъ пошлыхъ грубостей своихъ антагонистовъ, всегда оставался истиннымъ джентльменомъ. Я съ нимъ во многихъ мнѣніяхъ расходился, но все-таки, всегда высоко и искренно его уважалъ и еще уважаю.

Съ кѣмъ я скоро сошелся, но, къ сожалѣнію, столь же скоро опять и разошелся, такъ это былъ Бѣлинскій; о первомъ я, конечно, самъ все свое стараніе приложилъ; второе же случилось безъ моей вины. Выше ужѐ было упомянуто, что, когда я въ первый разъ явился на вечеръ у Одоевскаго, то пришлось мнѣ тотчасъ сѣсть около Бѣлинскаго. Не столь давно еще предъ тѣмъ случилось мнѣ у знакомыхъ просмотрѣть одну изъ книжекъ „Отечественныхъ записокъ“ (я самъ не былъ абонированъ на слишкомъ дорогой для меня журналъ); въ этой книжкѣ нашлась критическая статья о двухъ, въ томъ же 1840 году безъ названія автора изданныхъ, книжкахъ кн. Одоевскаго, изъ которыхъ одна содержитъ переводъ двухъ сказокъ нѣмецкаго писателя Эрнеста Амедея Гофмана, а другая—самостоятельное твореніе „Дѣтскія сказки дѣдушки Иринея“ [1]). Въ особенности понрави-

[1]) Кн. Одоевскій подарилъ мнѣ, при первомъ моемъ визитѣ, по экземпляру каждаго изъ этихъ сочиненій.

лось мнѣ пространное введеніе, въ которомъ очень логически и здраво трактуется вопросъ о воспитаніи дѣтей вообще, а между прочимъ также о музыкѣ, какъ о важномъ педагогическомъ средствѣ. Мнѣ было извѣстно, что Бѣлинскій былъ авторъ этой статьи, равно какъ я зналъ также, что въ предъидущихъ годахъ онъ завѣдывалъ литературно- и театрально-критическимъ отдѣломъ въ „Московскомъ наблюдателѣ“, въ которомъ мнѣ также случалось читать нѣкоторыя критическія статьи. Вотъ я и сказалъ Бѣлинскому, что я прочелъ его мысли о педагогической пользѣ музыки, и что я совершенно раздѣляю его мнѣніе. На это онъ отвѣтилъ, что его радуетъ слышать такой отзывъ отъ музыканта-спеціалиста, и мы съ нимъ на эту же тему проговорили весь вечеръ. Этотъ разговоръ сразу насъ сблизилъ, и мы съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь у Одоевскаго, постоянно садились вмѣстѣ. Бѣлинскій очень любилъ музыку, и понималъ и судилъ о сочиненіяхъ по поэтическому ихъ содержанію, т. е. по тому, какіе поэтическіе образы какая музыка въ состояніи возродить въ его же собственной фантазіи. Вскорѣ онъ пригласилъ меня навѣщать его [1]), и я въ теченіе этой зимы бывалъ у него разовъ до пяти или шести. Виссаріонъ Григорьевичъ имѣлъ-таки маленькую страсть толковать молодымъ писателямъ и артистамъ о своихъ воззрѣніяхъ на поэзію и на формы ея проявленія, и такъ какъ онъ не могъ не замѣтить, сколь живо я интересовался этими толкованіями, то онъ и не скупился на свои лекціи. Прежде всего требовалъ онъ отъ художественнаго творенія идею, фабулу, мотивъ,—но идею плодотворную; фабулу естественную, логичную; мотивъ ясный, выразительный. А образное развертываніе идеи, фабулы, мотива должно исполняться по требованіямъ художественной эстетики; т. е. поэтъ долженъ выказывать полное свое владѣніе словомъ и метрикою; музыкантъ звуками и ритмикою; живописецъ красками и рисунками и т. д. Идею и чувство безъ красиво пластичной техники считалъ онъ столь же

---

[1]) Бѣлинскій тогда жилъ въ Галерной улицѣ, насупротивъ дома, принадлежавшаго Морскому министерству, на мѣстѣ котораго потомъ былъ выстроенъ дворецъ Вел. Кн. Николая Николаевича. Виссаріонъ Григорьевичъ нанималъ въ 4-мъ этажѣ того дома двѣ плохо меблированныя комнатки отъ жильца, какого-то сенатскаго протоколиста.

мало художественнымъ явленіемъ, какъ одно лишь второе безъ двухъ первыхъ достоинствъ.

Разъ пришелъ я къ Бѣлинскому, какъ всегда, около полудня, и засталъ у него гостя, на видъ лѣтъ подъ сорокъ; небольшаго роста, съ блѣднымъ худощавымъ лицомъ, русыми густыми волосами, надо лбомъ хохловато подчесанными, а у висковъ подвернутыми; выраженіе лица было добродушное, но меланхолическое. Сертукъ на немъ черный, довольно длинный, застегнутый; воротнички туго накрахмаленные и черный довольно высокій галстукъ. Это былъ поэтъ Кольцовъ; собственно-то онъ былъ гораздо моложе, чѣмъ онъ казался, но отъ сердечнаго горя и отъ бѣдности онъ состарѣлся раньше времени.

„Вотъ, Арнольдъ (сказалъ Бѣлинскій), вотъ, у кого берите стихи для написанія музыки. Если поймете его, да угодите подъ слова, я и впрямь васъ почту за истаго руссака; но коли не потрафите, буду васъ нѣмцемъ звать хотя бы вы тамъ пожаловались на меня и цѣлой сотнѣ Бенкендорфовъ.

Я радостно согласился и просилъ назначить мнѣ пѣсню.

„Ну, Александръ Васильевичъ! скажите, какую дадите вы ему пѣсенку?“—обратился Бѣлинскій къ Кольцову.

Поэтъ-прасолъ, по скромной и застѣнчивой своей натурѣ, сначала конфузился: „Да почтò же мнѣ имъ еще назначать-то? Они лучше моего знаютъ, что годится для музыки; сами выберутъ“.

Наконецъ, однакоже, онъ сказалъ, что любимое его произведеніе есть стихи: „Не шуми ты рожь, спѣлымъ колосомъ“.

„Въ нее-то всю душу свою я вылилъ!“ прибавилъ онъ, и глаза у него невольно покрылись влагою [1]).

Бѣлинскій прочелъ мнѣ эти стихи; онъ зналъ, кажется, на память всѣ сочиненія Кольцова. Читать же, Виссаріонъ Григорьевичъ такъ превосходно ихъ прочелъ, что, записывая на-скоро стихи подъ его декламацію, я тутъ же и вдохновился основной идеею мелодіи, и пригласилъ обоихъ къ себѣ чрезъ день, чтобы послушать мое произведеніе. Когда въ назначенный день и часъ Бѣлинскій съ Кольцовымъ пришли ко мнѣ, то не только самый романсъ былъ совсѣмъ разработанъ какъ слѣдуетъ, но я успѣлъ

---

1) Это стихотвореніе Кольцовъ написалъ на смерть своей невѣсты.

даже изготовить перебѣленную рукопись съ надписью „Высокопочитаемому поэту отъ музыкопѣвца на память“. Само собою разумѣется, что я долженъ былъ пропѣть мой романсъ. Кольцовъ, прослезившись, благодарилъ нѣсколько разъ, а Бѣлинскій, пожавъ мнѣ крѣпко руку, сказалъ: „По кличкѣ хотя вы и нѣмецъ, а душа-то впрямь у васъ русская! Рублемъ подарили! Спасибо вамъ и за него и за меня!“

Этотъ день былъ зенитомъ нашей дружбы; въ Мартѣ же мѣсяцѣ ей предстоялъ уже неожиданный конецъ. Предъ самымъ этимъ днемъ попался мнѣ, у тѣхъ же знакомыхъ, гдѣ я прочелъ въ „Отечественныхъ запискахъ“ разборъ книгъ Одоевскаго, другой еще выпускъ того же журнала (изъ весеннихъ книжекъ 1840 года), въ которомъ я нашелъ критическую статью по поводу втораго изданія (1839 года) комедіи А. С. Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Бѣлинскій, указывая на нѣкоторыя мѣста, находитъ въ нихъ (гдѣ на самомъ дѣлѣ, а гдѣ и болѣе воображаемо, т.-е. съ нѣкоторою натяжкою) несообразности, и пустое резонерство, и противоставитъ этому творенію другую комедію, а именно „Ревизоръ“ Н. В. Гоголя, какъ образцовое *во всѣхъ отношеніяхъ* и ни малѣйшимъ укоризнамъ не подлежащее, вполнѣ геніальное и вполнѣ художественное произведеніе, стараясь доказывать, не безъ нѣкоторыхъ софизмовъ, что,—кажущіяся только *другимъ* несообразностями и утрировками,—*всѣ*, безъ исключенія, ситуаціи, дѣйствія и рѣчи лицъ въ „Ревизорѣ“ *какъ нельзя болѣе нормальны*, *правдивы* и *логичны*. Когда послѣ того мы встрѣтились на вечерѣ у кн. Одоевскаго и я ему сообщилъ, что читалъ эту статью, то первое его слово было:

„Ну что жъ? Вы, конечно, со мною согласны?“

Я отвѣтилъ, что не совсѣмъ; что по моему воззрѣнію нельзя просто на просто установить вообще параллель между этими двумя произведеніями, и что еще менѣе того слѣдуетъ быть противъ одного до самихъ мелочей взыскательнымъ, а къ другому, съ явнымъ пристрастіемъ, быть слишкомъ снисходительнымъ. Къ величайшему моему испугу, Бѣлинскій страшно разсердился, и насилу удерживаясь отъ возвышенія голоса, разругалъ меня такъ, что я не зналъ, куда дѣваться. Наконецъ, онъ вскочилъ, схватилъ шляпу и ушелъ. На слѣдующій сезонъ я его болѣе не встрѣчалъ на вечерахъ у Одоевскаго. Мнѣ крайне жаль

было, что наша, повидимому, столь прочная entente cordiale [1]) такъ скоро и такъ непріятно прервалась.

Нельзя отрицать, что Бѣлинскій владѣлъ въ высшей степени всѣми данными, чтобы быть образцовымъ критикомъ, и большинство его статей на долгія еще времена могутъ и должны служить для изученія эстетическихъ основъ теоретической, правильной критики по части литературныхъ произведеній. Но,— а именно этого-то и жаль!—и онъ также былъ *человѣкъ*, и „не изъятъ отъ того, что человѣка есть“. *Своихъ*, т.-е. не только любимыхъ—дѣйствительно высоко стоящихъ (а все таки равно не *вовсе* безгрѣшныхъ)—авторовъ, но даже и просто *лично къ нему близкихъ* писакъ онъ грудью отстаивалъ и до небесъ превозносилъ. Такъ между прочимъ стоитъ сравнить, какъ онъ отзывается (и совершенно резонно!) осенью 1840 года—въ „Отечественныхъ запискахъ“ о *незнакомомъ ему еще г. Н. Н.* [2]) по поводу сборника его стихотвореній подъ названіемъ „Мечты и звуки“, и лѣтъ черезъ пять (въ 1845 году) о *своемъ другѣ и сотрудникѣ Н. А. Некрасовѣ*, по поводу изданнаго имъ „Петербургскаго сборника“ и помѣщенныхъ въ нихъ стихотвореній того же автора. Повторяю: Жаль! трижды жаль! ибо Бѣлинскій, самъ по себѣ, былъ *геніальный* критикъ!

XXXV.

Вечера у кн. Одоевскаго.—Слухи о Лермонтовѣ.—„Путевыя впечатлѣнія мадамъ де-Курдюковой“.—Импровизаторъ Giustiniani и дѣйствія его искусства.—Духъ вечеровъ измѣняется.—Княгиня О. Ст. Одоевская.—Эпизодъ съ Даргомыжскимъ.

Бо́льшею частію посѣтители вечеровъ кн. Одоевскаго размѣщались, гдѣ кому удобнѣе, отдѣльными группами и въ частныхъ разговорахъ обмѣнивались своими мыслями и воззрѣніями. Но бывали также случаи, гдѣ какой-нибудь ненарокомъ затронутый или a priori предвѣщанный предметъ возбуждалъ общій интересъ

---

[1]) Сердечное согласіе мыслей.

[2]) Бѣлинскому, конечно, какъ и *всему* Петербургскому литературному кругу, было хорошо извѣстно, что авторъ Н. Н. никто иной, какъ водевилистъ *Перепельскій*, и что настоящее его имя—*Николай Некрасовъ*.

всѣхъ присутствующихъ. Такихъ случаевъ было не мало, преимущественно до исхода 40-выхъ годовъ; всѣхъ и не припомнишь чрезъ полвѣка, да и не всѣ представляютъ особенный интересъ для нынѣшняго поколѣнія. Три случая, однакоже, оставили довольно глубокіе слѣды въ моей памяти, и такъ я полагаю, не лишены интереса также и для „нонѣшныхъ“, какъ сказалъ бы мой Хилковскій „баянъ“.

Не помню я кто именно, въ одинъ изъ Декабрьскихъ понедѣльниковъ 1840-го года, привезъ извѣстіе, что „старуха Арсеньева подала на Высочайшее имя весьма трогательное прошеніе о помилованіи ея внука Лермонтова и объ обратномъ его переводѣ въ гвардію“. Завязался, конечно, общій и довольно оживленный диспутъ о томъ, какое рѣшеніе воспослѣдуетъ со стороны Государя Императора. Были тутъ и оптимисты, и пессимисты: первые указали на то, что Лермонтовъ былъ, вѣдь, уже разъ помилованъ, и что Арсеньева женщина энергичная, да готовая на всякія пожертвованія для достиженія своей цѣли, а вслѣдствіе того наберетъ себѣ массу сильнѣйшихъ заступниковъ и защитницъ; ergo: результатомъ неминуемо должно воспослѣдовать помилованіе. Съ своей же стороны, пессимисты гораздо основательнѣе возражали: во 1-хъ, что вторичная высылка Лермонтова на Кавказъ, при переводѣ на сей разъ уже не въ прежній Нижегородскій драгунскій, а въ какой-то пѣхотный полкъ, находящійся въ самомъ отдаленнѣйшемъ и опаснѣйшемъ пунктѣ всей военной нашей позиціи, доказываетъ, что Государь Императоръ считаетъ второй проступокъ Лермонтова гораздо предосудительнѣе перваго; во 2-хъ, что тутъ вмѣшаны политическія отношенія къ другой державѣ, такъ какъ Лермонтовъ имѣлъ дуэль съ сыномъ французскаго посла, и въ 3-хъ, что по двумъ первымъ причинамъ неумолимыми противниками помилованію неминуемо должны оказаться съ дисциплинарной стороны великій князь Михаилъ Павловичъ, какъ командиръ гвардейскаго корпуса, а съ политической стороны канцлеръ графъ Нессельроде, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Пренія длились не обыкновенно долго, тѣмъ болѣе что тутъ вмѣшались барыни, и даже преимущественно завладѣли диспутомъ. Я соскучился и незамѣтно улизнулъ. На прошеніе г-жи Арсеньевой, какъ и надобно было ожидать, воспослѣдовалъ отказъ, но особою милостію Государь Импера-

торъ разрѣшилъ Лермонтову трехмѣсячный отпускъ съ дозволеніемъ провести это время у своей бабушки въ Петербургѣ. Услышавъ про этотъ исходъ дѣла, я надѣялся когда-нибудь встрѣтить Лермонтова у кн. Одоевскаго, но ошибся въ своемъ ожиданіи: Лермонтовъ ни на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ князя ни разу не показывался. Осенью же того же 1841-го года пришло съ Кавказа извѣстіе, что Лермонтовъ былъ убитъ на дуэли.

На одномъ изъ вечеровъ Января мѣсяца 1841-го года Иванъ Петровичъ Мятлевъ читалъ изъ рукописи только что оконченную, прелестную свою юмористическую поэму: „путевыя впечатлѣнія мадамъ де-Курдюковой“. Сколько психологической правды въ этой вещицѣ, сколько тонко схваченныхъ вѣрныхъ чертъ изъ нрава, изъ привычекъ и воззрѣній русской степной провинціалки съ претензіями на аристократизмъ. И какая художественность въ легкости и элегантности литературной отдѣлки! Хохочешь поневолѣ отъ всей души, а тривіально-банальнаго стиха нигдѣ не встрѣчаешь!

„Вы нынѣшніе.... нутка?!—“

Читалъ же И. П. Мятлевъ очень хорошо, съ явными признаками истиннаго сценическаго комизма. Вообще, надобно замѣтить, что въ старину почти всѣ образованные люди болѣе или менѣе хорошо читали, потому что съ малолѣтства уже насъ тому обучали. Въ Петербургѣ таковыми уроками занимался артистъ Императорскихъ театровъ Брянскій; а въ Москвѣ (буде память не обманываетъ) Щепкинъ и Рѣпинъ [1]).

Осенью того же года на одномъ изъ вечеровъ у Одоевскаго, представился многочисленному обществу римскій импровизаторъ signore Giustiniani, который на заданныя темы читалъ (будто) экспромптомъ имъ тутъ же сочиняемыя стихотворенія, подъ аккомпаниментъ фортепіано. Для этой цѣли онъ, когда выступилъ, спросилъ: не окажетъ ли „qualcuno dell' onoratissima ed illu-

1) Каратыгинъ (въ Петербургѣ) не занимался этимъ; да и школа его (Тальма) къ таковому—простому, естественному чтенію не годилась: она отзывалась слишкомъ напыщенностію котурна. Та же метода выказывалась и у Самарина (въ Москвѣ): декламація по теоретической строгости, но съ неизмѣняемымъ тембромъ, безъ разнообразія голосовыхъ красокъ, для всѣхъ характеровъ все одна и та же звучность. Вотъ Вас. Вас. Самойловъ, тотъ умѣлъ естественно говорить и читать; у Брянскаго занимался и самъ работалъ.

strissima compagnia“ [1]) милость, сопровождать его „recitazione“ [2]) простыми аккордами на фортепіано? Княгиня Одоевская попросила одну изъ присутствовавшихъ дамъ быть столь любезной, принять на себя этотъ трудъ. Барынька эта, брюнетка небольшаго роста, лѣтъ подъ тридцать, была миловидна собою, съ большими черными глазами и съ весьма умнымъ выраженіемъ лица; она очень просто и безъ всякихъ замашекъ согласилась, встала съ своего мѣста и, подошедъ къ флигелю, сѣла за него [3]).

— „Mais, Signore, vous m'indiquerez du moins, j'espère, la tonalité et l'allure, que je dois prendre? [4])—обратилась она къ импровизатору.

— „La tonalità è tutt'una. Solamente due accordi, illustrissima, di grazia. Relativamente al tempo, Eccellenza mi permèttera indicarlo“ [5]).

Затѣмъ каждый изъ присутствовавшихъ, кто пожелалъ, на розданныхъ уже заранѣе билетахъ написалъ какую-нибудь тему, которую потомъ самъ и положилъ въ стоявшую предъ княгинею Ольгою Степановною вазу. Билеты эти были перемѣшаны, и хозяйка предложила тремъ дамамъ вынуть по одному билету и передать синьору Джустиніани. Такимъ образомъ, ему заданы были три темы.

Онъ взялъ одинъ билетъ, и, подавъ его княгинѣ, просилъ прочесть во всеуслышаніе. Позже поступилъ онъ точно также и съ остальными двумя билетами, которые онъ пока положилъ на флигель. Затѣмъ г. Джустиніани, приложивъ пальцы правой руки ко лбу, постоялъ въ этой позѣ минуты двѣ или три; потомъ обернулся къ дамѣ у флигеля и сказалъ: „Di grazia, illustrissima, a due (или a tre) tempi, e ben moderato“ [6]). Дама на-

---

[1]) Кто-нибудь изъ многоуважаемой и высокородной компаніи.

[2]) Чтеніе стиховъ.

[3]) Кажется, это была Александра Осиповна Смирнова.

[4]) Но, синьоръ, вы, я надѣюсь, укажете мнѣ по крайней мѣрѣ тональность и аллюръ, которые я должна брать?

[5]) Тональность все равно какая. Лишь два аккорда, высокородная дама, будьте милостивы. Относительно темпа ваше превосходительство мнѣ дозволитъ указать его.

[6]) Будьте милостивы, высокородная, въ два (или три) темпа, и очень медленно.

чала брать попеременно то аккордъ Тоники, то Доминанты, и такъ все время, а вслѣдъ затѣмъ и импровизаторъ началъ читать свои стихи на манеръ recitativo parlando или secco [1]) и довольно звучнымъ баритоннымъ голосомъ.

Можетъ быть то, что онъ читалъ, было и на самомъ дѣлѣ очень поэтично и художественно; но я и теперь не первой руки знатокъ италіянскаго языка, а тогда и подавно; слѣдовательно, въ тотъ вечеръ я понялъ изъ каждыхъ десяти словъ гдѣ шесть или семь, а гдѣ и четыре или пять только. Одно дѣйствительно слышалъ и понималъ я ясно, что форму канцонетовъ и ритмику стиховъ г. Джустиніани строго соблюдалъ, и что рифмы его были полнозвучны. Но этотъ recitativo secco подъ однообразный аккомпаниментъ безконечно чередующихся все однихъ и тѣхъ же двухъ аккордовъ, при непониманіи содержанія стихотворенія, чуть не свелъ меня съ ума. А тутъ, невольно, еще поднималось и сомнѣніе: кто же изъ всѣхъ насъ, наивно слушающихъ, въ состояніи рѣшить: на самомъ ли дѣлѣ это импровизація, или же только наизустъ вытверженная (быть можетъ въ Италіи давно уже извѣстная) canzonetta?

Но импровизаторъ кончилъ, и раздались громкіе апплодисменты. Магическое слово „импровизаторъ“, къ тому же землякъ Dante Alighieri и Torquato Tasso, — и самое дѣло-то, новое, не бывалое еще у насъ, да и желаніе показаться знатокомъ италіянскаго языка, ну, какъ тутъ не апплодировать? Я съ удовольствіемъ бы ушелъ,—да чрезъ залу, чрезъ тройной кругъ сидѣвшихъ тамъ прекрасныхъ дамъ неловко было пробираться. А потому, когда начался № 2-й импровизацій, я тихо отправился въ сосѣднюю комнату, гдѣ обыкновенно мы засѣдали: она была полна мущинами. Слава Богу! Мнѣ и совѣститься не приходилось,—я очутился въ весьма почтенной компаніи, не менѣе illustrissima ed onorabilissima, какъ оставшаяся въ залѣ, слушать le recitazione del poèta improvisatore. Были тутъ князь Вяземскій, и тайный совѣтникъ Фонъ-Ганъ, и Краевскій, и съ десять другихъ еще звѣздъ на фракахъ. Сидѣлъ и Скалонъ на отоманкѣ, и я, присѣвъ около него, спросилъ его: былъ ли онъ въ залѣ во время первой импровизаціи? „Non, chèr ami, отвѣтилъ онъ;

[1]) Речитативъ говоркомъ или сухой.

pourquoi y aller, quand je pouvais faire ici quelque chose de mieux que d'entendre ce que je ne comprends guères! [1]). — Et qu'avez vous donc fait? [2]) — полюбопытствовалъ я. — „Un charmant petit somme, en compagnie avec tous ces messieurs, que vous voyez ici“ [3]).

Первобытною цѣлью вечернихъ собраній у кн. Одоевскаго было, повидимому, сосредоточиваніе всѣхъ въ Петербургѣ обрѣтавшихся производительныхъ силъ русской интеллигенціи. При таковой возможности взаимнаго обмѣна воззрѣній каждый укрѣплялся и дополнялся бы въ своемъ развитіи, а вслѣдствіе того образовалась бы въ литературной сферѣ компактность возвышенныхъ и единодушныхъ идей, расходящіеся отъ которой лучи дружно, а потому и плодотворно дѣйствовали бы на общее развитіе роднаго края. Мысль сама по себѣ безспорно грандіозная и по истинѣ патріотическая; но недосягаемая на нашей бѣдной планетѣ, участь которой: „суета суетъ и всяческая суета!“ Однимъ изъ препятствій къ осуществленію сказанной высоко-гуманной идеи оказалась природная двойственность въ существѣ самого князя Одоевскаго. По *духу* своему онъ былъ безсомнѣнно поэтъ-философъ, человѣкъ (въ идеальномъ понятіи слова); но по *плоти* онъ былъ князь древней отрасли, преисполненный идеею о недоступной для другихъ смертныхъ высоты его породы. Какъ въ Мейерберовой операѣ Робертъ, такъ и князь Владиміръ Ѳеодоровичъ могъ бы про себя сказать: „En moi j'ai deux penchants!“ [4]). Въ молодости его преобладала въ немъ наклонность къ человѣку—идеалу, и онъ (какъ мнѣ разсказывали), хотя и гордился честью быть потомкомъ основателя Русскаго государства,—(и было бы неестественно и даже весьма порицанія достойно, еслибы эта идея его *не* оживляла!),—но, поощряя его къ стремленію встать также и всѣмъ моральнымъ и интеллектуальнымъ своимъ существомъ въ уровень своему высокому рожденію (noblesse oblige!), родовая гордость никакъ не мѣшала ему видѣть въ каждомъ истинномъ талантѣ Богомъ посланнаго, равнаго ему брата. Въ

---

[1]) Нѣтъ, любезный другъ; и для чего же туда идти, когда я могъ здѣсь учинить кое-что лучшее, чѣмъ слушать то, чего я ни мало не понимаю.

[2]) И что же такое вы учинили?

[3]) Прекрасную маленькую выхрапку, въ сообществѣ всѣхъ этихъ господъ, которыхъ вы тутъ видите.

[4]) Во мнѣ есть двѣ наклонности.

1835-мъ (или въ 1834-мъ?) же году женился онъ на дочери сенатора дѣйств. тайн. совѣтника Ст. Дм. Ланскаго, на дѣвицѣ Ольгѣ Степановнѣ Ланской, братъ который Дмитрій Степановичъ въ сороковыхъ годахъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а позже даже пожалованъ въ графы Россійской имперіи. Ланскіе ведутъ свой родъ отъ татарскихъ хановъ кажется Казанской династіи. Соединивъ въ себѣ такимъ образомъ отсвѣтъ династическаго сіянія двухъ родовъ, княгиня О. Ст. Одоевская почувствовала себя обязанною, сколь возможно сохранять этотъ родовой блескъ во „всей чистотѣ аристократической лучезарности“. Какъ дитя XIX вѣка, и будучи притомъ женщина умная и довольно многосторонне образованная, она понимала, однако же, да и цѣнивала (но, конечно, съ точки аристократическаго воззрѣнія) дарованіе, а въ особенности *пріобрѣтенную уже славу* литератора или художника, и гордилась даже нѣсколько тѣмъ, что мужъ ея къ наслѣдственной княжеской коронѣ присоединилъ еще лично заслуженную вѣтку изъ лавровой рощи русскаго Парнасса. Но въ то же время она считала также, повидимому, святымъ своимъ долгомъ удерживать своего князя-литератора отъ излишняго предаванія себя идеѣ о *равенствѣ* между собою *всѣхъ* избранниковъ музъ. Она, конечно, не противилась парнасскому братству князя Владиміра съ княземъ Петромъ, да пожалуй и съ графами Михаиломъ и Владиміромъ, даже и съ правнукомъ древнихъ бояръ, съ боярскимъ братомъ Ѳеофиломъ; она понимала и допускала, что общественное значеніе, а потому и блескъ ея дома много выигрываютъ отъ сближенія къ себѣ такихъ поэтовъ и музыкантовъ, которые хотя и не синекровные, но пріобрѣли себѣ громкую славу. Но далѣе... нѣтъ, далѣе она никакъ не допускала уже мысли объ иномъ отношеніи Одоевскаго князя къ другимъ смертнымъ, какъ только съ высоты пьедестала благодѣтельнаго мецената къ просительской черни [1]). Такъ какъ, однакоже, она

[1]) Что таковъ на самомъ дѣлѣ былъ взглядъ княгини О. Ст. Одоевской, несмотря на ея общую репутацію какъ „самый снисходительнѣйшей, ласковѣйшей, гуманнѣйшей и наилюбезнѣйшей *аристократки*“ (что, пожалуй, и подтверждаетъ только еще больше мой взглядъ), тому готовъ я привести факты. Даргомыжскій, въ 1838 еще году познакомившись у Одоевскихъ, въ 1840 уже году пересталъ бывать у нихъ, и раньше не появлялся опять, какъ съ 1856 года, когда, послѣ огромнаго всеобщаго успѣха его „Русалки“, княгиня Одо-

чувствовала, что не совсѣмъ-то легко будетъ круто отвернуть князя идеалиста отъ все-таки симпатичныхъ ему идеалистовъ же изъ „низшихъ“ сферъ, и что какъ поэтому, такъ и ради собственной же репутаціи, не ловко будетъ открыто отталкивать

евская, встрѣтивъ его (кажется у графа Вielьгорскаго), *сама* пригласила его побывать у нихъ. Другой фактъ еще рельефнѣе. Въ 1845 г. я предложилъ А. Ѳ. Львову, кн. Вл. Ѳ. Одоевскому и св. кн. Гр. П. Волконскому планъ открытія въ Петербургѣ общедоступной музыкальной школы, и было положено въ первомъ засѣданіи (у Львова) составить уставъ, для подтвержденія его правительствомъ. Кн. Волконскій объявилъ, что онъ предоставляетъ это другимъ со-попечителямъ и напередъ обѣщалъ быть во всемъ согласнымъ. Кн. Одоевскій просилъ Львова и меня собраться, для составленія этого устава, у него, почему и пригласилъ онъ насъ въ такой-то день къ себѣ отобѣдать. Въ назначенный день и часъ я отправился къ Алексѣю Ѳеодоровичу и мы вмѣстѣ поѣхали къ Одоевскому, который насъ чрезвычайно любезно принялъ. Переговоривъ въ кабинетѣ предварительно о главныхъ пунктахъ устава, которыми мы должны были заняться позже, мы, по обычномъ докладѣ лакея, вошли за хозяиномъ въ столовую. „Ma femme se fait excuser, messieurs,—сказалъ князь, немного покраснѣвши;—une affreuse migraine l'a surprise ce matin-même“. (Моя жена извиняется, господа; страшная мигрень напала на нея въ самое это утро). Львовъ значительно посмотрѣлъ на меня, когда онъ, корча соотвѣтствующую мину, выразилъ глубокое свое сожалѣніе. Когда мы вечеромъ сѣли въ карету, Алексѣй Ѳеодоровичъ, смѣясь, мнѣ и говоритъ: „Remarquez bien, chèr ami, cette étonnante subtilité des nerfs de la chère princesse, qui dès le matin a une forte attaque de migraine, par ce que son mari a invité à son petit dîner deux hommes de la roture tels, que vous et moi“. (Замѣтьте хорошенько, любезный другъ, эту поражающую утонченность нервовъ дорогой княгини, которая съ самаго утра имѣетъ сильный припадокъ мигрени, потому что мужъ ея къ своему маленькому обѣду пригласилъ двухъ такихъ простолюдиновъ, какъ вы, да я).—Это былъ (кстати сказать) одинъ изъ тѣхъ двухъ случаевъ, что я позволилъ себѣ пользоваться княжескимъ „хлѣбосольствомъ“; въ первый разъ это случилось въ 1843 году, въ тотъ вечеръ, когда Листъ также былъ у Одоевскаго. Обыкновенно, я напередъ уже у себя дома закусывалъ и пилъ чай, прежде чѣмъ отправиться на вечеръ. Не могу сказать, чтобы ея сіятельство когда-либо позволяла себѣ выказывать явную грубость (для того она слишкомъ была умна и образована), но посвященные въ тайны тонкаго этикета знаютъ, что и безъ явной пошлой грубости можно выказывать свою антипатію сотнею видовъ. Если же я все-таки продолжалъ бывать у князя Одоевскаго, такъ это потому во-первыхъ, что я искренне его любилъ и уважалъ; а во-вторыхъ потому, что я столь же радостно пользовался его совѣтами и книгами, сколько по всѣмъ явнымъ признакамъ, ему самому доставляло удовольствіе ихъ давать. Съ 1847 же года я даже очень рѣдко посѣщалъ вечера князя, по далѣе въ текстѣ изложеннымъ причинамъ, а навѣщалъ его въ дообѣденные часы. Madame la princesse всегда уходила, когда лакей докладывалъ обо мнѣ, и это было тѣмъ лучше.

„cette roture-là“ [1]),—которая, къ сожалѣнію, держала себя не менѣе прилично и свободно какъ „les gens de pur-sang“ [2]), то княгиня сумѣла мало-по-малу переобразовать физіономію своихъ вечеровъ, въ чемъ ей много способствовалъ случайно повѣявшій въ то время на „высшее“ общество духъ, или, вѣрнѣе сказать, *мода*, корчить изъ себя любителя и знатока литературы, наукъ и искусствъ. Начиная съ 1845 года [3]), на вечерахъ кн. Одоевскаго (по четвергамъ) являлись двое племянника Владиміра Ѳеодоровича, сыновья старшаго его брата [4]), а съ ними и другіе молодые отпрыски разныхъ древнихъ геральдическихъ деревъ. По мѣрѣ же того, какъ среди пріобрѣвшихъ памятную извѣстность въ литературномъ мірѣ, надставленныхъ другъ надъ другомъ, безчисленныхъ книжныхъ шкаповъ коричневаго цвѣта, которыми украшались стѣны двухъ пріемныхъ комнатъ князя, все болѣе и болѣе начали сіять лица чистокровной породы, начали также исчезать лица, плоды трудовъ которыхъ хотя и можно было частенько находить въ печатныхъ книгахъ, но имена которыхъ не встрѣчались на страницахъ „золотой книги“. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ [5]) на все еще такъ называемыхъ „литературныхъ“ вечерахъ князя Одоевскаго появлялись изрѣдка только дѣйствительные члены вновь создавшагося Русскаго литературнаго міра [6]), — а старые же славные столбы прежняго времени уже отошли въ міръ другой. Не то, чтобы залы князя пустѣли, но собиравшееся общество измѣнилось: насчитывалось иногда 3—4 дѣйствительныхъ литератора, 1 или 2 композитора, да на каждаго изъ нихъ, пожалуй, по 2 князя, по 2 графа, по 2 каммергера, да по 2 каммеръ-юнкера. Разсказывали мнѣ, впрочемъ, что когда въ 1863-мъ году Румянцовскій музей изъ Петербурга былъ переведенъ въ Москву, а вслѣдствіе того и князь Одоев-

---

[1]) Этихъ-то простолюдиновъ.

[2]) Люди чистокровной породы.

[3]) Въ этомъ же году князь Одоевскій переѣхалъ на Литейную, въ домъ Краевскаго (см. выше).

[4]) Эти молодые князья Одоевскіе были не прочнаго здоровья, и оба вскорѣ умерли.

[5]) Князь Владиміръ Ѳеодровичъ въ это время былъ назначенъ директоромъ Румянцовскаго музея и жилъ въ томъ же домѣ на Англійской набережной.

[6]) Ивана Ивановича Панаева, однакоже, насколько мнѣ помнится, я *никогда* и *даже прежде* не встрѣчалъ у Одоевскаго.

скій, въ качествѣ директора этого знаменитаго учрежденія, также переселился въ первопрестольный градъ, то литературные его вечера, устраиваемые имъ опять на основаніи первобытныхъ принциповъ 30-тыхъ и 40-выхъ годовъ, получили вновь и прежній блескъ и прежнее значеніе. Къ великому моему сожалѣнію, я уже не засталъ князя Владиміра Ѳеодоровича въ живыхъ, когда я пріѣхалъ въ Москву. Онъ скончался въ началѣ 1869-го года. Память князя Одоевскаго, какъ просвѣщеннаго, *истинно русскаго* дѣятеля и въ особенности какъ *примѣрно благороднаго* человѣка должна быть для всѣхъ насъ священна!

Проходя въ памяти все, что я видѣлъ и слышалъ на сказанныхъ вечерахъ, невольно припоминаю про довольно забавный случай, который приключился съ Даргомыжскимъ, въ тотъ самый вечеръ, когда онъ въ 1856-мъ году явился къ Одоевскому въ первый разъ послѣ блестящаго успѣха его оперы „Русалка“. Собралось въ этотъ вечеръ какъ-то въ особенности много гостей, и на нашего Александра Сергѣевича со всѣхъ сторонъ безсчетно сыпались самые лестные и любезнѣйшіе комплименты; всѣмъ хотѣлось съ нимъ хоть словечкомъ обмѣняться, а кто не былъ еще лично съ нимъ знакомъ, непремѣнно искалъ случая быть ему представленнымъ. Между молодыми людьми, особенно рьяно добивавшимися этой чести, находился также и сынъ тогдашняго гельсингфорскаго губернатора (фамилію котораго я нынѣ не совсѣмъ твердо помню). Онъ просилъ тутъ кого-то познакомить его съ Даргомыжскимъ; тотъ и представилъ: „Александръ Сергѣевичъ, вотъ—М-г*** горитъ желаніемъ познакомиться съ вами“. Даргомыжскій весьма любезно взялъ руку вновь ему представленнаго и еще любезнѣе сказалъ: „очень радъ, что имѣю это удовольствіе“. Молодой человѣкъ вдругъ измѣнился въ лицѣ, сконфузился, и какъ будто желалъ отнять свою руку.—А Даргомыжскій еще болѣе дружески жметъ ее, и спрашиваетъ: „такъ вы были на представленіи моей оперы?“ Тутъ молодой человѣкъ ужъ, видимо, за что-то разсердился: вырвавъ свою руку, отвѣчаетъ съ неудовольствіемъ: „Да, былъ!“ и повернувшись, быстро отходитъ. Чуть только были произнесены эти два слова, какъ и Даргомыжскій также съ своей стороны разсердился. „Какого же это невѣжду вы мнѣ представили?“ говоритъ онъ посреднику этого взаимнаго представленія.

А этотъ господинъ вдругъ и спохватился: „Mea culpa! mea culpa [1])! Не сердитесь, дорогой Александръ Сергѣевичъ! Бѣдный юноша никакъ не виновенъ: это у него отъ природы такой голосъ! Я забылъ, что долженъ былъ обоихъ васъ предупредить“.—Дѣло въ томъ, что—какъ всѣмъ знавшимъ Даргомыжскаго извѣстно,—композиторъ „Русалки“ говорилъ пискливо-фистульнымъ голосомъ, и что несчастный тотъ молодой человѣкъ былъ отъ природы одаренъ точь въ точь такимъ же „пріятнымъ“ органомъ. Вотъ оба и думали, что одинъ другого *нарочно передразниваетъ*.

XXXVI.

Михаилъ Ивановичъ Глинка.

Какъ въ поэтахъ, такъ и въ художникахъ чрезвычайно рѣдко встрѣчается, чтобы человѣческая ихъ натура слилась въ нѣчто единое и цѣльное съ натурою ихъ генія или таланта. Не стану приводить примѣры изъ чужихъ анализовъ совпаденія или двоенія этихъ натуръ въ болѣе или менѣе прославившихся великихъ людяхъ, но считаю дозволеннымъ сказать, что мнѣ лично удалось встрѣтить только двухъ лицъ, въ которыхъ и геній и человѣкъ дѣйствительно оказались въ полномъ равновѣсіи: это Жуковскій и Листъ. Двойственность натуры кн. Одоевскаго я уже изложилъ: какъ музыканта можно было его уважать, какъ писатель онъ былъ симпатиченъ, а человѣка въ немъ нельзя было не любить и не уважать. У него выказался единый лишь недостатокъ: въ человѣкѣ отсутствовала энергія, въ писателѣ самостоятельность. И въ Глинкѣ также были двѣ разныя натуры: одна лучезарная, энергичная, плодотворная,—другая слабая, матеріальная, безразсудная.

Съ душою одаренной истиннымъ божественнымъ пламенемъ вдохновенія, онъ Провидѣніемъ былъ приспособленъ познать очищеніе сердца и возвышеніе духа. И бывали минуты, гдѣ духъ его вполнѣ бодрствовалъ и являлся во всѣмъ блескѣ коренной своей натуры. Но когда приступалъ къ нему его искуситель (какъ Бертрамъ въ Роберту) и съ демоническою сладостію шепталъ

---

[1]) Виноватъ! виноватъ!

ему: „Tu ne saurais jamais à quel excès je t'aime!“ [1]), то онъ, по слабости плоти своей, охотно ввѣрялся руководительству друга-губителя своего. Глинка былъ истый потомокъ древнихъ русскихъ дружинниковъ, съ широкой натурою, которой во всемъ нуженъ былъ просторъ, а по воспитанію своему былъ произведеніе своей эпохи. До 13-ти лѣтъ росъ онъ вольнымъ барчукомъ въ богатомъ деревенскомъ домѣ своихъ родителей, и получалъ домашнее „барское воспитаніе“, а въ 1817-мъ году, ради „окончательнаго образованія“, былъ отправленъ въ Петербургъ, и помѣщенъ въ существовавшій тамъ (какъ и въ Москвѣ), исключительно для дворянъ при университетѣ учрежденный „благородный пансіонъ“.

О томъ, какъ наше дворянское общество 10-тыхъ годовъ взирало на воспитаніе и обученіе своихъ баричей, получается весьма вѣрное понятіе изъ 1-й главы Пушкинскаго романа „Евгеній Онѣгинъ“. Не подлежитъ почти никакому сомнѣнію, что также и Глинку „судьба хранила“, что „сперва madame за нимъ ходила“ да вѣроятно также „потомъ monsieur ее смѣнилъ“. Одна только оказалась разница: маленькій Глинка съ самаго ранняго дѣтства плѣнился пѣснями сѣнныхъ дѣвушекъ, а затѣмъ и музыкою вообще, и это было счастіемъ для всей будущей музыкальной Россіи. Въ благородномъ же пансіонѣ господствовали тѣ же воззрѣнія на педагогію для „дворянъ“: главною цѣлію было созданіе „образованныхъ молодыхъ людей высшаго свѣта“. На первомъ планѣ стояло обученіе иностраннымъ языкамъ, и доказательствомъ образцоваго *благовоспитанія* считалось, когда молодой человѣкъ „могъ совершенно объясняться и писать по французски“. Касательно же другихъ научныхъ предметовъ „всѣ учились по немногу чему-нибудь и какъ-нибудь“. Слыть „ученымъ малымъ“, нѣсколько даже „педантомъ“, принималось за похвалу. Но отъ вполнѣ благовоспитаннаго молодаго человѣка, кромѣ упомянутаго, требовалось непремѣнно еще, чтобы онъ „легко мазурку танцовалъ и кланялся непринужденно“; а если при всѣхъ этихъ достоинствахъ онъ умѣлъ еще „и возбуждать улыбку дамъ огнемъ нежданныхъ эпиграммъ“, то были ему открыты всѣ двери и всѣ сердца.

---

[1]) Ты никогда не поймешь, до какой чрезмѣрности я тебя люблю!

Читатели, пожалуй, замѣтятъ мнѣ, что я вывелъ только героя Пушкинской поэмы, а о самомъ Глинкѣ будто я не сказалъ еще ни полслова. Извините, господа! Въ своемъ Евгеніи Онѣгинѣ Пушкинъ изобразилъ *общій типъ* свѣтскаго юноши той же именно эпохи, когда Михаилъ Ивановичъ вступилъ въ общество, и онъ самъ совершенно походилъ на этотъ типъ. Въ одномъ, конечно, Глинка превосходилъ Онѣгина: онъ былъ (на что уже я указалъ) музыкальный геній. Но пока, вѣдь, я вспоминаю о немъ, не какъ о геніи, а какъ о человѣкѣ; и въ этомъ отношеніи я вполнѣ того мнѣнія, что сравненіе Михаила Ивановича съ Онѣгинымъ никоимъ образомъ не можетъ считаться обиднымъ для него. А сходство Глинки съ этимъ типомъ было до того близко, что я къ характеристикѣ нашего маэстро долженъ добавить еще и то, что Пушкинъ про своего Евгенія говоритъ, а именно: „что̀ зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ, что̀ было для него измлада и трудъ и мука и отрада,—была наука страсти нѣжной“. [1]).

Этотъ Онѣгинскій типъ помѣщался у Глинки въ довольно изящной фигуркѣ вышиною въ 2 аршина и 2 или 3 вершка. Голова его, однакоже, своимъ объемомъ не совсѣмъ была въ пропорцію съ этимъ маленькимъ ростомъ. Большой, широкій лобъ и подбородокъ выдавались нѣсколько впередъ, такъ что линія профиля представлялась чуточку вогнутою. Подъ густыми и черными, немного сдвинутыми бровями блистали маленькіе глаза съ темными зрачками, взглядъ которыхъ выражалъ гордость, когда былъ обращенъ на мущину, но сіялъ мясляннымъ блескомъ полнаго умиленія, когда покоился на хорошенькомъ женскомъ личикѣ. Носъ былъ прямой, но не красивый; губы тоненькія и сжа-

---

[1]) Надъ этой донъ-жуанской въ Глинкѣ чертою не разъ подшучивали самые близкіе его друзья, и даже печатно. Такъ напр. Н. А. Степановъ (позже основавшій журналъ „Будильникъ“) въ концѣ 40-выхъ годовъ издалъ сборникъ романсовъ разныхъ композиторовъ, съ каррикатурами на нихъ же. Глинка участвовалъ романсомъ: „Ты скоро меня позабудешь“. На виньеткѣ заглавной страницы изображена слѣдующая сценка: Глинка, только что возвратившійся съ путешествія въ Испанію, является къ двумъ молоденькимъ дамамъ. Онѣ и спрашиваютъ его: „Что вы привезли намъ изъ Испаніи?“ А Михаилъ Ивановичъ, вставъ въ позу самоувѣреннаго сердцеѣда, съ паѳосомъ отвѣчаетъ: „Всегдашнюю готовность любить!“ Дамочки же шалуньи возражаютъ: „Мы были бы довольнѣе новой оперою“.

тыя. Продолговатое, худощавое лицо желтовато-матоваго цвѣта [1]), казалось блѣднѣе еще отъ густыхъ, черныхъ волосъ, которые у висковъ были приглажены впередъ, а надъ лбомъ нѣсколько поднимались хохолкомъ. Усы и бороду Глинка тщательно брилъ; но слегка подстриженныя баккенбарды тянулись отъ висковъ узкой лентою прямо внизъ подъ подбородокъ, гдѣ онѣ, выростая на полной свободѣ, образовали довольно длинную косичку, которую Глинка обыкновенно пряталъ за галстукъ [2]).

Для поправленія пошатнувшагося своего здоровья Михаилъ Ивановичъ въ 1830-мъ году отправился въ Италію. Тамъ изучалъ онъ искусство пѣнія. Не знаю, каково его голосъ звучалъ до 1836-го года, а во все время нашего знакомства слышалъ я довольно часто его пѣніе. Голосъ у него былъ лирико-теноровый, но не сильный и даже нѣсколько сиплый; за то былъ онъ довольно выработанный; а исполненіе вполнѣ художественное. Онъ пѣлъ съ огнемъ, съ декламаціоннымъ выраженіемъ, при образцовой фразировкѣ. Столь же хорошо владѣлъ онъ также и фортепіанной игрою [3]).

Вскорѣ по своемъ возвращеніи въ 1834-мъ году Михаилъ Ивановичъ страстно влюбился въ дѣвицу Марію Петровну Иванову, необычайную красавицу [4]), а въ слѣдующемъ 1835-мъ году и женился на ней. Слѣдовательно, въ то время, когда я бывалъ у него въ Фонарномъ переулкѣ, его супружеству минуло только что два года, а тогда, когда разъигралась предо мною

[1]) Я описываю наружность Глинки, какъ я его зналъ съ 1836 до 1847 г.

[2]) Послѣ 1847-го года я Глинки болѣе уже не видалъ. По пріобрѣтенному мною въ 1870-мъ году въ Москвѣ портрету видно, что онъ въ послѣдніе годы отпустилъ усы и бороду, да носилъ довольно длинные волосы, которые причесывались съ лѣва на право.

[3]) Онъ былъ ученикомъ Шарля Майера.

[4]) М-me Глинку видѣлъ я всего три раза. Она дѣйствительно была, что называется, „писанною красавицею“, т.-е. совершенствомъ *матеріальной* красоты. Въ ней была, пожалуй, и жизнь, и даже жаръ сердечный; она также была и образованною женщиною; но жизнь и жаръ были земнаго свойства, а образованіе свѣтскаго, обществомъ условнаго только характера; и то и другое *не были одухотворены* (если мнѣ дозволятъ такъ выразиться). *Геній-Глинка* ей не годился въ мужья; а равно и она не годилась ему въ жены. Женитьба ихъ была пагубою для обоихъ; не доставало *гармоніи духовной*; къ тому же ей было только 17 лѣтъ, а мамаша ея была пустѣйшая женщина.

сцена съ „привидѣньемъ“, протекло не болѣе $4^1/_2$ года послѣ свадьбы.

Значеніе послѣдняго инцидента Глинка самъ мнѣ объяснилъ, когда лѣтомъ 1840-го года я въ первый разъ явился въ келію его на Рижскомъ подворьѣ. Въ то самое Сентябрьское же утро 1839-го (о которомъ я разсказывалъ въ главѣ XXXII), послѣ разныхъ непріятныхъ объясненій и довольно крупнаго, на словахъ, сраженія между пылкимъ и озлобленнымъ Михаиломъ Ивановичемъ и не менѣе горячившейся его тещею, первый просилъ обѣихъ дамъ освободить его навсегда отъ ихъ присутствія. Глинка затѣмъ удалился въ свои покои, а Якова послали за докторомъ потому, что молодая барыня получила сильный припадокъ истерики. На это-то и намекнула m-me Иванова, когда она грозно произносила: „Михаилъ Ивановичъ, вы забываете!“ А Глинка, увлекшись нашимъ разговоромъ о русской національной музыкѣ, дѣйствительно забылъ про всѣ дрязги земной своей жизни.

Отъ Струйскаго же я въ концѣ того же 1840-го года получилъ ключъ также и къ пониманію тѣхъ загадочныхъ вопросовъ, которые m-me Глинка весною 1837-го мнѣ задала при Максимовѣ. Еще до женитьбы Глинки, познакомился онъ съ извѣстнымъ поэтомъ Несторомъ Васильевичемъ Кукольникомъ и съ меньшимъ братомъ его, Платономъ, числившимся въ какомъ-то департаментѣ какимъ-то „чиновникомъ не-у-дѣлъ“ (какъ тогда выражались), и они до того страстно увлеклись геніальностію Глинки, что не только, какъ говорится, въ немъ души не чаяли, въ особенности Платонъ Кукольникъ, но даже словно ревновали его ко всякому и всякой, къ кому Глинка выказывалъ болѣе расположенія, нежели къ нимъ. Чтобъ его потѣшать и тѣмъ привязать къ себѣ, они устраивали у себя вечера, на которые собирали изъ числа обожателей Глинки подходящихъ молодыхъ или, по крайней мѣрѣ, молодившихся еще людей: поэтовъ, художниковъ, офицеровъ, чиновниковъ. Эта компанія прозвала себя *„братіею двухъ величайшихъ геніевъ Россіи“*, т. е. Глинки (съ чѣмъ и нынѣ всякій согласится) да Нестора Кукольника (съ чѣмъ и въ то время немногіе, а нынѣ уже едва-ли кто вообще согласится). Главными членами этой братіи были, кромѣ двухъ Кукольниковъ,

талантливый портретистъ Павелъ Яненко [1]); каррикатуристъ Н. А. Степановъ; извѣстный сорви-голова, л.-гв. Московскаго полка поручикъ Константинъ Александровичъ Булгаковъ; чиновникъ Андрей Петровичъ Лодій (поступившій впослѣдствіи на сцену тенóромъ подъ именемъ Нестерова) отставной артиллеріи поручикъ Конст. Петр. Вильбоа; театральный докторъ Л. А. Гейденрейхъ [2]), и др. Эта братія собиралась раза два въ недѣлю у Кукольника, на „музыкально-литературные“ вечера, но кромѣ твореній Глинки ничего не исполнялось, равно какъ кромѣ сочиненій Кукольника ничего не читалось. Для прохлажденія подавалось красное вино, коньякъ, жженка, да шампанское. Иной разъ (какъ разсказывали) для вящаго утонченія и разнообразія этихъ оргій „въ честь поэзіи и музыки“, являлся и женскій, подъ статъ, персоналъ.

Въ первый годъ своего супружества, Глинка, ~~хотя~~ и довольно часто еще посѣщалъ Нестора Кукольника, чтобы совѣтоваться съ нимъ насчетъ своей оперы „Иванъ Сусанинъ“ (по первому ея названію) [3]), но ~~отъ „братіи“~~ отсталъ было. А во все лѣто того же 1836 года онъ даже рѣдко показывался у Кукольниковъ; до того онъ упоенъ былъ семейной своей жизнью [4]).

Но къ концу 1836-го года братья Кукольники поселились въ ~~томъ~~ же Фонарномъ переулкѣ, въ которомъ жилъ и Глинка съ молодой своей женою, только на другомъ концѣ переулка, на углу набережной Екатерининскаго канала. Михаилъ Ивановичъ, которому, послѣ пресыщенія матеріальнымъ счастіемъ сожитія съ молоденькой женою, стала все болѣе и болѣе ясной дисгармонія между ихъ натурами и стремленіями, началъ все больше и больше удаляться отъ нея, да все чаще бывать у Кукольниковъ, а наконецъ и посѣщать собранія „братіи“. Кончилось тѣмъ, что Глинка и цѣлыя ночи тамъ проводилъ, а далѣе случалось и не рѣдко, что онъ пропадалъ иногда изъ дома дня на три, на че-

---

[1]) На нѣкоторыхъ визитныхъ карточкахъ его значилось французскими буквами „M-r P. Janenko“, и вслѣдствіе того его въ шутку звали: „Monsieur *Пьяненко*“, что очень шло къ обыденному состоянію его плоти. Точно также братья Кукольники были преобразованы въ „братьевъ *Клокельниковъ*.

[2]) Въ кругу братіи его называли „докторомъ *Розмариномъ*“.

[3]) Въ своемъ дневникѣ Н. В. Кукольникъ пишетъ 1—8 іюня 1836 г. „М. И. Глинка навѣщалъ меня почти каждый день—игралъ, пѣлъ“.

[4]) Тамъ же, отъ 12 августа 1836. „Миша такъ занятъ своею супружескою жизнію, что рѣдко бываетъ у меня“.

тыре. Сначала жена встрѣчала его со слезами, а потомъ и съ упреками, въ чемъ ей усердно вторила также и безразсудная мамаша ея. Любовь, которая сама по себѣ была только матеріальнаго, весьма поверхностнаго свойства, мало-по-малу улетучивалась; нашлись претенденты на роль домашняго друга (напр. „фатъ Максимушка“); а такъ какъ самъ Глинка искалъ развлеченія въ оргіяхъ, которыми обыкновенно оканчивались „артистическія“ собранія „братіи“ [1]), то и Марія Петровна начала кокетничать и „утѣшаться“. Она устраивала у себя парадные рауты, ряжалась, блистала и наслаждалась своими побѣдами. А онъ— „жимался и ежился“ (какъ выражается Кукольникъ); „Мишѣ плохо: денегъ нѣтъ и дома скверно. Онъ бѣгаетъ изъ дома, говоритъ, что *домъ его—у насъ*“.

Къ этому случилось, что Глинку охватила новая любовная страсть къ дѣвицѣ *Е. Кернъ*. Что это обстоятельство, равно какъ все усилившееся кокетство Маріи Петровны все болѣе обострило только отношенія супруговъ, это понятно. Неминуемо все это должно было окончательно разрушиться,—и вотъ настала та катастрофа, о которой я упомянулъ. Жаль, сердечно жаль геніальнаго основателя національной нашей школы музыки. Но, пусть другой кто броситъ первый камень на злосчастную жену его,—только моя-то рука отказывается! За то я не боюсь указать на „братію“, а прежде всего на двухъ Кукольниковъ, какъ на тѣхъ, которые не только разрушили семейное счастіе Глинки, но и разстраивали здоровье его [2]) и тѣмъ подготовляли прежде-

[1]) Въ дневникѣ Н. В. Кукольника отъ 27-го Августа 1837-го г. значится между прочимъ: „Вчера устроилась у меня импровизованная проба новой сцены къ „Жизни за Царя“.... Хоръ составляли: онъ же, Глинка,—Андрей Лодій,—я, Данченко, Забѣга и двѣ театральныя хористки: одну привезъ Глинка, а другую гдѣ-то досталъ Коко (Данченко),—прехорошенькая“.—„А Миша бѣдный! горько ему дома и нѣтъ семейнаго счастья.... какая она ему жена!... и что она изъ него сдѣлала?... Этого милаго, чудеснаго ребенка надо беречь и лелеять, а она его злитъ и поминутно раздражаетъ“...—„Родные совѣтуютъ ему, для спасенія, разойтись; Платонъ и я тоже говоримъ. Страсть, безумная любовь—остыли; самолюбіе поболитъ и успокоится; а вѣчная любовница Муза принесетъ утѣшеніе. Есть и кромѣ Музы утѣшительницы, игрушки.... Играй лучше Миша и живи для славы русскаго искусства“.

[2]) Тѣмъ, что, воспользуясь его слабохарактерностію, втянули его въ непосильные его слабому тѣлосложенію дебоши, которыми тѣшилась ихъ грубая и мощная натура.

временную его кончину. Найдутся, пожалуй, люди, которые спросятъ, „почему же я только теперь выступаю этими обвиненіями, а въ то время молчалъ“. Я говорю тутъ о нихъ, потому что пишу *воспоминанія*, и, вспоминая, дѣлаю свои *замѣчанія;* а въ ту эпоху не только мѣста мнѣ бы нигдѣ не нашлось вообще писать, да и *повода* я не имѣлъ никакого дѣлать замѣчанія. А молчать? да кто же говоритъ, что я тогда *молчалъ?* Еслибы я молчалъ, тогда партія „братіи“ не подпускала бы подъ меня тѣхъ подкопныхъ фейерверковъ, (о которыхъ я разскажу далѣе); тогда и мое имя также красовалось бы въ спискахъ печатно прославленныхъ „друзей“ Глинки. Нѣтъ! не *я* молчалъ, — а молчали и потаковали другіе, то-же „друзья“-то его. Было около Глинки одно только лицо, которое дѣйствительно также не молчало, и не разъ выговаривало ему за напрасное „губленіе—своей души“! Да оно отъ братіи Глинки только и получало въ отвѣтъ: „Молчи, старый хрычъ! Не твоего, дурака, разсужденія дѣло“!—Это былъ вѣрный, Михаила Ивановича поистинѣ любившій, старый слуга его, Яковъ.

Этотъ Яковъ, нѣкимъ родомъ, вѣдь самъ будучи музыкантомъ [1]), инстинктивно чуялъ все величіе генія „дорогаго своего барина“ и вполнѣ понималъ какое пагубное дѣйствіе имѣла эта безалаберная жизнь Глинки среди Кукольниковской братіи не только на здоровье его, но также и на душевное его состояніе. По этой причинѣ онъ и оказывался весьма пасмурнымъ и ворчливымъ во все время, пока Глинка былъ сожителемъ братьевъ Кукольниковъ. Когда же баринъ живалъ на отдѣльной, собственной квартирѣ, тогда старый Яковъ держалъ себя совершенно иначе, словно совсѣмъ другой человѣкъ. Напр., на мои посѣщенія Михаила Ивановича, во время отшельнической его жизни на Рижскомъ подворьѣ [2]), старый Яковъ глядѣлъ весьма благосклонно; всегда съ привѣтливою улыбкою отворялъ двери, и почти никогда не забывалъ прибавить: „баринъ у себя; пожалуйте-съ!“ Эта благосклонность Якова ко мнѣ происходила изъ двоякой его натуры въ качествѣ преданнѣйшаго своему барину слуги, и въ качествѣ стараго музыканта, да къ тому же кореннаго русскаго музыканта. Во 1-хъ, онъ лично интересовался тѣми толкованіями,

[1]) См. стр. 136 сего же выпуска.

[2]) См. 169 сего же выпуска.

къ которымъ я возбуждалъ Михаила Ивановича моими вопросами относительно мелодической и гармонической особенностей русской народной музыки, и тѣмъ болѣе, что и самъ онъ, при всемъ его „уваженіи къ барину и его гостю“, не могъ удержаться отъ какого нибудь дѣльнаго примѣчанія, за которое ни баринъ, ни гость ни малѣйше не сердились, такъ какъ на самомъ дѣлѣ нельзя же было отрицать его компетентности по части русской деревенской пѣсни. Во 2-хъ, Яковъ не могъ не замѣтить, что эти наши разговоры о предметѣ столь близкомъ сердцу геніальнаго воскресителя отечественной нашей музыки благотворно дѣйствовали на душевное состояніе Глинки. Онъ, видимо, всегда перерождался, оживлялся, забывалъ про житейскія дрязги свои, однимъ словомъ, онъ въ эти минуты являлся въ полномъ блескѣ геніальной своей натуры, могучимъ пророкомъ новыхъ воззрѣній. Эти драгоцѣннѣйшіе, но какъ бы невольно на мои вопросы изъ устъ Глинки изливавшіеся намеки облекались весьма часто въ формулы темныхъ пиѳійскихъ изреченій древняго Дельфійскаго оракула, напр. „La quinte est l'ame de la mélodie russe; ayez soin d'elle!“ или: „L'harmonie slavonne répose avant—tout sur les modes plagales!“ [1]) и т. п. Послѣ каждаго посѣщенія Глинки я дома записывалъ эти его откровенія, а позже (въ 50-тыхъ годахъ), когда я познакомился уже съ древней Эллинской и Византійской музыкальной теоріею, то началъ методически анализировать и приводить ихъ въ правильную теоретическую систему. Впервые заговорилъ я печатно о заслугахъ Глинки, по части угаданія настоящаго характера русской національной музыки, въ 1863-мъ году, въ лучшемъ Лейпцигскомъ музыкальномъ журналѣ въ весьма пространной статьѣ моей: „Die Entwickelung der russischen Nationaloper“ [2]).

---

[1]) Квинта есть душа русской мелодіи; обращайте вниманіе на нее!—Славянская гармонія покоится прежде всего на плагальныхъ ладахъ.

[2]) „Развитіе русской національной оперы“. Въ этой статьѣ, послѣ теоретическаго изложенія упомянутыхъ характеристическихъ особенностей русской музыки, сказано: „Итакъ, слѣдуетъ признавать неоспоримой заслугою геніальности Глинки, что онъ *прежде всѣхъ* духовно разгадалъ настоящія типическія примѣты и особенности нашей національной музыки, которыя съ удивительной правдою онъ и передалъ въ своихъ произведеніяхъ“.—„Сочиненія Глинки въ русскомъ музыкальномъ мірѣ произвели необычайную, для нашего искусства весьма благотворную реформу, и долгое еще время послужатъ образцами млад-

Эти столь достопамятные и столь важные для меня разговоры съ Глинкою происходили въ низенькой комнатѣ съ запросто когда-то выкрашенными охрою стѣнами, и съ тремя окнами выходившими на Новой переулокъ, но которыхъ, кажется, нельзя было растворять, потому что квартира эта находилась въ подвалѣ и подоконники оказывались не выше троттуара предъ домомъ.

Что было поводомъ къ тому, что Глинка словно скрывался въ этой отвратительной канурѣ? Зачѣмъ онъ оставилъ Кукольниковъ, у которыхъ онъ жилъ первое время послѣ разрыва съ женою? На эти вопросы нигдѣ я не нашелъ разрѣшенія. Но, что Глинка дѣйствительно находился не малое время въ упомянутомъ помѣщеніи вмѣстѣ съ своими Яковомъ, то я твердо и ясно помню. Съ этой квартиры онъ съѣхалъ ранней осенью 1840-го года, и встрѣтилъ я его опять не раньше, какъ въ Январѣ мѣсяцѣ 1841-го года, на вечерѣ у Даргомыжскаго.

У Кукольниковъ Глинка поселился (помнится мнѣ) въ концѣ Сентября 1840-го года. Они жили тогда на большой Морской, не подалеку отъ Невскаго проспекта надъ пресловутымъ тогда (и по нѣсколькимъ аристократическимъ скандальчикамъ исторически достопамятнымъ) рестораномъ француза Бореля, а въ слѣдующемъ году они резидировали на набережной Фонтанки между Аничкинымъ и Чернышевымъ мостами. На каждой изъ этихъ квартиръ навѣщалъ я Глинку по одному только разу, да и то не ради нашихъ прежнихъ (музыкальныхъ) бесѣдъ. Во второй разъ я приходилъ узнать про состояніе здоровья Глинки, такъ какъ дошелъ до меня слухъ, будто онъ вдругъ тяжко заболѣлъ; но, слава Богу, слухъ оказался ложнымъ. Причиною же перваго изъ этихъ двухъ визитовъ была „исторія“, сдѣланная мнѣ нѣкими господами изъ Кукольниковской „братіи“, и которую я счелъ нужнымъ объяснить Глинкѣ. Выше я упомянулъ о томъ, что я тогда уже не молчалъ, и съ самой осени 1840-го года ни

шему поколѣнію, равно какъ они и для насъ, современниковъ дидаскала (мастера-учителя), стали источникомъ свѣжей силы и новаго творчества, хотя (по правдѣ сказать) не всѣ готовы откровенно признаться въ этомъ фактѣ“. См. *Neue Zeitschrift für Musik*. 1863. *Zweites Halbjahr*. № 10. *4-ter September*. Стр. 76. (Увы! Я ошибся въ своей тогдашней вѣрѣ въ честное отношеніе къ Глинкѣ со стороны современниковъ и младшаго поколѣнія, какъ видно будетъ въ концѣ сей главы).

малѣйше не стѣснялся, когда гдѣ либо при мнѣ рѣчь касалась размолвки Глинки съ женою, прямо обвинять оную „братію“ въ разстройствѣ семейнаго его счастія. Говорилъ я это не только у себя, но и у Кони, и у Даргомыжскаго, однимъ словомъ: у всѣхъ и при всѣхъ. Эти мои филиппики, конечно, не могли оставаться тайною для „братіи“, и она задумала возстановлять Глинку противъ меня. Весьма удобнымъ, по мнѣнію этихъ господъ, случаемъ къ тому показалось имъ изданіе въ Декабрѣ 1840-го года, музыкальнымъ торговцемъ К. Гольцемъ шести пьесокъ моихъ (первыхъ послѣ баллады „Свѣтлана“) въ одной *общей* тетради подъ придуманнымъ (не мною, а самимъ издателемъ) заглавіемъ: „Привѣтъ Петербургу“ [1]). Вотъ и стали тѣ господа (преимущественно же Платонъ Кукольникъ) увѣрять Глинку, будто я этимъ пожелалъ выставить себя „конкурентомъ“ его, такъ какъ не задолго предъ тѣмъ появились 12 романсовъ Глинки (на слова Нестора Кукольника) подъ заглавіемъ „Прощаніе съ Петербургомъ“ [2]). Но Глинка не только не поддался на эту слишкомъ глупую удочку, но даже, встрѣтивъ меня вскорѣ послѣ того на вечерѣ у Даргомыжскаго и, протянувъ мнѣ руку, сказалъ мнѣ при всѣхъ: „Quelquesuns de mes amis, à ce qu'il semble, ne vous aiment pas trop, chèr Arnold, puisqu'ils veuillent me persuader, comme quoi vous tachiez à vous mettre en rivalité avec moi. Mais soyez tranquille, ce n'est qu' une bêtise de leur part! Je n'en crois pas un mot, car je connais trop bien vos sentiments envers moi“ [3]). Тѣ господа, однакоже, не угомонились

[1]) Въ этой тетради содержались слѣдующія сочиненія для пѣнія: „Не пой, красавица, при мнѣ“ слова Пушкина (посвящ. кн. Вл. Ѳ. Одоевскому); „Пью за здравіе Мери“, слова Пушкина же (посвящ. Г. Е. Ломакину); „Сарафанчикъ-разстеганчикъ“, слова Полежаева; „Не шуми ты, рожь“, слова Кольцова; „Роза“, слова Пушкина (*посвящ. М. И. Глинкѣ*); и начало баллады „Свѣтлана“. По моему же желанію г. Гольцъ въ 1841-мъ году уничтожилъ общее заглавіе, и помѣстилъ мои романсы въ издаваемое имъ „Собраніе русскихъ романсовъ“.

[2]) Въ томъ числѣ романсы: „Къ Молли, Болеро, Virtus antiqua, Прощальная пѣснь и др.

[3]) Нѣкоторые изъ моихъ друзей, кажется, не очень-то долюбливаютъ васъ, дорогой А., такъ какъ они хотятъ увѣрить меня, будто вы стараетесь стать моимъ соперникомъ. Но, будьте спокойны, это только глупость съ ихъ стороны! Я не единому слову изъ того не вѣрю, ибо слишкомъ хорошо знаю ваши ко мнѣ чувства.

и очень обрадовались, когда нашли болѣе еще (по ихъ мнѣнію) подходящій случай, узнавъ отъ Даргомыжскаго, что я „дерзнулъ“ написать другую, т. е. *свою* музыку на слова одного изъ тѣхъ же 12-ти выше упомянутыхъ романсовъ Глинки, а именно на слова „Болеро“ („О дѣва чудная моя“) [1]). Почтеннѣйшіе эти господа вотъ и порѣшили учинить мнѣ скандалъ на послѣдующемъ вечерѣ у Даргомыжскаго. Для того собрались они въ тотъ вечеръ въ довольно значительномъ количествѣ; но самъ Глинка, отъ котораго, разумѣется, они скрывали свой замыселъ, и Несторъ Кукольникъ, который, вѣроятно, также ничего не зналъ на этотъ разъ, случайно не пріѣхали. По обыкновенію и тогда вечеръ начался исполненіемъ романсовъ Даргомыжскаго. Послѣ того подошелъ онъ самъ ко мнѣ, а за нимъ Яненко, Платонъ Кукольникъ, Н. А. Степановъ и еще двое изъ „братіи“ (офицеры Л. гв. егерскаго полка). „Вотъ,—сказалъ Александръ Сергѣевичъ,—они желали бы послушать вашу „дѣву чудную“. Не будете ли вы такъ любезны пропѣть этотъ романсъ?“—Чопорность въ художническихъ кружкахъ не принята, а потому, конечно, я сѣлъ за рояль и спѣлъ свое сочиненіе. Даргомыжскій остался около меня. Уже во время самого исполненія послышалось мнѣ кое-откуда хихиканье; въ особенности отличилась этимъ среди дамъ старшая дочь хозяевъ, Софья Сергѣевна (невѣста Степанова); а сидѣвшіе немногимъ поодаль, въ углу залы, Яненко и Платонъ Кукольникъ корчили гримасы и отъ времени до времени пожимали плечами. Во мнѣ закипѣла кровь, но я, не потерявъ присутствія духа, спѣлъ свой романсъ до конца, и только, когда среди видимо нарочно пересаленнаго хлопанія и явно ироническаго „bravo“, подымались тамъ и сямъ подавленный будто смѣхъ и полушиканье, я наклонился къ Даргомыжскому и шепнулъ ему: „Ну, спасибо вамъ, Александръ Сергѣе-

[1]) Сочинилъ я эту музыку, конечно, безъ всякой задней мысли, да и не находилъ,—и по сіе время не нахожу—въ томъ ничего предосудительнаго. Весьма часто встрѣчалось и еще встрѣчается, что нѣсколько композиторовъ сочиняютъ музыку на одни и тѣ же слова просто потому, что они имъ особенно понравились. И тѣмъ менѣе боялся я сдѣлать это, что до того и Даргомыжскій писалъ не мало музыки на слова, прежде уже употребленныя Глинкою для своихъ романсовъ, напр. „Въ крови горитъ огонь желанія“, „Не называй ее небесной“, „Ты скоро меня позабудешь“, „Въ минуту жизни трудную“ и др.

вичъ; объ этомъ мы еще съ вами поговоримъ! А пока, прощайте!“ Затѣмъ я вышелъ и уѣхалъ, не обративъ никакого вниманія на всѣ любезнѣйшія протестаціи съ его стороны. На другое утро я вотъ и отправился къ Глинкѣ (на большую Морскую), представилъ ему копію моего романса и разсказалъ продѣлку „братіи“ сомною. Глинка очень разсердился на „ces canailles“ [1]) (какъ онъ въ тотъ моментъ ихъ прозвалъ) и обѣщалъ мнѣ полнѣйшую сатисфакцію. И дѣйствительно, въ тотъ же еще день пріѣхалъ ко мнѣ Даргомыжскій съ извиненіемъ не только отъ себя, но и отъ имени своихъ родителей, и конечно съ горячими увѣреніями, что для всѣхъ нихъ это было огорчительнымъ, неожидаемымъ сюрпризомъ, что тутъ виноваты единственно только Платонъ Кукольникъ и Яненко съ „братіею“, и просилъ меня непремѣнно пріѣхать въ слѣдующій четвергъ. Я далъ слово забыть приключившееся и явиться въ тотъ вечеръ. Когда я пріѣхалъ, Александръ Сергѣевичъ вышелъ тотчасъ мнѣ на встрѣчу и повелъ меня подъ руку въ залу. Глинка также пріѣхалъ, а съ нимъ и Несторъ Кукольникъ и оба, а въ особенности Михаилъ Ивановичъ, равно какъ и Даргомыжскій во весь вечеръ выказывали себя необычайно любезными и внимательными ко мнѣ. Съ тѣхъ поръ „братія“ перестала прямо нападать на меня.

Оба эти случая доказываютъ явно, что духовный и душевный фондъ Глинки въ сущности соотвѣтствовалъ величію его генія, и я еще разъ повторяю, что, безъ пагубнаго вліянія Кукольниковской „братіи“ Михаилъ Ивановичъ не былъ бы доведенъ до того душевнаго и тѣлеснаго разстройства, которое было причиною слишкомъ ранней его смерти. Доказательствомъ тому, что вліяніе этой „братіи“, въ минуты слабохарактерности Глинки, дѣйствительно увлекало его иногда къ выходкамъ, несообразнымъ ни съ собственнымъ его достоинствомъ, ни съ глубокими его воззрѣніями на столь дорогое его сердцу искусство, можетъ между прочимъ служить слѣдующій случай. Разъ,—это было или въ Февралѣ или въ Мартѣ 1841-го года—собралось на одномъ изъ вечеровъ у Даргомыжскаго много гостей; пріѣхалъ также и Глинка, а съ нимъ, какъ всегда, и свита его, т. е. оба Кукольника, Н. Яненко и нѣсколько членовъ „братіи“. Сначала были исполнены нѣсколько романсовъ Глинки и Даргомыжскаго, а затѣмъ

[1]) Эту сволочь.

насталъ антрактъ для чая. Мущины, и въ особенности „артистическая“ компанія, обыкновенно „прохлаждались“ въ собственныхъ покояхъ Александра Сергѣевича, отдѣленныхъ отъ большой залы проходной комнатою, а „братія“—то, по своей привычкѣ, прохлаждалась не столько чаемъ, сколько ромомъ или коньякомъ да краснымъ виномъ. Чрезъ нѣкоторое время бо́льшая часть изъ насъ воротились въ залу. Но Глинка и братія продолжали „прохлаждаться“. Нѣсколько дамъ просили Даргомыжскаго съиграть одну изъ сонатъ Бетховена (какую—именно, уже не помню), и онъ сѣлъ за рояль и началъ играть. Когда онъ дошелъ до средней части, то явилась вдругъ съ шумомъ вся та ватага, да, видимо, въ довольно „оживленномъ“ состояніи. Несторъ Кукольникъ и Яненко торжественно ведутъ Глинку, а Платонъ, впереди всѣхъ, подбѣгаетъ къ Даргомыжскому и говоритъ: „Ну, полно-те, Александръ Сергѣичъ, старую дребедень-то выводить. Вотъ, послушайте лучше—какъ мы съ Мишей—вамъ пѣснь Ильинишны [1]) великолѣпно изобразимъ!“ И съ этими словами схвативъ Даргомыжскаго, онъ стащилъ его со стула. Усадивъ Глинку за рояль, „братія“ окружаетъ его; впереди же всѣхъ Яненко, въ позѣ контрабассиста, готовящагося играть пиццикато на своемъ инструментѣ. Михаилъ Ивановичъ, немножечко уже (какъ говорится) на готовѣ, затягиваетъ: „Ходитъ вѣтеръ у воротъ“,—а Яненко вторитъ, выдѣлывая губами staccato: „пумъ, пумъ, пумъ“..... на бассовыхъ нотахъ аккомпанимента и усердно работая руками, да ломаясь всѣмъ тѣломъ. На припѣвѣ же „Ай люли, ай люли“ подхватилъ хоръ во всю силу легкихъ!—Особеннаго какого нибудь преступленія, конечно, тутъ не было, но *похвальнаго* все таки еще менѣе, и во всякомъ случаѣ нельзя не признавать, что сценка эта свидѣтельствуетъ о неблаготворности вообще того вліянія, какое, къ несчастію, имѣли на Михаила Ивановича „Бертрамы“ его.

Не мудрено, слѣдовательно, что, пока Глинка живалъ у Кукольниковъ, задуманная имъ въ 1838-мъ еще году новая опера „Русланъ и Людмила“ (по несчастному увы! плану—какого-то г. Бахтурина) довольно туго подвигалась, и тѣмъ болѣе, что и самое-то либретто вовсе еще не было оконченнымъ. Самъ Несторъ

[1]) Изъ трагедіи: „Князь Холмскій“.

Кукольникъ даже понялъ наконецъ, что у нихъ „шумно, да и друзья... не даютъ ему (т. е. Глинкѣ) достаточно сосредочиться". Для этой цѣли Глинка съ Мая мѣсяца 1841 года поселился у л.-гв. егерскаго полка штабсъ-капитана Степанова (брата карикатуриста); но и тамъ Михаилу Ивановичу было не удобно для серьезной работы. А потому онъ, осенью того же года, устроился уже на отдѣльной, собственной своей квартирѣ въ домѣ сенатора фонъ Бёкъ, на Гороховой между Адмиралтейской площадью и Малой Морской, и тутъ нашъ маэстро снова сталъ *настоящимъ Глинкою*. Узнавъ о томъ, я, конечно, весьма обрадовался да и началъ опять хаживать къ нему [1]). Михаилъ Ивановичъ помѣщался во 2-мъ этажѣ, на дворѣ, какъ разъ противъ воротъ. Посреди первой комнаты, довольно большой и высокой, бокомъ къ второму (отъ входа) окну, стоялъ огромный столъ изъ соснового дерева (аршина три безъ малаго пожалуй въ длину и до полутора аршина въ ширину). На этомъ столѣ стояла большая четыреугольная чернильница и было разбросано нѣсколько гусиныхъ перьевъ [2]) и карандашъ; тутъ же была разложена исписанная тетрадь нотной партитурной бумаги, необыкновенно большаго, продольнаго формата [3]). Съ боку же лежали еще двѣ-три таковыя же, но чистыя тетради. Написанная-то партитура содержала музыку изъ оперы „Русланъ и Людмила".

За столомъ, спинкою обращенной къ дверямъ, ведущимъ въ спальную комнату, стоялъ плетенный стулъ, а у задней стѣны, насупротивъ оконъ, помѣщалось хорошо мнѣ извѣстное, старое четыреугольное фортепіано. Вся эта очень простая обстановка была, однакоже, самому хозяину, видимо, по душѣ. Разъ какъ-

---

1) У меня была всегда привычка, спрашивать у Якова; занятъ ли баринъ „работою", или нѣтъ? и только въ послѣднемъ случаѣ я входилъ. Когда же Михаилъ Ивановичъ работалъ, я всегда опять уходилъ. Будучи самъ композиторомъ, я, вѣдь, на „работу" глядѣлъ очень серьезно.

2) Стальныхъ перьевъ тогда еще не было въ Россіи, и вообще они кажется въ то время даже и изобрѣтены еще не были.

3) Глинка любилъ писать на бумагѣ таковаго, на самомъ дѣлѣ очень удобнаго формата. Писалъ онъ довольно мелкія, но красивыя ноты, и также текстъ былъ подведенъ мелкимъ шрифтомъ. Партитуры его имѣли весьма красивый видъ, и поправки встрѣчались рѣдко, потому что каждое сочиненіе, прежде чѣмъ онъ принимался писать его, вполнѣ и ясно уже сложилось у него въ головѣ.

то, показывая на фортепіано, на чернильницу и на перья, онъ полушутя (но не безъ нѣкотораго убѣжденія въ тонѣ) сказалъ мнѣ: „Voilà ce que l'on payera cher après ma mort“. [1])

Въ первый разъ посѣтилъ я Глинку на этой квартирѣ въ Октябрѣ мѣсяцѣ того же 1841-го года, и нашелъ его въ весьма хорошемъ расположеніи духа: онъ только что окончилъ большую сцену Ратмира („И жаръ и зной“ и „Чудный сонъ живой любви“). Разговоръ—само собою разумѣется—тотчасъ коснулся новаго его труда, и онъ мнѣ сказалъ, что онъ съ тѣхъ поръ, какъ поселился на этой квартирѣ, столь прилежно работаетъ, и столь богатъ идеями, сколь давно уже не находило на него. „Mais vous ne connaissez encore rien de mon Rouslan. Eh bien, voulez-vous, que je vous en joue quelque chose?“ [2]).

Я, конечно, былъ въ восторгѣ отъ такой великой, неожиданной любезности. Глинка съигралъ персидскій хоръ („Ложится въ полѣ мракъ ночной“) и спѣлъ упомянутую выше сцену Ратмира, а я слѣдилъ за исполненіемъ по партитурѣ. Когда онъ кончилъ, то спросилъ, какъ мнѣ понравились „эти вещи“ (ces choses là)? Я отвѣтилъ, что хоръ волшебныхъ дѣвъ и вправъ очаровательно дѣйствуетъ, и что воздушный аккомпаниментъ духовыхъ инструментовъ, на сколько онъ рисуется мнѣ въ моемъ воображеніи, долженъ быть неимовѣрнаго эффекта. „Eh bien, et la scène de Ratmir?“ [3]) любопытствовалъ Глинка.—Адажіо (сказалъ я) великолѣпно выражаетъ ситуацію Ратмира, да кромѣ того имѣетъ чисто восточно-сказочный колоритъ: Англійскій рожокъ тутъ какъ разъ психически вѣрно вами избранъ; этотъ нумеръ сущій chef d'oeuvre музыкальнаго монолога.—Михаилъ Ивановичъ пытливо посмотрѣлъ на меня и, какъ-то особенно улыбнувшись, спросилъ: „А про рондо что же молчите?“ — Его зоркіе взгляды и эта коварная улыбка привели меня въ нѣкоторое невольное смущеніе, и я слегка покраснѣвъ, отвѣтилъ: да вы не дали мнѣ досказать: рондо очень мелодично и эффектно; весьма благодарнымъ будетъ нумеромъ для пѣвицы.— Глинка засмѣялся и началъ, по своему обыкновенію, шагать по комнатѣ, подергивая кончики своихъ бакенбардъ.

---

[1]) Вотъ за что дорого дадутъ послѣ моей смерти.

[2]) Но вы еще ничего не знаете изъ моего Руслана. Хотите, чтобы я сыгралъ вамъ что нибудь изъ него?

[3]) Ну, а сцена Ратмира?

„J'ai attendu cette reponse-là,—сказалъ онъ, — et je vais compléter votre pensée: ce morceau sent trop le style italien et le rhythme valsiforme vous choque; n'est-il pas ça?“ [1])

Я не зналъ, какъ и что сказать, и только еще болѣе конфузился.

„Selon le sens rigoureux de l'esthétique musicale vous avez peut-être raison; mais vous verrez, que ce sera justement ce morceau là, qui de tout mon opèra plaira le mieux à notre public!“ [2])

Послѣдствія совершенно оправдали пророческій инстинктъ геніальнаго композитора. Разсказалъ же я этотъ инцидентъ преимущественно для того, чтобы доказать на сколько я правъ, говоря, что Глинка, когда не находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ „братіи“, всегда оказывалъ себя на духовной высотѣ, соотвѣтствующей высотѣ его генія.

На этой же самой квартирѣ Глинка принималъ у себя единственнаго изъ всѣхъ современныхъ музыкальныхъ знаменитостей равнаго ему генія, т. е. Франца Листа. Геніальный преобразователь фортепіанной игры пріѣхалъ въ Петербургъ около 20-го—22-го Марта, и, пробывъ у насъ безъ малаго недѣли три, далъ (помнится мнѣ) шесть концертовъ. Въ пятомъ концертѣ была назначена „*вольная импровизація* на темы, задаваемыя публикою“. Само собою разумѣется, что для тогдашней публики дѣло „задаванія темъ“ было совершенно непривычное: большинство, конечно, даже и не умѣло писать ноты, а изъ малаго числа умѣлыхъ дилетантовъ весьма многіе (какъ напр. и я самъ) изъ застѣнчивости стѣснялись. Итакъ, въ корзинкѣ, въ которую вкладывались темы, нашлось неболѣе 15-ти—16-ти мотивовъ. Большею частію эти темы были, видимо, заданы нѣмецкими музыкантами, такъ какъ это именно были темы изъ сочиненій Гайдна, Моцарта, Бетховена и Мендельсона, и только двѣ, три темы принадлежали инымъ, не нѣмецкимъ композиторамъ. Листъ, собираясь импровизировать съ самого начала объявилъ публикѣ во всеуслы-

---

[1]) Я ожидалъ этотъ отвѣтъ, и я доскажу то, что у васъ въ мысляхъ: эта пьеса слишкомъ отзывается италіянскимъ стилемъ и ритмъ вальсовой формы васъ шокируетъ; не такъ ли?

[2]) По строгому смыслу музыкальной эстетики вы, быть можетъ, правы; но вы увидите, что именно этотъ нумеръ изъ всей моей оперы болѣе всего понравится нашей публикѣ.

шаніе: „Messieurs et Mesdames! Avant-tout j'aurai l'honneur de vous faire entendre les thêmes que je trouve dans cette corbeille-ci, et ce sera à vous d'exprimer par votre consentement, lequel de ces thêmes vous voudrez bien choisir“. [1]) Послѣдовала необычайная тишина, и вся публика съ неописаемо напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за передачею Листомъ на роялѣ вынимаемыхъ однимъ за другимъ изъ корзинки, предложенныхъ мотивовъ. Послѣ первыхъ семи или восьми темъ, которыя были изъ сочиненій упомянутыхъ классиковъ, раздавались тамъ и сямъ только рѣденькія рукоплесканія. Вдругъ Листъ вынулъ нотный листокъ нѣсколько бо́льшаго формата. „A la bonne heure! voilà deux thêmes à la fois! [2]) „сказалъ онъ и съигралъ ихъ. Первый мотивъ былъ изъ „Жизни за Царя“, да именно пѣснь Вани („Какъ мать убили“); вторымъ мотивомъ оказался Маршъ Черномора изъ оперы „Русланъ и Людмила“. Когда Листъ проигралъ первую тему, то послѣдовали по всему залу единодушные, оглушительные аплодисменты, а послѣ темы марша раздались еще болѣе восторженныя со всѣхъ сторонъ рукоплесканія. Листъ повиновался желанію публики, и просилъ только позволенія прибавить какъ 3-ью тему, еще національный русскій гимнъ. О выполненіи великимъ маэстромъ своей задачи будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Вечеромъ Листъ съ Гензельтомъ за просто отправились къ графу Мих. Юр. Віельгорскому, а такъ какъ я объ этомъ ихъ намѣреніи узналъ отъ нихъ же, то и я туда явился. Рѣчь, между прочимъ, коснулась и чудной импровизаціи; оказалось, что тѣ двѣ темы были заданы именно-то Віельгорскимъ. Естественно Листъ заинтересовался композиторомъ и разспрашивалъ о немъ. „C'est un homme d'un talent énorme, (сказалъ Віельгорскій) je dirais même un homme de génie; mais il a un caractère tant soit bizarre. Autrefois il venait très souvent me voir; je l'aimais beaucoup, et je l'aime encore. Mais voilà presque trois ans, qu'après avoir divorée avec sa femme, il s'est trop lié avec une bande de viveurs-fous, qui l'empêchent de fréquenter la bonne société. On y est allé même jusqu'à lui suggérer la malencontreuse idée, comme quoi je

[1]) Господа и госпожи! Прежде всего я буду имѣть честь проиграть вамъ темы, которыя я найду въ этой корзинкѣ, а затѣмъ будетъ ваше дѣло выразить чрезъ ваше согласіе, какую изъ этихъ темъ вы благоволите избрать.

[2]) Прекрасно! вотъ двѣ темы заразъ!

pense à le chicaner, parceque j'ai dit que son dernier oeuvre, „Rouslan et Loudmile“, quoique beau et charmant comme *musique absolue*, est cependant un *opéra* manqué. Et voilà qu'il m'en veut et qu'il m'évite pertinacemment. Certes je regrette de tout mon coeur ce malentendu, mais, que diable! est-ce que je pourrai à mon âge aller le chercher parmi ses amis folâtres et le disputer à eux“ [1]).

Графъ не зналъ еще, что Глинка давно уже переѣхалъ отъ Кукольниковъ на самостоятельное житье; я тутъ-то и разсказалъ объ этомъ фактѣ, и сообщилъ Листу адресъ Михаила Ивановича. Листъ дѣйствительно на другое утро поѣхалъ къ Глинкѣ, и, кажется, въ сопровожденіи графа Михаила Юрьевича. По крайней мѣрѣ Глинка съ этого времени началъ опять бывать у Віельгорскаго; напр. я помню, что онъ присутствовалъ на томъ денномъ концертѣ, который устроилъ графъ у себя, и въ которомъ Листъ исполнилъ концертъ Бетховена (Esdur) съ оркестромъ [2]). Да и самъ Глинка говоритъ въ своихъ запискахъ: „Меня, отказавшагося отъ свѣта съ Ноября 1839 года, снова вытащили на люди и забытому почти всѣми, русскому композитору пришлось снова являться въ салонахъ нашей столицы, по рекомендаціи знаменитаго иностраннаго артиста“.

Тому же, что (какъ графъ Віельгорскій замѣтилъ) „братія“ удерживала Глинку отъ продолженія прежняго своего знакомства, нельзя не повѣрить, когда знаешь вліяніе, какое имѣли на него Кукольники, и когда читаешь въ дневникѣ Нестора Васильевича явное выраженіе его антипатіи къ аристократическому обществу [3]).

---

[1]) Это человѣкъ съ огромнымъ талантомъ, я сказалъ бы даже: человѣкъ геніальный, но у него нѣсколько причудливый характеръ. Прежде бывало онъ очень часто меня навѣщалъ; я весьма любилъ его и еще люблю. Но вотъ почти три года уже, какъ, по разводѣ съ женою, онъ связался съ шайкою сумасбродныхъ жуировъ, которые удерживаютъ его отъ посѣщенія хорошаго общества. Тамъ дошли даже до того, что внушили ему несчастную идею, будто я думаю пакостить ему, потому что я сказалъ, что послѣднее его твореніе „Русланъ и Людмила“, хотя красивое и обворожительное съ *абсолютно-музыкальной стороны*, все-таки есть *неудачная опера*. Вотъ онъ и сердитъ на меня и съ упрямствомъ меня избѣгаетъ. Я сожалѣю, конечно, отъ всего моего сердца объ этомъ недоумѣніи, но, кой чортъ! развѣ могу я, въ мои годы, идти на поиски его между шальными его друзьями, да отвоевать его у нихъ.

[2]) Подробный разсказъ объ этомъ музыкальномъ утрѣ послѣдуетъ въ главѣ, спеціально посвященной воспоминаніямъ о Листѣ.

[3]) Вотъ что онъ писалъ 29 Января 1837 года. „Пушкинъ умеръ... мнѣ бы

Въ упомянутые дни давались въ первѣйшихъ изъ петербургскихъ салонахъ безчисленные фестивалы въ честь знаменитаго фортепіаниста. И Глинка также чествовалъ его, устроивъ у себя весьма оригинальную, холостую вечеринку, на которой, кромѣ Листа, присутствовали и нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ петербургскихъ музыкальныхъ и литературныхъ дѣятелей: графы Віельгорскій и Вл. А. Соллогубъ, Даргомыжскій, О. А. Петровъ, піанистъ К. Фольвейлеръ, да изъ „братіи“: оба Кукольника, Андр. П. Лодій, Яненко, Булгаковъ и кое-кто другіе еще, а между ними и я также. Большая комната была обставлена соснами и елями, между которыми висѣли пестрые ковры: это все имѣло представлять шатеръ, а вдоль деревьевъ были на полу размѣщены матрасы, накрытые равномѣрно коврами. По срединѣ были установлены три сверху связанныхъ шеста, а къ нимъ прикрѣплена короткая цѣпь, на которой висѣлъ довольно большой котелъ. Старое фортепіано было нѣсколько впередъ выдвинуто и на сей разъ (въ видѣ исключенія) — хорошо настроено. Между деревьями висѣло множество цвѣтныхъ фонарей, на фортепіано красовалась пара многоручныхъ шандаловъ съ восковыми свѣчами. Въ другой комнатѣ большой рабочій столъ Глинки, накрытый скатертью, былъ уставленъ множествомъ блюдъ съ горячими кулебяками, и съ разными русскими закусками, да безсчетнымъ числомъ бутылокъ съ различными винами и наливками.

Сначала занимались музыкою. Петровъ спѣлъ арію Руслана, Лодій разсказъ Финна, самъ Глинка арію Ратмира. Листъ съигралъ изъ партитуры оперы: увертюру, персидскій хоръ и маршъ Черномора. Потомъ закусили и попили, и вся компанія развеселилась и зѣло одушевилась, въ особенности сами Глинка и Листъ, да не менѣе того старикъ графъ Михаилъ Юрьевичъ, а болѣе всѣхъ Соллогубъ и Булгаковъ. Глинка произнесъ спичъ, въ которомъ объяснилъ, что дѣятели интеллигенціи всего міра составляютъ одну общую семью „la Bohème (Цыганію), и что король этой „Цыганіи“ въ настоящее время никто иной какъ Листъ, котораго слѣдуетъ чествовать качаніемъ. Листъ, остановивъ стре-

---

слѣдовало радоваться,—онъ былъ злѣйшій мой врагъ: сколько обидъ, сколько незаслуженныхъ оскорбленій онъ мнѣ нанесъ,—и за что? Я никогда не подалъ ему ни малѣйшаго повода. Я напротивъ избѣгалъ его, *какъ избѣгаю вообще аристократію;* а онъ непрестанно меня преслѣдовалъ“.

мившихся къ нему, сердечно благодарилъ за сдѣланную ему честь, но замѣтилъ, что костюмы наши не похожи на костюмы подобающіе истымъ цыганамъ.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ весело разсмѣялся „Sa Majesté bohémienne a raison! à bas les surtouts! au diable les cravattes!“ [1]) Подъ общими восторженными возгласами „ура!“ въ одинъ мигъ исполнилось это приказаніе. Затѣмъ покачали Листа и понесли съ тріумфомъ назадъ въ „таборъ“, т. е. въ большую комнату. Между тѣмъ Платонъ Кукольникъ ужѣ опорожнилъ въ висящій котелъ съ полдюжины бутылокъ рому и зажегъ его. Въ ожиданіи приготовляемаго крамбамбулы, занялись еще музыкою. Глинка съ „братіею“ исполнили пѣснь Ильинишны съ pizzicato obligato П. Яненки; графъ Віельгорскій спѣлъ свой романсъ „Бывало“, Булгаковъ съигралъ свой „галлопъ“ и т. д. Наконецъ жженка была готова.

„Запѣвало впередъ! Осипъ Аѳанасьевичъ!—(воскликнулъ Глинка) голубчикъ! „мы живемъ среди полей!“ [2])

Выступилъ нашъ любимецъ,—затянулъ пѣсню, а хоръ дружно за нимъ: всѣ, вѣдь, тутъ были, болѣе или менѣе, хорошіе музыканты, и хоровое пѣніе шло гармонично и плавно. А синее пламя въ котлѣ придавало группѣ лежащихъ, или сидящихъ на корточкахъ; или вокругъ стоящихъ, импровизированныхъ цыганъ какой-то особенный таинственный колоритъ. Долго, долго пѣли и пили мы; это была, пожалуй, оргія цыганъ, но цыганъ образованныхъ, оргія, на которую и дѣвушки, не краснѣя, могли бы взглянуть. Листъ былъ въ восторгѣ отъ нашего цыганскаго пѣнія.

Михаилъ Ивановичъ въ своихъ запискахъ относитъ время своего съ Листомъ знакомства къ 1842-му году, а о своей вечеринкѣ вовсе молчитъ. Однакоже, не только моя, но также память и самого Листа указываютъ на 1843-й годъ и вечеринка ни имъ, ни мною забыта не была [3]). Когда Глинка писалъ свои

---

[1]) Его цыганское величество правъ! Долой сертуки! къ чорту галстуки!

[2]) О. А. Петровъ.

[3]) При нашей встрѣчѣ съ Листомъ въ 1864-мъ году на музыкальномъ фестивалѣ въ Карлсруэ, мы съ нимъ часто вспоминали о Глинкѣ, между прочимъ также о вечерѣ у него съ цыганскимъ таборомъ.—Кромѣ того же мое показаніе потверждается написанными Листомъ въ томъ же 1843-мъ году, переложеніями (transcriptions) „Черкесскаго марша“ (собственно-то „марша Черномора“)

воспоминанія (года за 3 или за 4 только, кажется, до своей смерти), онъ тѣлесно и душевно былъ уже окончательно разстроенъ; слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ памяти его могло оказаться перепутаніе относительно года, въ какой онъ познакомился съ Листомъ. Но что̀ дѣйствительно достойно удивленія, такъ это то, что изъ записокъ Глинки (по правдѣ сказать) нельзя даже сдѣлать прямаго, положительнаго вывода, на сколько Глинка *лично* сошелся съ Листомъ? и гдѣ, да чрезъ кого послѣдній имѣлъ случай познакомиться съ партитурою „Руслана и Людмилы?“

Эти загадочныя недомолвки, слѣдовательно, могутъ единственно только быть объясняемы упомянутымъ не нормальнымъ состояніемъ Глинки въ послѣдніе годы его жизни.

Въ слѣдующемъ 1844 году, Глинка уѣхалъ въ Парижъ, а оттуда въ Испанію, и возвратился не ранѣе 1847 года. Онъ остановился тогда у Краснаго моста, въ домѣ школы для глухонѣмыхъ дѣтей, у зятя своего г-на Флери, директора этого института. Я поспѣшилъ къ нему поздравить его съ возвращеніемъ въ отечество, и нашелъ его сильно измѣнившимся. Онъ сталъ совсѣмъ болѣзненнымъ, раздражительнымъ, хотя и принялъ меня весьма ласково. Но, кто мнѣ больно не понравился, такъ это былъ фактотумъ его, испанецъ - шутъ „донъ - Педро“. Назойливость этого нахальнаго плута мнѣ въ тѣ два раза, что я навѣщалъ Михаила Ивановича, до того надоѣла, что я болѣе не являлся къ Глинкѣ, и съ тѣхъ поръ я болѣе и не видѣлся съ нимъ. Но память о немъ я и по сію пору свято храню: Глинка не изъ числа тѣхъ личностей, которые забываются.

Что касается его твореній, то я *всѣ* ихъ высоко цѣню. Подробно пускаться въ музыкально - эстетическій анализъ твореній все еще никѣмъ не опереженнаго, величайшаго изъ нашихъ ком-

---

изъ оперы: „Русланъ и Людмила“, „Русскаго галопна“ Булгакова, и романса графа М. Юр. Віельгорскаго: „Бывало, бывало“, о которыхъ біографистка великаго піаниста (Лина Раманнъ: Franz Liszt, T. II. p. 213) говоритъ: что они „относятся къ посѣщенію Листомъ Петербурга въ томъ же году“ (dem diesjährigen Petersburg-Besuch); а что̀ именно подало поводъ къ тѣмъ переложеніямъ, о томъ выше сказано. Во время *перваго* пріѣзда Листа въ Петербургъ, наконецъ, т. е. въ *Мартѣ* мѣсяцѣ 1842, Глинка далеко еще не окончилъ *и 3-го дѣйствія* оперы „Русланъ и Людмила“.

позиторовъ будетъ въ этихъ „воспоминаніяхъ“ не у мѣста, а потому и не удобно. Но думаю я, что будетъ весьма кстати, и не безъинтересно, если я стану разбирать—(что называется: по косточкамъ) — исторію созиданія, постановки и первыхъ представленій втораго большаго творенія Глинки, т. е. „оперы“: Русланъ и Людмила.

Сперва разсмотримъ, какимъ *порядкомъ* (а можетъ быть: и *безпорядкомъ?*) создавалась эта опера. Огромный и полный успѣхъ „Жизни за Царя“ возбудилъ въ Глинкѣ творческую энергію, и съ самого начала 1837-го года онъ не разъ поговаривалъ о своемъ желаніи написать вторую оперу, и о томъ, что онъ ищетъ сюжета для нея. Кто ему внушилъ идею о Пушкинской поэмѣ „Русланъ и Людмила“, я не вѣдаю, но слышалъ позже, что въ концѣ уже того же года выборъ его таки установился на этомъ сюжетѣ. Дальнѣйшее развитіе созиданія оперы лучше всего видно будетъ изъ слѣдующихъ, по отношенію къ предмету, полныхъ выдержекъ изъ дневника Н. В. Кукольника.

Отъ 2-го Мая 1838. „Миша не надулъ меня; пишетъ мнѣ изъ Чернигова. Скучаетъ и не хочетъ болѣе писать оперу.... и изъ-за чего? изъ-за Гедеонова! нѣтъ, это вздоръ—напишетъ“...

Отъ 4-го Ноября 1838.... Сегодня Петрова [1]) знатно отколола новую арію для „Руслана“—„Любви роскошная звѣзда“,—чудо въ своемъ родѣ! Я зналъ, что Миша вретъ будто бы не будетъ писать оперу; но Муза требуетъ и онъ пишетъ, но какъ то странно,—*безъ либретто и безъ плана*, который у него въ головѣ только,—урывками. Ноетъ, жмется... смотришь—является неожиданно новый №. И въ каждомъ новомъ нумерѣ искусство сказывается сильнѣе, торжественнѣе, геній блещетъ ярче, полетъ неистощимой фантазіи—шире! И въ основѣ всего лежитъ глубокая, вѣрная мысль...

Отъ 8-го Ноября 1838. Сегодня для Михайлова дня, въ видѣ сюрприза—два необычайныя событія; Бахтуринъ *спьяна* составилъ планъ „Руслана и Людмилы, и къ удивленію весьма удачно,—Миша доволенъ, и прекрасно;

Отъ 23 Сентября 1840. Миша рѣшительно поправляется и силы, а также аппетитъ, прибавляются. Сегодня онъ избралъ своей резиденціей мой кабинетъ. Оказывается, что въ деревнѣ онъ прожилъ не безъ дѣла; написалъ финалъ [2]) для „Руслана“, партитуру увертюры и началъ четвертый актъ.

. . . . . .

Впрочемъ, работа „Руслана“ такъ занимаетъ Мишу, что онъ рѣшительно не думаетъ уѣхать прежде окончанія оперы; исполать ему.

Отъ 12 Мая 1841. Въ концѣ Апрѣля Миша отъ насъ переѣхалъ и по-

---

[1] Контральтистка (примѣчаніе Юрія Арнольда).

[2]) 1-го дѣйствія (Юр. А.).

селился у Степанова [1]) въ казармахъ, чтобы усиленно работать надъ „Русланомъ“. Это совершенно резонно; работа требуетъ тишины и уединенія, а у насъ тѣсно и шумно, да и друзья своими безпрестанными посѣщеніями отвлекаютъ его отъ любимаго предмета, не даютъ ему достаточно сосредоточиться.

Отъ 10 Сентября 1841. Вчера былъ превеселый обѣдъ у Глинки съ прекурьезнымъ финаломъ: были мы, т. е. я, Михаилъ Гедеоновъ, Ширковъ, Маркевичъ, en tout, съ хозяиномъ—восемь человѣкъ. Разговоръ, конечно, былъ главнымъ образомъ о „Русланѣ“. Миша излагалъ весь планъ съ своими поясненіями; разсуждали, дебатировали, спорили, хохотали; всѣхъ, въ томъ числѣ и Мишу, смущаетъ *разрозненность, отрывочность отдѣльныхъ сценъ. Недостаетъ послѣдовательности, общей связи въ ходѣ оперы.* И вотъ договорились до того, что рѣшили устроить въ *складчину, сообща эту связь* [2]). Я взялся написать стихи для финала оперы и для сцены *Ратмира* въ 3 актѣ; да для аріи: „И жаръ и зной“. Гедеоновъ, Ширковъ и Маркевичъ такъ же выбрали *по своему вкусу* мѣста; даже Миша будетъ сочинять стихи. Выходитъ, что у оперы „Русланъ и Людмила“ въ стиховномъ отношеніи будетъ *6 отцовъ*: Пушкинъ, Маркевичъ, Ширковъ, М. Гедеоновъ, я и Миша, а съ Бахтуринымъ, иже содѣялъ планъ оперы, и всѣхъ 7 наберется. Народная мудрость говоритъ, что „у семи нянекъ дитя безъ головы“... Не случилось бы этого и у насъ. Но нѣтъ: какъ бы мы ни нагрѣшили — геній Миши загладитъ и покроетъ наши грѣхи. Вся суть въ литературномъ отношеніи—*общая связь*... [3]). Была бы музыка хороша, а до стиховъ кому какое дѣло.

Я свою работу сегодня сдѣлалъ и отправилъ на апробацію Миши. Арія „И жаръ и зной“, впрочемъ, у меня и прежде была въ ясную набросана. Остальные стихи чисто англійскіе, изрядно дрянные; но если Миша одобритъ мысль, то я ихъ вычищу и обдѣлаю.

Отъ 3 Октября 1841. Вотъ-те разъ! Миша сразу одобрилъ всѣ мои стихи и написалъ на нихъ музыку. Никакой передѣлки и поправки нехочетъ, да оно и невозможно теперь, когда музыка готова. Повремени я дня два отсылкою ихъ къ Глинкѣ—я бы ихъ вычистилъ и этого бы не случилось. Самъ виноватъ,—зачѣмъ торопился,—другіе едва только теперь отдали свои стихи.

Теперь посмотримъ на то, что оказалось при постановкѣ, я стану придерживаться все тѣхъ же указаній Кукольника.

Отъ 9 Ноября 1842. Репетиціи „Руслана“ идутъ цѣлыми актами и по два вмѣстѣ; причемъ обнаруживаются *длинноты, какъ говоритъ Миша* [4]),

---

[1]) Павелъ Александровичъ, тогда л.-гв. Егерскаго полка штабсъ-капитанъ, братъ каррикатуриста. (Юр. А.).

[2]) Отличный способъ для достиженія противоположности! (Юр. А.).

[3]) Ея-то именно и нѣтъ! (Юр. А.).

[4]) Глинка не ошибся. Разсказъ Финна напр. какъ *музыка* превосходное тво-

обстоятельство тѣмъ болѣе прискорбное, что трудно рѣшить — какими мѣстами пожертвовать для сокращенія. Но Миша въ отчаяніи: увѣряетъ, что опера *никуда не годится*! Вольно же ему быть Глинкой, а не Беллини, или Россини... Тѣ пишутъ оперы для современной публики, а онъ— для потомства. Въ „Русланѣ“ дѣйствительно — два ужасные недостатка: въ цѣломъ, это слишкомъ геніальное произведеніе для нашей публики; не поймутъ; отдѣльныя части до того восхитительны въ малѣйшихъ деталяхъ, что жаль тронуть что либо изъ нихъ. Миша *не вѣритъ этому и хочетъ выкидывать цѣлыя сцены* [2]). Я умоляю его обождать полной репетиціи; тогда виднѣе будетъ.

Отъ 16 Ноября 1842. Сегодня полная репетиція „Руслана“ продолжалась 8 часовъ, съ нѣкоторыми правда повтореніями: *ужасно утомительно*. Былъ тоже Гедеоновъ и находитъ необходимымъ сдѣлать большія сокращенія. Жаль, *но въ самомъ дѣлѣ невозможно держать публику въ театрѣ 6 час.*. Віельгорскій дѣлаетъ ужасныя порѣзки, которыя, по мнѣнію Миши, обезображиваютъ оперу.

Отъ 22 Ноября 1842. День перваго представленія „Руслана“ близокъ и всѣ мы, особенно Миша, — въ ужасной тревогѣ. Кругомъ собираются зловѣщія тучи: оперу порѣзали до nec plus ultra; декораціи неважныя, костюмы тоже... . . . . .
Графъ Мих. Юрьевичъ тоже нажужжалъ ему въ уши, что опера неудачная [3]), непойдетъ. Бѣдный Миша въ отчаяніи; съ нимъ дѣлаются истерики и *онъ только и твердитъ, что опера никуда негодится; что если-бъ можно было, онъ бы снялъ ее со сцены*. Напрасно я его утѣшаю, что все это вздоръ, что великія произведенія пишутся не для современниковъ, ибо безпристрастный судъ надъ ними—это судъ потомства. Сегодня насъ насмѣшили Платонъ съ Касселемъ: они на Невскомъ заступили дорогу Булгарину и *обѣщали поколотить его, если Руланъ провалится благодаря его статьѣ* [4]). Ѳадей, въ испугѣ, бросился отъ нихъ въ сторону, сѣлъ на извощика и удралъ. Миша хохоталъ до слезъ, когда Кассель показалъ ему свой здоровый кулакъ.

Нельзя никакъ отрицать, что эта „опера“ созидалась въ совершеннѣйшемъ безпорядкѣ. „Безъ либретто и безъ плана“ композиторъ писалъ *нѣсколько нумеровъ*, не опредѣливъ даже напередъ, въ *какомъ мѣстѣ драмы* имъ быть и *какому голосу* ихъ

реніе, да всетаки чрезмѣрно растянуто. А какъ *сцена* и подавно длинна; бѣдному Руслану-то каково тутъ стоять, словно въ наказаніе за то, что потревожилъ „столѣтняго старца-тенора“. (Юр. А.).

[2]) Пожалуй, оно было бы лучше. Музыка же не пропала бы; изъ нея Глинка составилъ бы романсъ, или отдѣльную концертную арію. Какой, напр., смыслъ имѣетъ Рондо Фарлафа, и въ какой связи оно съ самой драмою? (Юр А.).

[3]) Т. е., какъ *сценическое* представленіе; противъ красотъ музыки *никто* не возражалъ (Юр. А.).

[4]) !?! ну средство !?! (Юр. А.).

исполнить (*сопранная* арія „Любви роскошная звѣзда“ напр. по сообщенію Кукольника же, первобытно была написана для *контральта*).—Затѣмъ г. Бахтуринъ *спьяна* составилъ планъ, и хотя сначала Глинка самъ былъ имъ доволенъ, но потомъ и онъ и „братія“ должны были сознаться, что „смущаетъ *разрозненность, отрывочность отдѣльныхъ сценъ*“; что „*недостатокъ послѣдовательности, общей связи въ ходѣ драмы*“. Естественно надо было поправить дѣло, но умно. „Братія“ же (очевидно по стопамъ г. Бахтурина, т. е. также „спьяна“) „рѣшили устроить *въ складчину*, сообща эту связь“, ради чего „выбрали (каждый!) *по своему вкусу* мѣста! Но, Боже мой! этакъ дѣйствовать могли развѣ только или въ насмѣшку композитору, или по идіотизму. Ужъ право никто никогда такъ не напакостилъ Глинкѣ во всемъ какъ эта „братія“ его.

На счетъ исполненія первыхъ двухъ представленій, долженъ я (отчасти) подтвердить то, что сказано въ дневникѣ Кукольника отъ 28-го Ноября 1842-го года.

Первое представленіе прошло вяло, недружно, длинно. Успѣхъ слабый; публика видимо скучала. Неуспѣху способствовало и то, что Петрова б. отказалась пѣть Ратмира подъ предлогомъ болѣзни (стыдно ей!), а пѣла Петрова м., ученица. Миша въ страшномъ волненіи не хотѣлъ даже выходить на вызовы. *За то наша компанія, и въ особенности я, вызывали Булгарина*, который убоялся угрозы Платона и не былъ въ театрѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю я своею обязанностію, кое-что оговорить и объяснить. Во 1-хъ г-жѣ Петровой не было никакой причины „стыдиться“ того, что она *рѣшительно не могла* участвовать въ первыхъ двухъ представленіяхъ, потому что она на самомъ дѣлѣ въ теченіе цѣлой недѣли страдала страшной зубною болію. Да и не мыслимо даже, чтобы Анна Яковлевна, которая лично такъ высоко уважала Глинку, и которая съ такимъ восторгомъ разучивала партію Ратмира, вдругъ вздумала бы, изъ пустяшнаго каприза „отказаться“ отъ исполненія столь благодарной роли. А что представленіе прошло „вяло, недружно, длинно“, такъ это правда. Этому были особыя причины. Главнѣйшая изъ этихъ причинъ безсомнѣнно та, что въ главѣ оркестра тогда уже не стоялъ болѣе энергичный, многоопытный и къ Россіи да ко всему Русскому искренне расположенный К. А. Кавосъ. Онъ умеръ въ 1840-мъ году, и мѣсто капельмейстера

русской оперы занялъ бывшій 1-й скрипачъ г. Карлъ Альбрехтъ, истый нѣмецкій оркестровый музыкантъ съ головы до ногъ и съ самыхъ пальцевъ до мозговъ, который не чувствовалъ ни малѣйшей симпатіи къ русскимъ вообще, а къ русской музыкѣ и того меньше. А такъ какъ и самъ директоръ Императорскихъ театровъ А. М. Гедеоновъ не очень-то соблаговолилъ къ русскимъ музыкальнымъ произведеніямъ, то г. Альбрехтъ и не считалъ нужнымъ заняться подготовленіемъ „Руслана и Людмилы“ съ бо́льшимъ рвеніемъ, чѣмъ по обычному служебному уставу имѣлось требовать отъ него, т. е. былъ бы только соблюдаемъ тактъ и не фальшивили бы только пѣвцы и оркестръ. Огня же, драматическаго оживленія, содѣйствія удачѣ самого творенія развѣ требовалось отъ него? Однимъ словомъ, новая опера никѣмъ еще изъ самихъ участвовавшихъ (за исключеніемъ одного Петрова—Руслана) не была еще вполнѣ понята, и еще менѣе прочувствована. Публика оттого и скучала, что *музыкальная* ея часть не такъ была передана, какъ композиторъ хотѣлъ, а *драматическая* часть, (т. е. либретто) оказалась сущей ерундою.

Впрочемъ, хотя на первомъ представленіи публика и не выказывала желаемаго, и слишкомъ самоувѣренно ожидаемаго энтузіазма, каковъ увѣнчалъ 1-е представленіе „Жизни за Царя“, *но фіаско рѣшительно не было*, а напротивъ, нѣчто *теплѣе* чѣмъ succès d'estime, потому что автора дружно вызвали. Но двумъ Кукольникамъ съ братіею вздумалось тутъ произвести скандалъ (см. выше), а это обратило на себя вниманіе и возбудило общее негодованіе. И паки — паки повредила Глинкѣ болѣе всего пресловутая „братія“. Въ 3-мъ же представленіи участвовала А. Я. Петрова, да и вообще всѣ исполнители, не исключая оркестра съ капельмейстеромъ, оказались несравненно болѣе твердыми, такъ что опера прекрасно прошла и увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ. По общему рвенію публики къ оперѣ „Русланъ и Людмила“, она сдѣлалась самою капитальною пьесою того сезона, и менѣе 3-хъ разъ въ недѣлю ея даже не давали. На глупыя выходки Булгарина въ „Сѣверной Пчелѣ“ никто изъ публики и вниманія не обращалъ.

Вольно же было Глинкѣ и его сумасшедшей „братіи“ сердиться на эту газетную чепуху, и забывая про *явно выказываемую симпатію самой—публики*, жаловаться на непризнаніе, будто,

его геніальнаго творчества со стороны *соотечественниковъ*. Глинка, видимо, былъ больной человѣкъ, онъ велъ жизнь не по силамъ своей комплекціи, слишкомъ разгульную, и разстроивъ свои нервы, впалъ въ меланхолію; а „братія“ и окружающая его толпа безмозглыхъ льстецовъ, своимъ потаканіемъ его слабостямъ, капризамъ и ненавистливому настроенію, доконали его окончательно.—Онъ лишился *моральной поддержки въ собственной своей груди*. И это, *единственно только это* низвело его въ преждевременный гробъ. Таково всегда было внутреннее мое убѣжденіе.

Тѣлесно разстроенный, духомъ ослабѣвшій Глинка чрезмѣрно довѣрялъ наушничествамъ своихъ „Бертрамовъ“, и вслѣдствіе того невольно былъ доведенъ наконецъ до болѣзненнаго стона: „Поймутъ твоего Мишу, когда его не будетъ, а „Руслана“ чрезъ сто лѣтъ“.

Разсмотримъ же теперь, какъ вели себя, послѣ смерти Михаила Ивановича, съ одной стороны: столь храбрившаяся „братія“ и столь низкопоклонливые другіе „сіиты“ его, а съ другой стороны: та самая публика, которую оная „братія“ и оные „сіиты“ такъ настойчиво обвиняли въ пренебреженіи къ народному своему геніальному композитору.

Въ чемъ,—такъ позволяю я себѣ предварительно спросить,—въ чемъ состоитъ главнѣйшій и священнѣйшій долгъ учениковъ въ отношеніи къ памяти великаго своего учителя? Въ одномъ ли внѣшнемъ лишь восхваленіи его имени и во многословномъ лишь превознесеніи его твореній, или же въ дальнѣйшемъ развитіи *его идей*, въ распространеніи ихъ, въ приведеніи ихъ въ *теоретическую систему*, въ стремленіи къ укрѣпленію *всеобщаго національнаго стиля, по стопамъ геніальнаго предшественника*? Я убѣжденъ, что за весьма немногими исключеніями (какія окажутся по весьма понятнымъ поводамъ)—всѣ свободно и прямо разсуждающіе читатели мои укажутъ на второе. Такъ что же, однакоже, выяснилось послѣ смерти Глинки?

Крикливая „братія“ замолкла,—разлетѣлась! Одинъ изъ нихъ, К. П. Вильбоа попробывалъ было пойти по стопамъ геніальнаго русскаго маэстро, и выступилъ съ двуактнымъ твореніемъ: „Наташа“ или „Волжскіе разбойники“; но—увы! онъ выказалъ только, что онъ *вовсе не понялъ* великаго учителя: его „Наташа“ писана по стопамъ не Глинки, а скорѣе Верстовскаго:

„Друзья“ же и „сіиты“ раздѣлились на три лагеря. Сначала выдвинулись двѣ партіи: бо́льшая часть старыхъ друзей Глинки собралась около Даргомыжскаго, ме́ньшая около Сѣрова, но ни тотъ, ни другой не думали о томъ, чтобы довольствоваться быть преемниками Глинки; они претендовали на *первое мѣсто*. Даргомыжскій поступилъ, по крайней мѣрѣ, политичнѣе Сѣрова; онъ не нападалъ на умершаго учителя, по стопамъ котораго — при жизни его—онъ (насколько ему то дозволялъ развившійся на Оберѣ и Мейерберѣ композиторскій его талантъ) старался создать въ своей „Русалкѣ“ оперу *русскаго* стиля. Даргомыжскій довольствовался жалобою на *несправедливость къ нему* публики, и наивно только вопрошалъ: „а чѣмъ же я хуже Глинки?“ [1]) т. е. между строками слышалось: „неужели моя „Русалка“ не въ уровень операмъ Глинки? Неужели мой „Казачекъ“ или моя „Баба-Яга“ ниже „Камаринской?“ — Сѣрову же, который природнымъ талантомъ безспорно стоялъ ниже Даргомыжскаго, хотя контрапунктической научностью (повидимому) превышалъ его,—никакъ неожидаемый успѣхъ его „Юдиѳи“, и еще болѣе удивленія достойный, блестящій пріемъ, сдѣланный „Рогнѣдѣ“, совсѣмъ вскружили голову. Изъ самыхъ ярыхъ когда-то „сіитовъ“ Глинки, онъ вдругъ сталъ не въ мѣру строгимъ зоиломъ твореній его. А про себя онъ, когда задумалъ писать оперу въ русскомъ народномъ духѣ („Вражья сила“), сказалъ, что напишетъ такое твореніе „что станете пальчики облизывать!“ [2]) Затѣмъ образовалась третья группа изъ молодыхъ композиторовъ. Эта братія, правда, выставляла Глинку будто своимъ „родоначальникомъ“, и двое изъ нихъ, съ явными признаками могучаго таланта, дѣйствительно сначала будто намѣревались идти по указанному Глинкою пути. Но, увы! это была только фатаморгана! „Кучка“, какъ и Даргомыжскій, какъ и Сѣровъ, пошла также „новаторствовать“. Не обойду молчаніемъ, что славильщикъ музыкальныхъ подвиговъ „кучки“, извѣстный нашъ эстетикъ и писатель по всѣмъ отраслямъ искусствъ, Влад. Вас. Стасовъ, среди своихъ заботъ о распространеніи славы и о сколь возможно напыщенномъ изложеніи трансцендентальныхъ, чувственно-метафизическихъ стремленій

[1]) Слово въ слово. (1862).

[2]) Крылатое слово, пролетѣвшее въ 1870 г. по всему пространству русскаго музыкальнаго міра.

„новой русской“ школы музыки,—не совсѣмъ забывалъ о покойномъ Мих. Ив. Глинкѣ и подарилъ насъ двумя брошюрами о его жизни и дѣятельности. Но во 1-хъ, за изъятіемъ весьма немногихъ, какъ извѣстно, почти никто изъ большой публики у насъ подобныхъ статей не читаетъ; а во 2-хъ, эти брошюры содержали, кромѣ фактовъ жизни, обычныхъ словообильныхъ выраженій восхищенія геніальностію и общихъ, рутинныхъ фразъ о музыкальныхъ красотахъ отдѣльныхъ твореній, только еще нападки на публику „неумѣвшую во-время оцѣнить великаго композитора“. *О принципѣ* же и о *духѣ стиля* Глинки г. Стасовъ *никакого объясненія* недаетъ; да и требовать того отъ *не*-музыканта-теоретика, и въ особенности отъ *не* изслѣдовавшаго *умѣючи настоящихъ* народныхъ пѣсенъ среди *настоящихъ* (не извращенныхъ еще) *крестьянъ*,—мы даже и не въ правѣ.

Между тѣмъ, чрезвычайно дѣятельно зашевелилась четвертая (посторонняя) партія: выростали консерваторіи и школы чисто-техническаго только направленія,—школы, которыя, съ церемоннымъ этикетомъ неизбѣжно требуемаго (по приличію) выраженія „высокопочитанія“, расшаркивались предъ бюстомъ Глинки, но которыя блистали (и еще блистаютъ) преимущественно именно-то *полнымъ отсутствіемъ русскаго духа*.

Обѣ партіи, словно въ перегонку, начали щедро осыпать публику безчисленными дарами своего безустаннаго производства: „Наслаждайся, о Русь, и дивись на великія чада твоя!“

Что же русская *публика?* Ну, конечно,—сначала, наивно довѣряя рекламѣ, бросается на новинку, пошумитъ, похлопаетъ,—а тамъ дальше,—зѣваетъ, и зала все больше и больше пустѣетъ. А „старуху“ (какъ Глинка самъ назвалъ) „Жизнь за царя“-то, а непонятую сначала музыку „Русланъ и Людмила“, а „Камаринскую“ и двѣ „испанскія увертюры“ не устаетъ слушать, и все вновь да вновь ими восхищается: „Тутъ Русью пахнетъ! тутъ русскаго духа тьма?—Сердце чуетъ родное“.

Нѣтъ, Глинка! Нѣтъ! Твое отечество *не* неблагодарно! Оно поняло тебя, и полюбило, и чѣмъ дальше, тѣмъ ты все дороже и дороже становишься ей. И не пропадетъ высѣянное тобою сѣмя; Русь поддержитъ! Пройдетъ это время переходное, проснется снова и въ музыкѣ *русскій духъ*, воспрянутъ *адепты Глинки*, и восторжествуетъ *истинная русская школа искусства звуковъ!*

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ВЫПУСКА.